

Гай Юлий
Орловский

Ричард Длинные Руки —
виконт

Гай Юлий Орловский

Длинные Руки —
виконт

Истинно благородные рыцари идут
в крестовые походы, остальные
предпочитают блистать на турнирах.
Слава турнирного бойца всегда
сияла неизмеримо ярче подвигов
защитников Отечества. На турнире
можно обрести имя, богатство,
невест из высших сфер, получить
места ближе к трону.
Однако сэру Ричарду поварен
нужна победа именно в
большой битве.

**Баллады
о Ричарде
Длинные Руки**

Рицард Длинные Руки

Рицард Длинные Руки —
воин Господа

Рицард Длинные Руки —
паладин Господа

Рицард Длинные Руки — сеньор

Рицард де Амальфи

Рицард Длинные Руки —
властелин трех замков

Рицард Длинные Руки —
виконт

Баллады
о Ричарде Длинные Руки

Гай Юлий Орловский

Ричард
Длинные Руки —
виконт

ЭКСМО
Москва, 2005

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
О 66

Оформление серии художника *А. Старикова*

Серия основана в 2004 году

Художник *А. Дубовик*

Орловский Г. Ю.
О 66 Ричард Длинные Руки — виконт: Фантастический роман. — М.: Изд-во Эксмо, 2005. — 480 с. — (Баллады о Ричарде Длинные Руки).

ISBN 5-699-10881-5

Истинно благородные рыцари идут в крестовые походы, остальные предпочитают блистать на турнирах. Слава турнирного бойца всегда сияла неизмеримо ярче подвигов защитников Отечества. На турнирах можно обрести имя, богатство, невест из высших сфер, получить места ближе к трону.

Однако сэру Ричарду позарез нужна победа именно в большом Калтаунском турнире. Не ради ценного приза.

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 5-699-10881-5

© Орловский Г. Ю., 2005
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2005

Часть I

Глава I

Зайчик взглянул в упор оранжевыми глазами, теперь оранжевыми, что постепенно переходят в коричневый, обычный для всех коней. Совсем недавно это были глаза адского зверя, в глазницах бушевало багровое пламя. Я обнял его за голову, поцеловал в замшевый нос.

Против обыкновения он не отстранился, брезгливо фыркая. В умных глазах тревога и настороженность, обнюхал меня, как собака, очень тихо ржанул. Я погладил по шее, чувствуя под пальцами нежнейший шелк густой и длинной гривы. Боевые рыцарские кони, что достигают десяти, а то и больше ладоней в холке и весят по две тысячи фунтов, выглядят гигантами рядом с крестьянскими лошадками. Но мой Зайчик и среди них как гусь среди уток. У самых могучих из рыцарских коней толстые кости и могучие мышцы, они могут дать в галопе до сорока километров в час... правда, всего на несколько мгновений, которые так важны для решающего удара. А вот скорость моего Зайчика так и не знаю: при сильной скачке разогревается, как кусок металла в горящем горне. На мне вспыхнет одежда раньше, чем узнаю предел, не говоря уже о том, что сам превращусь в кусок плохо зажаренного мяса.

— Уже скоро, — пообещал я, — сегодня же увидим Каталаун!..

Оранжевость в его крупных глазах сменилась багровостью, а та опасно быстро перешла в пурпурное пламя, словно на затухающие угли костра дохнуло свежим ветром.

Как хорошо, когда не надо управлять конем. Зайчик всегда знает, куда я еду, куда хочу свернуть, когда надо идти галопом, а когда следует перейти на шаг или остановиться вовсе. Сейчас, когда мы с ним столько отмерили миль, я начинаю думать, что сдружился он только со мной. Прежнему хозяину он просто служил, потому что создан для того, чтобы на нем ездили, чтобы носить всадника и перевозить на себе тяжести.

Но ко мне прибегает на свист веселый и ликующий. Знает, что обязательно обниму и поцелую, почешу между ушами, а потом он понесет меня на спине, гордясь таким великолепным всадником. Возможно, в моем предшественнике слишком много от нечеловека, а единорога создавали именно для человека. Не знаю, но готов душу о пень, что Зайчик привязался ко мне больше, чем просто к хозяину.

Мул Кадфаэля тащится шагах в двадцати, сам монах углубился в книгу, как только читает при такой тряске...

Я оглянулся, уточнил Зайчику:

— Сегодня же заночуем в Каталауне... может быть.

Он фыркнул, покосился огненным глазом и снова фыркнул, обещая затоптать любого, кто выступит против нас на турнире. Дорога, опасливо поглядывая на темный мрачный лес, бежит в сторонке по выжженной солнцем рыжей земле. Небо плавится от дикой жары, горячие капли срываются с хрустального свода и больно бьют по голове, плечам, спине. Я уж совсем собрался свернуть к деревьям, но дорога обреченно вздохнула и, выбрав щель пошире в темной, застывшей в пугающем молчании стене, сама бросилась торопливо напрямик.

Мы старались не проезжать слишком близко к огромным стволам. Такие великаны обычно покрыты толстым слоем мха, на ветвях переговариваются птицы, которых даже я назвал бы странными, хотя в пернато-

сти не силен. Однако птицы не должны хамелеонить, то и дело меняя окраску. У них перья должны быть как на спине, так и везде, а чешуя только на лапах, как напоминание о ящеричном происхождении. Эти же похожи на аквариумных рыбок, чешуйки так и сверкают, зато пение больше похоже на царапанье ножом по оконному стеклу.

Мой конь и мул брата Кадфаэля резво стучат копытами, деревья мрачные, но, и к счастью, стоят редко. На темные поляны изредка падает солнечный свет, заставляя прятаться под коряги гигантских многоножек, ухверток размером с крысу и болотных клопов размером с ладонь, что приспособились жить вот так, под камнями и гниющими деревьями во влажном лесу.

В приземистых мрачных дубах зияют темные дупла. Как будто порода такая: дубы все низкорослые, зато поперец себя шире, а в стволах обязательные дупла. Оттуда, из темноты, либо огромные желтые глаза, что следят с лютой злобой, либо в пустых недрах дерева трепещет странный свет, словно светлячки освоили электросварку.

Темный мох, облепляющий стволы, как будто чувствует наше приближение: начинает торопливо перемещаться по дереву. Особенно заметно, когда тропка проскакивает между двумя такими лесными великанами: на одном мох скапливается с южной стороны, на другом — с северной, даже наползает складками, бугрится, и все для того, чтобы дотянуться до коня или всадника.

Пес вздумал взять на себя снабжение нашего маленького отряда свежим мясом, таскает оленей, кабанов, гусей. Пару раз принес огромных трепыхающихся рыбин, хотя не видно вблизи ни ручья, ни реки, потом он начал приносить их все чаще, понравилось чувствовать себя водоплавающим монстром. Я всякий раз посматривал на брата Кадфаэля, но монах молчит, еще не знает, что когда-то начнут беречь природу и фауну. А если молчит религия, то мне тем более важнее потренировать собачку, чем беречь эту сраную природу.

В дальних кустах словно бы вспорхнула мелкая пташка. Я не успел шевельнуться, на шаг впереди с глухим стуком вонзилась в дерево стрела. Я инстинктивно ухватил за тонкое древко, выдернул.

— Разбойники? — вскрикнул сзади брат Кадфаэль с детским испугом.

— А кто теперь не разбойник, — ответил я.

Кадфаэль пригнулся и торопливо оглянулся по сторонам, я стрелу отбросил, цапнул лук Арианта. Зелень колышется, как причудливый занавес, брат Кадфаэль крикнул торопливо:

— Лучше не останавливаться, брат паладин!

— А что, — поинтересовался я, — насчет правой щеки? Вот-вот, если по правой, подставь левую... а сам либо в печень, либо... в другое место. Главное — посильнее.

Шагах в тридцати сквозь зелень проступила красноватым цветом согнувшаяся человеческая фигура. Мерзавец выбрал неплохое место: за спиной почти чаща, если обнаружат, успеет за буреломы.

Я прицелился, человек из-за листьев наблюдает, абсолютно уверенный, что незрим. Перед ним три стрелы воткнуты в землю, лук в руках, одна стрела уже на тети-ве. Брат Кадфаэль покачал головой, но я вскинул лук. Щелкнуло, стрела исчезла, я продолжал держать глазами фигурку человека за листьями.

Еще два дерева проплыли мимо, на миг закрыв цель, я убрал лук, брат Кадфаэль поерзал в седле.

— И... что?

— Милосердие милосердием, — ответил я, — но как насчет карающей руки правосудия? Когда найдут со стрелой в груди, кто-то из лесных робингуудов усомнится в доходности ремесла.

Брат Кадфаэль смотрел широко распахнутыми глазами.

— Брат паладин... ты рассмотрел?

— Да вот, — ответил я скромно, — сумел.

— Через такие кусты?

— Брат Кадфаэль, — ответил я серьезно, — разве мы не сделали немалую... ну пусть не самую-самую, но все-таки услугу святой Церкви? А она, как я уже понял, не любит оставаться должной! Так что прислушайся к своим внутренностям. Ты уничтожил злейшего врага церкви, нечестивого колдуна, забыл? Благодаря тебе еще один клочок земли, отвоеванный у нечисти, отныне принадлежит христианскому воинству.

Он посерьезнел, лицо застыло, по нему бегут ажурные тени редких ветвей. Кажется, что это деревья двигаются нам навстречу, расступаются, а затем то ли смыкаются за нашими спинами, то ли вообще исчезают, как, говорят, бывает в некоторых зачарованных лесах.

Мы пока что двигаемся по проселочной дороге, которая здесь не просто проселочная, а *vois*, так как ширина ее пятнадцать футов, от нее отходят тропинки, *sentier*, в три фута шириной, и тропки, эти уже восемь футов. Встреченные крестьяне объяснили, что когда выйдем на дорогу, т.е., *chemins*, шириной в тридцать два фута, то она и приведет прямо к Каталауну, ибо такие вот *chemins* прокладывают только между большими городами.

Существуют, правда, еще и королевские тракты, *chemins royales*, в пятьдесят четыре фута шириной. По ним, говорят, можно передвигаться действительно с большой скоростью целыми отрядами. Эти дороги проложены поверх древних римских дорог. Ну да ладно с дорогами, сейчас все они ведут на турнир, большой турнир в Каталауне. Можно сказать, грандиозный.

Вообще-то турниры — это не что-то особенное, проводятся примерно раз в две недели. То есть везде по королевству гремят турниры, но в большинстве своем это, так сказать, местного значения. А есть такие, на которые съезжаются знатные рыцари и герои даже из дальних королевств.

Правда, даже эти грандиозные турниры ничего не

стоят учредителям, так что их могут проводить хоть каждую неделю. Для турниров не надо строить специальные сооружения, как Колизей в Риме, достаточно ровного поля. Нет каких-либо призов, за исключением редчайших случаев. А призы рыцари захватывают сами. Еще, помню, юный Сигизмунд рассказывал с придыханием в голосе, что один прославленный турнирный боец только за один сезон взял в плен сто три рыцаря, за которых получил в качестве выкупа баснословные богатства. Разве это не дороже любого золотого кубка или олимпийской медали?

Даже размещением прибывших устроитель не занимается, об этом заботятся сами жители. Известно, что хозяева гостиниц, постоялых дворов и вообще все торговцы мгновенно взвинчивают цены, а отцы городов платят огромные суммы, только бы турниры высшего класса проводились у них, ну как теперь при выборе места для олимпиад. А все местные жители ждут такие турниры со страхом и восторгом.

Словом, турнир по средствам даже самым бедным рыцарям, нужно только иметь коня и вооружение. Впрочем, особо бедные могут взять напрокат, торговцы охотно дают в долг под огромные проценты. Так что не случайно встречаю то одного, то другого, а то и целые группы, что направляются в Каталаун.

Кусты затрещали, Пес вымахнул, раздвинув их, как стебли травы, в пасти — здоровенный олень, это же какие шейные мускулы надо иметь, чтобы вот так нести, я крикнул строго:

— Раскормить нас жаждешь?

Кадфаэль тут же заступился:

— Старается собачка. Она у тебя добрая, брат паладин.

— А потом трусцой от инфаркта?

Кадфаэль не понял, да особо и не допытывается, я тоже не все понимаю из его речей. Пес посмотрел на

меня с укором и положил оленя перед мулом Кадфаэля. Тот слез и взгромоздил тушу на круп своего мула, а я снова вернулся к мыслям о турнире. Первые турниры мало отличались от настоящих боев на полях сражений. Сходились две равные по численности армии, первую возглавлял один лорд, другую — другой. Кроме рыцарей принимали участие и пешие воины: копейщики, лучники, ратники. Эти либо атаковали сбитых с коней рыцарей, либо подрезали подпруги и стремяна.

Не было отличия и в целях: в турнире главное, как и в реальном бою, захват пленных, их коней и доспехов. На таких турнирах погибало столько же, как и в настоящих боях, то есть мало. С мертвого ничего не возьмешь, а за живого родня заплатит выкуп. Потому всегда стремились захватить в плен. Для этого нападали на одного втроем-вчетвером, а самые хитрые выжидали в сторонке, чтобы вломиться на поле боя в момент, когда все едва дышат от усталости, и побыстрее нахватать пленных.

Помню по школьной программе, папа Инносент Второй запретил турниры на Клермотском Соборе в 1130 году. Потом другие папы этот запрет повторяли и повторяли, даже отлучали от церкви вовсе. И так на протяжении двух-трех веков, пока эти кровавые бои постигла та же участь, что и хоккей: мой дед перестал смотреть матчи, когда игроки стали носить шлемы и защитные маски, а старые рыцари презирали и перестали посещать турниры, когда ввели запреты на добивающие удары, когда стали разрешать драться только тупыми мечами и тупыми концами копий.

Понятно, что рыцарские турниры начинались как жестокие и кровавые схватки феодалов. В этих схватках зачастую решалось, кому быть паханом. Церковь категорически запрещала любые турниры. Более того, церковным декретом запрещено отпевать убитых на турнирах, их нельзя хоронить на общих кладбищах наряду с христианами, а надлежит закапывать только за оградой,

где обычно хоронят ворье, самоубийц и клятвопреступников. Так что те места, которые издавна отводятся для епископа или архиепископа, и на этот раз либо останутся пустыми, либо их займет кто-либо из знати, не убожавшийся гнева церкви.

Однако, если не ошибаюсь, уже открытие Бельведера в Ватикане было отмечено грандиознейшим турниром, Италия таких еще не видела. А это значит две вещи: во-первых, рыцарские турниры из кровавых схваток превратились в красочные спектакли, где десятки строгих правил регламентировали бои и не допускали смертельного исхода. А во-вторых, церковь уже смирилась с этими турнирами, потребовав лишь строжайшего соблюдения правил о недопущении смерти и увечья.

Моя беда в том, что сейчас как раз тот переходный период, когда турниры уже начинают обставляться как грандиозные зрелища, однако все еще сохраняют всю жестокость и грубость прошлых веков.

Огромная ящерица, размером с нильского крокодила, вынырнула из зарослей чахлой травы, вытянутая зубастая пасть с легкостью ухватила пробегающего мимо зайца. Я невольно опустил ладонь на рукоять молота. Ящерица проследила за моим движением, очертания ее тела вдруг стали зыбкими, нечеткими, она с непостижимой скоростью начала опускаться в землю.

Брат Кадфаэль вскрикнул, перекрестился и торопливо забормотал молитву.

— Отродье дьявола!

— Да нет, — вырвалось у меня, — это такая порода... Вот только...

— Что? — спросил он.

— В землях моего королевства, — ответил я туманно, — их множество. Все вот так же закапываются, если пугнуть. Но... там песок! А ящерицы длиной в ладонь. И не толще пальца.

Мой конь остановился над тем местом, куда закопалась ящерица. В продолговатую яму все еще сыплется

комья, я пытался проследить взглядом, куда ушел этот могучий вибрационный снаряд. Вряд ли прямо под нами, наверняка уже сдвинулась вправо или влево на десяток шагов. Сожрет зайца под землей или для трапезы выберется на свет божий?

Кадфаэль время от времени осенял крестным знамением окрестности.

— Я видал хищных рыб, — сообщил я, — что прячутся на дне моря, зарывшись в песок... А когда подплывает глупая рыба, то — бросок, и дура в пасти!

— То в песок, — возразил он, — да еще на морском дне. Нет, это животное создано дьяволом! Какая ящерица может вот так в твердую землю, как в воду?

— Согласен, — сказал я. — Разве что... магия? Скажи, брат Кадфаэль, а может ли животное пользоваться магией?

Он пугливо перекрестился.

— Как можно?

— А почему нет? Чтобы убежать и прятаться, звери какие только уловки не придумывают! Допустим, какой-то зверь, что не может догонять, придумал подмакивать, прикидываясь кому зайчиком, кому пучком сочной травы, кому вообще...

Он подумал, сказал нерешительно:

— Вообще я слышал в детстве что-то о хамелеоне, что прикидывался даже прекрасной девой... А когда рыцарь бросался к нему, то хамелеон пожирал его. Мошь его настолько велика, что несчастная жертва даже не понимала, что ее пожирают...

Я задумался, в черепа вертится что-то знакомое, как будто тоже что-то подобное слышал, но вспомнить не мог, сказал в утешение:

— Хорошие вещи все еще спрятаны в темноте.

— И плохие тоже, — заметил Кадфаэль мудро. — Не стоит рисковать, раскапывая чужое. Благороднее создавать свое.

Его мул и мой конь идут рядом, иногда как будто пе-

реговариваются на своем языке. Утратив рог, мой адский жеребец уже ничем с виду не отличается от крупного боевого коня. Правда, осталась отметина, повторяющая очертания основания рога, но у многих коней на лбу всякого рода звездочки, это просто украшения, так что у меня конь — просто конь, а вовсе не порождение колдовства прошлых эпох, добытое в схватке с чудовищным колдуном. А кроваво-красные глаза, похожие на разгорающиеся под ветерком горящие угли, как я уже сказал, все больше теряют пурпур. То ли благотворное воздействие света и солнца, ведь раньше это чудовище носилось по адским дорогам, то ли влияние моего ангельского характера...

Грозный Пес, нагонявший ужас на крестьян многих деревень, сейчас бездумно и беззаботно носится над землей, как низко летящая гигантская ласточка над прудом, ныряет в кусты, надолго исчезает, выскакивает с перемазанной яичным желтком мордой, спешно облизывается. Встретив человека и признав его Хозяином, тут же переложил на меня, как на вожака стаи, все заботы и планирование дальнейшей жизни, а сам превратился чуть ли не в щенка: огромного, беззаботного, гоняющегося даже за бабочками.

Мои рыцарские доспехи в седельном мешке за спиной, так что выгляжу так, как и стремлюсь: сын одного из настолько бедных рыцарей, что не сумел дать в дорогу ничего своему чаду, кроме коня, меча и потрепанной одежды.

Глава 2

Западная половина неба наливалась алым, быстро бегущие облака притормозили, а потом и вовсе застыли, поджариваясь снизу. Я посматривал на закат, Кадафаэль вздохнул, сказал кротко:

— Не успеваем.

— Первый раз ночуем в поле?

— В Каталауне братство бенедиктинцев, — сообщил Кадфаэль застенчиво. — Мне очень хочется узнать, как они продвинулись в толковании Послания Павла к карфагенянам.

Брат Кадфаэль намеревался разложить огонь на открытом месте, но я воспротивился, выбрал место в небольшой роще, в пологой низине, чтобы не только деревья, но и земля укрывала пламя. Увы, здесь каждый встречный может оказаться врагом. Не обязательно разбойником-профи, а просто человеком, который сочтет тебя слабее, а это уже повод, чтобы ограбить, поиздеваться, а то и убить. Только в тоталитарных империях невинная девушка может в одиночку пересечь всю страну из конца в конец, будь это при Чингисхане, Аттиле, Ксерксе, Ашшурбанипале, Сталине или Гитлере. А в этом только-только создающемся мире еще нет законов по охране личности, и потому всегда прав тот, у кого меч длиннее и кто умеет им пользоваться лучше.

Кадфаэль собрал щепочек, я протянул ладони, задержал дыхание. Вспыхнул и пробежал по сухой травинке огонек. Затрещал, запылал лоскут бересты, огонь охватил тонкие веточки. Брат Кадфаэль перевел зачарованный взгляд на меня, в глазах — отблеск пламени.

— Сэр Ричард, вы... вы под сенью милости Божьей!

— Да уж, — буркнул я, — под нею самой. Под сенью.

— Господь не зря вам такое даровал!

Я отмахнулся.

— Не пугай. Вообще, братец, тебе после подвига должно бы отломиться что-то и побольше! Или обломиться. Ты же сперва принял героическую...

— Сэр Ричард!

— Ну хорошо, мученическую смерть от рук гонителей веры Христовой, а потом и вовсе вбил в землю по самые ноздри самого подлого из колдунов...

— Сэр Ричард, это вы его... это самое!

— Ну ведь не смог бы без тебя? Но я кое-что уже по-

лучил, я такой, гребу обеими лапами, я ж нормальный зверь, а не курица, что все от себя... Тебя, к примеру, еще и канонизируют...

Он переспросил настороженно:

— Как это?

— Причислят к лику святых, — пояснил я. — Жаль, не сейчас к вечеру, а только через пятьсот лет. Это чтоб проверить временем... А был бы в православии, те бы сразу! Но это все лирика, — главное, уже сейчас можешь творить чудеса. Святая Церковь за каждый подвиг хоть малость, но отстегивает. Как раньше за ордена и медали платили, пока Хрущев не отменил... По крайней мере, ты что-то получить должен, если теория верна.

— Чья?

— Да моя, ты еще не знаешь, какой я теоретик! Ладно, пусть пока не теория, а гипотенуза. Ну там тоже огонь разжечь... Ладно, это я могу и сам, а ты бы рыбу научился подманивать в ручье. Говорят, здесь форель водится.

Он сказал с укором:

— Сэр Ричард, это же божьи твари!

Я переспросил:

— Но ты же вроде бы не вегетарианец?

— Нет, но когда подманивать... это нечестно.

Я подумал, кивнул.

— Ладно, это неважно. Ты пробуй, пробуй! Что-то же должны были кинуть на лапу? Тебя же вверх ногами распяли!

— Я сам попросил, — напомнил он.

— Тем более, — сказал я с энтузиазмом. — Сам попросился!.. Проверь, ты что-то должен уметь большее, чем простые монахи. Если, конечно, христианский мир справедлив хоть временами.

Он переспросил с неуверенностью:

— А это не будет гордыней? Нельзя за то, что ведешь себя достойно, ждать награды.

— Согласен, — ответил я. — Но если тебе дали добавочную мощь, то не грех ли будет, если не используешь ее на усиление роли и власти Церкви? Ты же не прешь пешим, когда у тебя мул?

Он серьезно задумался. Я тоже помалкивал, пусть брат Кадфаэль разбирается, что может больше, и может ли. Вдруг только я за каждое деяние получаю пряник, а своим церковь не платит. Если не ошибся и не выдаю желаемое за действительное, то мои чувства в самом деле обострились. Раньше я не слышал птиц с такого расстояния, как вот с верхушки того дерева, не мог рассмотреть так отчетливо их перья... более того, если сосредоточу внимание на каком-то листочке, то различаю застывших на нем тлей, пробежавшего муравья... Правда, в это время можно подойти и стукнуть меня по башке, как всякого, кто увлеченно заглядывает в окуляр микроскопа, но это уже из другой песни.

И еще то, что я засек того гада за кустами. Впрочем, я человек рациональный, могу объяснить все, что угодно, не прибегая ни к какой магии, в которую по-прежнему не верю: мы все в воздушном океане, все как-то пахнем, благодаря чему собаки находят дичь за десятки миль, а бабочки друг друга — за сотни. Так что запросто мог унюхать, а мозг моментально проделал колоссальную работу по идентификации и выдал результат, мол, добрый человек в безлунную ночь никого под мостом не подстерегает, бей — не ошибешься...

Травинка в двух шагах вспыхнула, я ощутил всплеск радости, перевел взгляд дальше. Первая уже погасла, нет корма, в четырех шагах торчит сухой стебелек. Я сосредоточился, собрал волю в пучок. На расстоянии ладони от земли на стебле появилась черная точка, словно под увеличительным стеклом, взвился синий дымок, показалось красное, взметнулся легкий огонек.

Сердце стучит сильно, во всем теле слабость, чувствую себя усталым, будто разгрузил вагон угля. Пока

брат Кадфаэль разделал оленя и вырезал для жаркого самые лакомые части, остальные скормим псу, я попробовал поджечь клочок сухого мха в десяти шагах, не удалось, в восьми, семи...

Так, понятно, пять шагов — предел. Что ж, и то прибавка. До поединка с Черным Хозяином было два.

Пока брат Кадфаэль бормочет молитвы, бьет поклоны, я украдкой выудил из кармана горсть крохотных зернышек. В свете костра они заблестали кроваво-красными огоньками, но часть светится собственным цветом: голубым, зеленым, какие-то — почти белым. Меч я воткнул в землю справа, должен быть под рукой всегда, молот положил на колени, даже лук вот он рядом, что делать — в беспокойное время живем.

Каменные зернышки в ладони похрустывают, но что-то не верится, что вот так рассыплются. Не хочу рисковать, но почти уверен, что и удар молота не расколется эти с виду хрупкие жемчужинки. Одна вдруг шевельнулась, перекатилась с ладони, я едва успел сжать пальцы.

Зернышко с ощутимой силой, подобно упорному жучку, пытается протиснуться между пальцами, я развернул руку к молоту тыльной стороной. Жемчужинка перестала раздвигать пальцы и попыталась поискать щелочку в середине ладони.

Замерев, я вращал рукой над молотом, а этот упорный жучок все пытается вылезти наружу. От жемчужинки приятное тепло, словно держу разогретую на солнце горошинку.

Брат Кадфаэль время от времени слегка наклоняется, явно символические поклоны, из транса выйдет, только если здесь грянет взрыв... А что теряю? Не искать же знатоков, которые скажут, как мне поступить. Мир таков, что знатоки в первую очередь постараются отнять и жемчужинки, и вообще все, что есть у меня.

На молоте блеснула плазменная вспышка, словно

крохотный метеор врезался. Молот на миг прогрелся так, что рукоять обожгла пальцы. Спрятав остальные зернышки, я с сильно бьющимся сердцем потрогал молот, подбросил и поймал в воздухе. Ничего вроде бы не произошло, легче не стал, выше не улетел, однако... что-то в его структуре изменилось.

Брат Кадфаэль повернулся, лицо серьезное и усталое.

— Брат паладин, жаркое не подгорело?

Запах горелого мяса едва не сбивает с ног. Я поспешно снял с вертела поджаренные куски с обуглившимися краями, бросил Псу.

— Лови!.. Это тебе, как лучшему охотнику. Эксклюзивный рецепт! А мы с братом монахом еще изжарим. Господь велит упражнять волю.

Кадфаэль сказал укоризненно:

— Не упоминай имя Господа всуе!

— Господь мне надежда и опора, — возразил я. — Потому я и опираюсь... Нельзя быть христианином только по выходным, когда ходим в церковь.

Кадфаэль умолк, я быстрее оперирую теми немногими знаниями, что успел нахватать, а у него, как в захваченной варварами и перевезенной в Тевтонию библиотеке Рима, надо долго наводить порядок, сортировать и выстраивать концепции.

Пес сжевал мясо и благосклонно наблюдал за Кадфаэлем, тот вырезал еще пару тонких больших ломтей. Я нанизал на прутья и пообещал себе не отводить взгляд.

— Лучше синица в руках, — сказал я ему утешающее, — чем в каком-нибудь другом месте.

Кадфаэль посмотрел на меня жалобно.

— Брат паладин, что-то слишком мудрено для меня. Устал, голова плохо работает...

— Голова работает тем лучше, — сообщил я, — чем крепче жмут сапоги. Попробуй, а?

Он не сразу понял, что я так шучу, сам он всегда занудно серьезен, слабо улыбнулся.

— Брат паладин, даже не знаю, почему я с тобой еду. Ты меня все время обижаешь...

— Во-первых, — объяснил я, — тебе для святости нужны мучители, хулители и гонители. Во-вторых, ты знаешь, что, если странствующий не встретит подобно-го себе или лучшего, пусть укрепитя в одиночестве. С глупцом не бывает дружбы. Ну, дальше ты понял, да?

Он взглядом указал мне на вертел. Снизу мясо уже прожарилось, на угли срываются сладкие капли сока, но верх еще сырой, я торопливо повернул, а Кадфаэль сказал укоризненно:

— Гордыня, брат паладин, нехорошо.

— Это я горд? — удивился я. — Просто я подсказываю извечную мудрость: когда путь неясен, держись людей мудрых и осторожных — рано или поздно они находят удачный выход.

Он с той же укоризной в глазах покачал головой.

— Мудрых и осторожных? Ты о ком? Гордыня и тщеславие пополам с хвастовством... Но верным ли путем идем, можешь сказать?

— Только когда приходим к цели, — возразил я, — мы решаем, что путь был верен. А до этого — потемки. Ты прислушайся к голосу разума! Слышишь? Слышишь, какую фигню он несет? Вот-вот. Так что надо просто верить, брат Кадфаэль!

Он застыл с открытым ртом, ошеломленный и ошарашенный, что это я, человек с мечом, обвинил его в недостатке веры и преклонении перед каким-то разумом. Я, донельзя довольный, как легко фехтовать силогизмами среди простых и неиспорченных, снял прут, от мяса одуряющий запах, другим прутиком кое-как спихнул на чистое полотенце, нанизал еще с десяток.

— Испортишь Божью тварь, — сказал Кадфаэль укоризненно.

— Что делать, если он обожает жареное?

Воздух к вечеру повлажнел, бодро заквакали лягушки. Запад неба полыхает в адском огне заката, торопливо прокричали перепела, ночь наступает медленно и нехотя. Звезды высыпали давно, однако долго остаются мелкими крапинками, острыми гранями обзаваются медленно, незаметно.

Гряда леса выглядит массивом угольной пыли, чуть выше лиловая полоса чистого неба, странно и дико видеть в ней часто вспыхивающие сполохи. Кадфаэль съел половину мясной лепешки, остальное отдал Псу, тот благодарно повилял ему хвостом и лизнул в нос.

Я потихоньку нащупал в кармане геммы гномов, Кадфаэль сказал заботливо:

— Ты спи. Ночи короткие.

— А ты?

— Монахи привыкли к ночным бдениям.

— Не переборщи, — посоветовал я. — А то наступит истощение... Всякие видения начнутся, святых узришь, Дева Мария явится...

Он покачал головой, отвернулся с книгой в руках и углубился в чтение. Жемчужинки загадочно поблескивают в ладони, не могу думать о них как о чем-то магическом, для меня это по-прежнему чипы невероятной мощи и непонятного назначения. Конечно же, адаптированные для нужд домохозяек, если можно так сказать, достаточно универсальные, вон даже для молота подошла одна, но не думаю, что их создавали для интеграции именно с такими молотами.

Одна жемчужинка едва слышно шевельнулась в ладони. Я подвигал кулаком над мечом, луком, доспехами, и только когда поднес к левой руке, заскреблась снова. Сердце стучит, я начал тихонько раскрывать ладонь, ухватил крохотную бусинку, что покатилась в ложбинке между пальцами, поднес ее к единственному кольцу на левой руке.

Сердце тревожно тукнуло: жемчужинка прилипла к колечку сбоку, криво и очень некрасиво, словно намаг-

ниченая, но не успел я прикоснуться к ней, как начала опускаться, расплываться, словно капелька ртути, что соприкоснулась с другой каплей ртути, побольше, и через пару мгновений колечко, заблестав, будто обновилось, вновь стало простеньким и сереньким.

Я сжал и разжал кулак. Колечко медленно остывает, выглядит так же неприметно. Некоторое время я крутил кольцо на пальце, поворачивал так и эдак, стараясь ощутить хоть что-то, хоть бы что-нить необычное, ну там невидимость или мимикрию, чтоб принимать любой облик...

— *Auferte malum ex vobis*, — донесся тихий голос брата Кадфаэля, он заканчивает молитву чуть громче, чем начинает, — исторгните зло из среды вашей...

— *Aut vincere, aut mori*, — поддержал я его оптимистически, здесь любая латынь сходит за молитву, — победа или смерть, победить или умереть, как говорят святые отцы Церкви...

— *Ad meliorem*, — заключил Кадфаэль и лег у костра, — все к лучшему...

— *Aut Caesar, aut nihil*, — согласился я.

— Это что значит? — спросил Кадфаэль сонно.

— Умоются кровью те, — объяснил я, — кто усомнится в нашем миролюбии.

Он тихо и кротко уснул, а я лежал, вспоминая свои три замка, земли, в которых надо бы ввести кое-какие усовершенствования. Ну, не обязательно колхозы, но все же я больше экономист, чем все их прежние хозяева... Вообще-то здесь как раз на практике воплотился лозунг: анархия — мать порядка. Здесь, в Европе, установился самый приемлемый строй именно за счет того, что в этих местах на протяжении столетий, да что там столетий — тысяч лет! — были дикие земли, незаселенные, если сравнивать с густонаселенными странами Малой Азии, Средиземноморья, Северной Африки или Китая.

А когда земли считаются дикими, на них перебира-

ются те, кто не желает закона над собой, ничьей власти. И так из поколения в поколение никому не кланяются, никому не выплачивают налоги. А когда все же приходится защищать эту свою свободу, то делают это либо сами с оружием в руках, либо, если враг силен, объединяясь с такими же свободолюбивыми и независимыми. Правда, тогда приходится поступаться частью вольностей, однако это та часть, которую делегируешь, как теперь говорят, центру сам, а не та, какую центр у тебя отнимает силой или хитростью. Когда вот так сам отдаешь часть своих вольностей в обмен на защиту и еще какие-то блага, то сам же и придерживаешься такого договора: понимаешь, что без него будет гораздо хуже.

Сейчас эти территории как раз формируются в страны, еще непонятно какие. Здесь сотни баронств, графств, герцогств, княжеств, здесь возникают королевства и даже империи, что редко существуют больше одного поколения. И только Церковь неуклонно формирует одно мировоззрение, одни ценности, превращая великое множество племен, народностей и народов в единый конгломерат, который когда-то станет единой Европой, где, несмотря на различные режимы, — один Бог, одна вера, одна Церковь, пусть даже разделенная на католиков, протестантов, кальвинистов, лютеран, альбигойцев, ариан...

Так что сила будущего конгломерата в том, что нет центральной власти, она формируется стихийно. Формируется такой, какой должна быть, раз уж без нее не обойтись. В этом мире, в отличие от Востока, сперва люди понимают, что без сильной власти не обойтись, а уж потом сами ее создают, наделяя минимумом полномочий. Опять же в этом резкое отличие от Востока, где изначально фараон — живой бог, все остальные человеки — тлен, прах, грязь, никто из них не смеет приблизиться и на сто шагов, чтобы не осквернить божественного смрадным человеческим дыханием.

В звездном небе то и дело проносятся стремительные летучие мыши. Иногда слышен легкий треск, это зверьки хватают и размалывают жуков. Абсолютно беззвучно пролетела сова, лунный свет делает кромку крыльев и край головы серебряными, а остальное тельце можно заметить только по исчезновению звезд.

Пес лег рядом, прижавшись теплым боком, Зайчик облюбовал кусты с сочными ветвями и с удовольствием поедает. Я начал засыпать под уютный хруст, как вдруг по ту сторону россыпи багровых углей возникла фигура сидящего человека. Я даже не вздрогнул, слишком все тихо и мирно, поднялся на локте и всмотрелся в незнакомца.

Он поворошил угольки, красный свет подсветил снизу лицо. Глаза смеются, а когда заговорил, все лицо выражало доброжелательность и радушие.

— Вижу, вам очень хочется на Юг, сэр Ричард!.. У меня для вас хорошая новость.

— Да? — спросил я настороженно.

Он покачал головой, в голосе прозвучала укоризна:

— Почему сразу шерсть дыбом? Разве я когда-нибудь вам строил пакости? Или советовал плохое?

— Знаете ли, — сказал я откровенно, что хитрить с Отцом Лжи и Хитрости, — репутация у вас больно... подмоченная. А мы живем в мире, где репутация начинает цениться едва ли не больше, чем молодецкий удар копьем.

Он смотрел внимательно, в черных глазах неожиданно промелькнула грусть, уголки рта опустились.

— Верно, но репутация моя такова потому, что ее делают в победившем лагере. Но если бы в той великой битве победили мы, мятежные ангелы? Какова была бы моя репутация? И как бы отзывались о моих противниках?

Если он ожидал, что я от возмущения буду брызгать пеной и сыпать цитатами из Библии, я его разочаровал... или обрадовал, непонятно, хотя его подвижное

лицо все время меняется, показывая моментальную смену мыслей, чувств, настроения.

— Вы правы, — сказал я, — но только... наполовину. Если все средства информации подгребет под себя тиран и станет черное выдавать за белое, правда все равно вылезет, как из мешка шило. Я согласен, что монополия на правдивую информацию... вообще на информацию, полностью в руках церкви. Но ведь вы, если на то пошло, вообще не занимаетесь просвещением!

Он покачал головой.

— Еще как занимаемся. Там, на Юге. А новость моя в том, что император Герман Третий, его земли далеко на Юге, шлет золотой шлем для победителя Каталаунского турнира. Добавочный приз победителю! С ним он может проехать беспрепятственно через все королевства Юга, прибыть ко дворцу императора и поступить на службу.

— Не интересуюсь, — ответил я равнодушно.

— Пропуском на Юг?

— Службой у императора.

Он развел руками, в глазах прыгают веселые смешинки.

— А кто заставляет? Победитель может делать со шлемом все, что угодно. Хоть пропить в тот же день. Или все-таки приехать на Юг, посмотреть тамошние диковины, а затем вернуться на Север и выращивать там свиней.

Я поискал подвох, но с ходу не обнаружил, сказал осторожно:

— Это меняет дело. Как я слышал, на Юг попасть не просто?

— Очень, — подтвердил он. — Сама природа разделила Юг и Север непроходимыми горами, провалами,zybучими песками. Я не говорю уже, что, хотя часть земель, принадлежащих Югу, расположена сразу за Перевалом, главные земли Юга — по ту сторону океана. Но никому еще не удавалось преодолеть горный хребет, ко-

торым сама природа разделила земли на Юг и Север! Пройти можно только в двух местах, но над обоими высятся громадные башни с войсками южан. В обеих постоянно несут стражу как могучие маги, так и могучие рыцари. Без пропуска там не пройти. Никому. Даже вам.

Я подумал, кивнул.

— Понятно. Что ж, буду драться за этот самый золотой шлем.

Его лицо посерьезнело.

— Я заинтересован, чтобы вы добрались до Юга. Постараюсь помочь вам в турнире.

— Нет уж! — воскликнул я. — Никакой помощи! Я сам, только сам.

В его глазах вспыхнул огонек удивления.

— Но ведь вы хотите попасть на Юг?

— Уже сказал, — напомнил я.

— Так в чем же дело? Я просто помогу вам с этим... пропуском.

Я покачал головой.

— Говорят, у того, кому помогает Бог, помощник лучше.

— Бог? — переспросил он. — Надеетесь, что будет помогать Бог? Да он и пальцем не шелохнет! Его вообще, судя по его полнейшему невмешательству, нет!

— Тех, — сказал я, — кто решил, что Бога нет, он называет сильнее всех.

Он вздохнул, глаза чуть подернулись грустью.

— Ясно. В борьбе со здравым смыслом победа будет за нами! Это чисто по-рыцарски. Когда Бог раздавал мозги, рыцари были в крестовом походе... От вас я такого не ожидал, сэр Ричард! Ладно, все равно помогу одержать победу, хотите мою помощь или нет. Просто знаю, что на Юге посмотрите на многие вещи совсем-совсем иначе.

Я подумал, сказал с чувством:

— Идите к черту со своей помощью. Есть люди, в

которых живет Бог. Есть люди, в которых живет дьявол. А есть люди, в которых живут только глисты. Хорошая такая первая бета-версия менделеевской таблицы! Однако в ней есть еще одна неназванная клеточка... Там нахожусь я. Сразу скажу, что глистов у меня нет.

Он оглянулся на спящего брата Кадфаэля, даже в этом мимолетном взгляде я уловил массу разных оттенков презрения, но и сожаления, что такой драгоценный камешек лежит среди щебня и там останется.

— Ладно, как хотите, — сказал он и поднялся на ноги. — Сосредоточьтесь на турнире. Желаю удачи!

Он исчез мгновенно, как будто выключили голографическое изображение, хотя вон полыхает подброшенная им в огонь ветка, а вон придвинутый ближе к костру обломок дерева. Брат Кадфаэль засопел, подтянул колени ближе к подбородку. Я дотянулся до одеяла, набросил сверху. Монах сразу ощутил тепло, перестал скрючиваться.

Вроде бы нормально, что мне пожелали удачи, но какая-то заноза оставалась. Словно я пропустил какой-то важный подтекст.

Глава 3

Пугливо прячась, за деревьями бежит лесная речка, трусливая как заяц, но живучая, подобно кошке. Ее пытаются остановить, придушить, искромсать падающие от старости деревья-великаны, скатывающиеся с гор тяжелые камни. Но она все бежит, оставляя на острых сучьях клочья пены, подныривает под деревья и, сопя от натуги, прорывается, как дикий зверек, дальше, огибают огромные глыбы, хоронится от всех, а сама все набирает силы от родников и ручьев.

Мы потеряли ее на пару часов, а когда то ли она сделала крюк, то ли мы обогнули холм, с ревом и грохотом выбежала чуть ли не навстречу, выжившая, сильная. Потом она сделала крутой разворот и понеслась к виднев-

шимся далеко-далеко ярко-красным черепичным крышам не то маленького городка, не то разросшегося села.

Брат Кадфаэль величественно простер длань, правда, худую и желтую, как монастырский воск.

— Интересно, почему этот турнир называют Каталунским? Ведь проводится он будет где-то между двумя городами.

— Отцы Каталауна первыми выступили с идеей турнира, — объяснил Кадфаэль, — там удобная долина с пологими холмами по обе стороны. Зрители на склонах, роскошная дубовая роща с третьей стороны... есть куда проигравшим рыцарям удалиться, чтобы тайком оплакать горечь поражения.

Кадфаэль поехал со мной рядом и словоохотливо объяснял, что Каталаун не столица, а самый крупный город в королевстве. Да и в соседних. Здесь вообще последний катаклизм прошел стороной, больше половины домов сохранилось от Седьмой эпохи. А в центре Каталауна два строения времен Шестой, настолько странные и причудливые, будто строили вовсе не люди, а огромные муравьи или, скажем, жуки. В этих двух никто не живет, в них бояться даже заходить, в то время как здания Седьмой эпохи оберегают, туда заходят, хотя, конечно, несмотря на просторность помещений, никто не осмеливался там разместить цех, склад или жилище.

Кадфаэль вознес благодарственную молитву, его мул с шага перешел на суетливую рысь. Я чувствовал, как сердце начинает стучать чаще. До этого я, по сути, околачивался на окраине, сталкивался с деревенскими увальнями, пусть и рыцарями, а сейчас приближаюсь к месту, куда уже съезжаются лучшие рыцари всего королевства. А кое-кто приехал даже из соседних земель.

А что могу я? Драться не стал лучше, хотя, правда, в награду за уничтожение Темного Пятна получил новый левел святости, т.е. огонь могу зажигать с трех шагов, даже с пяти, излечиваю проще и не чувствую слабости, кро-

ме того еще, как убедился на опыте, могу ощутить опасность на расстоянии и даже определить источник. Правда, только если сам человек видит меня, целится в меня или как-то подкрадывается с намерением причинить вред.

Что еще? Ну да, в темноте вижу еще отчетливее, хотя все в том же тепловом излучении, как какая-то гремучая змея. Но, увы, пока не могу сотворять помимо кофе еще и, скажем, хотя бы крошку сыра или каплю молока. Тем более мяса. Наверное, паладинам не положено, хотя насчет мяса поэкспериментировал в первую очередь, пытаюсь создать сперва бифштекс из элитного ресторана, потом жареного гуся, наконец — простейшую котлету.

Ладно, не стану вегетарианцем только из-за того, что поленюсь стрелять по дороге дичь, что так и прыгает из-под конских копыт. Да и Пес не даст упасть до человека, которого заботит правильное питание.

Из-за леса плывет мелодичный перезвон колоколов. Деревья расступились, высокая колокольня высится гордо и с достоинством, в просвете арки мечется человеческая фигурка в длинной монашеской рясе. Человек дергает веревки, звуки расходятся то низкие, басовитые, уверенные, то высокие и нежные.

Лес сдвинулся, выплыл, как авианосец, сурового облика монастырь: четырехугольная крепость с толстыми зубчатыми стенами. В самой середке массивное здание с остrokонечной крышей, увенчанной еще и шпилем, напоминающим меч. Монахи, собирающие плоды с деревьев близ монастыря, подняли корзины и отправились к воротам. Везде, куда я бросал взор, все оставляют дела и двигаются к монастырским вратам. Фигурка на колокольне продолжала раскачивать язык колокола, слуха коснулся новый мелодичный звон.

Ворота распахнулись, люди в длинных плащах один за другим втягивались в крепость. А потом врата закрылись.

Я чувствовал, как изнутри накладывают запоры, отгораживаясь от этого простого, даже очень простого мира, что желает оставаться таким, не усложняясь, и не желает учиться, постигать, совершенствоваться. Мира, который живет простейшими чувствами и страстями, не умея и не стремясь подчинить их чему-то более высокому.

Я вздохнул, внезапно ощутив острую зависть к этим людям. Они уже сейчас сумели найти выход и отгородиться от самодовольных дураков, что знают, как жить. Те, кто в стенах монастыря, выглядят чужаками и потерянными для мира, хотя на самом деле потеряны как раз все, кто по эту сторону монастырских стен.

Да, там, в монастыре, Мендель начнет опыты с горохом, Паскаль создаст что-то паскальное, Коперник придумает свою систему, а Джордано Бруно начнет доказывать множественность миров. Именно в монастырях зародится то, что будет названо научным методом познания. А вся эта шелуха с битвами, сражениями, турнирами и прочей шелупонью останется по эту сторону стен и уйдет в небытие. Правота же пути, что там, за стенами, будет со временем выглядеть такой убедительной, что в будущем сохранят помимо ценного ядра еще и шелуху: разжиревших попов, церковные стены, обряды, молитвы, поклоны и все атрибуты начиная от свечей, просвир и кончая ритуальным крещением.

Кадфаэль сказал с жаром:

— Еще здесь бы порыться! Да вряд ли допустят...

— Золотишко поискать? — спросил я.

Он ответил с негодованием:

— У них лучшая библиотека в королевстве!.. Даже в Скарляндах, Гиксии или в знаменитом Мёрданте такого богатства нет. Тысячи томов, из них едва ли четверть прочитана, а треть разобрана!

— А-а, — сказал я понимающе, — дешевого колдовства восхотелось?

Он сказал с еще большим негодованием:

— В книгах есть и повыше ценности, чем колдовство, брат паладин!

— Да? — спросил я с сомнением. — Тогда почему же говорят, что когда книголюб видит книгу — он готов отдать за нее сердце, а когда монах видит деньги — он готов отдать за них священные книги?

Он вскипел:

— Это наглая ложь!

Я спросил ласково:

— Каков у нас первый и самый серьезный из смертных грехов?.. Верно, гнев.

Он мгновенно остыл, заговорил уже спокойнее:

— Брат паладин, даже небольшим умом можно блистать, если тщательно натереть его о книги. Но я понимаю, тебе скучно без драк, вот и дразнишь скромного служителя Христа.

Я сказал примирительно:

— Да шучу я, шучу. Книга в самом деле — лучший друг. Не ноет, жрать не просит и драться не лезет... К тому же всегда свою точку зрения можно вычитать из книги! А на следующей странице поменять... А почему, говоришь, не допустят? Ты разве не монах?

Он вздохнул.

— У нас разные Уставы. К тому же они все больше склоняются к аристейству, а я все-таки верую и действую только в русле истинной церкви.

— Ну, — заметил я, — каждый считает свой путь истинным. А чем отличаются эти... аристейцы?

Он начал рассказывать о проблемах церкви, я кивал с умным лицом, делая вид, что слушаю внимательно, сам посматривал по сторонам.

Вообще-то о ересья я знал даже больше, чем сам брат Кадфаэль и даже его наставники: трудно дожить до моих лет и не услышать о баптистах, адвентистах, рериховцах, хаббардистах и прочем гербалайфе, так что кивал, пропуская мимо ушей жалобы на самую новую и

самую живучую ересь — альбигойцев, так их называют от города Альби, откуда пошла крамола, или же катарам, как они сами себя гордо зовут, ибо *katharos* — чистый, если по-нашему. Эти катары, как я понял, ведут себя, как Троцкий или Дзержинский, что отрицали всякие компромиссы с буржуазным миром и предпочитали сгореть в огне пожара всемирной революции и сжечь весь мир, но не пойти, так сказать, на сделку с убеждениями.

Катары отрицают власть церкви и государства, для них закон — Священное Писание, ведь даже Новый Завет — создание Сатаны, катарам нельзя клясться, участвовать в войнах... Вообще-то прекрасная позиция, кто спорит, очень принципиальная, но таких лучше держать в поэтах и кинорежиссерах, но не подпускать к рычагам власти. Церковь, которая сама еще совсем недавно с гневом и страстью обличала античный распутный мир, как вон сегодня ее обличают катары, сейчас у руля и ломает голову, как же лучше употребить эту власть в пользу человечеству.

Надо отдать ей должное, вовремя разглядела опасность и резко осудила альбигойцев, одновременно проведя в своих рядах чистку или даже зачистку, тем самым сводя обвинения альбигойцев на нет, а то попики уж слишком наострились пьяными по бабам, торговать индульгенциями, участвовать в оргиях.

Кадфаэль сказал грустно:

— Что делать, катары во многом правы, очень правы!.. Но так нападать на церковь — просто нечестно. Если принять установки катаров, то придется прикрыть монастырские школы, закрыть университет...

Я кивал: все верно, ереси строятся на обличении церкви, и все требуют строгости, очищения и закручивания гаек. А это значит, что церковь должна враждебно относиться отныне к зарождающейся науке и к новому искусству и уж ни в коей мере не покровительствовать им в собственных стенах, церковь должна отказаться от

любого участия в светских делах... Может быть, по церковному Уставу и Программе Партии церкви это и соответствует букве Евангелия, но сам Бог не простит таких туповатых слуг, если не воспользуются полученной ими мощи на благо всех людей.

Город все приближался, а Кадфаэль увлеченно рассказывал, что с альбигойцами за власть спорят павликяне, их породил сам апостол Павел. Они отвергают Ветхий Завет и часть Нового, всех пророков и святых, церковь, духовенство, монашество и сами монастыри. Катары также осуждают все земное, призывают к аскетизму, обличают церковь... Есть еще вальденсы, эти утверждают, что всякий достойный человек может быть священником, неча быть отдельной социальной группой, и вообще долой церковь!

Есть болларды, договорил я молча про себя — это народные проповедники, что подготовили восстание Уота Тайлера, их проповедник Джон Болл боролся против всех привилегий церкви. Табориты больше известны как революционное крыло гуситов, что нанесло ряд поражений немецким крестоносцам, это воинственный плебс с лозунгом «Грабь награбленное церковью!». Так что я, несмотря на свою революционность, несмотря на симпатии ко всем, кто борется против «зажравшейся» церкви, все же не хочу жить при военном коммунизме. А именно к нему ведут все еретические учения таких самоотверженных чегевар и яногусов.

С высоты холма открылся незабываемый вид: два городка, Каталаун и Терц, на какое-то время слились воедино в гигантский мегаполис, благодаря турнирному полю. Вокруг поля множество шатров рыцарей и знатных людей, лавки торговцев, походные кузницы и оружейные. Лошадники пригнали на продажу великолепных коней, явно не для работы в крестьянском хозяйстве: все крупные, с толстыми ногами, способными

не только выдержать вес всадника в тяжелых доспехах, но и пойти вскачь. К этому Вавилону тянутся подводы с битой птицей, рыбой, хлебом и сыром, по дорогам гонят блеющих овец... ну здесь не римские легионеры, так что овцы не для «половых нужд армии», а на прокорм многих тысяч здоровых и не страдающих потерей аппетита горожан.

Я увидел турнирное поле и сразу вспомнил классическое описание из подлинной рукописи короля иерусалимского Рене д'Анжу: «Ристалища должны быть длиннее ширины на четверть, а ограда в высоту человеческого роста или в шесть с половиной футов, из крепкого дубового дерева и четырехугольных двойных свай; и те, и другие на высоту колена должны быть двойные. Внешнее ристалище должно устраиваться в четырех шагах от первых, для того чтобы пешие слуги могли освежаться и спасаться из свалки; там же помещались особые слуги (*gens armes*), назначенные судьями, чтобы не допустить народной толпы к участникам турнира; что касается величины ристалищ, то строят и большие, и малые, смотря по числу участников и приговору судей».

Отсюда видны только крохотные фигурки, но блеск выдает доспехи, щиты, мечи, как будто вся долина усеяна крохотными зеркальцами. Кадфаэль посматривал на меня с осторожностью.

— Брат паладин, тебе так уж необходимо... драться?

Я вспомнил разговор с Сатаной.

— А что делать, если надо?

Он сдвинул плечами.

— А почему я не дерусь?

— Когда можно не драться, — ответил я, — я тоже не дерусь. Но бывает, когда это самый прямой путь к цели. Есть люди, для которых удар по голове — самый убедительный довод.

Он печально вздохнул.

— Да, мир все еще несовершенен. Даже не знаю, ус-

пеем ли построить Царствие Божье на земле до того, как состарюсь?

Я посмотрел искоса на его серьезное лицо: не шутит, в самом деле верит, что можно построить идеальное общество при жизни нынешнего поколения. Ну прям второй Никита Сергеич.

— Знаешь притчу, — спросил я, — про старика, который сажал яблоньку?

Он подумал, кивнул.

— Понял, брат паладин, на что ты указываешь с деликатностью, которую так ценю... и которой все еще удивляюсь в таком крупном человеке. Но все-таки, прошу, не дерись в тех случаях, когда можно не драться!.. Кроме отвращения к пролитию крови, я еще и беспокоюсь за тебя, брат...

— Я тоже, — признался я.

Впрочем, человек продолжает развиваться, у него появляется больше нервных узлов, он становится быстрее, гибче, а не только сильнее и выше ростом, что наглядно показала акселерация. С мечом в руках я двигаюсь вдвое быстрее любого опытного воина, устаю меньше, а в ответ на их примитивные приемы боя придумал десяток своих новых. Не потому, что уже знал, нет, просто мой кругозор расширен средствами кино и телевидения, знаю о самурайских мечах и восточной технике боя, и хотя никогда подобной ерундой не увлекался, но уже то, что эта техника существует, раскрепостит любого и позволит искать в таких местах, где нынешнему рыцарю не придет в голову.

Глава 4

Дорога со скоростью бегущего за дичью пса устремилась к городским воротам, но я чуточку свернул, чтобы проехать как можно ближе к турнирному полю. На мой взгляд, несколько не походит на те места для рыцарских схваток, которые мы проезжали дважды или

трижды по дороге к Каталауну. Там просто удачное место, приготовленное самой природой: ровное поле, покрытое зеленым дерном, а по бокам холмы, на которых так удобно сидеть, и дубовые рощи, где хорошо отдыхать в тени, здесь же огромная площадь, вытянутая в прямоугольник, а по обе стороны — я уж сперва решил, что это многоэтажные дома, однако это многоярусные крытые галереи для публики. Справа и слева, где обычно разбивают шатры для участников соревнований, здесь настоящие конюшни, из открытых ворот выводят под уздцы коней...

Брат Кадфаэль сказал скорбно:

— Вместо того чтобы думать о душе, эти люди погрязают в мирских утехах...

— Еще как погрязают, — согласился я. — Размах-то каков! Чувствуется, что здесь это погрязание поставлено очень серьезно и на широкую ногу.

— Говорят, — сообщил он, — герцог Ланкастерский, что замещает короля Барбароссу, большой любитель рыцарских турниров.

— Этого мало, — сообщил я. — Здесь чувствуется экономическая составляющая. На турниры сколько народу съезжается? Участников с их оруженосцами и слугами, знатной публики, которую надо кормить, поить, устраивать на ночлег?.. Думаю, местные купцы в восторге. Это же какой приток денег в их карманы!

— Что ты о деньгах, — сказал он с укором. — Деньги — зло.

— Да, — согласился я. — Посмотришь на хороший доспех или боевого коня — и зла не хватает! Но мне кажется, деньги все-таки не зло. Зло так быстро не кончается.

Он посмотрел укоризненно.

Вдоль турнирного поля, строго посередине, деревянный заборчик. Невысокий, по стремя, всего лишь разделительная черта для удобства, чтобы больше внима-

ния уделять направлению удара. Заборчик всего в треть длины поля, дальше ровная площадка, там уже можно свалиться с седла, это не поражение, главное — удержаться, пока после страшного удара скачешь вдоль этого заборчика...

Ветерок треплет десятка три разноцветных флагов и стягов, а также великое множество прапорцов на шатрах. Для зрителей уже установили множество лавок в несколько рядов, и только на первом вместо одной из лавок — кресла. Два из них — с высокими спинками, где должны сидеть король Барбаросса и его жена Алевтина, сейчас пока что невеста, и еще шесть кресел попроще.

Кадфаэль, к моему удивлению, вполголоса называл, кто будет сидеть справа от короля, кто слева, и единственное отличие от всех остальных празднеств — что здесь не будет высших иерархов церкви. Как известно, церковь резко выступает против турниров, как и против дуэлей.

Я пробормотал:

— Но как же... Я слышал, церковь собирается проследить, чтобы никакой магии...

— Проследит, — ответил Кадфаэль уверенно.

— Однако, — сказал я, — если церковников не будет...

— Будут, — заверил Кадфаэль. — Одно дело епископ, другое — рядовые священники. Они как бы сами по себе...

— Понятно, — сказал я. — Официально церковь в этом не участвует, ибо супротив ее догматов, но неофициально по-прежнему следит и бдит. Верно?

— Сэр Ричард, вы, как всегда, объясняете все очень точно!

— Понятно, — повторил я. — Церковь не хочет дать распространиться заразе, потому сдерживает, как может. Даже неофициально. Если бы вовсе не участвовала, здесь началась бы резня...

Кадфаэль сказал с негодованием:

— Сэр Ричард, что вы говорите? Собрались все-таки христианские рыцари!

— Да знаю-знаю, — ответил я. — Настолько христианские, что не знают, где остановиться. Они затевают схватки по любому поводу: косой взгляд, неосторожное словцо, криво повешенный щит...

А вообще-то он прав, мелькнула мысль. Трубадуры всячески насаждают мысль, что турнир — это не место захвата пленников и лошадей, а поле чести и доблести, где сражаются только во имя своей славы. Правильная с точки зрения государственности мысль, ибо рыцари даже в реальном бою часто останавливаются среди битвы, чтобы как следует пограбить, из-за чего войско теряет тактическое преимущество и наступательный порыв.

Правда, вельможи, вроде герцогов и богатейших графов, в самом деле могут сражаться и сражаются только ради славы. Им захваченная лошадь противника ничего не добавит к богатству. Их и расхваливают именно за щедрость, из-за чего вельможи, чтобы поддержать репутацию, вынужденно тратят огромные суммы на покровительство бардам, менестрелям, а также отказываются принимать выкуп от побежденных и великодушно отпускают их с конями и доспехами.

Так что турниры способствуют если и не смягчению нравов, то во всяком случае — облагораживанию.

Между шатрами постоянно снуют люди в доспехах, а рыцари проезжают на рослых конях поодиночке и группами. Все как один нарядные, блещут богато отделанные шлемы с пышными султанами или длинными цветными перьями, на панцирях обычно герб, как и на щитах и даже конских пополах. За такими рыцарями спешат оруженосцы, слуги и работники, доспехи богато украшены серебром и золотом, по ветру плещутся знамена, штандарты и флажки на длинных копьях.

Здесь уже настоящее рыцарство, мелькнула мысль.

Настоящее в том смысле, что развитое, куртуазное и все такое. Уже формируется общественный статус, почти у всех рыцарей длинные родословные. Класс феодалов резко отделен от черни, где воспевающие рыцарей барды и трубадуры. У рыцарей разработанные гербы, знамена, их восхваляют певцы, в то время как на Севере рыцарь все еще без такого красивого обрамления. У северного нет длинной родословной, часто нет даже герба, нет красивых украшений, у него еще нет больших земель, а барды еще не выделяют рыцарей из числа людей с оружием.

Я вздохнул, выпрямился. Но у рыцарей Севера уже есть их гордость, отвага и то отличие от простых людей, что залегает глубоко внутри. А внешне... ну разве что гордая посадка на коне и надменно выдвинутая нижняя челюсть?

Я выпрямился, надменно выдвинул нижнюю челюсть, и мы с Кадфаэлем подъехали к городским воротам. Пес послушно идет рядом с конем, поглядывает на меня понимающими глазами.

Ворота распахнуты, в них нескончаемым потоком идут подводы, телеги, толпы народу, чувствуется веселье, отовсюду возбужденные голоса, крики, вопли. Я ждал, что с нас возьмут за вход и топтание земли, но по случаю турнира все налоги отменены, что, несомненно, даст толчок любой торговле и процветанию города, как в любой офшорной зоне.

Кадфаэль морщился, кривился, наконец сказал с неодобрением:

— Что за дикарская радость?.. Так бы радовались приезду архиепископа!

— В нашей жизни так много праздников, — заметил я, — что только жуткий интеллигент или монах будут изводить себя вопросом, по какому поводу сегодня пьют.

— Брат паладин, лучше бы эти праздные люди о душе подумали!

— В жизни всегда есть место празднику, — сказал я примирительно, — нужно только уметь в это место попасть.

Каталаун обнесен настоящей каменной стеной, в то время как Терц огорожился простым частоколом, а где и вовсе земляными насыпями, утрамбованной землей, завалами из камней и стволов деревьев. Каталаун — старый город, это значит, что построен без всякого плана, и если стена у главных городских врат выглядит высокой и внушающей, то с другой стороны к ней с обеих сторон жмутся домишки, их крыши почти на уровне подошв прогуливающихся по стене стражей.

В самом городе могучие дома-башни местных вельмож, две церковные колокольни, а в северной части — приземистый, разваливающийся от древности храм. Рядом с десятком жалких домишек и, к чему мне привыкнуть особенно трудно, поля и луга. Когда-то город расширится, и такое вот поле, где сейчас пасется стадо коров, станет центральной площадью, но сейчас это островок мирной сельской жизни, что оказался внутри городских стен.

Центром Каталауна пока что служит простой перекресток. Правда, там же бьет источник, куда собираются женщины с кувшинами, вроде бы за водой, но в основном чешут языками, для них сходить за водой то же самое, что в мое время — на шейпинг или в фитнес-клуб.

На улице все чаще встречаем возбужденных людей, размахивающих руками, в разорванной одежде, с кровью на руках и лицах, а ближе к центру так и вовсе кое-где группки людей дерутся ожесточенно, как муравьи после дождя. На коне ехать все труднее, я спрыгнул на землю и повел Зайчика в поводу, спрашивая, где здесь постоялый двор.

Кадфаэль больше интересовался дракой, надеялся, что благочестивые христиане изгоняют еретиков, однако, как объяснил один из горожан, жестокая схватка, вернее, драка возникла между двумя могущественными

семьями, Монти и Капулы: Монти являются сторонниками строгих христианских правил, везде на своих обширных землях строят церкви и часовни, а Капулы, напротив, выступают против засилья церкви, всячески притесняют монастыри, облагают их налогами, отбирают земли, а самих монахов и священников ограничивают в правах.

Эта драка возникла из-за того, что Монти вознамерились возвести величественный собор в центре города, семья Капулов усмотрела в этом посягательство на их влияние, что на самом деле так и было, собранная толпа разнесла деревянные леса и начала засыпать котлован. В ответ на это по призыву Монти пришли все мужчины их клана, вышибли с площади клеветов Капулов, сейчас драка кипит в переулках, к Капулам прибывают подкрепления.

Объяснявший нам суть стычки горожанин закончил со злобой:

— Таковую яму вырыли посреди города!.. Зачем нам этот костел?

— Да, — поддакнул я, — лучше бы казино или ресторан. А то и бордель...

Горожанин кивнул, потом спохватился и посмотрел с подозрением.

— Вы не с Юга?

— Нет, — признался я, — но мечтаю туда попасть.

Взгляд его подобрел, он сказал уже по-свойски, признавая своего:

— А кто не мечтает?.. Там, говорят, бордели на каждом шагу. А церкви — ни одной!

Он вздохнул завистливо. Я поддакнул снова:

— Да, там все дороги либо в бордель, либо в казино, и ни одной — в храм или в школу!

Он вздохнул еще завистливее.

— Увы, нас на Юг не пустят... Там очень строго на границе. Говорят, что границы вроде бы нет, но чем

далее на юг, тем больше в тебе видят чужака. Тогда либо назад, либо умереть. У них даже птицы сверху следят за всеми, кто пробирается на Юг.

Мы пошли дальше, а он остался наблюдать за дракой. Кадфаэль потрясенно покачивал головой.

— Как они могут? Как они могут вот так?..

Я напомнил:

— Любимым развлечением мужчин, детей и прочих зверей является драка.

Он воскликнул:

— Да я не о самой драке! Но, главное, за что?

— За добро, — подсказал я. — Добро должно быть с кулаками, если у него нет под рукой дубинок, мечей, топоров, автоматов... Конечно, народ здесь далек от христианского смирения: плюнешь в рожу — драться лезет! С другой стороны, это же фронтир.

Он воскликнул горестно:

— Да я не о том! Конечно же, здесь должны строить костел, какие могут быть споры, драки? Под Каталауном одна из древнейших святынь христианства: статуя Пресвятой Девы... Брат паладин, нам нужно обязательно побывать там, поклониться святыне.

Я спросил недоверчиво:

— А разве ислам не запрещает... тыфу, церковь разве разрешает сотворять кумиров?.. Ну, статуя Пресвятой Девы не слишком уж далека от медного змия...

Он покачал головой.

— Дело в том, что сотворил ее Симон Волхв. Он был языческим жрецом, то есть очень образованным человеком, крупным ученым, философом, знал сорок языков, был великим математиком и геометром... Но когда ему открылась глубина христианства, он без колебаний принял веру Христа, хотя потом церковь его несколько...

— Подкритиковывала? — подсказал я.

— Да. Он создал свое собственное воззрение на пришествие Христа: не признавал догмат троичности, от-

рицал его божественную суть, признавал в нем лишь гения, подобного Моисею...

— Так вот кто создал ислам, — пробормотал я. — А что церковь?

— Осудила, заявив, что все его труды — компиляция древних языческих заблуждений. Однако за Симоном пошли многие, его учение стало называться гностицизмом, но для нас важно то, что этот Симон, став христианином, открыл в себе невиданные силы... Говорят, эту статую сотворил за одну ночь непрерывной молитвы! И с той поры статуя охраняет край от нечистого колдовства, от нежити... Более того, годы идут, а мощь Каталунской Девы только растет. Нечисть начинает скулить и пятиться, едва вступив во владения короля Барбароссы!

Впереди народ поспешно переходил на другую сторону, а там ускорял шаг, буквально размазываясь по стене. Все спешили миновать некое опасное место. Выглядело комично, улочка узкая сама по себе.

Под стеной дома сидит, греясь на солнышке, древняя старуха. Редкие седые волосы падают на спину и плечи, лицо сморщенное и темное, как у яблока, что пеклось на углях костра.

Мы не стали переходить на другую сторону, старуха подняла голову и вперила в нас взгляд. В животе у меня ойкнуло, Кадфаэль осенил старуху крестным знаменiem.

— Герои, — пробормотала старуха, — сильные... Отважные... За одну монетку предскажу, когда вас убьют...

Кадфаэль перекрестился сам, а я понял, почему народ жмет к другой стороне, когда старуха выходит погреться на солнце. Все мы хотим думать, что только мы можем других по голове, а нас — никто, хотя вообще-то понимаем, что в действительности не совсем так, как на самом деле.

— А кто убьет? — спросил я.

— И это предскажу, — ответила старуха. Посмотрела на меня и добавила: — Еще за монету.

— За обоих?

— За каждого, — ответила она живо, уже почуяв, что перед ней не самые бедные на свете. — Разве такое не стоит?

— Да как сказать, — пробормотал я. В кармане горсть мелочи, я на ощупь выудил четыре монетки, бросил старухе. Она оживилась, увидев чистейшее серебро. — Начни с монашка...

Старуха не стала вытаскивать колдовские принадлежности и даже просить показать ладонь, просто взглянула на Кадфаэля и сказала коротко:

— Его убьет высокий человек с очень черными волосами. Брови у него густые и сросшиеся на переносице. Один глаз ярко-голубой, даже ярко-синий, другой — коричневый. Он — самый опасный наемный убийца в своих землях...

— Ого, — сказал я без всякого интереса, — теперь понятно, почему люди переходят на другую сторону улицы. Тебе и гадать не надо, сразу все видишь... Кому такое понравится? Ну а когда это произойдет? Если моего друга убьют лет через пятьдесят...

— Его убьют уже в этом году, — прервала старуха без всякого почтения к моим золотым шпорам. — Только не знаю, здесь ли.

— А где?

— Не знаю. Может, и здесь. Я вижу только, что солнце сияет ярко, а люди одеты богато.

Кадфаэль не дрогнул лицом, смиренно пробормотал, что все в длани Божьей, а старуха обратила пронизывающий взор на меня. Я выждал, спросил с любопытством:

— Ну что?

Она отшатнулась.

— Ты... ты кто?

— Хоть что-то видишь?

Ее глаза в страхе расширились, она прижалась к сте-

не, будто сама хотела вжаться или размазаться, темное лицо посерело, губы задрожали.

— Я вижу... вижу... облако...

Я ждал, Кадфаэль бросил на меня подозрительный взгляд, спросил быстро:

— Какое? Сверкающее или же темное, грозное?.. Блеск ангельской славы или адские сполохи ада?

Старуха плотно зажмурилась и затрясла головой.

— Уходите. Уходите! Я этого не вынесу! Уходите!!!

Она закричала, я подхватил Кадфаэля и утащил. Смертный час старухи близок, но не хочу, чтобы старушка скончалась из-за нас. Кадфаэль оглядывался, бормотал молитву. Там остановился народ и пугливо смотрел нам вслед.

Когда мы свернули за угол, я сказал трезво:

— Кадфаэль, слушай внимательно. Высматривай высокого человека с черными волосами и сросшимися на переносице бровями. Его распознать легко: не так часто можно встретить человека, у которого один глаз ярко-синий, а другой — коричневый. Как увидишь, сразу же скажи мне. Лучше, конечно, если убьешь сразу сам, но, боюсь, станешь сопли жевать...

Он посмотрел с укоризной, я не часто бываю таким грубым, спросил тихо:

— А насчет облака... она права?

— Я закрыт нашим паладинским щитом, — ответил я, — чтобы те, кто ниже по рангу, не подглядывали. Поэтому старуха и увидела только защитное облако. Но уже то, что увидела, заставляет слушать ее серьезно! Берегись человека, у которого один глаз синий, а другой — коричневый.

— Брат паладин...

Он запнулся на полуслове, в сторонке идет смиренно монах в сером балахоне, пояс подвязан скрученной веревкой, концы свисают на правую сторону. Он коротко взглянул на нашу сторону, мы его не заинтересовали,

но брат Кадфаэль метнулся к нему, как серая молния, ухватил за рукав. Они заговорили, слов в гаме и уличной сутолоке я не слышал, на вскорее Кадфаэль вернулся ко мне, на лице смущение с ликованием вперемешку.

— Брат паладин, — сказал он торопливо, — вы простите, что я вас оставляю... на какое-то время. Здесь капитул монахов из ордена доминиканцев. Я о них уже говорил. Меня смущают некоторые особенности их Устава...

— Это что ж, — спросил я, — и ночевать не придешь?

— Дружеская беседа может затянуться далеко за полночь, — ответил он уклончиво.

— Ладно, — согласился я, — но когда будут сильно бить, лучше беги — хорошо? А то знаю я ваши ученые диспуты...

Он покраснел, ответил застенчиво:

— Этим грешат больше приверженцы логики... А мы, теологи, стараемся сообща докапываться до сути. И еще, брат паладин...

Он посерьезнел, даже потемнел лицом.

— Ну что, — спросил я, не дождавшись продолжения, — не трусь, говори! Что еще за напасть впереди?

— Да ее можно избежать, — ответил он уклончиво. — Даже надо избегать. Все-все проходят мимо, не подозревая, что совсем рядом затаилось нечто дьявольское... Но оно спит, постепенно разрушается, вот и слава Богу... Я не хотел говорить тебе, брат паладин... и не сказал бы, но страшусь неугомонности твоей натуры, что обязательно сунет голову в петлю дьявола...

— Ну-ну, — сказал я успокаивающе, — не такой уж я и дурак! А если и дурак, то пока что не круглый. Где ты видел, чтобы я совал голову? Когда надо, я брал ноги в руки и убегал, хоть это и несовместимо с рыцарским званием. Говори, чего мне надо избегать?

Он колебался, сказал тяжелым голосом:

— Постоялый двор. Говорят, в старые времена он вмещал столько народу, сколько приезжало. Сам по-

стоялый двор все перестраивается и расширяется, но главное здание, где ночуют гости, осталось с очень давних времен. Настолько давних, что никто и не помнит. Дохристианских, сэра Ричард!

Он сказал это с таким ударением, что я не стал напоминать, что церковь все-таки признала «своими» Аристотеля, Сенеку, Платона, Пифагора и других мыслителей древности, не стала помещать их в ад, как не знавших учения Христа, а это есть намек на то, что не все из прошлого обязательно отвергать и любую находку за таптывать в пыль.

Я свистом подозвал Пса.

— Ко мне! Сидеть. Сидеть, я сказал!.. Вот так. Теперь слушай, что тебе скажет сюзерен. Иди с ним, понял?.. С нашим братом Кадфаэлем, ведь он и тебе брат, ибо все мы братья и одной группы крови, если верить святому Киплингу... А когда приведет тебя на место, запомни и беги ко мне. Отыщешь, я буду на постоянном дворе. Если не знаешь, что это, ищи по запаху. Я хочу знать, где наш друг остановится. Так, на всякий случай.

Кадфаэль погладил Пса по лобастой голове, Пес слабо вильнул хвостом, умные глаза не отрывали взгляда от моего лица. Я улыбнулся.

— Выполняй!.. Э-э... оба выполняйте.

Я проследил, как они все втроем: Кадфаэль, бенедиктинец и мой Пес — удалились, первые двое сразу начали беседовать, как родные братья, Пес степенно шел рядом, даже не смотрел по сторонам, у него задание. Церкви, мелькнула мысль, кое-что удастся для объединения двуногого зверья в человеческое стадо.

Глава 5

Улица изгибается, как шланг, иногда сужается, двум всадникам разъехаться не просто. А в местах, где расширяется, как сытый удав в районе желудка, неизбеж-

ный рынок с крохотными лавчонками, передвижными лотками и множеством товаров, разложенных прямо на земле под стенами домов.

Трое рыцарей двигаются по рыночному ряду нам с Зайчиком навстречу, как сверкающие под солнцем айсберги, а серая шушера простолюдыя прилипает к стенам, освобождая дорогу поспешно и суетливо. За рыцарями так же горделиво и напыщенно идут оруженосцы, молодые и поджарые, из тех, кто не просто служит, а выслушивается в рыцари, а еще вроде бы целая толпа слуг и прочей челяди с мешками, куда складывают покупки.

Я заранее отодвинулся к лавочке со старинными вещами, разглядывать прохожих в упор — простолюдыство, а мне надо привыкать к сеньорству. На широкой доске, заменяющей прилавок, разложены изъеденные ржавчиной вещи, некоторые вообще невозможно узнать, но продавец клятвенно уверял, что это и самое древнее, и самое волшебное, и вообще самое-самое, что в умелых руках сеньора...

— Эй, — раздался за спиной сильный уверенный голос, — этот человек мне кого-то напоминает...

— Кто? — ответил второй голос. — Этот?.. Да, ты прав...

В голосе звучало недоумение, я медленно обернулся. Два рыцаря остановились, рассматривают меня. Третий прошел было дальше, но, увидев, что остался один, остановился, повернулся и стал смотреть в нашу сторону. Оруженосцы и челядинцы остановились тоже.

Я наблюдал молча, ожидая, что дальше. Рыцари не понравились, слишком уверенные в движениях, лица наглые, типичные сынки богатых баронов из провинции. Вообще-то здесь это не считается наглым выражением, это как раз благородное, когда как бы смотрят свысока, сразу подчеркивая дистанцию от всяких там двуногих, простых, от черной кости. Но во мне сразу закипает, когда на меня вот так не смотрят даже, а взирают.

Средний, самый крупный и широкомордый, смотрит со злым прищуром, льняные волосы падают на плечи красивыми прядями, грудь широка, на панцире выдавлен оскаленный лев с задранной хвостом. Двое по бокам моложе, но не уступают ни в росте, ни в размахе плеч, разве что лица тоньше, аристократичнее, без боевых отметин, в то время как у старшего одна бровь разделена белым шрамом, а на щеке багровый вздутый рубец.

— Ну и кого же я вам напоминаю? — спросил я холодно и, подражая им, надменно вскинул подбородок.

Старший проговорил медленно:

— Вора.

Я помедлил, эти трое напрашиваются на ссору, им не терпится пустить хоть кому-то кровь из носа еще до начала турнира. С тремя мне не совладеть, если не прибегать к молоту, но за него хвататься поздно: подошли вплотную, к тому же слишком близко их оруженосцы. А это уже почти молодые рыцари, да и челядь обычно вооружена ножами, дубинами, палицами.

— Вот как? — спросил я. Внутри меня уже закипело, я изо всех сил давил ярость, нельзя, чтобы именно я выглядел начавшим ссору. — И чем же?

Старший помедлил, выбирая оскорбление, рыцарь справа выпалил:

— Всем!.. Краденые доспехи, краденый меч!..

— А лошадь? — спросил я.

Он переспросил:

— Что... лошадь?

— Лошадь, — повторил я, — не краденая?

— И лошадь краденая, — сказал он громко. — И весь какой-то краденый.

— Наверное, беглый раб, — предположил рыцарь слева, в то время как средний рассматривал меня с насмешливым презрением. — Надо проверить, нет ли на нем клейма.

Я притворился испуганным, спросил дрожащим голосом:

— Чего вы от меня хотите?

Все трое улыбались зло и насмешливо, придвинулись, даже чуточку зашли с боков, не давая мне сбежать, а рыцарь справа протянул руку и ухватил меня за ворот камзола.

— Надо проверить...

Я ударил его в лицо, торопливо развернулся и, держа глазами старшего, быстро саданул второго, что зашел слева. И лишь тогда торопливо отступил и успел схватить меч. Старший отпрыгнул с легкостью большой кошки, в его руке тоже блеснула длинная полоса стали. Он хищно пригнулся, но не бросился сразу, глаза быстро перебегали с одного соратника на другого, обоих шатает, как деревья в бурю, кровь хлещет, словно из недорезанных свиней. Один слепо шагнул вперед и завалился через мешки с репой, второй взвыл тонким голосом, закашлялся, выплевывая зубы со сгустками крови.

Мой меч пускал солнечные зайчики в глаза старшему.

— Ну что, тупая жирная тварь, — произнес я. — Кого я тебе напоминаю, свинья?

Он бы отступил, но смотрят оруженосцы, челядь да и весь базар, побагровел, вскинул меч и ринулся с яростью берсерка. Я невольно отшагнул, двигается быстро, даже слишком быстро, словно и не доспехи на нем, а полотняная рубашка, парировал удары, поглядывал и на оруженосцев, на челядь, однако тех парализовал страх при виде их искалеченных господ. Рыцарь старался прижать меня к стене, лавке или к телегам, я отступал вправо и влево, мой меч непрерывно звенел, выдерживая удары, но те двое начали подниматься, один уже обнажил меч, я сделал ложный выпад и обрушил удар на плечо рыцаря.

Лезвие рассекло панцирь, несчастный вскрикнул, я дернул меч на себя и отскочил. Из глубокой раны хлы-

нула кровь, меч выпал из его руки, в полной тиши громко звякнул о камни. Рыцарь, шатаясь, зажал ладонью левой руки рану. Двое его товарищей с мечами в руках застыли, потом попятились.

— Ну что, твари? — спросил я грозным голосом. — Сейчас вы меня разозлили... Сейчас я всех в капусту!!!

Я зарычал, сделал страшное лицо и затопал ногами. Оба, как испуганные воробы, ринулись вдоль улицы, сбивая с ног прохожих. Вслед неслись оруженосцы и вся челядь, бросая мешки, чтобы легче бежать, улица наполнилась воем и криком, каждый слышал за спиной настигающий топот и свист моего меча, что вот-вот раскроит череп.

Широкомордый побледнел, лицо постарело и обреченно вытянулось, под глазами повисли темные круги. Кровь широкими струйками выбивается между пальцами и стекает по груди и боку на ногу, заполнила сапог и начала переливаться на землю.

— Что, — сказал я все еще злобно, — первый парень на деревне, да?.. И в голову не приходит, что деревня-то махонькая?.. Эй, перевяжите рану дураку!

Я поймал за повод Зайчика, конь за это время сожрал кучу листьев из рук какой-то чумазой девчонки, и мы двинулись по опустевшей улице, где остались лишь подбирающие свое разбросанное добро торговцы. Во время этой нелепой схватки лишний раз убедился, что все эти сведения о необычайном умении рыцарей владеть оружием не то чтобы вранье или преувеличение, но, как бы сказать точнее, все познается в сравнении, а сравнивать можно только с себе подобными. В мое время любой перворазрядник легко побивает все олимпийские рекорды столетней давности, а если взять эти давние времена Средневековья, то я лишь в первые дни уступал рыцарям во владении оружием.

Все верно, с мечом в руке двигаюсь быстрее этих рыцарей, а они — профессионалы, дерусь лучше даже

без особой учебы, просто за счет акселерации, спасибо этому непонятному явлению... Теперь надо только не нагнать, эти три дурака — хорошее предостережение. Ибо так же могу нарваться на кого-то, кто превосходит меня, как я превзошел этих самоуверенных идиотов.

На меня не посматривали с таким же почтением, как на тех троих, с большим изумлением смотрели на Зайчика, огромного и невозмутимого, а на меня если и поглядывали с некоторой уважительностью, то лишь из-за size.

Понятно, выгляжу бедным рыцарем уже потому, что без оруженосца и слуг. Похоже, я вообще здесь единственный, кого не сопровождает куча челяди. А без оруженосца так и вообще нет рыцаря, самому всю эту кучу железа не снять и, тем более, не надеть. Вообще, когда рыцарь отправляется в путь, его обязательно сопровождают также лучники, ибо тяжеловооруженный рыцарь становится легкой добычей любого стрелка на быстром коне.

Да и хрен с вами, я вовсе не стремлюсь, чтобы на меня смотрели с почтением.

Оглядевшись, я внезапно подумал, что вообще-то я не один, кто не старается привлечь к себе внимание. Более того, эти люди вообще стремятся оставаться незамеченными. Прежде всего, монахи, что понятно, мирские заботы, все тлен, надо только о душе. Кроме того — воорье, эти съехались сюда с разных городов, у них свой турнир. И, кроме того... я осматривался, не в состоянии отделаться от навязчивой мысли, что есть еще одна категория людей, что не хотят быть замеченными.

В другом времени их бы назвали шпионами и террористами, но в сие простое бесхитростное время вроде бы и шпионы все такие, будто каждый носит на груди плакат с крупными буквами: «Я — шпион!», так что здесь нечто другое...

На одной стороне городской площади здание бургомистра, на другой... я вздохнул, в висках простучало четкой: вон он, Юг... Пусть до настоящего Юга еще далеко, но дыхание другого мира вот оно: настоящее чудовище, а не постоялый двор: трехэтажное каменное здание, плюс цокольный этаж, ворота широкие, массивные, из толстых досок, обитых железом так, что металла больше, чем дерева.

В распахнутые ворота постоянно въезжают и выезжают как повозки и телеги, так и верховые, я успел увидеть сразу пятерых рыцарей, что уже само по себе немало, рыцари — товар дорогой и потому штучный, не ходят, как гуси, стаями.

Слуги и помощники поваров быстро разгружают подводы с дичью, рыбой и вообще съестными припасами, из кузницы и оружейной несутся удары молотков по железу, из распахнутых ворот конюшни пахло ароматом свежего сена и таких же свежих каштанов. На двухколке парнишка бегом провез к главному входу целый груз новеньких свечей, ну и размах, мелькнуло у меня, везде суета, по двору носятся и кричат сорванными головами многочисленные оруженосцы, слуги, челядь.

Для солидности я вскочил в седло, мы проехали через этот длинный проход, где спереди и сзади могут опустить железные решетки и легко захватить в плен, прямо как в замке, дальше обширный внутренний двор с колодцем и повозками, их не меньше сотни, заняли половину двора. Невысокое крыльцо ведет к зияющему входу в гостиницу, под жильем отведен наверняка весь этот корпус, как и два примыкающих, а из окон четвертого полыхает огонь, вырываются клубы черного дыма, доносится стук молотов. Из других окон тянет запахом свежего хлеба, подвозят выделанные кожи, а крепкого вида ребята выносят части доспехов... Отдельно пристроена лавка, где на длинном прилавке разложено все, что может понадобиться странствующим: от иголки и ниток до самого лучшего оружия.

Я осматривался с седла, но двор настолько велик, что через него никто не бежит ко мне и не хватает коня под уздцы, пришлось слезть и, ведя Зайчика в поводу, топтать в сторону конюшни. В той стороне как раз из роскошной коляски выбрался с помощью пышно одетых слуг грузный человек в высокой золотой митре и в красной кардинальской мантии, богато украшенной золотом, встал, опираясь на длинный посох, увенчанный золотым знаком вопроса размером с половину головы. Я рассмотрел шипастую змею со злобно распахнутой пастью, шипами служат драгоценные камни, сам посох выше церковного иерарха на пару футов, что наверняка что-нибудь да символизирует. У церкви, как у любой религии или партийной доктрины, все исполнено тайных знаков.

Я благочестиво поклонился, голова не отвалится, а человеком он может быть вполне хорошим, о каждом незнакомом нужно думать как о хорошем, пошел к открытым воротам, откуда пахнет свежим сеном и ароматом конской кожи.

Из темных врат вышел, шурясь, рослый, хвастливо усатый рыцарь в серой помятой шляпе с остатками пера и в выгоревшей тунике, когда-то голубой, сейчас серой, брюки тоже серые, как и сапоги — старые, растоптанные, но с золотыми шпорами. На широком поясе — мизерикордия, правой рукой рыцарь красиво и надменно опирается на меч, портупея добротная, но тоже старая, кожа потрескалась от жары и сухости. Он сразу же впери́л в меня настолько злобный взгляд, что я опешил, голова заработала в бешеном темпе, стараясь припомнить, когда же это я ему наступил на ногу или перешел дорогу.

Он выпрямился, расправил плечи и пошел, как пегас, едва не приподнимаясь на цыпочки. Лицо почти красное, какое бывает у блондинов, слишком много бывающих на солнце. Нос облуплен, губы полопались то ли от жары, то ли от кулака, только усы горделиво задирают кончики кверху, свежие и новенькие, в отличие

от поношенной одежды. Такие я видел только на портретах Петра Первого.

Я замедлил шаг, чтобы не столкнуться, но он остановился и сказал резким, неприятным голосом:

— Сэр, вы оскорбили меня, злонамеренно перейдя дорогу!

Я даже растерялся от такой наглости.

— Я?

— Да, — ответил он резко. — Вы!.. А я, клянусь своим именем, которое ни разу не запятнал трусостью или отступлением, заставлю вас извиниться!

— Сэр, — сказал я, — и в мыслях моих не было переходить вам дорогу. Пожалуйста, следуйте своим путем!

Он еще больше привстал на цыпочки, перекатился на пятки и обратно, вид донельзя задиристый. Я вдруг понял, что его так раздражает во мне: он высок, но я выше, он широк в плечах, но я шире, он одет крайне бедно, а по мне видно, что не бедствую.

Он опустил ладонь на рукоять меча.

— Если вы не сразитесь со мной здесь и сейчас... я назову вас подлым трусом!

— За что? — ахнул я.

— За то!

Он выпятил грудь и выкатил глаза, крупные, круглые, и без того уже выпученные, как у жабы. Одной рукой крутил ус, пальцы другой теребили рукоять меча.

Я покосился по сторонам, народ быстро отступает, мы уже на пустом пятачке, а люди отодвигаются еще дальше, чтобы никто из нас не задел мечом. На лицах жадное ожидание, глаза блестят, всегда приятно смотреть, как дерутся, как льется кровь.

За архиепископом выстроились церковные чины, двинулись величаво через двор, будто крестный ход. Рядом на рослых конях рыцари во главе с пышно одетым вельможей. У меня вспыхнула надежда, что вмешаются и остановят дурацкую схватку, но медленно продвига-

ются мимо, только архиепископ бросил в нашу сторону крайне неодобрительный взор.

— Ах, доблестный сэр, — сказал я просительным тоном, — мне так не хочется умирать на голодный желудок! Может быть, мы сперва хотя бы пообедаем?

Глава 6

Усач опешил на миг, в глазах мелькнуло сомнение, затем лицо побагровело так, словно вся кровь собралась в этой на глазах разбухающей морде, он прокричал:

— Доставайте меч, сэр!.. Или я вас разрублю, как гнилую дыню!

Я помедлил, никакие слова не идут на язык, наконец сказал первое же пришедшее в голову:

— Знаете, благородный сэр, я покорный слуга церкви, вынужден подчиняться ее уставу, а еще больше — Уставу братства. Нам запрещено обнажать оружие или каким-то иным образом сражаться с христианами рыцарями без особой необходимости...

Рыцарь опешил, рука на кончике уса застыла, а другая как начала вытаскивать меч из ножен, так и остановилась на полдороге. Толпа тоже замерла, смотрят, как на оживший скелет: с моим ростом и сложением чем еще заниматься, как не драться. Даже всадники придержали коней. Архиепископ остановился, грузно развернулся в нашу сторону. Церковные чины тоже застыли, архиепископ воскликнул:

— Господи, благодарю тебя за первый хороший знак за сегодняшнее утро!

Он довольно проворно подошел к нам, усач поспешно поклонился, архиепископ обнял меня, расцеловал в обе щеки.

— Видите?.. — провозгласил он громогласно, повернувшись к всадникам. — Доблестный рыцарь подает вам пример истинно христианского смирения!.. На фо-

не его кротости и целомудрия этот сэр, да простят мне присутствующие, выглядит как задиристый петух! Даже не петух, а молодой петушок, петушишка.

Послышались смешки, усач в самом деле походит на задиристого петуха, правда, сильного и воинственного петуха. И хотя только что все были на его стороне, понимая и оправдывая, после слов архиепископа ощутили некое мальчишество в речах и поведении вроде бы взрослого мужчины.

Архиепископ повернулся ко мне.

— Сын мой, ты отвечаешь со смирением, обуздывая свою гордыню. Это говорит о твоей мудрости и благородстве...

Он умолк на миг, я поклонился и вставил:

— Не о моей мудрости, а о моих наставниках.

— Прекрасно сказано! — воскликнул он. — Кто они, эти святые отцы?

— Если говорить о замке, — ответил я, — где впервые получил наставления о мудрости, это крепость Зорр, там со мной вели беседы отец Совнарол, Великий Инквизитор отец Дитрих, а вот в паладины меня посвятили в крепости Кернель...

Наступило молчание, затем послышалось бормотание. Теперь на меня смотрели иначе, я уловил во взглядах все оттенки, начиная от уважительности и заканчивая брезгливым сожалением. Так смотрят на безногого калеку, ползущего в пыли. Паладин, при всех его достоинствах, слишком связан обетами и условиями. Вообще про паладинов известно мало, всем куда интереснее люди, которые пьют, дерутся, грабят, насилуют, захватывают, получают награды и почести, а паладины слишком уж безгрешные, чтобы их деяния вызывали хоть какой-то отклик в душах простонародья.

Наконец-то подбежал слуга, ухватил повод моего Зайчика. Зайчик посмотрел на меня, я кивнул, Зайчик пошел за слугой вовнутрь конюшни.

Усач сделал шаг вперед, коротко поклонился.

— Сэр Смит, — представился он хриплым пропитым голосом. — Ридли Смит. Сожалею, не знал, что... словом, прошу принять мои самые искренние сожаления. Я бы счел за честь в искупление своей вины угостить вас вином и обедом, но не уверен, что в этом заведении найдутся акриды...

Я учтиво поклонился.

— Принимаю ваши извинения, сэр Смит. Насчет акрид не беспокойтесь. Здесь отыщется все, что устроит скромного паладина.

Он в свою очередь изысканно раскланялся, с некоторым опозданием снял шляпу и помахал ею с таким видом, словно сметал пыль с моих сапог, затем отступил и дал мне возможность пройти в зал, откуда мощно валят, разжигая аппетит, запахи жареного мяса, яичницы, горохового супа, гречневой каши.

Если бы не сэр Смит, я бы остановился на пороге, ошеломленный развернувшейся картиной. Это не комната, где обычно едят постояльцы, даже не уютный зал, каких я успел повидать, это настоящий комбинат по накормлению сотни, если не больше, дюжих мужчин, что жрут мясо, как слоны траву. Дальний конец обширного помещения так и не разглядел из-за плавающего дыма и овеществленных ароматов жирной горячей ухи, гороховой похлебки, супов из разварных круп, жареного мяса, печеной птицы, рыбы и ящериц.

Вдоль всего кормежного цеха идут столбы, поддерживая потолок, последний я различил весьма смутно, но за ним вроде бы мелькают фигуры, похожие на привидения. Столы в три ряда, выстроенные, как танки для парада, тянутся в бесконечность. Между столами бегают молодые парни, худощавые и шустрые, у каждого в руках поднос, на две-три тарелки приходится обычно большой кувшин вина.

Все, как один, едят и пьют с такой жадностью, слов-

но только что совершили марш-бросок через пустыню. Рыцарей не меньше трети, они в той части, что ближе к камину, остальное место занято оруженосцами и старшими слугами, выглядят достаточно богато, в моих бедных краях их приняли бы за герцогов.

— Хорошо, — выдохнул я. — Теперь понимаю, почему, когда рыцари с вечера собираются заморить червячка, с утра голова прямо разламывается.

— У меня не болит, — отозвался из-за спины сэра Смит. — У меня голова такая.

Я не стал уточнять, пустая или, напротив, монолитная, пошел к свободному столику, сэра Смит догнал и, сильно и неожиданно покраснев, пробормотал так глухо, что я едва разобрал:

— Сэр Ричард... Должен предупредить, у меня не найдется чем заплатить за обед.

Я ответил так же вполголоса:

— Забудьте о таких пустяках.

— Мой долг предупредить, — почти прошептал он. — Я... словом, я поиздержался.

К моему удивлению, к нам вскоре подошел не один из бегающих с подносом мальчиков, а дородный мужчина, осанистый, с цепкими глазами, уверенными движениями. Сэр Смит крикнул и приосанился, горделиво расправил усы. Я быстро сообразил, что это для абсолютного большинства я простой бедный рыцарь, у которого нет средств даже на покупку хороших доспехов, но хозяину постоянного двора нужно лучше разбираться в людях, чем этому абсолютному большинству. Он мог нас заприметить еще с порога, что-то там сообразил по нашей манере двигаться, и вот сейчас, не обращая внимания на раздувшегося от чувства достоинства сэра Смита, поклонился мне со всей почтительностью, будто перед ним переодетый король, не спросил, а осведомился:

— Что угодно благородным господам?

Сэр Смит взглянул на меня с вопросом в глазах,

опасаясь заказать такое, что оскорбит паладина. Я кивнул хозяину:

— Молочного поросенка с зажаренными перепелами внутри, дроздов в виноградном соку, пару молодых каплунов... вина не забудь самого лучшего!

По мере моего заказа у Смита все шире распахивались глаза, нижняя челюсть отвисала, а хозяин, напротив, смотрел с восторгом, но вдруг словно туча набежала на его лицо, прерывисто вздохнул, поклонился.

— Только что прибыл архиепископ Кентерберийский. Он очень строг...

— И что же? — спросил я.

— Сегодня же четверг, — напомнил он, — постный день... Придется убирать все мясное, что сейчас жарится и парится.

— Ах да, — ответил я. — Конечно же, четверг! Но я — паладин, как может подтвердить сэр Смит, он сидит напротив. А у паладинов особые правила. Неси, архиепископ не будет против, даже если увидит.

Когда подали на стол, сэр Смит с сомнением смотрел, как передо мной ставят на огромном блюде зажаренного поросенка, даже не поросенка, а упитанного молодого кабанчика. Запахшибанул одуряющий, в животе требовательно квакнуло. Сэр Смит нервно облизнул губы. Поросенок покрыт золотистой корочкой, кое-где коричневой, в двух местах лопнула, из щелочек бьют тонкие струйки одуряющего запаха и проглядывает нежнейшее мясо.

— Сэр Ричард, — сказал он несмело, — но...

— Не мешайте, — прервал я. Нахмурился, сделал строгое лицо, перекрестил поросенка и сказал ясным голосом: — Именем Господа перекрещаю порося в карася!.. Спасибо тебе, Господи.

Смит непонимающе смотрел, как я, вооружившись двумя ножами, сделал первый надрез. Корочка затрещала, как молодой ледок, струйка пара пшикнула к потолку,

аромат шибанул в ноздри, нежнейшее мясо начало распадаться под острым лезвием на ровные лакомые ломти.

— Сэр Ричард, — сказал он несмело, — но это же... все равно поросенок!

— Разве?

— Убей меня Бог, но, сколько ни смотрю, все равно поросенок, а не карасенок!

Я покачал головой.

— Не совсем. Вы, сэр Смит, не совсем понимаете суть святого таинства. Когда причащаетесь, ведь не пьете же в самом деле кровь Христову и не едите его плоть, хотя именно так сказано в Писании?.. Так и здесь. Неважно, что это не рыба, но если я, паладин, сказал, что это рыба, то это рыба!.. Вера двигает горами, сэр Смит. Впрочем, вы можете есть постное... даже акрид, если уж на то пошло, хотя одна акрида обойдется вам в десяток таких вот поросят. А одной акридой, даже если она акридища, не накормить и котенка. У которого, как известно, желудок с наперсток, но когда гадит... не за столом будь сказано.

Он колебался, я подцеплял на острие ножа истекающие сладким соком ломти и отправлял в рот. По его горлу всякий раз прокатывался огромный ком, кадык нервно дергался, лицо из красного стало бледным, словно в желудке начались голодные спазмы.

— Сэр Ричард... — проговорил он задумчиво, — а эта карасячьсть относится и ко мне?.. Или только для вас это постная рыба...

— Для всех, — заверил я твердо. — Впрочем, я не настаиваю. У каждого свои принципы...

Я не договорил, его руки замелькали в таком темпе, что я видел только смазанные движения. Поросенок начал таять, уменьшаться, исчезали и коричневые комочки обжаренных в масле и сухарях перепелов. Сперва Смит глотал мясо, как удав, потом начал торопливо прожевывать, это было похоже, как если бы сгорала

промасленная бумага, наконец начал запивать вином, это уже значило, что первый голод утолил, теперь пришла очередь аппетита.

Хозяин посматривал в нашу сторону опасливо, взмахом руки посылал сменить блюда, убрать пустые кувшины вина. От других столов посматривали в нашу сторону завистливо, многие слышали мою громкую молитву, пересказали ее соседям, но, увы, даже священники не обладают правом превращать скоромную пищу в постную.

— Вино, — сказал я благочестиво, — лучшее доказательство того, что Бог существует, любит нас и хочет, чтобы мы жили счастливо.

— Аминь, — ответил сэр Смит и перекрестился. — Как жаль, что большинство этого не понимает, сэр паладин.

— Увы, — вздохнул я, — человек был создан в последний день творения, когда Бог уже утомился.

Сэр Смит распустил пояс, лицо постепенно принимает прежний цвет обожженного кирпича, кончики пшеничных усов приподнялись еще задиристее, с наслаждением пригубил вина.

— Да, — произнес он с чувством, — что-то в паладинстве все-таки есть... Значит, вам дано больше, чем священникам?

— Нет, — пояснил я, — священники — многоборцы, а паладины — узкие специалисты. Мы сражаемся во имя Господа не проповедями, а мечом, потому нам нужно есть мясо и пить доброе вино, дабы рука крепче держала поводья и оружие. А в остальном священники, конечно же, круче. В смысле, они могут многое, а паладины обходят их на полкорпуса только по воинским дисциплинам.

Он оглянулся по сторонам, взгляд упал на столы, заставленные постной пищей, обежал унылые лица.

— Мне повезло, — сказал он с чувством. — Я вел себя как дурак, а вместо этого сейчас вот сижу и ем такого

чудесного... чудесную рыбу!.. Да-да, карась, карась. Какие плавнички, какие перышки!.. И совсем без костей. Хочу объяснить, сэр Ричард, я не такой уж и забияка, но пришлось заночевать в степи почти в виду стен Каталауна — захромал конь. Всю ночь вокруг костра выли и шастали волки, я бегал с горящей головней и отгонял их от лошади. Затем на въезде в город отобрали последние монеты, сволочи, по дороге к постоялому двору срезали кошель... хоть и пуст, но обидно, кошель красивый, подарок одной знатной дамы... жаль, незамужняя, пришлось смыться. Во дворе толкнул конем какой-то невежда в синем плаще... найду, изувечу!.. а я, отступив вежливо, вляпался обеими подошвами в такое вонючее... не за столом будь сказано, что полчаса мыл и чистил сапоги... а тут и вы такой чистенький, что сразу кулаки зачесались...

— Надеетесь на победы? — спросил я прямо.

Он ответил, не задумываясь:

— Ради того и приехал. Первый приз, понятно, не получу, но могу же сшибить хотя бы парочку знатных рыцарей?.. И захватить их коней, а то и их самих?.. Мне, знаете ли, сэр Ричард, выкуп очень не помешал бы. Даже очень! Скажу честно, последний раз я ел трое суток тому, а подъезжая к Каталауну, уже готов был грызть кору на дереве. И когда этот спросил, что мы будем кушать, я ему чуть в лоб не двинул!

— За что?

— За издевательство! Кушать я хотел трое суток тому, есть хотел вчера, а сегодня с утра жажду просто жрать. И даже сейчас, когда вроде бы набил брюхо таким... такой чудесной рыбой, так и хочется нажраться на пару суток вперед.

— Не стоит, — мягко сказал я, — у меня с этим все в порядке.

Он отпил вина, лишь потом насторожился.

— Тоже что-то от паладина?

— Да, — сказал я. — Господь видит, кому золото ни к

чему... тому и дает. Я прибыл сюда не за победами, сэра Смит. Так что можете меня исключить из числа соперников за первое место. Меня интересует сам Каталаун... ну, еще всякое разное, связанное с этими местами...

Он допил вино, сделал знак пробегающему мальчишке, лишь потом взглянул на меня виновато. Я кивнул, разрешая, и сэра Смит сказал с воодушевлением:

— Почему Каталаун?.. Здесь когда-то отгремела одна из величайших битв... Земля пропиталась кровью, овраги заполнило до краев, ручьи вышли из берегов, а река две недели несла к морю красные воды... Вообще-то битвы здесь, если верить уцелевшим летописям, случались часто, очень уж место удобное, как будто нарочито созданное природой под арену: с востока и с запада поросшие лесом холмы, там удобно размещать и прятать войска, но последняя битва запомнилась еще и последствиями...

— Я слушаю, слушаю!

— Север понес огромные потери, но и Юг захлебнулся собственной кровью. С тех пор наконец-то установилась некая линия...

— Линия?

— Ну, шириной в два-три королевства, если быть точным. Их называют пограничными. По эту сторону — Север, по ту — Юг.

Сердце мое забилось чаще. Каталаун, судя еще по рассказам брата Кадфаэля, как раз в середине этого карантинного пояса, вроде пряжки. По ту сторону — проклятый Юг, царство Дьявола, как уверяет церковь, по эту сторону — северные королевства, где власть церкви если и не абсолютна, то достаточно крепка.

Во всех северных королевствах церковь настаивает, чтобы рыцари вместо греховных турниров направили свой пыл и силы на Крестовый поход против Юга, однако абстрактный Юг вообще-то мало интересует тех, кто не привык заглядывать дальше соседского забора. В мое время подлинный героизм был оттеснен. О нем

постарались забыть, а на щит подняли имитаторов героизма: каскадеров, скалолазов, прыгателей с мостов и заводских труб на резиновых канатах, спортсменов-профи, которые приходят в ужас при виде своего порезанного пальчика, но средствами массовой информации настойчиво преподносятся как настоящие мужчины, современные герои.

Здесь же о турнирных победах мечтает каждый рыцарь, но что-то мало таких, кто готов отправиться на Юг сражаться за веру, за продвижение идей Святой Церкви. Конечно, когда созревают какие-то там подходящие условия в обществе, да плюс находится пламенный оратор вроде Совнаролла, Гитлера или Муссолини, то удастся всколыхнуть христианский мир и направить бурлящую энергию на продвижение святой веры, в остальное время удачливый турнирный боец привлекает больше внимания и восторгов, чем борец за христианство. Все то же самое, как с нашими зарабатывающими миллионы долларов братьями Кличко, футболистами, теннисистами, предпочитающими получать хорошо оплачиваемые удары на ринге, но не на границах России.

Хотя... может быть, это и правильно? Если бы еще Юг не посылал свои войска против Севера, вообще можно было бы существовать двум сверхсистемам. Существовать, как сказали бы, в двуполярном мире.

А сэр Смит, понизив голос, сказал таинственно:

— Я слышал, прибудет сам Уильям Маршалл!

Я поинтересовался:

— А кто это?

Он отпрянул, чуть не опрокинувшись вместе с лавкой. Глаза выпучились, как у рака.

— Сэр Ричард, вы здоровы?

— Да, а в чем дело?

— Но вы не знаете, кто таков... кто таков Уильям Маршалл!

В его голосе был такой ужас, как если бы я в своем дворе не знал, что чемпион «Спартак», а не «Динамо» и

что наших на Олимпиаде засудили, а то бы все медали были у нас.

— Лучший турнирный боец? — спросил я. — Сэр Смит, я прибыл из таких далеких королевств, где свои чемпионы. Конечно, вы правы, нужно знать сильнейших, чтобы знать, с кем надо сражаться с особым тщанием...

Он прервал:

— Он не будет сражаться, сэр Ричард! Ему уже семьдесят лет, руки его не поднимут копье. Однако своим видом напугает молодых и безземельных бойцов, что сам когда-то был бедным, безземельным и бездомным, у которого не хватало денег, чтобы купить даже меч... Но он только в одном из турниров пленил сто три знатных рыцаря и вернулся очень богатым человеком!.. И после того побеждал на множестве турниров.

На десерт нам подали домашние пироги с медом, удивительно крупные ягоды, свежие и благоуханные. Я вытащил и бросил мальчишке золотую монету.

— Это не плата, — объяснил я. — Это за скорость.

Круглая мордашка в веснушках расплылась в счастливейшей из улыбок.

— Спасибо! Спасибо, ваша милость!

Когда он унесся, почти вприпрыжку, сэр Смит сказал с неодобрением:

— Все-таки зря разбрасываетесь золотом, сэр Ричард. Это ж не медная монетка, даже не серебро. На нее можно купить табун коней!

— Все в порядке, — успокоил я. — Отец все видел, он сейчас отберет у сына денежку, все выпросит. И поймет, что нам нужно будет отыскать хорошие комнаты.

— Я уж и не надеюсь... Хотя бы в сарае или в конюшне отыскалось место.

— Допивайте вино, — посоветовал я. — Но особенно не налегайте, чтобы завтра никто не сказал, что вчера у нас был бой с пьянством и пьянство победило.

Глава 7

Из харчевни мы вышли с отяжелевшими животами, где булькает хорошее вино, что и не вино, если говорить правду, а едва-едва перебродивший виноградный сок, да и то перебродивший самую малость, так что в нем остались сладость и аромат именно сока.

Во дворе плывет густыми волнами крепкий запах множества коней. Слышится гневное ржание, звякает железо плохо подогнанных доспехов. Уже по всему постоялому двору торчат стяги и горделиво блестят щиты с оскаленными львами, медведями, кабанами, а также с орлами и грифонами, распростершими крылья.

Щиты развешаны даже над коновязью, а над входом в парадную дверь целая галерея самых красочных и блистающих: все те же львы, тигры, медведи, кабаны, гигантские волки — сложная система ориентирования в этом неграмотном мире. Не случайно эта громоздкая система уступила отпечатанным на хорошей бумаге визитным карточкам, что те же геральдические щиты с теми же оскаленными львами и кабанами в виде золотых букв и громких титулов, типа «генеральный менеджер», «старший консультант по финансам», «начальник юридического отдела»...

— А теперь пора поговорить с ответственным по заселению, — сказал я. — По идее, он должен был бы крутиться здесь, среди клиентов...

— Да вон тот, — подсказал сэр Смит. — Усами готов поклясться...

Среди богато одетых вельмож в самом деле появлялся и пропадал низкорослый, но широкий мужчина в добротной коже, на груди золотая цепь, означает какой-то статус в гильдии. Я шагнул в ту сторону, однако сбоку, услышав наш разговор, выдвинулся пышно одетый господин и ухватил меня за плечо.

— Эй, а ты куда прешь?

Я остановился, к своему удивлению ощутил, что

сразу начал закипать. Здесь вот так ухватить за плечо считается оскорбительным жестом, но не стану же я придавать значение таким пустякам...

— Скотина, — ответил я, понизив голос, чтобы не услышали другие, — убери псевдоподию, а то оборву по плечо.

Он руку инстинктивно убрал, но лицо побагровело от гнева, раздулся, сказал громче:

— Простолюдины ночуют в сарае и на конюшне, понял?

Гнев ударил мне в голову, эта сволочь прекрасно видит, что я не простолюдин, рыцарские шпоры позвякивают на каждом шагу, но видит и то, что за мной идет только приятель, а у него за спиной толпа гуляк и приятелей.

Я повел глазами в сторону, словно что-то увидел, даже брови вскинул, этот щеголь тоже невольно зыркнул в ту сторону, и в тот же миг мой кулак ударил ему в нижнюю челюсть.

Удар получился не совсем чистый, когда жертва только вздрагивает и кучей песка опускается на пол, щеголя бросило на его людей, они не удержали и повалились с ним вместе. Я отскочил, рука на рукояти меча. Сэр Смит тоже взялся за меч, глаза бросают взгляды по сторонам, оценивая обстановку. В нашу сторону шагнули сразу трое, один схватился за меч, но посмотрели на окружающих и тихо ретировались, другие орали и потрясали кулаками, в то время как большинство зычно хохотали, хлопали друг друга по спинам и указывали пальцами на упавших.

Те наконец поднялись на ноги, двое кричали и кивали в мою сторону. Еще двое поднимали на ноги щеголя, у него моталась голова, изо рта течет красная струйка, остальные молча отряхнулись и отошли в сторону.

Я постоял некоторое время, надо показать, что никого не боюсь, и, не убирая руки с рукояти меча, прошест-

вовал к хозяину. Сэр Смит с шумом выдохнул за спиной, я слышал его шаги, по-прежнему прикрывает спину.

Хозяин уже спешил навстречу, поклонился издали, глаза с опаской измерили мой рост.

— Чем могу служить, мой господин?

— Две комнаты, — ответил я надменно. — Мне, смиренному служителю церкви, и моему другу.

Он вскинул брови.

— Две?... Сколько человек ждете?

— Нас двое, — объяснил я терпеливо. — Но люди мы скромные, так что удовольствуемся по комнате на человека. Я дал обет смирения, потому избегаю апартаментов.

Он проговорил, запинаясь:

— Двое... двое?... Ваша милость, но даже самые благородные рыцари живут по пять-шесть человек в комнате!.. У нас нет столько мест, чтобы разместить всех желающих.

Я нахмурился.

— Ты не знал, что будет турнир?

Он развел руками.

— Турнир бывает раз в году, а что все остальное время делать со свободными комнатами? Здесь не так часто проезжают богатые рыцари.

Сэр Смит покашливал, я посмотрел в его сторону. На что-то намекает, но сказать не решается, явно что-то сомнительное, я порылся в памяти, вспомнился разговор с Кадфаэлем на последнем привале, заинтересовался с подтекстом:

— Я слышал, что у тебя непростая гостиница.

Хозяин вздрогнул, поклонился еще ниже.

— У меня хорошая гостиница, — проговорил он умоляюще, — постояльцы уезжают довольные.

— Я тоже хочу уехать довольным, — прервал я. — Так что найди нам комнаты, понял?

Он развел руками.

— Ваша милость, умоляю простить меня, однако... ну нет свободных комнат, нет!

— Я слышал, — сказал я напористо, — что у тебя для не особо разборчивых клиентов находились свободные помещения. Всегда.

— Но сейчас не получится.

— Всегда, — повторил я, пристально глядя ему в глаза. — Почему сейчас не получится?

Он вздрогнул, поднял голову и взглянул мне в глаза.

— Ваша милость, мы живем на краю... всякие люди заходят, как благородные, так и не очень. Порой заходят совсем неблагородные. Я не могу ссориться ни с кем, иначе долго не проживу. Для меня все, кто входит в ворота, мои клиенты, хотя святой епископ и грозит отлучить меня от церкви.

Я кивнул.

— Вот это уже ближе. Вот тебе по золотому за меня и за моего друга. Дай нам именно те комнаты, которые ты предоставлял всяким негодным церкви людям.

Он вскрикнул:

— Ваша милость, но вы ведь христианский рыцарь! Слуга церкви!.. Вам нельзя...

— Я не просто рыцарь, — прервал я, — а паладин. Значит, мне можно. И никакая нечисть не совратит мою душу.

Он побледнел, я запоздало понял, что паладинство может выглядеть угрозой очистить те места, а то и вовсе лишит его куска хлеба, но раньше всех ситуацию понял сэр Смит, впервые заговорил, голос его звучал по-крестьянски рассудительно:

— Благороднейший из рыцарей сэр Ричард не собирается мешать тебе заниматься своей работой. И когда мы уедем, все останется, как и прежде. Если мы что увидим, чего не стоит видеть, никому не расскажем. Да и зачем нам, понял?

— Верно-верно, — подтвердил я надменно. — Пала-

дину надлежит быть смиренным... и не смотреть на то, на что смотреть негоже.

Хозяин наконец кивнул, вид испуганный и обреченный. Прошептал раздавленно:

— Идемте, сэр рыцарь...

Я ожидал, что поднимемся на самый верх, в какую-нибудь голубятню, где придется спать скрючившись и в голубином помете, однако хозяин повел в главное здание, прошли по коридору вдоль одинаковых дверей, я услышал пьяные вопли, крики, женский смех.

В конце коридора последняя дверь выглядит несколько иначе. Я не успел понять, в чем иначесть, просто повеяло чем-то, как будто бы на кратчайший миг распахнулись просторы, мозг не успел их понять и даже увидеть, но седалишный нерв ощутил, он у меня чувствительнее, предостерег.

Хозяин вздохнул, в руке зазвенели ключи. Дверь открылась без скрипа, массивная, торец таинственно поблескивает металлом, хотя двигается легко. Из комнаты пахнуло... я бы даже не сказал, что слишком уж застоявшимся воздухом. Напротив, запах показался в какой-то мере приятным.

Мы все трое вошли в комнату, на диво просторную, с двумя столами, рядами кресел, на стенах картины в толстых рамах, два широких ложа размером с двуспальные кровати, на полу огромные шкуры непонятно каких зверей. И еще огромное зеркало на овальной раме в стене.

— А здесь мило, — сказал я громко.

Хозяин сказал пришибленно:

— Таким знатным сеньорам подошли больше бы покои... гм... не столь сомнительные. А это как будто пещера какая...

— Не хули святую церковь, — оборвал я сурово. — Хочешь сказать, что первые христиане, собиравшиеся в пещерах, были нехорошими людьми? Или святые отцы-

пещерники, положившие начало спелеологии, вели себя неправильно?.. Как будто не в пещерах был написали Новый Завет и прочие евангелия! А святые пещерники, будучи первыми диггерами, сохранили для нас кумранские летописи.

Он смотрел сперва ошалело, потом истово кивал, соглашался с каждым словом, жестом. Сэр Смит огляделся, нахмурился.

— Что-то не вижу святого распятия...

Хозяин вздрогнул и сжался, сэр Смит посмотрел на него гневно, потом на меня, ожидая поддержки. Я сказал надменно:

— Рыцарям церкви не нужны подтверждения в виде... в виде вещей. Мы носим веру в сердце! Этого достаточно.

Хозяин вздохнул с великим облегчением, попятился к двери.

— Ну, — произнес он с надеждой, — я могу вас оставить?

Я протянул ему две золотые монеты.

— Если понравится, получишь еще две. А пока что апартаменты выглядят неплохо.

Он поспешно схватил монеты и отступил за порог. Уже закрывая за ним дверь, я понял по его лицу, что это последние монеты, какие от меня получил. И что вообще никто меня больше не увидит.

Я проверил, хорошо ли закрыта дверь, повернулся, осматриваясь. Сэр Смит стоит столбом, я сказал нетерпеливо:

— Проснись! Неплохой номер, но я видывал и лучше.

Он ахнул:

— По... получше?

— И намного, — ответил я и подумал, что этим апартаментам недостает хотя бы захудаленького домашнего

кинотеатра, выделенки и хотя бы наладонника. Да и ванная здесь вряд ли с гидромассажем.

Сэр Смит с удовлетворением оглядел просторное помещение.

— А здесь неплохо!.. Правда, ни одного распятия...

Он перекрестился, с испугом оглянулся.

— Сэр Ричард, а здесь это можно?

— Нужно, — успокоил я. — Мы, как все культурные и цивилизованные люди западной цивилизации, не должны обращать внимания на религиозные воззрения всяких там местных недочеловеков. А если еще отыщем нефть...

Он с ожиданием смотрел, как я обошел и потрогал мебель, статуи, гобелены.

— Следы нечистой силы?

— Вроде бы чисто, — сообщил я. — Микрофонов не замечено. Впрочем, мы и не планировали оргии. Располагайтесь, сэр Смит! Ночи короткие, а утром вроде бы одиночные схватки?

Он заснул, а я лежал тихо, выжидая полночи. Если что и случается, то именно в полночь. Вряд ли сама полночь что-то особенное, просто удобная точка отсчета, к ней и привязывали различные культуры, не сговариваясь и не подозревая даже друг о друге, появление различных чудес, таинственных гостей и прочих явлений.

Перед глазами пошли плавать светлые пятна, одно из них сформировалось в женскую фигуру с пышными формами.

— Ух ты, — сказал я, — как давно тебя не видел!

Санегерия засмеялась.

— Все зависит от тебя. Я появляюсь только молодым и полным сил мужчинам. Чаще — юношам.

Я сказал обидчиво:

— А я кто, старый?.. По возрастной шкале я все еще व्यюнош зеленый!

— Я же сказала «полным сил», — объяснила она ве-

село. Она не двигалась, но ее медленно несло в мои объятия. Я сопротивлялся изо всех сил, а она добавила тоже торопливее: — А ты в последнее время чаще усталый, измученный... да и ешь кое-как, будто отшельник...

— Ладно тебе, — сказал я, — сейчас вот нажрался, так уж нажрался! За все дни сразу. Вообще худеть положено, комильфо. От мяса со специями холестерин заводится. Скажи, что в этой гостинице такого?

Она начала отвечать, однако мои руки уже стиснули ее мягкое сочное тело, такое нежное и сладкое, что я буквально взорвался в самом древнем из чувств. Санегерийя засмеялась, ее голос еще звенел в моих ушах, когда я обнаружил себя снова на своем ложе, сэр Смит похрапывает, в комнате тихо, два светильника у двери дают ровный бестрепетный свет.

Ладно, мелькнула мысль, надо наесться как следует жареного мяса с перчиком, тогда Санегерийя придет снова, только успеть бы порасспросить о всяком-разном, столько вопросов накопилось...

Легонько тренькнуло, словно напомнил о себе домофон или включился таймер кондиционера. На стене возник прямоугольник, очертаниями напоминающий просторную дверь. По контуру искрятся синеватые искорки, будто крохотные электрические разряды, сам прямоугольник захватывает часть гобелена, даже непонятно: под гобеленом он или поверх него.

Я торопливо метнул искру в кончик толстой свечи. Огонек поднялся слабенький, но острый и как клинком разогнал тьму. Мои руки поспешно хватали перевязь, пояс с молотом, зачем-то повесил за спину лук, как будто иду в лес или степь. Прямоугольник встретил едва слышным потрескиванием, волосы на голове зашевелились, наэлектризованные. Я протянул руку, кончики пальцев коснулись каменной стены. Разочарование было таким сильным, что вскрикнул мысленно: как же

так, должна быть дверь, я хочу войти, должен войти, почему не пускают, это же неправильно...

Камень начал разжижаться, пальцы продавились, как в мокрую глину, по фаланги. Ослепляющая радость хлестнула с такой силой, что я едва не вскрикнул: заботало!.. Ну же, еще, еще...

Погрузилась вся ладонь, затем рука вошла по локоть, по плечо. Я почти касался стены лицом, отворачивался, как мог, пальцы вроде бы на той стороне задвигались легче, что могло означать только одно...

Я трижды вдохнул и выдохнул, очищая легкие и насыщаясь кислородом, набрал в грудь воздуха, будто собирался нырнуть на дно Тихого океана, и ломанулся сквозь стену. На краткий миг, когда погрузился весь, а вокруг мягкая тьма, вспыхнул страх: я ж в камне. Сразу же руки, ноги, как и весь я, застыли в этом самом камне, в гранитном монолите.

Это дверь, сказал я себе яростно. Я пру через обеззараживающий шлюз. Сейчас на мне бьют всяких там вирусов, чтоб заразу не принес, только и всего. Я вот сейчас сделаю еще шаг... еще...

Руку все так же держал вытянутой, шевелил пальцами и чувствовал, что никакая субстанция им не мешает. Еще шаг, руку с легкостью согнул в локте, и через пару минут впереди забрезжил свет.

Я думал, что выдвинусь весь облепленный зеленой, именно почему-то зеленой, слизью, но высунулся из стены все такой же сравнительно чистый, с мечом за спиной и молотом у пояса.

Глава 8

Высунулся наполовину, застыл уродливым барельефом, ослепленный, потрясенный, с бегающими во все стороны, как у ворюги, глазами. Коридор настолько широк, что стремя в стремя проедут трое всадников,

пурпурная дорожка ковра под ногами уходит в бесконечность, по обе стороны отделанные благородными породами дерева стены, через каждые пять-шесть шагов золотом высшей пробы поблескивает дверь. Над каждой светится мягким ореолом круг, я зябко передернул плечами, показалось, что эти светящиеся точки уходят в бесконечность, а там происходит что-то эвклидово-римановское.

Царство геометрии, подчеркнутое, холодное, рациональное. Абсолютно прямой коридор с одинаковыми дверьми, с одинаковыми светильниками и одинаковыми значками на дверях. Как будто строили по принципу предельной упрощенности конструкции, в которой, однако, смутно проступает некая зловещая в нечеловечности красота.

Оглянулся, вот то место, где я протиснулся через Незримые Врата, назову для пафоса так, на всякий случай вытащил меч и нацарапал на стене не то крестик, не то знак Зорро. Лезвие, что рассекает стальные доспехи, как лист капусты, едва-едва оставило крохотную царапину.

Кстати, и в противоположную сторону тянутся все те же два светящихся пунктира, уходят вдаль, превращаясь в исчезающие крохотные звездочки. Однако вон там дальше, если не ошибаюсь, еще один коридор, что идет перпендикулярно. Сердце колотится бешено, я отсчитал шаги на тот случай, если вдруг царапина исчезнет, зарастет или же ее замажет какая-нибудь нечисть, на сороковом шаге открылся еще один коридор.

Осторожно выглянул, повертел головой справа налево и обратно. Свет такой же точно, коридор с рядами дверей и светящимися кружками. В обе стороны такая бесконечность, что жутко, в животе похолодело. В самом деле ощутил бесконечность пространства, замутило, а перед глазами поплыло, словно готов хлопнуться в обморок, как тургеневская барышня.

Оглянулся, надо бы возвращаться, рука коснулась ручки ближайшей двери. Абсолютно бесшумно дверь отворилась, просторная заставленная мебелью комната, с потолка рассеянный свет, я с порога быстро-быстро оглядел все, в животе похолодело от предчувствия беды.

На ложе, что посреди комнаты, спит укрытый до подбородка толстым одеялом крупный мужчина. Я издалека не понял, почему такое серое лицо, словно покрытое пеплом, ресницы чересчур мохнатые, вошел на цыпочках, приблизился и, задержав дыхание, наклонился к спящему. От моего движения, едва заметного, зашевелилась пыль, покрывающая лицо толстым слоем, поднялась в воздух, закружилась. Человек поморщился во сне, недовольно скривил толстые губы, будто по ним проползла крупная муха.

Я всматривался с сильно колотящимся сердцем. Такой слой археологи встречают в древних захоронениях, когда вскрывают гробницы, которым тысячи лет, но этот человек жив, просто спит, крепко спит...

Сдерживая дыхание, я медленно попятился к выходу. Пыль толстым столбом взвилась над ложем, я успел подумать, что опускаться в таком неподвижном воздухе будет месяцы, осторожно прикрыл дверь.

Коридор тянется в обе стороны пугающе одинаков, надо бы за неимением нити Ариадны бросать подобно гансугретхелю хотя бы куски хлеба, но не запаса, да и здешние домовые подберут... если раньше не успеют крысы и муравьи. Впрочем, крысы могут и не водиться в таком стерильном мире, но чтоб без муравьев...

Отсчитывая шаги, вернулся, не сразу обнаружил царапину, сердце екнуло: вдруг да пошел в другую сторону, так все геометрически правильно и абсолютно одинаково.

— Собаки метят, а мне как?

Вопрос повис без ответа. Я постоял, повертел головой, рискнул подергать за ручку ближайшую дверь. Без

скрипа, как будто и не дверь вовсе, отворилась, я постоял на пороге, всматриваясь в обычный, по сути, гостиничный номер, меблированный просто и даже бедно, но с той ужасающей простотой, что выплывает только в результате долгой и кропотливой работы дизайнеров.

На той стороне единственное окно, колышутся кроны деревьев, а в просветы холодно и загадочно смотрит зеленая луна. Я подошел к окну зачем-то на цыпочках, напряженно всмотрелся. Возле огромного дерева промелькнула гибкая женская фигурка. Длинные волосы падают на прямую спину, лицо в тени, я успел только рассмотреть небольшие округлые груди, еще бы я их не рассмотрел, а когда девушка повернулась, мне почудились за спиной сложенные крылья.

Против воли шелохнулось раздражение, только эльфов или дриад не хватает, ненавижу такое неопрятное смешение жанров, это же дурной вкус, как этого не понимают идиотики. Для них пестрое платье цыганки, сшитое из множества ярких лоскутков, безобразное и бесформенное, предпочтительнее строгого и изящного костюма от модельера со вкусом. А Господь наш еще тот дизайнер, вкус у него о-го-го, недаром же он лучшим из людей вылепил меня...

Я всматривался так, что глаза от натуги лезут наружу, девушка прошла через полосу света, я перевел дыхание: за спиной вовсе не дурацкие крылья, а обычный походный рюкзак, а на поясе вместо кинжала с драгоценностями в рукояти тускло блеснула отполированным металлом рукоять... бластера. Все исчезло, только ветви деревьев подрагивают под ударами невидимого ветра.

— Глюки... — прошептал я, сердце сладко заныло, отказываясь верить, что это всего лишь обман зрения. — Галлюцинации, как сказал бы... а вдруг нет?

Не отводя взгляда от окна, попятился, почему-то уверенный, что больше ничего не увижу, кроме леса, а в

нем ничего особенного, деревья и деревья. Может быть, какие-то неземные виды, но не мне в них разбираться.

Дверь так же мягко захлопнулась. Я постоял в коридоре, унимая сердце, осторожно передвинулся к соседней двери, потрогал ручку: заперто, перешел к следующей: тоже закрыто, зато дальше сразу же подалась, я остановился на пороге, раскрыв рот. По идее, комната должна быть такой же, как и вид в окне: тот же лес, те же колыхающиеся кроны, однако если комната ничем не отличается, то за окном...

Я не мог сдвинуться с места: за окном залитая солнцем, огромная хрустальная гора. Лишь спустя минуту сообразил, что это целый город, прекрасный, дивный, сказочный: весь из башенок, минаретов, удивительно красивых гармоничных зданий — все сверкающие, словно гениальные дизайнеры высекли из прозрачного льда эти дивные здания. Свет искрится и переливается на каждой грани, глазам больно, я шурился, в то время как сердце трепещет от счастья, что повезло увидеть такую красоту.

Подойдя вплотную, я жадно смотрел на город, печаль стиснула сердце. Некто, используя высочайшие технологии, о всей мощи которых я не могу даже строить догадки, сумел сделать множество комнат, просто комнат для постояльцев гостиницы. Самые лучшие, какие знал: с гобеленами на каменных стенах, с широким ложем и резными ножками, еще и балдахин сверху, широкие чаши светильников в стенах, дубовый стол и массивные стулья с резными спинками. Большого фантазия дизайнера накрутить не могла, он отыгрался в количестве комнат. Что-то мне кажется, сэр Смит не сумел бы их пройти, даже если бы бежал без остановки всю жизнь, а жил бы бесконечно долго. Возможно, дело не в глубоком туннеле, а что-то с пространством-временем. Возможно, хоть это и выглядит дико, но все эти бесчисленные залы помещаются в один, вложенные, как...

Конечно, все может иметь совсем другое объясне-

ние, но в любом случае мое лучше, чем то, что этот коридор ведет прямехонько в ад, откуда поднимается нечисть и постоянно обитает в этих комнатах.

Чтобы не заблудиться, я прошелся только по одному из коридоров вдоль стены, зашел еще раз наугад в номер, дверь которого сумел открыть, обошел комнату, притрагиваясь к вещам, проводя кончиками пальцев по резным завитушкам на деревянных панелях. На краю стола поблескивает медными боками колокольчик, я машинально взял, повертел в пальцах. Язычок тихонько звякнул о стенки, раздался негромкий мелодичный звон.

Вздвогнув, я поспешно опустил его обратно, но дверь уже открылась, в проеме появилась женская фигура. Сердце мое замерло, а женщина неслышно одолела разделяющее нас пространство и, остановившись в двух шагах, сказала почтительно:

— К вашим услугам, мардорг. Что изволите?

Я ошалело смотрел в ее нечеловечески прекрасное лицо с огромными миндалевидными глазами, желтыми, как растопленный мед, высокими скулами и длинными остроконечными ушами, такими нежными и розовыми, что просвечивают даже при таком неярком свете. Мочки ушей оттягивают массивные серьги, камешки переливаются всеми цветами, вырез платья достаточно целомудренен, однако низ... лучше не опускать взор, лучше не смотреть...

С трудом удерживая взгляд в замороженном состоянии, я проговорил медленно:

— Да я так, осматриваюсь... Что можете предложить?

В ее огромных янтарных глазах мелькнуло недоумение.

— Предложить?..

— Да, — подтвердил я, — с чего мне здесь начать?

— Не поняла вопроса, мардорг... Господин изволит почивать... или восхочет сперва поужинать?

— Восхожу, — ответил я. — А что, подают прямо в номера?

Она замедленно кивнула, не отрывая взгляда от моего лица. Мне показалось, что на ее лице проступает замешательство, как будто начинает понимать, что я не совсем прежний постоялец. А может быть, и вовсе незаконный. Остроконечные ушки шелохнулись, кончики заалели ярче, просвечивая так сильно, что я мог бы сквозь них прочесть газету.

— Да, — ответила она очень мелодично, — но если на то будет ваша воля...

— Будет, — согласился я.

— Тогда извольте...

— Изволю, — ответил я.

Она молча наклонила голову, прошла мимо, я после паузы двинулся за нею, стараясь не особенно пялиться на обнаженный зад. Между гобеленами с изображением битв и охоты, что-то убогая фантазия у художников, подчеркнуто скромно проступает прямоугольник двери. Я не увидел ручки, но при нашем приближении створки распахнулись, яркий свет на мгновение ослепил. Я вошел деревянными шагами в огромный, сверкающий начищенными подсвечниками, щитами и мечами на стенах, рыцарскими доспехами в полный рост в каждом углу, величественный зал, где посередине всего один стол, однако невероятной длины. И если на том конце сядет дама и попросит меня передать солонку, я прикажу сперва привести коня. Такие столы уже видел, а насчет коня если не говорил, то скажу, такие остроты надо держать наготове, чтобы выглядеть своим парнем в любом кругу.

Хотя что за бред, откуда здесь дамы. Я подошел к креслу у торца стола, тут же появился подтянутый, как французский гренадер, лакей, взялся за спинку и ловко отодвинул стул, а когда я встал у стола, придвинул. Мне осталось только опуститься, все точно, можно даже не двигать задом, устраиваясь.

Я привычно уже хотел было пробормотал начальные слова благодарственной молитвы, ну там где за хлеб за соль, но сдержался, вдруг здесь не принято, а Бог не обидится. Его наверняка смешат все эти наивные попытки угадывать его задумки и читать ему смешные плохо зарифмованные стишки, а то и вовсе белые.

На первое подали горячую уху, пахнет дивно. Я быстро работал серебряной ложкой... ага, вампиров и нечисти нет!.. обжигался, глотал, поглядывал на слуг. Безучастные, молчаливые, они подают блюда абсолютно безукоризненно. Но когда я наклонялся к тарелке и зачерпывал горячую уху, что-то как будто сдвигалось в восприятии. Наконец я ухитрился поглядывать самым краем глаза, ближайший ко мне слуга сразу же потерял четкие очертания.

Сдерживая дрожь, я начал есть уже медленнее. Остальные слуги тоже выглядят смутно, хотя, когда смотришь не в упор, все видится не в фокусе, но не настолько же. Однако опустевшую тарелку убрали вполне реальные руки, взамен поставили на изящной подставке огромную сковороду, где в кипящем масле потрескивает, зажариваясь, огромный ломоть ветчины в окружении дюжины яиц.

Я ткнул огромной двузубой вилкой, мясо зашипело. Придерживая вилкой, отрезал ломтик, пахнет одуряюще, осторожно попробовал, хотя нюх не обманывает: самое натуральное, без пестицидов и нитратов, модифицировано именно так, чтобы и все полезные вещества сохранить, и дать как можно больше наслаждения желудку.

— Великолепно, — сказал я. Отодвинуть тарелку не успел, ее тут же убрали, взамен подали вино в стеклянном кувшине. Может, и не в стеклянном, но сквозь прозрачные стенки я любовался насыщенным красным цветом. Подумал, что за стенами этой гостиницы стеклянных кувшинов не видел, как и вообще изделий из стекла. — Что за вино?

— Калантларское, — произнес над ухом исполненный почтительности голос, — урожай года три тысячи семьсот двенадцатого...

— Ого, — сказал я. — А это по какому летосчислению?

Недоуменное молчание было ответом, наконец прозвучало вопросительное:

— Простите...

Я торопливо отмахнулся.

— Неважно, не ломайте головы, а то контакты перегорят. Вино великолепное, это главное. И вообще хорошо у вас.

— Благодарим вас, мардорг.

— Да-да, — подтвердил я, — запишите в книгу предложений мое мардоржье благоволение. Я доволен прямо как два мардорга!

Я пил маленькими глотками, вообще-то я человек непьющий, это совсем не то, что трезвенник, то уже патология, а именно непьющий, что значит — не пью с получки и аванса, не пью при любой встрече, а на всяких торжествах предпочитаю легкие сладкие вина, чтобы не обжигало глотку, как коньяк или водка, да и сладкие употребляю самую малость, люблю, когда голова работает, а не балдеет.

— Что на десерт?

Я подумал, хрен знает, что здесь подают, меню не предложили, не ресторан, отмахнулся с небрежностью завсегдатая.

— Свое фирменное.

— Слушаюсь, мардорг...

Она вышла за дверь и тотчас же появилась с подносом на вытянутых руках, словно в коридоре уже ждали и вручили тут же. Я сделал вид, что меня ничего не удивляет, я же мардорг. Даже заставил себя не опускать взгляд ниже подноса, тупо и неподвижно смотрел, как передо мной на огромном блюде колышется розовый,

как уши горничной, прозрачный шар из студня, слегка приплюснутый гравитацией и похожий на гигантскую каплю сиропа. Я взял нож и вилку, но вдруг брызнет, кто знает, как здесь есть... и внезапно поймал себя на том, что в самом деле держу в руках вилку. А ведь во всех королевствах за столом пользуются только ножом и ложкой, в основном же просто хватают руками все, мужчины и женщины. Ну, пусть не хватают, женщины берут изящно, но все-таки жир стекает по их изящным пальчикам, они облизывают их длинными розовыми языками вплоть до локтей...

Поверхность заколыхалась, когда я коснулся ложкой, прогнулась, однако металлический край погрузился, как ковш бульдозера, я подрезал умело, отделившаяся часть в ложке приняла каплеобразную форму, словно ртуть, а на большом ломте студня выемка мгновенно затянулась.

Официанты не двигаются, я поднес ложку ко рту, пахнет изумительно, осторожно тронул губами. Огромная красная капля скользнула в рот, обожгла, поспешно провалилась в пищевод, прежде чем я успел задержать во рту. Я задохнулся от ощущения свежести, чистоты и необыкновенного вкуса. Перед глазами словно бы упала пелена, я стал видеть отчетливо все завитушки в темных углах, а мозг заработал так, что я смог бы назвать телефоны всех случайных знакомых, которые записывал только из вежливости и никогда не звонил.

— Восхитительно, — выдохнул я. — Передайте повару, я в восторге! Он просто гений.

Со всех сторон донеслись тихие голоса, исполненные почтительности:

— Благодарим вас, мардорг...

— Спасибо, мардорг...

— Он будет счастлив, мардорг...

Сообразив, что это уже десерт, я поднялся, широко улыбнулся.

— Вообще все было очень вкусно. Замечательно. Вы хорошо поработали, ребята. Все свободны!.. Нет-нет, а ты, лапочка, подожди. У меня пара вопросов.

Глава 9

Я двинулся обратно, проводя пальцем по стене и подсчитывая двери. Начиная с десятой начал дергать двери, некоторые закрыты, как и ожидал, в некоторые смог заглянуть, вот и пятнадцатая... Сердце екнуло и, сорвавшись с мышцы, рухнуло в бездну. Ноги стали ватными. Вот в этом самом месте я оставил царапину, помесь косого креста со знаком Зорро, но сейчас кончики пальцев скользят по абсолютно гладкой поверхности.

— Не верю, — проговорил я дрожащим голосом. — Проход есть... должен быть! Петухи еще не кричали. Да и вообще, при чем здесь пернатые...

Сосредоточившись, я ломился в стену, делал шагок в сторону и снова ломился. Уже решил, что останусь в этом мире навсегда, как вдруг пальцы погрузились, как в мокрую глину. Радость нахлынула такая ликующая, что я шагнул сквозь стену, как будто через затемненный участок пространства, куда не достигает свет, и тут же оказался в нашей комнате. В глубине — ложе со скомканным покрывалом, а на другом сладко похрапывает сэр Смит. Усы распушились и угрожающе шевелятся. Мне показалось, что на кончиках скачут мелкие электрические разряды.

Я оглянулся, на стене медленно гаснет светящийся прямоугольник. У Смита на лице счастье до ушей, словно уже выиграл турнир и назначает захваченным в плен баснословные выкупы. Я прикинул по огарку свечи, что скоро утро, во всяком случае, рассвет, хотя для меня рассвет вовсе не утро, а, напротив, дикая глубокая ночь, когда настоящие орлы возвращаются домой.

Вообще-то, вторгаясь через зачарованную дверь, я

ожидал что-то вроде троллей, гоблинов, эльфов, фей, гномов, горгулий, горгон, оборотней, летучих мышей размером с кабанов, даже единорогов и драконов. Это как-то присуще этому миру, да и на щитах у съехавшихся на турнир такие чудища, что поневоле начнешь оглядываться, но то, что увидел... да, это круче. Эскаваторы и асфальтовые катки всегда круче, чем огры, а СУ-27 — чем огнедышащие драконы.

Свеча догорала, за окном бледный рассвет окрасился алым, затем растекся по небу пурпуром. Я осмотрел себя в зеркале, всем хорош, даже бледность от бессонной ночи придает лицу значительную интеллигентность. Жаль, не оценят, гады. Здесь чем морда шире и краснокирпичее, тем ее владелец больше тянет на академика. В местном эквиваленте уважения, понятно.

С ложа донесся мощный всхрап. У Смита усы и во сне драчливо торчат в стороны, настолько наглые, что как будто каждого встречного называют придурком...

Я поправил перевязь с мечом, провел пальцами по рукояти молота, все на месте, после путешествия по зачарованной гостинице, вовсе не сытного ужина, переходящего в завтрак, не так уж и тяжел, постучал носком сапога по ножке кровати.

— Сэр Смит, сэр Смит!.. Трубы ржут, кони поют, рыцари стучат копытами!.. Пора в бой.

Он вскочил, вслепую пошарил руками и прокричал:
— Коня!.. Уже иду, не закрывайте ворота!

Открыл один глаз, всмотрелся, на лице отразилось недоумение, я мало похож на коня, хотя вообще-то еще тот конь, огляделся, наконец все понял, всплеснул руками.

— Сэр Ричард, ну что вы в самом деле! Мне такое снилось, такое...

Выглядел он... утомленным, нет, свеж, как огурчик, но все же заметно, что в своем ярком и насыщенном сне погулял, погулял. Даже развлекся, оттянулся, до сих пор с лица не сходит ошалелое выражение.

— Одевайтесь, — посоветовал я. — Здесь не сообразишь, который час. В окно чего только не померещится. Вдруг уже полдень?

Он торопливо хватал одежду, застегивал ремни, руки тряслись, и вообще выглядел так, будто выпил три чашки крепчайшего кофе.

— Сэр Ричард, — проговорил он, запинаясь, — неужели таков у неверных рай?..

— Что, — поинтересовался я, — гурии одолели?.. Все нормально, сэр Смит, здесь чуть продвинутое технологии. В моих землях приходилось одной рукой...

Он переспросил:

— Одной? Почему?

— Вторая занята мышкой, — ответил я, он смотрел непонимающе, я отмахнулся: — Забудьте, сэр Смит. Ничего здесь противного церкви нет. Это так... третья сила. Церковь — одно, нечистая сила — другое, а технологии — третья. Мы с вами остаемся слугами святой церкви. Мне вообще-то не нравится само слово «слуги», но ведь охотно называем себя слугами и даже рабами чести, долга, слова?.. Так и здесь мы слуги не попов, а великой идеи, для реализации которой и создана такая громоздкая и порой раздражающая структура, как церковь.

Солнце едва-едва высунуло краешек над дальним лесом, все еще черным, как горная цепь из угля, но во дворе уже суматоха. Слуги носят от колодца воду, из поленицы — березовые кругляши, вкусно пахнет из лачуги хлебопека, постукивают молоты в кузнице, как будто жизнь и не прерывалась на ночь. А может, и не прерывалась, после турнира отоспятся.

Когда мы вошли в главный зал, хозяин вздрогнул, отшатнулся, даже чуточку сбледнул лицом. Я кивнул высокомерно, как должен вести себя с простолюдином феодал, а я феодал, надо не забывать, и в то же время взглянул дружески, как человек, который хорошо выспался, всем доволен.

— Хорошо содержишь, — сказал я громко. — Мы изволим быть довольны!.. Вот тебе пока еще пару золотых. Он наконец сумел разомкнуть застывшие синие губы.

— Р-р-рад... что вашей милости понравилось...

— Не то слово, — заверил я. — Мой друг, доблестный сэр Смит, в восторге!

Он быстро взглянул в лицо мне, признавая главным все-таки меня.

— А вам... сэр?

— Мне тоже, — ответил я серьезно. — Правда, я не развлекался, как сэр Смит, зато было время пообщаться с другими обитателями номеров, поговорить. С одним даже сыграл в кости... Или во что-то другое, не помню. Помню, что выиграл, это главное. И колодой по шнобелю, по шнобелю...

Его лицо вытянулось, глаза метнулись из стороны в сторону, никто не услышал ли, почти прошептал умоляюще:

— Ваша милость, у меня там никто не живет!

— Ты просто забыл, — сказал я. — Или, может, еще твой отец поселил? Судя по всему, живут там давненько. Если не платят, это не дело. Напомни!

Он отшатнулся, выставил перед собой ладони.

— Ни за что!.. Как я могу себе такое позволить?

— Согласен, — одобрил я, — со знатными господами нужно быть учтивым, понимать свое место. Но и знатные, в свою очередь, должны, да... должны! На этом зиждется принцип, верно? Да, принцип. Ладно, мы пошли осматривать город, а ты пока пошли прибрать комнаты...

Его затрясло, а сэр Смит сказал укоризненно:

— Сэр Ричард, чего там убирать? Мы не буянили, мебель не ломали, ничего не сожгли. Местных не портили.

Я подумал, кивнул хозяину ободряюще:

— Впрочем, можешь никого не посылать перестилать нам простыни. Сэру Смигу и так перестилают каж-

дые полчаса, а я всю ночь играл в карты, постель... ну, чуть-чуть примята.

Он вздохнул с великим облегчением, это ж какая служанка рискнет в зачарованную комнату, да и вообще про них кто знает, а слухи и есть слухи. Вот болтают же, что у графа Этерлиха три головы, а это явные враки. Никогда у него трех голов не было, всего две, да и то не слишком уж и прожорливые или говорливые.

Глава 10

Позавтракали наскоро, я словно невзначай завел разговор за соседним столом о самой гостинице, заговорили охотно, что значит, поговорить есть о чем. Судя по обрывочным упоминаниям, кои я старательно сводил воедино, этот постоялый двор всегда был им, называясь то гостиницей, то приютом, то караван-сараям, а то и убежищем. История его тянулась до Последней Войны, а оттуда еще дальше. Это место упоминаемо в период между Пятой Войной Магов и Шестой, а значит, тогда это место могли использовать как-то иначе. Или полнее, если это и тогда уже была гостиница с неограниченным запасом номеров.

В конюшне Зайчик мирно хрустит отборным зерном, полные ясли, на коней в соседних стойлах ноль внимания. Конюшня чистая, вода свежая, хозяева блюдут высокую марку, растерять богатых клиентов куда легче, чем приобрести.

Сэр Смит ждал во дворе, бодрый, задиристый, с воинственно торчащими усами.

— Идем подавать заявки?

— Да, — ответил я, — куда вы с копытом, туда и я с клешней.

— Кони пусть отдохнут, — предложил он.

— Знамо дело, — согласился я. — Они всегда устают больше, чем мы. Значит, нам Господь уготовил ношу

побольше, чем каким-то коням, слонам или даже левиафанам.

По городу проехали герольды, под звуки труб возвестили, что сегодня в полдень состоится свадебная церемония: благородный король Фердинанд Барбаросса берет в жены Алевтину, дочь короля Джона Большие Сапоги, властелина богатой и цветущей земли королевства Фоссано, благодаря чему наступит вечный мир и благоденствие, ибо никто и никогда не посмеет напасть на объединенные силы двух могучих королей. На всех перекрестках прокричали, что действо произойдет в храме Каталаунской Девы. В городе праздничная суета, горожане вырядились в лучшие платья, всюду радостные вопли, а то и песни, что значит, кто-то уже начал праздновать свадьбу короля, который последние десять лет вообще не показывался в столицу, расширяя мечом и укрепляя пределы.

Со всех сторон радостный гомон, все лавки открыты, торговцы охрипли, зазывая покупателей, но торговля идет бойко, несмотря на поднебесные цены, мы протолкались через толпу и вывалились за городские ворота. Навстречу прут тяжело груженные телеги, колеса трещат под тяжестью забитых оленей, кабанов, выловленной рыбы. Воздух дрожит от рева скота, этих гонят на городскую бойню, приезжих надо кормить, это хороший доход всем, кто вовремя сообразил о прибыльности турнира.

По дороге я взбежал на ближайший холм, ахнул. Народ продолжал прибывать и ночью, вон там, где вчера цвело яркими красками не больше двух десятков шатров, сейчас их почти сотня, а еще масса народа расположилась у костров. Большинство, понятно, дрова рубит в Темной Роше, горожане могут только втайне ликовать: пораспугают лесную нечисть, а часть и попросту перебьют.

Турнирами грезят не только juvenes, но даже короли, не говоря уже о принцах, герцогах и прочих аристо-

кратах высшего общества. Говорят, молодой король из соседнего крохотного королевства Вендовер привел с собой пятьдесят рыцарей, но и его перешеголял герцог Утерлих, в свите которого сто рыцарей и две тысячи пеших солдат. Впрочем, насколько я помню, король Генри приводил с собой тоже по сотне рыцарей, из них только графов бывало по трети.

Сзади ударила тугая волна сжатого воздуха. Я мгновенно развернулся, мелькнуло огромное черное тело, летящее прямо мне в грудь. Я напрягся и подался вперед, столкнулись, горячий язык облизал мне нос, подбородок, щеки, а снизу восторженно кричал Смит:

— Сэр Ричард, вы развернулись как молния! Я такого еще не видел!

По дороге спешила тощая фигура в монашеском одеянии, Смит даже не оглянулся, когда Кадфаэль вырос за его спиной, замахал руками.

— Брат паладин... Брат паладин!

На этот раз Смит нахмурился, грозно повел усами, как рассерженный таракан.

— Эй, ты, чучело!.. Как ты смеешь так обращаться к благородному господину?

— Все в порядке, сэр Смит. Я ведь рыцарь духовного звания... ну, почти. А это брат Кадфаэль, мы с ним немало чертей погоняли...

Смит кисло посмотрел на монаха.

— А что это он вас, сэр Ричард, так...

— Оскорбляет?

Он чуть смутился.

— Я не то хотел сказать.

— Неважно. Я и есть паладин. А что другие будут знать... в чем-то это и хорошо. Это как будто смотрят на человека со связанными руками. А на самом деле у него руки вовсе не связаны!

Он не понял.

Я торопливо сбежал с холма, Пес несся рядом и под-

прыгивал, стараясь если не лизнуть в ухо, то хотя бы пихнуть меня, вдруг да упаду, тогда можно будет напрыгивать и делать вид, что терзает меня, как пойманную утку. Брат Кадфаэль с чувством обнял меня, глаза светятся, под глазом изрядный кровоподтек, лицо бледное, нижняя челюсть полиловела и распухла. Сэр Смит нахмурился еще сильнее, даже оглянулся в неловкости: не видят ли, что оборванный монах обнимается с рыцарем, и не сделать ли вид, что он не с нами, а так, мимо проходил. Я постарался не допустить из себя утешки целительной силы паладина — раньше исходила произвольно, теперь умею обуздывать, — и фингал под глазом Кадфаэля остался таким же вызывающе лиловым, как переспелая слива.

— Брат паладин, — сказал Кадфаэль с жаром, — надо успеть поклониться святой Деве Кatalаунской, а то начнется венчание, туда уже не попасть и познатнее особам, чем мы!

Сэр Смит буркнул с неприязнью:

— Лучше уж святому Клименту. Он покровительствует воинам, а Кatalаунская Дева... если не ошибаюсь, младенцам да скорбящим матерям?

— Верно, — подтвердил Кадфаэль, — потому надо идти к Деве...

Я логику монаха не понял, перед турниром логичнее подсушиться перед покровителем бряцающих железом, но сказал с уверенностью стратега:

— Сперва — к Деве!.. На обратном пути заглянем к Клименту. Самое важное надо оставлять на конец.

К счастью, остальной народ в сторону храма Кatalаунской Девы пока только поглядывал. Еще раннее утро, мы, пожалуй, первые, кто направился в ее сторону. Сэр Смит внезапно ругнулся, брат Кадфаэль осенил себя крестным знамением, а Пес насторожился, зарычал. Короткая шерсть встала дыбом, мышцы вздулись и ока-

менели, глаза налились красным и запылали, как раскаленные угли.

— Тихо, — велел я, оглядываясь и не видя опасности, — тихо!

По дороге в город все еще едут рыцари, жаждущие схваток, кто в одиночку, кто группами, но сэр Смит неотрывно смотрел на одного всадника, что пустил коня рядом с дорогой. Тот с такой легкостью несет по бездорожью, что в его сторону оглядываются с ревнивой завистью.

— Плащ! — произнес сэр Смит.

Конь идет под всадником легко и красиво, но если у всех ветерок треплет плащи, конские гривы и хвосты, то этот двигается в странном безветрии. Даже черный капюшон, надвинутый глубоко на лицо, не шелохнется. И конь скачет слишком ровно, будто плывет, длинная грива ниспадает, как приклеенная...

Брат Кадфаэль перекрестился и громко произнес длинную фразу по-латыни. Пес продолжал рычать, но теперь рык kloкотал глубоко в горле. Всадник уже удалялся, но я видел, как вместе с конем замедлил бег, оба начали бледнеть, а затем расплылись в утреннем воздухе, словно клочья тумана.

Сэр Смит с уважением взглянул на Кадфаэля.

— А монашек, оказывается, что-то может.

Кадфаэль бледно улыбнулся.

— Да и собачка кое-что чувствует...

Он пробормотал еще что-то, осенил крестным знаменем дорогу. Лицо оставалось очень серьезным, брови сдвинулись, над переносицей возникла глубокая вертикальная складка, что, как известно, признак врожденного порока печени.

Храм приближался, дорога утоптанная, хотя не настолько, как я ожидал, что и понятно: Каталаунская Дева защищает эти земли так давно, что народ эту защиту принимает как само собой разумеющееся, за что не нужно даже говорить спасибо. Правда, возле входа трепещут по

ветру штандарты святой церкви, я не силен в распознавании знаков отличий, это сэр Смит, опередив брата Кадфаэля, сообщил, что храм почтит сам архиепископ.

— Он вчера был, — поправил брат Кадфаэль. — А штандарты оставил в знак того, что еще придет поклониться перед отъездом. Дело в том, что архиепископ Кентерберийский хочет воспользоваться турниром, чтобы укрепить влияние святой церкви! Мы не должны смиряться с тем, что в одном городе и церковь, и языческие капища! А то и вовсе храмы.

Я смолчал, ибо если судить по речам брата Кадфаэля, то Юг по каким-то причинам блюдет установившееся равновесие, это церковь начинает раздувать пламя нового крестового похода. С другой стороны, может, там замечено оружие массового поражения в руках нестабильных режимов, или же там угнетаются христиане? Или, что важнее того, обнаружены несметные запасы нефти?

На обширной площади перед храмом Каталаунской Девы собирается толпа, пока еще редкая, из отдельно стоящих кучек зевак. До полудня далеко, потом здесь будет толчея, ребра затрещат.

На ступенях храма глубокая тень, сердце мое тревожно дернулось, тень намного объемнее и глубже, чем должна быть. Сэр Смит первым взбежал ко входу, очень живой и реальный, оглянулся, оптимистический, как кот в сапогах, подмигнул и толкнул двери.

Открылся просторный зал, абсолютно пустой, и только из противоположной стены наполовину выступает женская фигура в старинном одеянии, что умело скрывает фигуру и в то же время неуловимо выдает женственность, девичью свежесть целомудренного тела. В те времена, похоже, распущенные волосы считались распутством, потому платок закрывает лоб по самые брови, как хиджаб у мусульманок, что лишь подчеркивает овал лица с его изумительно правильными пропорциями. Правильными в том значении, что я смотрел на

эту женщину, не сказать, что красивую, но — прекрасную, и мои губы сами прошептали:

— Она... она... божественна!

— Симон Волхв, — ответил Кадфаэль тоже шепотом, — видел ее...

— Являлась ему? — спросил Смит понимающе.

— Нет, ровесник... Если не старше.

Оба смотрели с благоговением, приблизились тихо-хонько, медленно, опасаясь неосторожным словом или жестом нарушить торжественную тишину. Брат Кадфаэль опустил на колени и начал молиться. Сэр Смит тоже преклонил колени, перекрестился и прошептал несколько слов. Оба оглянулись на меня, я успокаивающе выставил ладони. Я — паладин, мы с Богом общаемся несколько иначе. Во всяком случае, не через секретаршу. А здесь так и вовсе через привратника.

Пес благовоспитанно держится рядом со мной, тихий, как мышка. Понимает, что, если чуть напомнит о себе, тут же выгонят. У стены справа массивный алтарь, дыхание мое сбилось, всем существом ощутил древность и... святость, что ли, хотя и для меня смешны эти пьяные попы, уверяющие о чудотворности икон. И сама церковь категорически отрицает чудодейственность как икон, так и всех этих вещей, принадлежавших святым или даже самому Иисусу: власянице, гвоздям или кусочкам дерева из его креста. И ведь сам понимаю, что все это дурость, но всем существом своим чувствую и святость, и величие, и незримую мощь...

Я вдыхал полной грудью, чувствуя, как проясняется сознание. Там, снаружи, воздух уже с утра жаркий, сухой и царапающий пылью горло, а здесь прохлада, чистота, словно работают бесшумные кондиционеры. Взгляд зацепился за странный выступ в левой стене: морда льва, это привычно, все высекают морды львов и драконов, никто — оленя или козы, но этот лев вырублен как будто из цельной льдины. Или из огромного

куска горного хрусталя. Или алмаза, но не простой камень, не простой.

Пока мои друзья бьют поклоны, я, как жидомасон с более высоким допуском, прошел к художественному творению. На уровне моей груди морда льва, из разинутой пасти вытекает жиденьякая струйка воды, бесшумно ныряет в небольшой бассейн, обрамленный обыкновенным камнем. Я такие фонтаны уже видел в исторических центрах: в Петергофе, в Риме и Неаполе. Правда, в Риме и Неаполе — в передаче «Путешествия». Струйка тускло блестит, в небольшом бассейне пузыри, но не мешают рассматривать на дне мелкие монеты. Водоем огражден обычными камнями.

Сзади тяжелые шаги, я спросил, не оборачиваясь:

— Сэр Смит, это более позднее творение?

Он встал рядом, перекрестился с великим благоговением.

— Говорят, его тоже создал сам Симон Волхв. Или один из учеников. Это же Святой Источник!

— Ого, — сказал я, — значит, если побрызгать, сгинет любая нечисть?

— Да!

— А еще что можно?

— Ну, — ответил он в затруднении, — можно пить. Главное, Источник дает самую лучшую воду, какую возжелаете! Ну, если хотите, скажем, любой сок — пожалуйста! Только скажите, какой. Или хорошо представьте. Изволите свежий березовый среди лета или осени? Только молвите! Да что угодно, хоть даже масло... Нет, масло вроде бы не дает...

Я во все глаза рассматривал источник.

— И что же, вода станет такой, какую я пожелаю?

— Ну, — сказал он и тяжело вздохнул, — к сожалению, вода не может стать вином...

— Почему?

Он задумался, вздохнул.

— Наверное, Симон в тот день мучился похмельем. Иначе в первую очередь научил бы источник превращать воду в вино. Но, увы, так уж получилось.

— Или желудок больной, — предположил я.

Сэр Смит оскорбился:

— Больной желудок только вином и лечат! Вообще вином лечат все болезни!

— Да, — согласился я, — капля никотина убивает лошадь, а капля хорошего вина — и лошадь снова на ногах!

— Вот-вот, — поддержал сэр Смит. — Вино, если честно, даже лучше, чем женщины. Вино бьет только в голову, а женщина — куда попало.

Подошел брат Кадфаэль, лицо восторженное, еще раз пробормотал начальные слова молитвы, подставил ладони под струю. Мне показалась, что вода слегка изменила цвет. Кадфаэль напился, вознес хвалу Пречистой Деве. Сэр Смит, запинаясь, сказал несколько слов из благодарственной молитвы. Вода полилась просто ледяная, я чувствовал ее холод, затем побежала струйка, исходя горячим паром, Смит на этот раз не подставлял ладони, только смотрел с интересом, экспериментирует, богохульник, я наконец подошел вплотную к барьерчику и проговорил медленно:

— А мне — дистиллированную.

Глава 11

Струя прервалась, несколько мгновений мы с ожиданием смотрели на блестящее мокрое отверстие в пасти льва. Сэр Смит разочарованно вздохнул, от такого странного заклęcia ожидают невесть чего, и тут в глубине львиного естества зафыркало, заклокотало, слышались странные звуки, словно труба старается высморгаться. Пошла рваными толчками вода: желтая, дурно пахнущая, местами даже красная. Кадфаэль ахнул, я же узнал примесь ржавчины.

Пофыркая, струя выровнялась, выгнулась дугой и пошла с невиданным напором — искристая, веселая, звенящая. Мне почудилось, что весь лев задрожал от страсти, наконец-то получив долгожданный заказ.

Я осторожно подставил ладонь, вода прохладная, поднес к губам. Кадфаэль и сэр Смит смотрели, затаив дыхание, как я сделал осторожный глоток. Язык и нёбо ощутили знакомый привкус... вернее, отсутствие всякого привкуса, что воспринимается организмом тоже как сильный привкус.

Я допил из ладоней, эти оба смотрят во все глаза, то ли ждут, что превращусь в дракона, то ли вырасту вдвое, но ничего не происходило, слышались разочарованные вздохи.

Кадфаэль спросил осторожно:

— Сэр Ричард... вы получили?..

— Да, — ответил я. В моем голосе прозвучало изумление, оба снова уставились с новой надеждой. — Вот уж не думал...

— Это что, волшебный напиток?

— Основа, — ответил я, посмотрел на их серьезные лица, пояснил: — Основа для многих... волшебных напитков. Ладно, друзья, здесь нам не обломится. Пошли взад. Надо успеть зарегистрироваться для участия в турнире до начала свадьбы.

— А к святому Клименту? — напомнил Смит.

Я отмахнулся.

— Если успеем. К нему можно и в другой раз.

Яркий свет ослепил, мы вышли, шурясь, как братские народы, издали донеслись испуганные крики. Сэр Смит тут же ухватился за рукоять меча и воинственно шагнул в слепящий день, брат Кадфаэль забормотал молитву и отступил на шаг, я усиленно моргал, пока не разглядел, что народ вовсе не протестует, что мы в храм заходили с собакой, все выбегают на открытые места и с громкими воплями тычут пальцами вверх.

В небе плывет, почти не шевеля крыльями, исполинский, настолько исполинский, что таких просто не может быть, дракон... даже не дракон, просто это слово первым лезет услужливо, а нечто чудовищное, невозможное, чуждое этому миру, светящееся, как глубоководный червь, покрытое электрическими разрядами, рогатая голова в огнях святого Эльма. Пространство вокруг него ощутимо прогибается, близкое облачко мгновенно растаяло, а те, что подальше, начали быстро истончаться.

Существо слегка изменило угол наклона крыльев, теперь больше походит на исполинского ската, заряженного уже не электричеством, а термоядом, если не чем-то похуже. На темном теле выступы, именно они горят дьявольскими огнями, теперь вижу, что все тело окружено мелкой сеточкой электрических разрядов, то ли защита, то ли выброс лишней энергии.

Сэр Смит вскричал:

— Церебальд!.. Это же сам Церебальд!..

— Что за зверь? — спросил я пришибленно.

— Церебальд, — повторил Смит, как глухому. — Разве не слышали?.. Из очень уж дальних краев вас занесло, сэр Ричард!.. Я думал, что Церебальд в старину появлялся над всеми королевствами. А где не появлялся, там о нем все равно рассказывают...

Я следил за чудовищем, что заслонило треть неба, по размерам с Каталаун, такое не забудешь, плывет, как авианосец, совсем крыльями не двигает, будто не живое существо, спросил сдавленным голосом:

— Чем питается?

— Кто знает? — отмахнулся Смит. — Не людьми, понятно. Мы ему как муравьи медведю. Но вот что в небе — дурной знак. Он появляется только перед великими потрясениями.

Церебальд проплыл дальше, постепенно уменьшаясь в размерах. Я спросил, не отрывая от странного существа взгляда:

— Как собаки, что чувствуют землетрясение? Это понятно... А чего ждать: подвижки земной коры, пробуждения вулканов или приближения цунами?

Сэр Смит посмотрел на меня, как ребенок на тролля.

— Какие вулканы? Церебальд даже перед великими войнами не просыпается. Нечто небывалое грядет! Говорят, всегда перед Великими Войнами Магов вот так же...

Кто-то услышал, возразил:

— Не только! Перед тем как король Зекинг Яростный готовил войска к вторжению в Тоталию, Церебальд тоже пролетел в тех краях.

— И что? — спросил Кадфаэль сварливо. — Король вторгся, там разразилась такая война, что материк ушел под воду и был там неделю, а когда поднялся, уже ни короля с его войском, ни вообще людей, одни рыбы на улицах да чудища морские на крышах да на крестах церквей!.. А потом еще и зима, что длилась почти год...

Сэр Смит удрученно смотрел вслед исчезающему за горизонтом Церебальду. Я видел на его лице страстную надежду, чтобы Церебальд пролетел в покинутые им земли и там попорхал вволю, а здесь чтоб никаких в небе церебальдов, драконов, даже ворон проклятых, что научили вспылчивого дурака Каина, как убить камнем овечку Авеля.

— Где он живет? — спросил я. — На Юге?

— Говорят, — ответил сэр Смит, — нигде. В смысле, появляется вот так прямо из чистого неба... или из-за туч, неважно, полетает и так же пропадает. Нигде не садится. Нигде и никогда.

Кадфаэль сказал торопливо:

— Смотрите-смотрите!.. Из города уже идут.

Городские врата распахнуты, как ставни, из-под арки вырвалась кавалькада блестящих всадников, все разодеты настолько празднично, что толпа обезумела от ликующих воплей, вверх полетели чепчики, шапки, шляпы. Показалась шестерка коней, запряженных по-

парно, тащат сверкающую золотом повозку. Следом отряд блистающих железом рыцарей, над головами гордо плывут штандарты, за рыцарями толпы празднично одетых вельмож, придворных...

Ожидающий народ с радостным ревом вбил нас снова вовнутрь, а не стоптали только благодаря Псу, которого остерегались толкать. Через четверть часа у дверей прозвучали трубы, послышались голоса. В церковь вошли в окружении блестящих рыцарей высокий мужчина с короткой седой бородкой и почти такая же рослая и крупная молодая девушка в прекрасном платье, что из-за обилия жемчуга, алмазов, изумрудов, рубинов и множества украшений из золота весит явно больше моих доспехов. На тщательно уложенных волосах изумительно дорогая корона, а что за хрустальные туфельки — не рассмотрел из-за длинного, волочащегося по полу платья, да и обращают ли внимание на такую херню мужчины?

Жениха и невесту подвели к алтарю, с той стороны встал архиепископ Кентерберийский. Рядом со мной сэра Смит привстает на цыпочки, стараясь рассмотреть будущую королеву. С внутренней стороны алтаря толпятся высшие чины церкви в красных, расшитых золотом робах и с белыми митрами над головами, архиепископ во главе. С другой стороны алтаря опустились на колени, являя смирение перед лицом святой Церкви, король Барбаросса и принцесса Алевтина, неподвижные, торжественные, неотрывно смотрят на архиепископа.

— Фердинанд Барбаросса Вексенский, согласен ли ты взять в жены принцессу Алевтину, дочь короля Джона Большие Сапоги?

Король ответил гулким довольным голосом:

— Согласен.

Архиепископ, на его рясе золота больше, чем красной материи, а митра опоясана толстым обручем золота, обратился к Алевтине:

— Принцесса Алевтина Фоссановская, согласна ли ты взять в мужья короля Барбароссу Вексенского?

Алевтина, юная и прекрасная, похожая на сверкающую во всей красоте и боевой мощи валькирию, смотрела прямо перед собой и... молчала.

На лице архиепископа проступило беспокойство, епископы потихоньку обменивались многозначительными взглядами. Король нахмурил брови, желваки вздулись, и в этот момент Алевтина внезапно улыбнулась и сказала чистым ясным голосом:

— Согласна. Конечно же — согласна!

Король нахмурился еще больше, мне показалось, сейчас покажет ей кулак, а она ему — язык. Архиепископ с облегчением перекрестил их и сказал:

— Во имя Отца и Сына и Святого Духа объявляю вас мужем и женой. Аминь.

Король и Алевтина поднялись, девушки подхватили подол Алевтины, хор громко возгласил «Доминус». Они вышли на помост, застеленный красным, на хорах красиво и возвышенно восклицали «Аллилуйя, аллилуйя...».

Епископы в праздничных пурпурных одеяниях тесной толпой величаво двинулись по узкому проходу между богато одетыми вельможами и знатными горожанами. И все время звучало красивое и торжественное «аллилуйя», а я шепнул сэру Смиту:

— Вы остаетесь, сэръ?

— Что случилось? — спросил он испуганно.

— Я еще не прошел регистрацию, — сообщил я. — А социализм — это учет! В смысле, надо же подать заявку на участие в турнире. Диких, как я слышал, не допускают?

— Если уж совсем диких, — ответил он шепотом. — Эх, какое красивое венчание! Будет о чем рассказать. Пойдемте, я ведь тоже еще не сообщил о желании сбить кое с кого спесь, а заодно поживиться их конями, доспехами и кошельками.

Мне показалось, король заметил наш уход и метнул вдогонку злой взгляд. На улице палящее солнце, воздух сухой, с запахом железа и близкой крови. Пес обрадованно запрыгал вокруг, пугая горожан, я с трудом удержался от желания свистнуть Зайчику — прибудет через пару минут, но выбьет ворота конюшни, а то и проломит стену, пришлось топтать в город, там оседлали коней, Пса оставил с Кадфаэлем, пусть совершенствуются в созерцании.

Треть встреченных, как и мы, верхом. Конным встретили и герольда, с ним два трубача, что время от времени без большой нужды выводят особо красивую мелодию — душа жаждет совершенства, а герольд привставал в стременах и кричал, что победитель турнира получит особый приз, который специально для турнира привезли с далекого Юга. Император Герман Третий прислал шлем дивной красоты: изготовлен горными гномами, украшен эльфами, а над переносицей рукой верховного мага Империи закреплен крупный алмаз, который ничем не извлечь. Этот шлем послужит пропуском на Юг в королевство Ягеллонию, где столица императора и резиденция. Если обладатель шлема захочет поступить на службу в императорскую охрану, алмаз от руки верховного мага удесятрит силы обладателя шлема и даст ему добавочную защиту.

Я слушал внимательно, пока вроде бы все сходится с тем, что сообщил Сатана. Подвоха пока незаметно. Даже как-то странно: все-таки первым об этом призе сообщил тот, кому верить просто не принято.

— А что, — спросил я с недоверием, — все так стрелятся на Юг?

Сэр Смит сказал с завистью:

— Не в том дело, сэр Ричард. Император Герман — величайший из полководцев, при его дворе собраны лучшие воины мира. У него самый богатый и роскошный дворец, там живут сотни сильнейших магов, там поэты и музыканты, художники и скульпторы, но главное...

Он умолк, захлебнувшись словами, от избытка чувств

пришпорил коня, но тут же натянул поводья: в такой сутолоке себе дороже будет пронестись во всю скачь. Я попытался представить, что же может быть еще главнее, но ничего, кроме бабс, на ум не шло, и я вернулся мыслями к золотому шлему.

Конечно, издавна все, кто считает себя воинами, стремятся попасть на службу к самому великому, самому могущественному, самому-самому. Потому германцы старались попасть на римскую службу, ибо римский император всегда был самым величайшим из вождей и раздавал отличившимся не жалкие трофеи, как местный вождь, а целые провинции и даже страны. Но если император, живущий далеко на Юге, приглашает ко двору лучших из лучших воинов Севера, то у меня в самом деле удобный шанс на льготный пропуск...

— Он ведет войны? — спросил я.

Сэр Смит добросовестно подумал, покачал головой.

— Не припоминаю. Разве что на границах... Да и то это так, местные стычки.

— Битву, — согласился я, — нередко выигрывает тот, кто в ней не участвует.

Сэр Смит взглянул негодуя.

— Как это? Разве само сражение уже не успех? В войне, сэр Ричард, главное — не побеждать, а участвовать. Так уж важно, какой король победит, если вера одна, язык один и все рыцари — одно сословие?.. Мне совсем неважно, как будет называться та земля, на которой когда-то появится мое поместье. Я не стану ссориться с соседом только потому, что между нами вроде бы граница: его земли считаются за одним королевством, а мои — за другим. Эти границы все время меняются, меняются не нами, так что я буду с соседом сражаться, но не враждовать!

— Мудро, — согласился я. — Я уже вижу контуры объединенной Европы и призрак евро.

По дороге в город тянутся груженные телеги, но мы

пустили коней в сторону временного города из богатейших шатров и бедных палаток, множества лавок, как соборных на земле, так и устроенных прямо на подводах и в повозках. Народу едва ли не больше, чем в городе, все блестит, сверкает, колышутся штандарты, трепещут знамена, со всех сторон радостные голоса, все дикарски радуются блеску и веселью грандиозного праздника.

Сэр Смит направил коня в сторону самого большого шатра, на ходу рассказывал, что из достойных претендовать на высокое место не прибыли только граф Корзен и барон Белер, их не отпустили со службы их сеньоры. Да еще лорд Агальрик занят войной с соседом и ни сам не прибудет, ни своих рыцарей не отпустит. Однако все остальные прославленные герои прибыли, встреченные восторженными криками простого народа, изумленно глазеющего на богатые доспехи, великолепных коней, пышные тюрбаны на блистающих шлемах.

Я вспомнил рассказ о турнире, где сражался сэр Уильям: «хорошо вооруженный, высокий, сильный и знатный. Он так бился среди отряда, что был подобен льву среди коров. Тому, на кого он обрушивал свой удар, не могли помочь ни оголовье, ни шлем...» Теперь, по обрывкам разговоров, точно так же дерется его сын, граф Коклекс, выделяясь в любом отряде и ростом, и статью, и чудовишно длинным мечом.

Перед шатром, к которому мы направились, за длинным столом расположились солидно выглядящие люди. К ним подходят другие люди и предъявляют какие-то бумаги, а потом тыкают шестами в развешанные щиты. Рыцарь обычно наблюдает со стороны, кто-нибудь из выглядящих попроще подбегает и что-то докладывает ему. Я понял, что это оруженосцы по желанию своего господина поясняют, с кем их хозяин изволит сразиться. Вернее, хотел бы сразиться, ибо здесь, как я понял, герцог или князь может и не восхотеть сразиться

с простым рыцарем, для этого нужны бумаги, подтверждающие баронство или графство.

Я присматривался к другим, чтобы собезьянничать, да не увидят, что для меня это первый турнир, в это время сэр Смит ахнул тихонько:

— Боже правый, да это же сам Уильям Маршалл!

Я огляделся по сторонам.

— Где?

— Да вон за столом!..

Во главе судейской коллегии, она же и приемная комиссия, как я определил, восседает крупный мужчина с лицом постаревшего льва: седая грива, могучие плечи, выпуклая грудь, на лице властность и умение повелевать. Врожденное или нет, судить не берусь, но повелевать этот человек может, достаточно услышать его львиный рык, увидеть гордую посадку головы и властные движения.

Я внимательно рассматривал этого самого знаменитого из турнирных бойцов, стараясь, чтобы он не заметил моего чересчур пристального внимания. Известно, что в юности Уильям надел плащ с крестом и отправился в крестовый поход освобождать Гроб Господень. Он провел два года в непрерывных боях, именно там и получил ту закалку, которая позволила годы спустя выигрывать один турнир за другим. С чистым пылом юности он нес Слово Божье в нечестивые земли, заселенные диковинными народами. Под ударами меча падали чудовища, разбивались сундуки с драгоценностями, но он шагал по алмазам и золоту, презирая богатство, шел по слову церкви, искренне веря, что турниры — греховное деяние, а вот то, что делает он, — богоугодное...

И вот сейчас я смотрю на тучного седого человека с обрюзгшим лицом. Это одна из побед Юга: доказать, что своя рубашка ближе к телу, что на свете нет места благородству, а везде только экономика и власть того, что у всех нас ниже пояса.

Глава 12

В годы его юности крестовый поход еще служил главным свидетельством рыцарственности, а теперь крестовые походы хоть еще и не выставлены в смешном виде, то время еще придет, но уже выглядят незначительными, а вот турниры — да, турниры — вещь, а победа в турнирах — это вершина славы! Как, к примеру, Тайсон куда более овеян славой, чем Уильсон, создавший вакцину от полиомиелита, или Ковальский — сыворотку от рака. Кто помнит Знойко, удерживавшего горный перевал от двухсот талибов, получившего шесть ран, но не покинувшего пост? Но все помнят Кличко, которому разбили бровь в поединке за звание чемпиона мира и который получил за этот бой всего семь миллионов долларов, а если бы победил — то все тридцать. А сколько получил Знойко? Ему отказывались выплачивать даже пособие по ранению, а карточку ветерана так и не выдали, затеряли...

Так что разочарованность сэра Уильяма понятна, хотя, конечно, слишком быстро он разочаровался в рыцарских идеалах и слишком рано начал извлекать из турниров чистую наживу. Все-таки не все так быстро... сворачивают.

На меня начали обращать внимание. Торчу, как столб, на огромном, как гора, коне. Я соскочил на землю, не потрудившись даже забросить поводья на седло: приглашение отважному вору попытать счастья, тем самым внося свой вклад в борьбу с преступностью, заставил себя приблизиться к столу. Все трое вперили в меня взгляды, но я смотрел только на сэра Уильяма.

Он скользнул по мне безразличным взглядом.

— Кого представляете?

— Себя, — ответил я. — Простите, у меня нет оруженосца. Нет и слуг.

Оба по бокам этого главы приемной комиссии дружно поморщились при виде такой бедности, только сэр Уильям оставался спокойным, как слон под дождем.

— Безземельный?

— Не совсем, — ответил я. — У меня замки Амальфи, Амило и Верден со всеми принадлежащими им землями. Есть и свои вассалы. Но я изволю путешествовать налегке. Вот просто изволю!

Он внимательно посмотрел на меня, на моего коня. Мне показалось, что его взгляд чуть дольше задержался на белой отметине посреди лба. Хорошо, гемма растворилась бесследно, чего не скажешь о моем ноющем локте.

— Понимаю, — проронил он. — И быстро, верно?.. У вас... хороший конь. Ваше имя, благородный рыцарь?

— Ричард Длинные Руки.

— Титул?

Я развел руками.

— Пока без титула. Ричард де ля Амальфи, по имени первого замка, который я приобрел.

За столом наконец и другие обратили на меня внимание, а сэр Уильям поинтересовался с затаенной усмешкой:

— Прежний хозяин уступил задешево?

— Всего за пару ударов меча, — ответил я любезно и холодно посмотрел на хихикающих присяжных. — Самая надежная плата.

Хихиканье смолкло, сэр Уильям усмехнулся, кивнул.

— Вы допущены до участия в турнире, сэр Ричард де ля Амальфи.

Я спросил, все еще не веря, что все так просто:

— А как же насчет двадцати справок о десяти поколениях предков, группе крови, квитанции об уплате за воду...

Твердые, как камень, губы турнирного бойца чуть раздвинулись в сдержанной усмешке.

— Сэр Ричард, это я решаю, кого допускать, а кого нет. Ваше благородное происхождение написано у вас на лице. Думаю, что и титул у вас есть, но если вы по ка-

ким-то причинам хотите его скрыть — ваше дело. С кем желаете сразиться?

Я развел руками.

— Никого не знаю, я вообще-то впервые на турнире, потому любезно оставляю выбор другим участникам. Повешу-ка я свой щит здесь вместе со всеми. Кто восхочет переломить со мной копьё, вам скажет.

Его улыбка стала шире.

— Впервые на турнире? Ну-ну, так и запишем. Я тоже люблю неожиданности.

Я повесил свой щит скромно с краешку, за спиной слышал зычный голос сэра Смита, рыцарь-усач предпочел рассказывать о своем участии в битвах за Лепано и Куленго, и, когда я закончил устраивать щит, за спиной раздался мощный вздох облегчения: Смит все же боялся, что его могут не допустить до участия в схватках.

Мы уже входили в ворота постоянного двора, как вдруг раздалась испуганно-восторженные крики. Со стороны городских врат возник странный зеленый свет — чистый и ясный, но вместе с тем тревожный, заставляющий сердце сжиматься в предчувствии беды. Оттуда в нашу сторону неспешно едут на огромных боевых конях могучие рыцари. Они почему-то показались мне пришедшими из другого мира: в стальных панцирях искуснейшей выделки и голубоватого цвета, у всех с плеч красиво ложатся на конские крупы дорогие плащи, длинные копья чуть-чуть светятся синеватым огнем, особенно — наконечники, шлемы гладкие, без чеканки, но поднятые забрала говорят о необыкновенно искусной работе оружейников.

Среди зевак прокатился почтительный ропот:

— Глядите, на гербе... это что за девиз?

— Это какие-то дальние...

— Вот у того на щите написано «Ардр»... Это что?

— Какой Ардр!.. Где Ардр?

— Разуй глаза, вон у того толстого...

— Братцы, так это же... из-за самого Перевала!

По толпе прокатился изумленно-потрясенный вопль, многие из зевак покинули места и побежали по улице, прижимаясь к домам, глаза их жадно рассматривали всадников из этого неведомого мне, но известного кому-то в толпе Ардра.

Во главе отряда на рослом белом коне настоящая башня из литой стали — всадник, закованный настолько искусно с головы до ног в сверкающую сталь, что кажется отлитой из металла статуей, где ни щели, ни зазора. Забрало поднято, но тень падает на лицо, я рассмотрел только хищно блестящие, как у голодного орла, круглые глаза.

За этим всадником двое оруженосцев везут его щит и копье. Остальные рыцари следуют по двое сзади, потом оруженосцы, слуги, а в задних рядах, среди всевозможных помощников покачивается в седле на рослом упитанном муле человек в черном плаще с надвинутым на глаза капюшоном. Плащ ниспадает широкими складками, скрадывая фигуру, но я ощутил, что монах или священник очень худ, немощен телом, настоящий аскет. Странно, что не рядом с вожаком, а позади, намного позади, настолько, что вообще за оруженосцами, среди слуг. Но с другой стороны, если они из-за Перевала, то ведь на той стороне Юг. А если Юг такой, каким я себе представляю, то там все духовное, как говорят, в глубокой заднице. Уже то, что взяли с собой, хорошо.

Ворота постоялого двора распахнуты, навстречу выбежали слуги, хватали коней под узды.

Они проехали совсем близко. Я рассматривал, как и сэр Смит и остальные горожане, блистательных всадников, как вдруг нечто холодное и мокрое коснулось кожи. Я невольно скосил глаза на обнаженные руки, волосы поднялись дыбом, а кожа покрылась пупырышками. Душа замерла, даже зубы заныли, захотелось нагнуться и спрятаться в какую-нибудь норку.

От неожиданности или от страха напрягся, выискивая источник опасности. И тут словно в помощь к тепловому зрению подключилось еще какое-то чувство, шестое или десятое: всадников увидел резче, четче, рельефнее. А снова холодок вгрызся во внутренности: вокруг одного из них колыхнется воздух, как над перегретым куском металла, и воздух этот темный, сгущенный. И форма у этих темных струй воздуха словно два призрачных крыла нетопыря.

Они проехали, я с бешено колотящимся сердцем смотрел вслед, уже вычленив, что такие незримые для остальных крылья только над самым скромным всадником: монахом на муле. Все остальные ничем не отличаются ни друг от друга, ни от зевак по обе стороны улицы.

Головной всадник легко, несмотря на рост и вес, соскочил на землю, снял шлем и передал подбежавшему оруженосцу, медленно обернулся назад. Запавшие глаза, словно ощутив нечто, сразу метнули взгляд на толпу. Пару мгновений я рассматривал его, он меня: немолод, суровое мужественное лицо с тяжелой нижней челюстью, глубокие складки у рта и на обеих щеках, седеющие волосы, на вид лет сорок, матерый волк. Он и сейчас водит отряды не потому, что знатен, а потому, что сильнее всех...

— Его светлость герцог Валленштейн, — сказал оруженосец хозяину, — изволил заказывать комнаты.

— Да-да, — ответил хозяин, низко кланяясь, — все готово. Для его светлости и благородных рыцарей самые лучшие апартаменты.

— И комнаты для оруженосцев, — напомнил оруженосец.

Хозяин кивнул.

— Тоже готовы. А для ваших слуг...

— Поживут в хлеву, — перебил оруженосец. — Как и все слуги.

Пока они беседовали во дворе, сэр Смит взял под уздцы наших коней и увел в конюшню. Я взошел на

крыльцо, и в это время герцог тоже вступил на первую ступеньку. Наши взгляды снова скрестились, словно стальные клинки. От него распространяется аура силы и властности, но я сделал шаг в сторону из учтивости и вежливости младшего по возрасту перед старшим, а так, похоже, мы оба инстинктивно невзлюбили друг друга, как всякие самцы, претендующие на вожизм в своем стаде баранов.

Он прошел рядом, что дало мне возможность сравнить наш рост, он всего на пару пальцев ниже, так что можно считать герцога уже почти великаном. Он тоже заметил, что я выше, и огонек вражды в глазах разгорелся в пламя. С возрастом хрящи спрессовываются, усыхают, так что в мои годы он был бы мне вровень, что вообще-то редкость и почти автоматом выводит любого мужчину в ряды первых воинов.

За герцогом в здание ввалились рыцари, оруженосцы. Слуги остались внизу, их накормят прямо из поварни, на заднем дворе уже расставлены столы и лавки, а я, поколебавшись, повернулся и пошел наверх в свою нехорошую комнату. Зайти в харчевню вслед за герцогом, — это наверняка вскоре нарваться на ссору, очень уж мы не понравились друг другу.

Появился сэр Смит, расстроенный и даже разозленный таким великолепием и бьющим в глаза ощущением силы.

— Черт бы их побрал, — проворчал он, — а для них откуда комнаты?

Я буркнул:

— Видать, забронировал.

Он подошел к окну и рассматривал оставшихся во дворе, что все еще о чем-то спорили, выясняли, торговались. Слышно было, как один из рыцарей, что был задолго до рыцарей Юга, возмущался, что чужакам дали лучшие комнаты, а для него вообще ничего не нашлось. Оруженосец южан ответил вежливо:

— Для герцога и его отряда комнаты оплачены еще месяц назад.

Рыцарь фыркнул.

— Подумаешь! Если бы я знал, что есть свободные, заставил бы открыть. Я рыцарь, черт побери!

Оруженосец ответил с затаенной насмешкой:

— И даже короля Барбароссу не уstraшились бы? Герцог прибыл по его приглашению. На свадьбу, а заодно и до турнира снизойдет... может быть.

Устроившись в гостинице и разложив вещи, рыцари Юга выходили по одному и группками во двор, смотрели, как устроены их кони, дивные животные. Я не знаток коней, но когда такая разница, любой заметит. Южане мылись прямо у колодца, сверкая под солнцем крепкими мускулистыми телами без намека на жир или дурное мясо.

Я всматривался жадно, чувствуя понятную тоску под ложечкой. Южане как горошины из одного стручка: рослые, широкие в плечах, в прекрасно подогнанных доспехах, веселые и жизнелюбивые. На всех остальных посматривают с тщательно скрываемым превосходством, как смотрели бы на местных аборигенов высадившиеся на их острова мореплаватели Кука.

Глядя на них, блестящих, улыбающихся, я впервые ощутил, что мои доспехи забрызганы грязью после недавнего короткого дождика, рубашка пропахла потом, а от сэра Смита и других местных рыцарей вообще несет, как от взмысленных коней. К этому запаху настолько привык, что он уже перестал восприниматься, и только вот эти, чистенькие настолько, словно нашампуненные, заставили посмотреть другими глазами...

И все-таки они чем-то раздражают. Сперва доказывал себе, что во мне просто вопит зависть бедного к богатому, потом сообразил, что в их лицах, разговорах и манерах раздражает именно постоянное подчеркивание превосходства. К тому же держатся так, словно прибы-

ли на веселый карнавал. Для большинства рыцарей турнир — возможность показать удаль, для сэра Смита — возможность поправить финансы, для архиепископа — шанс поставить земли Каталауна под контроль церкви, а для этих южан — всего лишь маски-шоу, реконструкция, так сказать, исторических событий... Прибыли подурачиться в отпуск. А вообще-то они, мол, строят железные дороги, создают ветвистую пшеницу, выращивают бесхвостых мышей, программируют на бэйсике...

Сердце защемило, прямо сейчас бы на Юг, но, если верить Кадфаэлю и всем, кто знает проблему, на Юг так просто не пройти, если нет пропуска или какой-то особой метки. Юг ревниво оберегает свои тайны, а в гастарбайтерах не нуждается.

Глава 13

К вечеру мы, здорово проголодавшись, спустились в нижний зал. Сэр Смит сразу же заворчал, усы воинственно растараканились. За дальними столами, сдвинув, расположились рыцари Юга. Столы ломаются от еды и вина, однако рыцари, как я отметил сразу, как будто бы собрались пообщаться, давно не виделись: за соседними столами жрут, насыщаются, хватают мясо руками и жадно пихают в пасти, чавкают и рыгают, с хрустом разгрызают кости или же с грохотом выколачивают о стол мозговые кости, а эти беседуют и обмениваются шутками, а заодно небрежненько так это режут мясо на тонкие ломтики, изяшно отправляют в пасти. Причем ломтики настолько крохотные, что не только не выпячиваются изо рта безобразными выпуклостями, но даже не мешают беседе.

Вином запивают тоже деликатно, небольшими глотками. Никто не расплескивает вино по столу, не лакает, аки нормальный мужчина, то есть — так, что льется из

кувшина по губам на грудь. Да никто, кстати, не пьет из кувшинов, все догадываются, зачем существуют кубки.

Герцог во главе стола, и хотя его стул ничуть не выше остальных, но сам герцог явно возвышается над соратниками. К нему относятся уважительно, всякий раз умолкают, едва он заговорит, однако чувствуется, что он для них в первую очередь — старший друг, а не сюзерен.

— Черт бы их побрал, — проворчал Смит, — в Каталауне с десяток харчевен! Через дорогу таверна куда богаче... Могли бы и там!

— Да ладно, — сказал я, — будь добрее.

— Добрее?

— Ну тогда копи злость, — посоветовал я.

— Это уже лучше, — проворчал он.

Мы отыскали место за столом, где пировали трое рыцарей из соседнего королевства, все усталые, раздраженные и голодные, как стая волков. Под их натиском мясо в тарелках исчезало, едва успев появиться, собаки под столом всю хрустели костями, и, лишь утолив первый голод, они начали переговариваться, я не прислушивался, но первые же слова заставили насторожиться:

— Прибыли купцы с южных земель... ну, не из самых что ни есть, туда доступ закрыт вовсе, но из весьма населенных королевств. И вести оттуда принесли весьма неприятные. Есть такое королевство Зеловия, крохотное и почти без армии, правит им королева Виганда. Она никому не представляет угрозы, но оказалась достаточно умной женщиной, чтобы не пытаться искать защиты у одного из королей, как поступила бы любая другая...

Второй спросил нетерпеливо:

— И что она сделала?

— Виганда попросила защиты сразу у всех, — ответил первый со смехом. — И все, опасаясь друг друга, дали дружную клятву, что если кто-то из них посмеет посягнуть на ее королевство, то остальные сомнут наглеца и разнесут его королевство вдребезг. Так вот, я отвлекся,

ее королевский дворец стал местом встреч. Сам понимаешь, никто не хочет урона своему престижу, ехать в замок соперника, а встречаться для долгих переговоров в чистом поле — дурость. Любой ливень может все испортить. Так вот в ее замок прибыли короли семи земель, долго вырабатывали план и решились составить совместное войско для наступления на Север.

— Ого!

— Возможно, они уже в пути. Или седлают коней.

Помолчали, торопливо разливая по кубкам вино, а первый, который наливал, не удержался и присосался к кувшину. У него начали отнимать со смехом, в котором сквозило раздражение, вспыхнула ссора, дальше я не прислушивался, хотя они на другом конце стола, подумал, что Юг все-таки не отказался от планов подчинить себе земли Севера. Пусть семь королей — еще не весь Юг, но все-таки война близко...

Я поймал за полу пробегающего слугу, заказал птицу, лучше — гуся с яблоками, перепелок с тертыми орехами и рыбу. Смит обратил мое внимание, что рыбу никто не ест, вчера в постный день всем опротивела, но я ответил, что мы, как добрые христиане, все равно будем есть рыбу, ведь Христос ел рыбу и других кормил в какой-то там пустыне.

Разделявая гуся, сэр Смит сообщил вполголоса, что перо у герцога Валленштейна на шлеме — не простое перо, а всем перьям перо. Есть такая хищная птица кобец, обитает только на самых-самых высоких горах, гнездится на неприступных утесах, туда не взобраться, многие смельчаки пытались добыть птенца, имена удачливых теперь в песнях и легендах. Очень редко удастся подняться на такую высоту, чтобы подобраться на выстрел из лука к кобцу, еще труднее попасть, перья из хвоста этой птицы стоят дорого, но пока никто из добывших их с ними не расстался. Каждый носит с гордостью...

Он рассказывал, невольно надуваясь: как же, геро-

изм; я слушал, знакомо, кивал, соглашался. Нам всем нужно что-то такое, чтобы выделяться из серой толпы, нужны символы, желательно — красивые или хотя бы должны казаться красивыми тем лохам, которые их не видели. К примеру, забритые на флот парни из степей Украины, возвращаясь после службы, хвастливо рассказывали млеющим от восторга девкам и завидующим парням о дивных птицах-альбатросах, вольных и прекрасных, что улетают так далеко в море, что не видно берегов...

Такие же несчастные, что ради пропитания вынуждены забираться в погоне за дикими козами высоко в горы, рассказывали о дивном цветке эдельвейсе, что растет так высоко в горах, что туда ни зверь не поднимется, ни птица не залетит... Да, я, конечно же, был, видел, любовался... Ну и что, вот так и ляпну правду, что цветочек — самый заурядный? И тогда померкнет моя слава карабкателя на неприступные Альпы, через которые Суворов сумел провести русскую армию, правда, погубив половину, по той самой дороге, где тысячу лет назад прошел с армией Ганнибал, сохранив даже слонов? Нет уж, слава карабкателя и романтика выше, чем сомнительная репутация разоблачителя, так что вот вам: да, сказочно прекрасен цветок, сказочно! Да, я сам видел, своими глазами!

Хотя на самом деле произносится совсем другое: да, я сумел взобраться так высоко, а вот вы — нет! На самом же деле альбатрос — довольно уродливая и неряшливая птица, а эдельвейс — простенький цветочек, ничего в нем необычного. Даже проще и зауряднее одуванчика, что весной усеивает обочины любой дороги. И альбатрос, и эдельвейс нужны для того, чтобы возвысить себя хоть чуточку над остальными, взять реванш, ибо понятно же, что более сильные захватили внизу плодородные долины, а слабых оттеснили в горы, а во флот забрали тех, кто не сумел откупиться или выставить вместо себя батрака.

Так и сейчас, конечно же, Валленштейн — герой... в

глазах деревенских дур и деревенских парней, что не видели мира дальше своей околицы.

Смит недовольно хрюкнул, взгляд его был устремлен через мое плечо. Я обернулся, между столами в нашу сторону пробирается Кадфаэль, Пес чинно идет рядом, но потом не выдержал и стрелой пронесся, сбивая народ. Я поспешно велел ему сесть, лечь и вообще спрятаться под стол, чтобы лапы не оттоптали.

Кадфаэль вежливо пожелал доброго здоровья и хорошего аппетита, я знаком велел поставить и перед ним тарелку, указал на кувшин.

— Пока промочи горло.

— Как можно? — испугался Кадфаэль. — Это нехорошо...

— Совсем не пьешь? — удивился Смит.

— Нет, из горлышка нехорошо... вон кубки уже несут.

Перед ним поставили тарелку с целиком зажаренным молодым зайцем, со всех сторон прижайчились скромными серенькими комочками хорошо обжаренные перепела, похожие на картофелины в мундирах. Кадфаэль печально вздохнул, а сэр Смит сказал одобрительно:

— Сэр Ричард говорит, что настоящий святой познается именно в борделе! Так что ешь и пей в три горла. Потом к бабам пойдем.

У входа народ оживился, задвигались, кому-то протягивали чаши с вином, кубки. Я рассмотрел за широкими спинами воинов шуплую фигуру в пестрой одежде менестреля. Через плечо перекинута на широкой красной ленте лютня, через другое — тощая сума, штаны потертые, потерявшие изначальный ярко-красный цвет. Вообще певцы не зря одеваются так ярко: это сигнал, что они — нейтралы, не воюющая, а только воспевающая подвиги сторона. И кто хочет, чтобы их подвиги воспели, должны их, певцов, хорошо кормить, поить, а потом еще и на дорогу дать по возможности.

Сэр Смит поморщился, буркнул:

— Бродяги, бездельники... Не люблю.

Кадфаэль возразил живо:

— Почему же? Если распевать богоугодные псалмы, то даже очень угодно Господу.

— Да? — фыркнул сэр Смит. — Послушай, что споет... Балладу про вдову и трех разбойников слышал?

— За это на костер, — ответил брат Кадфаэль твердо.

— Думаю, он споет еще про русалку и находчивого рыбака. Сейчас это везде распевают.

— На костер, — ответил Кадфаэль непоколебимо. — За такие песни — на костер! Чтобы душа очистилась.

Я поинтересовался:

— А что за баллады такие? Я из медвежьего угла, не слыхивал.

Сэр Смит сказал Кадфаэлю язвительно:

— Понял? Вот уже первый заказчик таких песен.

Барда тем временем поили, кормили, наконец он поднялся во весь рост, взял в руки лютню и, после пары звучных аккордов, запел. Голос оказался, несмотря на малый рост исполнителя, сильный, звучный, сразу заполнил весь зал. Кто был занят разговорами, умолк и повернулся в его сторону.

Я слушал рассеяннo, больше думал над тем, что вообще-то во всех трениях в обществе монахи выполняют еще и такую важную роль, как смазка. Общественный механизм сложен, то и дело возникают трения, а религия сама по себе идеальная смазка, проводниками которой являются священники всех рангов и белое монашество. Однако мелодия начала проникать в сердце, перед глазами поплыли призрачные образы огромных драконов, величественных замков, прекрасных дам и бесстрашных рыцарей, что в их честь ломают копья и вышибают друг друга из седел.

Бард пел торжественно и красиво, даже герцог Валленштейн постепенно заслушался, умолк, глаза забле-

стели, уже не отрывает взгляда от бледного лица мене-стреля. Я сам, слушая, почти увидел те величественные фигуры героев, что встают перед их глазами, сражают драконов и троллей, спасают принцесс, добывают несметные сокровища, а то и заставляют служить себе колдуна, с помощью которого становятся королями.

Смит шумно грыз гусиную лапу, кости метнул под стол, оттуда послышался мгновенный хруст. Смит улыбнулся и не пожадничал отправить туда же и вторую лапу — с мясом и кожей.

За соседним столом могучие грубые мужики, что всю жизнь проводят со стадами скота, сидят, превратившись в каменные изваяния, слушают песню со сладким ужасом в глазах. Бард перевел дух и запел о благородном рыцаре Гавейне, который дал обет верности своей даме, с тех пор ни одна волшебница, ни одна колдунья не могла даже пошатнуть его верность. А он любовь к своей даме пронес через битвы с Черным демоном, с Железным Драконом, который закрыл дорогу к источнику и требовал в уплату молодых девушек. Он был в Райских Садах короля волшебников Гаурама и не захотел остаться, ибо его любовь находится в маленьком королевстве, в небольшом городке, где живет в обыкновенной каменной башне...

И слушают же, мелькнуло у меня, эту чушь, потому ли, что такова волшебная власть искусства, то ли в самом деле хотят верить в настоящую мужскую дружбу, верность, любовь и преданность, в то, что встречается так редко, потому так и ценится, потому так и жадется...

А во что веришь, то и получается вопреки всякой логике в этом нелепом мире.

Во дворе слуги и оруженосцы старательно начищают доспехи, точат топоры и мечи. Наиболее умелые точильщики приспособили точильный круг на вертящемся, как вертел, стержне и, нажимая дощечку, соединен-

ную ремнями со стержнем, вертят камнем с большой скоростью. Из-под лезвия мечей, которые точат на таких камнях, летят длинные злые искры, мечи на глазах становятся острее, злее, убийственнее.

Пес, угадывая направление, подбежал к точильщикам первым и, опустившись на зад, принялся с огромным вниманием рассматривать искры. Смит после сытного обеда вроде бы подобрел, это видно по тому, что не рвется набить морду каждому встречному. Брат Кадфаль завидел вдаль монахов, торопливо попрощался и унесся с недостойной для мыслителя резвостью. Смит рассматривал мечи в руках точильщиков, свой вынуть не решился, хотя ему предлагали наточить так, что можно будет бриться.

— Это недорого, — сказал я, — почему не воспользоваться? Я заплачу.

Он покачал головой, вздохнул чему-то.

— А почему не точишь свой? •

Я развел руками.

— Не берутся, как видишь.

Один из точильщиков сказал с угрюмым почтением:

— Ваша милость, как можно!.. Мы доброе оружие узнаем по рукояти. Ваш меч из особого железа... он никогда не тупится.

Смит стиснул челюсти, в глазах появилось угрюмое, даже затравленное выражение. Я взглянул на темное малозвездное небо.

— Пойдем спать, дорогой сэр. Завтра трудный день. Бобик, потом обучишься!

По дороге в нашу зачарованную комнату Смит с одобрением рассказывал, что король Барбаросса расщедрился, как никогда: в программе помимо сшибки на копьях еще и одиночные и парные поединки на мечях или другом колюще-рубящем по выбору участников оружий. А в конце турнира, что растянется чуть ли не на неделю, обязательное *mêlée*, что значит «отряд на отряд». Я вяло кивал, хорошо, нет такой привычной ранее

травли христиан львами и тиграми, всегда чувствую вину перед животными, что сотни миллионов лет были полными хозяевами мира, но вдруг пришел человек и загнал их в клетки, зоопарки, резервации.

Смит доказывал, что при разнообразии программы больше шансов выбрать то, в чем особенно силен, я поддакивал, помалкивал, у других тоже выбор шире, и кто силен именно в схватке на булавах, не полезет в рискованную для себя сшибку на копыях.

— Такой славы, — сказал я наконец, — на всех хватит, сэр Смит.

Он насторожился.

— Какой?

— У нас говорят: если хочешь вести людей на смерть, скажи, что ведешь к славе.

Я отворил дверь в нашу комнату, мышцы слегка напряглись, но там все те же два стола, два ряда удобных кресел, картины на стенах, огромные кровати, пол устлан шкурами неведомых зверей. И даже зеркало... но только шкуры совсем не те, что были в прошлый раз, а зеркало выдвинулось из стены и высится в прежней овальном раме на широкой медной подставке.

Смит, ни на что не обращая внимания, поддакнул с энтузиазмом, глаза заблестели жадой сражений.

— Да, это верно!.. Вперед к победам и славной гибели!.. Лучше умереть в бою, чем в постели. Мы им всем покажем, сэр Ричард!

— Еще как покажем, — поддержал я. Глаза мои рыскали по сторонам, как у сапера на минном поле. — Правда, я постараюсь уклониться от одиночных. А в *mêlée*, раз уж придется, скромно уступлю наступательный порыв не скованным узами церкви рыцарям.

Он сочувствующе поцокал языком, глаза увлажнились жалостью ко мне, которому обеты не дают обрушить всю ярость на негодяев, посмевавшихся желать того

же, что и я, тяжело опустился на ложе, лег, затем резко сел, злой и взъерошенный.

Я свое ложе сперва ощупал, осторожно сел, лишь потом спросил с беспокойством:

— Что-то стряслось?

Он спросил угрюмо:

— Видите мой меч?

Он явно хотел, чтобы я осмотрел его меч, я так и сделал: деревянные ножны, обтянутые старой кожей, простая рукоять, выкованная чуть ли не деревенским кузнецом, во всяком случае, оружейник совсем хреновый, единственное достоинство — меч длинный и достаточен тяжелый. Вынимать из ножен не стал, но, думаю, лезвие тоже не совсем гномы ковали.

— Хороший меч, — ответил я вежливо. — Э-э... удобная рукоять.

Он фыркнул.

— Рукоять?

— Ну, — сказал я в затруднении. — И гарда хорошо защищает кисть. Уверен, лезвие тоже выше всяких похвал. Ну просто предельно уверен!

Он сказал со сдержанной яростью:

— Это меч бастарда! Так называют такие мечи, что выкованы чуть ли своими руками, но острые и длинные. Я — бастард, сэр Ричард!.. Говорят, моя мать, когда была молодой женщиной, уже замужней, приглянулась проезжавшему через наши края полководцу. Он взял ее на ложе и тешил плоть трое ночей, пока снова не двинулись в поход. С тех пор среди ее сыновей появился я: выше остальных на голову, широкий в кости, злой и драчливый. Говорят, тот полководец был чуть ли не гигантом.

Он изливал душу, я кивал, все знакомо, короли и все знатные лорды берут на ложе без разбору молодых крестьянок в своих поездках, отчего у местных появлялись внебрачные дети, красиво называемые бастардами.

У нас их зовут в лучшем случае ублюдками, а в худшем... Правда, с точки зрения естественного отбора эти лорды улучшают человеческую породу. В знатные обычно выбиваются самые сильные, самые смелые и умелые, но только бастардам от этого не легче. Им приходится с детства терпеть насмешки, но зато часть из них ухитряется — за счет врожденной силы, отваги и жажды лучшей жизни — достичь немалых высот.

— Этот турнир, — сказал он жарко, — мой единственный шанс! Я заложил себя... да-да, если не верну долг, то отдаюсь в рабство на всю жизнь, зато на полученные деньги купил коня, доспехи и этот меч.

— Не густо вас оценили, — сказал я, оглядываясь. Картины вроде бы все те же, однако вместо багета резного дерева поблескивают со сдержанным достоинством узкие металлические рейки. — Не густо...

— А что было делать? — ответил он расстроено. — Никто не даст денег просто так. Всем нужен залог! А что я мог заложить?... К тому же рыцарский конь и доспехи стоят очень дорого, сэр Ричард! Это вам готовенькие от родителей, вам цену знать не обязательно, а вот мне...

Я слушал, начиная понимать, почему всякий раз настораживается, когда произносят его имя. Смит — не дворянское имя, вообще не благородное, его носят только простолюдины, ибо Смит — означает «кузнец», и, хотя к нему прилагается «сэр», все равно каждому видно издали, что благородных предков у этого здоровяка нет.

Дурень, подумал я сочувственно. Наоборот, всякому видно, что «сэр» получил не благодаря длинному хвосту благородных предков, а своей отвагой, воинскими подвигами, силой и вообще победами. А он все прислушивается, не произносит ли кто-то со скрытой издевкой, постоянно кипит, всегда готов дать сдачи... даже заранее.

— Кто хорошо служит своей родине, — сказал я, — тот не нуждается в предках.

Он переспросил в недоумении:

— Родине?

Я запнулся, проямлил:

— Ну... в смысле, праведным людям не нужны длинные хвосты из предков. Если есть честь и мужество, если их не ронять, слава сама найдет! А короли... на то они и короли, заметят и оценят. И все воздадут. Догонят и еще дадут!

Он сердито сопел, глаза сверкали, и кулаки сжимались, словно уже повергал противников, посмевавшихся усомниться в его благородном происхождении. Я лег и закрыл глаза, делая вид, что сплю. Пес посмотрел на меня внимательно, отошел к двери и лег у порога.

Глава 14

Смит шумно повалился навзничь и захрапел чуть ли не раньше, чем голова коснулась подушки. Пес приподнял голову и смотрел очень внимательно, как я встал и оделся снова. Смит похрапывает, лицо все еще злое, усы воинственно шевелятся. Я перебросил через плечо перевязь с мечом, подумал и взял лук. Молот, понятно, на пояс.

Пес вздохнул, в теплых коричневых глазах пожелание спокойной ночи.

— Уже скоро, — успокоил я. — Ровно в полночь, когда начнут бить кремлевские курсанты...

Пес вздрогнул от легкого шуршания, на стене образовался светящийся прямоугольник. Знакомо зашипело, прямоугольник входа в зачарованные пределы гостиницы оконтурился светящимся шнуром, словно с той стороны прожигают автогеном.

Я сказал с натужной бодростью:

— Тиха украинская ночь, но все равно охраняй сэра Смита, как охранял бы сало.

Пальцы уперлись в твердое, я напомнил себе, что на

мне просто бьют микробов, прошел, как через душ с инертным газом. По глазам ударил яркий свет, бесконечный коридор освещен ярко и празднично. Светильники расположены на равном расстоянии между дверьми по обе стороны, дверные ручки золотым пунктиром уходят в римановские геометрии.

Я сделал шаг, внезапно сзади шумно дохнуло. Сердце остановилось, я в ужасе схватился за рукоять меча и за молот, развернулся с такой скоростью, что едва не оторвалась голова.

Огромный черный зверь, в котором не узнал Пса, протиснулся через стену и прыгнул на меня. Хвост звучно лупит по бокам, горящие безумным пурпуром глаза бросили зловещий свет на стену.

— Ты... — выдохнул я, хватаясь за сердце, — меня заикой сделал... Или инфарктником... Но ты молодец...

Пес ринулся целоваться, жадный на похвалу, как и все люди. Я похлопал по лобастой голове, почесал за ушами. Пес попробовал брякнуться на спину и растопырить лапы, чтобы почесал еще и брюхо, как у кабана, но я вытащил меч и нацарапал крест на стене, затем на ближайшей двери.

— Ну, — сказал я с сильно бьющимся сердцем, — помолясь и все такое...

Я налег на дверную ручку, ждал сопротивления, однако дверь охотно распахнулась. Комната огромная, богато обставленная, можно даже назвать бы люксом, если бы не такое обилие этих одинаковых дверей, ну не бывает столько люксов.

Окно закрыто чем-то вроде жалюзи. Я осторожно ступил через порог, Пес посмотрел с удивлением, вбежал и, прежде чем я успел остановить, все обегал и обнюхал, вернулся с недоумением в дьявольски красных глазах: нет дичи, ну нет совершенно!

— Здесь нам ловить нечего, — произнес я. — Топаем дальше...

Пес выбежал первым, попрыгал в коридоре, приглашая пуститься наперегонки, идеально ровный и бесконечно длинный коридор предрасполагает. Я вздохнул, мы не в том времени, сейчас все двигаются медленно, перешел к следующей двери и подергал дверную ручку. Заперто. Третья тоже не подалась, как и четвертая, пятая, шестая... На седьмой висит золотой треугольник, я сперва обрадовался, что это нечто вроде нашего «Don't disturb», поднял кулак для стука, но в последний момент заколебался. Я жажду встретиться с существами других эпох, но вдруг этот постоялец сперва даст в лоб, а потом спросит, какого хрена я стучу в номер, на котором ясно же указано, что всякий, кто подистурбит — получит в лоб? Вообще-то я готов получить в лоб за ценную информацию, но кто знает, не придется ли меня соскребаать с противоположной стены?

Я нацарапал на двери два креста, для надежности продублировал их на стене, а еще нанес пару заметных царапин на массивную дверную ручку. Пес наблюдал с интересом, я спохватился, велел:

— Запомни эту дверь!.. Хорошо запомни. На обратном пути заглянем.

Пес перевел взгляд на дверь, затем на меня. Мне показалось, он понял. Снова несколько комнат заперты, но сердце мое стучит в надежде и ожидании.

— Ты мой, — сказал я Псу. — Даже если встретим кого-то из тех, кто тебе знаком больше. Все равно ты мой, я тебя люблю!

Пес подпрыгнул и, как я ни уворачивался, ухитрился лизнуть в нос, поясняя, что и он меня любит, что никогда не бросит, он же не кошка и не женщина, он любит в самом деле, по-честному...

Одиннадцатая дверь впустила с готовностью, комната стандартная, но за широким окном жуткий постыдаерный пейзаж, низко нависшее багровое небо с быстро бегающими тучами, похожими на кровавые реки, а под ними

черные обугленные остоны многоэтажных домов. В тучах время от времени полыхают белые молнии, доносится тяжелый грохот, похожий на орудийную канонаду.

Мне показалось, что сполохи пробегают и по стенам, а грохот встряхивает безделушки на полках. Долго стоял оцепенев, попробовал открыть окно, не поддавалось, да и не отыскал никаких защелок.

Пес смотрел равнодушно, я вспомнил, что животные не воспринимают изображения, сказал, дрогнувшим голосом:

— Скажи честно, это не окно, а картина? Живая картина? Наподобие скринсэйвера?

Пес смолчал, по его виду и так понятно, я снова посмотрел на жуткое зрелище, облака бегут и бегут, а между домов вот-вот появится что-то или кто-то... Однако и эти возможности для хорошего скринсэйвера ничего не значат, могут разыгрываться настоящие сценки...

Кстати, может быть, кто-то из постояльцев забыл выключить телеканал? Правда, горничная должна бы выключить, но если он велел ничего не трогать, мол, скоро вернется... и не вернулся?

Я поискал кнопку вызова, вздохнул, вышел, и мы двинулись по коридору. Я отчаянно старался запомнить направление, страшась перепутать правую с левой, однажды даже вернулся, проверяя счет, отыскал крест на стене и два креста на двери, вздохнул с облегчением и, свистнув Пса, двинулся дальше.

Колокольчик отыскался в шестьдесят пятом номере. Возможно, некоторые любители старины предпочитали именно такой способ связи с обслуживающим персоналом, хотя, конечно, у колокольчика могли быть и другие функции.

На всякий случай потер, как медную лампу, сказал «Сим-Сим, откройся», заглянул вовнутрь, нет ли там старика Хоттабыча или другого спящего джинна, но нет даже захудалой шуки. Дал понюхать Псу — вдруг да он

сообразит или вспомнит что-то, но Пес смотрел честными глазами и уже хотел было взять в пасть, как мячик, я вздохнул и потряс колокольчиком в воздухе, как первоклассница на плечах десятиклассника, символизируя для одних первый звонок, для других — последний.

Дверь неслышно распахнулась, в проеме возникла горничная. Все то же нечеловечески прекрасное лицо, глаза, как у эльфийки, большие и вздернутые кончиками к вискам, огромная сетчатка ярко-желтых глаз, насыщенный цвет одуванчика или спелых апельсинов, аристократически высокие скулы...

Конечно же, мой взгляд скользнул по ее платью, все тот же целомудренный вырез вверху и... Вообще-то я знаю, что, когда чувства привыкают и притупляются, возникает необходимость смены показа эрогенных зон, но не думал, что до такой степени да еще так подчеркнуто...

Пес скользнул по ней равнодушным взглядом, как если бы увидел колыхнувшуюся занавеску, снова устался на меня.

— К вашим услугам, мардорг, — произнесла она мелодичным голосом не столько гейши или куртизанки, а именно заботливой официантки, горничной или гида. — Что изволите?

Пса она тоже игнорировала, как и он ее, я пообещал себе на досуге подумать, нет ли здесь какой зацепки. Ее огромные и желтые, как подсолнухи, глаза профессионально излучают тепло и ласку.

— Гм, — сказал я, — можно бы поужинать, как прошлый раз, но я так нажрался, что едва пузо ношу... Хотя, конечно, от стакана вина не отказался бы. При всей моей непьющести... у вас не вино, а нечто!.. Нет-нет, погоди!

Горничная уже развернулась было в дверях, остановилась, в миндалевидных глазах — вопросительное выражение. В моем воображении замелькали скабрезные картинки, в конце концов, это же не резиновая кукла.

Это что-то иное, среднее между Фридой и Санегерией, а то вовсе и не среднее, а боковое или даже на уровне выше... Хотя мне ли не знать, что в этих делах не бывает уровней выше, а есть только ниже, и чем ниже — тем кайфовее и продвинутое, в этой области как раз нужно опускаться в самую глыбь...

Я кашлянул, прочищая горло, сказал совсем другим тоном:

— Я вот тут подумал... представляешь?... подумал и решил, что мне бы повидать управляющего.

Она переспросила тупенько:

— Управляющего?

— Да, я хотел бы поговорить с управляющим. Менеджером.

На ее кукольном личике полное непонимание, как будто у нее что-то отрубается или она даже не слышит тех слов, которые ранее не застряли в ее хорошенькой головке.

— Вам что-то нужно принести?

Я оглянулся на стол, поверхность абсолютно чиста, ни намек на пыль, будто по три раза в день все протирают влажной тряпкой.

— Хорошо, — сказал как можно увереннее, — иди сюда. Только ничего не трогай.

Я высыпал на середину стола геммы, захваченные из подземного города. В слабом свете они засверкали всеми красками, на стены брызнули веселые радужные струи.

Горничная несколько мгновений смотрела спокойно и с тем же безмятежным спокойствием на кукольно прекрасном личике. Я с холодком во внутренностях ощутил, что у нее с женщиной столько же общего, как у амебы с акулой, — только и того, что обе в океане. Находящаяся уже визжала бы при виде россыпи бриллиантов, а то и поспешно срывала бы с себя остатки одежды.

Я вздрогнул от ее стерильного голоса:

— Вам что-то принести?

— Лучше привести, — сказал я с твердостью в голосе, но только в голосе. — Того, кто подскажет, что с ними делать.

Она довольно долго смотрела на геммы без всякого интереса, вот теперь точно видно, что не женщина и даже не ворона, замедленно кивнула.

— Я приведу... класторга.

Я вздохнул.

— Хорошо. Только не медли.

— Я быстро, — пообещала она.

И в тот же миг через закрытую дверь вошел, как будто стоял там в ожидании, среднего роста и среднего сложения человек со средним выражением лица. И все в нем было настолько средним и незапоминающимся, что любящая разведка мира восхотела бы его заполучить в агенты.

Пес повернул голову, горящие красным глаза на миг полыхнули, как фары мощного грузовика, комната вспыхнула красным. Но тут же и Пес потерял интерес к этому... класторгу, и тот совершенно не среагировал на черное чудовище, сразу подошел к столу и наклонился с видом ушедшего от дел скупщика краденых бриллиантов.

К моему разочарованию, он рассматривал геммы так же точно бесстрастно, как и входил в дверь. Возможно, для его работы не требуется богатая мимика. Если и была какая-то, то со временем... ну, стерлась.

— Эти клапсы, — сказал он, — можно вот сюда... и сюда... Эти... несколько крупноваты, но, возможно, их можно вплавить в лук... Если там предусмотрено...

Он произнес несколько слов, я не понял, но переспрашивать питекантропа об устройстве двигателя внутреннего сгорания не совсем умно, я вспомнил, что я феодал, которому географию знать не обязательно, отмахнулся снисходительно.

— Вплавляй. Медленнее стрелять не будет?

— Только быстрее, — ответил он ровным голосом. — Но вторую клапсу нужно вам вот сюда...

Он объяснял медленно, ласково, я наконец сообразил, кого напоминает: гувернера или няню, что присматривает за детьми и попутно обучает их, как пользоваться бытовыми предметами. Пес зевнул и лег, не обращая внимания ни на класторга, ни на меня, раз уж занялся каким-то скучным делом, когда можно просто бегать по коридорам.

Его пальцы теплые, хотя не могу отделаться от ощущения, что все-таки не живые или не совсем живые. Я послушно вытянул руку, он приложил одну из тех гемм, которых я занес в группу условно бесполезных, к моему локтю, прижал, посмотрел мне в лицо.

— Не больно?

— Чуть-чуть жжет...

— Так и должно быть, — заверил он.

Через минуту отнял пальцы, я со страхом осмотрел локоть, выворачивая под разными углами. Куда вошла гемма, не вижу, заметно только сильное покраснение, словно ошпарил кожу.

— И что теперь?

— Сможете двигать этой рукой намного быстрее, — объяснил он и добавил: — Но только если в другой будет лук. Клапсы... чувствуют друг друга. Отдельно они... спят.

— Вот почему я сам не допер! А эти куда?

Он разложил на столе геммы, таинственно поблескивают, перекатываясь под его лишенными папилляров пальцами.

— Нестандартные, — пробормотал он в затруднении, — нестандартные... Слишком крупные, маломощные...

— Но хоть не ламповые? — спросил я с видом знатока. — Ладно, это я так.

— Одну из них можно приспособить вот сюда, — проговорил он с сомнением и указал на сустав моего

большого пальца. — Остальные... не знаю. У вас нет... да, нет...

— Подходящего оборудования? — спросил я. — Наверное, да. А этот сервомотор, как вы сказали, для чего?

Он покачал головой.

— Не знаю. Он нестандартен, многое неясно.

Я поколебался, спросил с опаской:

— А если... словом, не будет выпирать? Подумают, что у меня липома. Или бородавка.

Он взглянул с укоризной.

— Клапса растворяется... почти полностью. Иначе как бы лук... воспринял? Взаимодействие... на уровне...

Он произнес десяток непонятных слов, я сказал поспешно:

— Ну да, ну да! Это да, все правильно, как же иначе? Говоришь, вот сюда?

Он мягко отобрал у меня сиреневый камешек.

— Позвольте мне. Иначе можете сделать неверно.

— Конечно, конечно, — согласился я еще поспешнее, — я не хотел бы, чтобы вместо прибавления... что-то убавилось. Знать бы, что прибавится! А то вдруг такое...

Додумать я не успел, а когда додумал, жар к тому времени охватил всю кисть, я вырвал руку из пальцев класторга и затряс ею в воздухе. Сустав безобразно вздулся, покраснел, став похожим на раскаленный набалдашник стеклодува, внутри пульсирует, то угасая, то разгораясь ярче, огонек.

Пес поднял голову, приглушенно порычал на класторга и снова уронил голову на лапы. Спасибо, сказал я ему взглядом, за сочувствие.

— Больно? — спросил класторг. В бесстрастном голосе послышалось сочувствие. Или это я захотел слышать то, что услышал. — Надеюсь, временно... наверное, временно.

Я тряс пальцем, чувствуя, как горит уже не только кожа, но и сам сустав, как плавится под чудовишным

действием геммы, то ли разъедающей, то ли проникающей по методу диффузии, абсорбции или адсорбции. Заныли нервы по всему телу, а мышцы задержались даже у предплечья.

— И как долго?

Он помедлил, прежде чем ответить, нежно взял мою кисть, внимательно всмотрелся. Мне показалось, что в глазах мелькнуло затруднительное выражение.

— Нестандартная клапса, — проговорил он ровным голосом, я отчетливо уловил сочувствующие нотки. — Нестандартная реакция... Трудно сказать, что дальше. Возможно, все скроется сегодня...

— А возможно, — спросил я саркастически, — через неделю?

— Возможно, — ответил он все так же ровно, — никогда.

— Никогда?

— У вас был выбор, — ответил он бесстрастно. — Это было ваше желание.

Две геммы отгреб в сторону, оставшиеся рассматривал долго, поднимал и вглядывался так, словно видел внутри сложнейшую структуру, наконец покачал головой.

— Ничего подобного не видел. Грубая работа, примитивное исполнение, низкий уровень. Для чего предназначены, не знаю.

— Наверное, китайцы делали, — пробормотал я. — Или в Люберцах в подвале на коленке... Ладно, а эти две?

Он ответил ровно.

— Опознаны.

— Тогда давай и эти?

Он покачал головой.

— Нельзя. Нужно взять обе и вживить одновременно. Вот как я вживил вам в локоть и в лук. Только для

этих двух нужен арбогаст. Один кристалл вам в другой локоть, а другой — в лоб арбогаста.

Я пробормотал:

— Арбогаст... Ну да, арбогаст, как это я сам не вспомнил?.. Только что-то забыл малость, как он выглядит, этот арбогаст?

Он ответил, ничуть не удивившись, по-моему, у него чувства удивления вообще нет, как у спящего человека:

— Арбогаст с виду похож на коня, но только крупнее, на лбу рог. Правда, рог не обязателен. Глаза арбогаста обычно красные...

— Так-так, — сказал я с сильно бьющимся сердцем, — понятно, арбогаст. Ну, конечно же... Говоришь, вот эти две? Какую в локоть, а какую в лоб?

— Силеневый кристалл арбогасту, — ответил он ровно. — Не перепутайте, иначе...

— Понятно, — прервал я. — Сам козленочком стану. А Зайчик возьмет меч и пойдет на турнир. Благодарю вас, господин класторг. У вас прекрасная работа, и вы с нею справляетесь!

— Благодарю вас, — ответил он скромно.

Однако мне показалось, что где-то внутри в нем замигали какие-то лампочки или повысился какой-то уровень. Я направился к двери, оглянулся, помахал рукой:

— Я остановился в этой гостинице, так что еще свидимся.

— Всегда к вашим услугам, мардорг!

На пороге я остановился, хлопнул себя по лбу.

— Ах да, совсем осклерозничался. Меня весьма даже интересуют данные вот по этому краснокожему...

По щелчку пальцами сдержанно полыхнуло красным. В комнате как будто потеплело, а в середине красного свечения возник мой красный демон. Мне он показался еще выше, чем обычно, угловатее и массивнее. Да и сияния раньше не было. Демон неподвижен, только слегка вздымающаяся грудь показывает, что жив, дышит.

Пес поднял голову, в глазах тот же дикий пурпурный огонь, из которого состоит демон. Некоторое время рассматривал эту новость, однако демон не двигался, и Пес снова уронил голову.

Класторг бесстрастно смотрел на демона, я лишний раз подумал, что любой человек уже убежал бы с воплями. Или хотя бы как-то выразил испуг.

— Нет, — произнес он наконец, — это неизвестное образование... Насколько понимаю, это материально только частично... что совсем уж не укладывается ни в... ни в...

— Да, — сказал я с видом знатока, — трудно быть немножко беременным. Но он ухитрился, да?

Класторг обошел вокруг демона, я почти физически чувствовал, как всматривается всякими там рентгеновскими и гамма-лучами, но на лице полное спокойствие, даже академическая задумчивость, словно теоретик, который только-только открыл свойства радиоактивного распада, которые, конечно же, никогда и нигде применить не удастся.

— Непонятность, — сказал он наконец. — Совершенно иные технологии.

— Ого, — сказал я осторожно. — Инозвездные?

Он покачал головой.

— Какая разница? Дважды два везде четыре. А здесь как будто что-то из ничего. Так не бывает, но на первый взгляд это так.

— А на второй?

— И на второй. Даже на третий. Нет, такое существовать не может.

Я сказал поспешно:

— Ладно, проехали. В смысле, закрываем тему. А то перегоришь... на работе. Всем благодарность за хорошую работу!..

Пес с готовностью подхватился. Класторг остался в номере, а мы вышли в коридор. Я оглянулся на дверь,

мелькнула мысль приоткрыть и проверить, там ли этот класторг. Чутье подсказывает, что в номере пусто... однако отвлекаться некогда, нужно успеть поспать хоть пару часов, утром турнир...

— Иши, Бобик, — сказал я по наитию, — иши Сми-та!.. Иши...

Он весело понесся скачками по коридору, единственное не геометрически точное в этом мире, далеко-далеко остановился на миг, прыгнул прямо на стену и...

...пропал. Я с сильно бьющимся сердцем ринулся бе-гом, двери замелькали, как двери проносящегося мимо вагона метро. Моментально сбился со счета, похолодел в страхе, перешел на шаг и начал всматриваться в стену.

Страх все сильнее заползал в сердце, как вдруг взгляд зацепился за две едва заметные полосы на двери. Обе уже совсем размытые, заметные только потому, что я на этот раз не провел здесь время почти до утра, а на стене глубокие царапины затянулись, стена регенерирует, самовосстанавливается. Возможно, в древности здания вообще не требовали ремонта.

Я протянул руку к стене, но в последний момент пришла идея, я позвал едва слышно:

— Бобик... ко мне!

Меня отбросило через коридор к другой стене. Пес уперся обеими лапами в грудь и бешено лизал мне нос и щеки, ликуя от моей оторопелости. Я торопливо погладил по голове и почесал за ушами, до чего же просто у него получается, как будто и нет этих стен... А может быть, их в самом деле нет? Или они из силовых полей, которым можно задавать любые характеристики?

Внезапно меня затрясло. Я стискивал кулаки, нечеловеческая тоска вошла и смертельным холодом охватила внутренности. Все, что вижу сейчас, создано не людьми, люди не могут создать такое... не поддающееся человеческой логике. Человеческим понятиям о красоте, целесообразности, человеческим пропорциям. Или же это соз-

дано такими людьми, что родились уже на Сириусе, там жили под зеленым солнцем и творили уже и н а ч е.

Стиснув зубы, я проломился через стену. Сэр Смит в той же удалой позе на спине, выставив живот, хотя вообще-то здоровый инстинкт всех нас заставляет во сне скрючиваться и прятать беззащитные внутренности, подставляя врагу спину с ее грудями мышц и толстым позвоночным столбом. Ослаблен у бастарда инстинкт самосохранения, ослаблен... надо учесть.

Петух прокричал, не дав Санегерийе шанса: я спал как бревно, вынырнул только от глухого рычания. Толстая волосатая лапа трясла меня за плечо, я сфокусировал глаза, не сразу узнал Смита, он опасливо поглядывал на Пса.

— Бобик, Бобик... Ну тогда сам буди!..

Я проворчал сквозь сон:

— Иду, иду... Какой сегодня день?

— Турнирный, — сообщил Смит ликующе. — Оди-
ночные!

Он блистал, как глыба льда, доспехи начищены, сверкают, словно солнце, глазам больно, рот до ушей. Я кое-как поднялся, взял со стола чашку побольше, сосредоточился. Смит вытянул шею, ноздри задергались, а усы вытянулись в стороны еще длиннее и воинственнее.

— Святой Георгий! Что за аромат?

— Напиток паладинов, — ответил я хрипло. Мелкими глотками хватал обжигающий напиток, в голове прочищалось, уже чистым голосом объяснил: — Нам положено. По рангу! Федеральные льготы неимущим.

Он смотрел с непониманием, спросил осторожно:

— Но, сэр Ричард... Вы же сказали сэру Уильяму, у вас есть замок...

Я отмахнулся.

— Ерунда, а не замок. У меня их всего три, а деревень... ну не знаю, не считал. Не рыцарское это дело!

Разве это имущество? Можно сказать, что я гол и нищ, аки птаха небесная, что ходит по дорогам и клюет... что находит.

Он завидующе вздохнул, взял мои доспехи, помогая побыстрее одеться. Рот у него не закрывается, поговорить любит, я еще раз усвоил, что дороги полны трудностей, потому на турнир выезжают заранее. Кто-то опаздывает, кто-то приезжает намного раньше. Из-за опоздавших, понятно, турнир не откладывают, но среди приехавших рано обычно проводятся одиночные и парные схватки. Насколько помню, в первые турнирные века они роли не играли, потом в одиночных тоже начали проводить отдельные соревнования, особый акцент делался на технику владения копьём и умение управлять конем.

Есть еще *commencailles*, это такие предварительные бои, где правилами допускается даже незнатным рыцарям вызывать на бой самых прославленных чемпионов, а также особ королевской крови. Правда, те вовсе не обязаны принимать вызов, но вот насчет когда знатный незнатному... не знаю, не знаю, надо поинтересоваться. Вообще-то не хотелось бы, чтобы меня мог вызвать всякий, у кого чешутся кулаки. Все-таки я приехал сюда не драться, хотя наша меркава стоит на запасном пути.

Двор заполнен суетящимся народом, оруженосцы наводят последний блеск на доспехи своих господ, оружейники всюду точат мечи и топоры, хотя по правилам вроде бы положено сражаться только затупленным оружием. Хотя, возможно, эти мечи и топоры не для турнира. А так, на случай.

Я сказал подбадривающе:

— Сэр Смит, вам неслыханно повезло.

Он спросил тупо, но с надеждой:

— В чем?

— Цена оружия, — объяснил я, — всегда в прямой пропорции от расстояния, на которое его надо везти для ремонта. А ваш меч можно ремонтировать везде!

Он задумался, на лице отразились тяжкие усилия понять сказанное, ибо брякнул я что-то в его пользу, теперь понять бы, а я проговорил еще оптимистичнее:

— Жизнь — сложная штука. Сделать сложную простой может только меч. У вас он есть! Так что же еще надо? Вы — счастливый человек, сэра Смит.

Пес посмотрел на Смита и помахал хвостом. Ноздри подергивались, улавливая запахи со стороны кухни. Похлебкой из баранины пахнет на весь двор, накатывают мощные ароматы жареного мяса с луком и чесноком, тонкой струей вонзается запах печеных рябчиков в остром соусе, а внизу стелется почти зримая волна из тяжелых ароматов печеной рыбы, раков и ящериц.

Смит сказал нетерпеливо:

— Пока я не завтракал, я ничего не соображаю! Сэр Ричард...

— Идем-идем, — успокоил я.

Пес помчался через двор и остановился на ступеньках, пугая народ и оглядываясь с нетерпением, подгоняя нас взглядом. Глаза снова добрые, теплые, коричневые, но люди смотрят не в глаза, а на могучую статью, сразу чувствуют, что эта собачка одним ударом лапы переломит быку хребет, такой лучше не попадаться и в глаза не смотреть.

Мы подходили к распахнутым дверям, когда сзади донесся задыхающийся вопль:

— Брат паладин!

Смит поморщился, я сказал быстро:

— Сэр Смит, вы меня очень обяжете, если закажете и на мою долю что-нить не очень тяжелое. Утку не надо, слишком жирная, а вот рябчиков... И моего песика с собой возьмите, нечего ему умные речи слушать, а то монахом станет. Бобик, иди с сэром Смитом! Иди-иди, питайся...

С Кафаэлем двигаются, как серые призраки, почти плывут над утоптанной землей трое монахов. Самого

Кадфаэля я не сразу признал под опущенным на глаза капюшоном. Он спешил, спотыкался, широкие рукава сутаны реяли по воздуху, словно пытался взлететь.

— Брат паладин, — воскликнул он, запыхавшись, — брат паладин... Вы хорошо провели ночь? Как чувствует себя ваша милая собачка?

Оба монаха смотрели на Пса с ужасом и непрерывно творили крестные знамения. Пес встал на задние лапы и, упершись передними в тощую грудь Кадфаэля, лизнул его в нос.

— Оба себя чувствуем, — заверил я. — А ты?

— И я себя... чувствую, брат паладин. И даже ощущаю временами. Я, как и говорил, встретил братьев из монастыря Святого Бенедикта, с ними и провел ночь...

— Бесстыжий, — сказал я с удовольствием.

Кадфаэль даже не понял намека, чистая душа, указал на двух в сутанах, что почти не поднимают голов, а смотрят как будто сквозь плотную мешковину.

— Это брат Адам и отец Давид. Отец Давид назначен настоятелем присматривать за соблюдением монашеских норм...

Отец Давид и выглядел, как должен выглядеть в моем представлении человек, занимающийся безопасностью: сухой, жилистый, с острыми глазами и непроницаемым лицом. Он коротко поклонился, всматриваясь в меня, как коршун в цыпленка.

— Для нас большая честь приветствовать вас, сэр Ричард, — сказал он негромко. — Брат Кадфаэль много рассказывал про вас. У вас какие-то свои цели?

Не дурак, мелькнуло у меня. Единственный, кто предположил что-то еще, кроме дурного обмена ударами по железу доспехов.

— Только турнир, — заверил я таким тоном, что даже Кадфаэль мог бы догадаться о брехне. Но Кадфаэль, конечно же, не догадался, а отец Давид улыбнулся одними глазами.

— Добро пожаловать, — сказал он. — Не заметили ничего необычного?

Я сказал с некоторой нерешительностью:

— Отче, боюсь, что побьете камнями, а то и на угли, как жареного кабанчика, но кое-что в самом деле заметил...

Брат Кадфаэль сказал торопливо:

— Брат паладин, отец Давид уже знает про ваше умение видеть.

Священник внимательно смотрел на меня мудрыми глазами старого чекиста.

— Говори, сын мой.

Я вздохнул и рассказал, как в город въехали всадники и как среди них померещился некто с темными крыльями. Не совсем чтобы крыльями, но такие призрачные, нечеткие, словно легкая тень среди солнечного дня. Не будь такого яркого солнца, мог бы не заметить, но вот узрел, до сих пор мороз по коже...

Он слушал, кивал, спросил неожиданно:

— Тьма над монахом?

Я вздрогнул, сказал с облегчением:

— Точно! Значит, я не совсем кукукнулся?

Он не понял, но уточнять не стал, качнул головой.

— На такой турнир обязательно придет и наш враг. И помимо схватки на копьях и мечах будет еще более жестокая на незримом рыцарям уровне. Значит, даже не стал скрывать лик, хотя мог бы прибыть в обличье рыцаря, купца или простолюдина. Впрочем, личина рыцаря не годится, слишком привлекает внимание, простолюдина не везде пускают, а вот купцом мог бы... Хорошо, я приставлю к нему двух-трех молодых монахов, чтобы проверили твои слова, сын мой, проследили за ним, выяснили... Господь даровал вам, сэр Ричард, чуткость, вы учитесь понимать и видеть душу человека, а это драгоценный дар! Он приходит к немногим, да и

то в глубокой старости, когда начинаешь по-настоящему понимать людей, но изменить уже, увы...

Брат Кадфаэль задвигался, вздохнул, мне показалось, что с завистью, сказал тихо:

— Брат паладин говорил, что старые книги читал!

Глаза отца Давида блеснули жадным огнем.

— Старые? Где? Какие?

Я развел руками, неловко обманывать этих библиофилов, сказал покаянно:

— Это было давно, в детстве. И то не столько читал, сколько мне читали, долбили, вбивали в голову, а я еще и отбрыкивался. Я даже не скажу, что книги старые... Скорее, книги старых, умудренных жизнью мудрецов. В нашем королевстве принято, чтобы учились не столько на своей дурачине, а на ошибках других.

Он помолчал несколько минут, пытливо вперив в меня острый, как шило, взгляд. Не знаю почему, но у меня возникло и не уходило некоторое время ощущение, что я повис над пропастью и в воле этого инквизитора дать мне упасть или не дать. Наконец он вздохнул коротко, в голосе прозвучала странная нотка:

— Не читайте старых книг, брат паладин. Это опасно.

— Да, — согласился я, — видел по дороге, что стало с теми, кто начитался...

Он покачал головой.

— То простая опасность, когда неведомый огонь пожрет тебя во мгновение ока, а я говорю о настоящей... старые книги могут забрать душу. Ты станешь Другим. Этого берегись больше.

Третий монах, брат Адам, все это время не двигался с места, даже не шевелился, капюшон надвинут на лицо, вижу только нижнюю челюсть, но, чтобы взглянуть мне в лицо, ему пришлось так задрать голову, что капюшон свалился на плечи, открыв роскошную серебряную шевелюру. Борода подстрижена аккуратно, лицо ко-

ричевое от старости и глубоких морщин, но выцветшие от старости глаза взглянули остро и умно.

— Это сэра Ричард, — назвал меня Кадфаэль почтительно, — благородный рыцарь, но главное — паладин Господа!

Монах кивнул, не отрывая от меня острого взгляда.

— Я из ордена святого Доминика, — назвался он. — Смиранный монах, служитель Господа. Прислан братством на этот турнир... ибо нас он тоже интересуе.

— Будете участвоватъ? — поинтересовался я.

Он улыбнулся одними глазами.

— Уже участвую.

Мы обменялись понимающими взглядами. До того как сходятся армии, сперва работает разведка, потом — отдельные агенты «с правом убивать», затем целые диверсионные группы. Он все еще внимательно всматривался в мое лицо, оглянулся на отца Давида, тот кивнул. Мне показалось, что они о чем-то переговаривали, не произнося ни слова.

Отец Давид сказал почтительно:

— Рыцари часто дают весьма странные обеты... Сэр Ричард воспользовался правом путешествовать инкогнито. Сейчас времена в самом деле чересчур беспокойные.

Смиранный служитель Господа по имени Адам заметил кротко:

— Возможно, в положении сэра Ричарда ничего лучше и не остается.

Я насторожился, не люблю тайн, и так их слишком много, спросил с подозрением:

— Что это значит?

— Если судить по вашим скулам и форме бровей, вы принадлежите к роду Первого Короля, благородный незнакомец, скрывшийся за именем Ричарда Длинные Руки.

— Плюс характерные надбровные дуги, — добавил отец Давид.

— Да, — согласился брат Адам, — плюс надбровные дуги... Вы не замечали, что у всех встречаемых вами они несколько... иные? Дело в том, что все эти многочисленные народы ведут корни от единственной семьи Ману, так его звали, он первым после последней войны магов сумел пересечь океан и поселиться в опустошенных землях. С ним прибыли только его семеро сыновей с женами да три его жены. От них и пошли все нынешние народы, племена, возникли села, города, а затем и королевства...

Я спросил с жадным любопытством:

— Значит, такие, как я, остались за океаном?

Оба помолчали, брат Адам покачал головой.

— Сомневаюсь. У вас иной формы губы, подбородок, а таких высоких скул вообще не встречается в описаниях! Вы как будто вернувшийся из ада... или из рая, здесь мнения богословов расходятся, Первый Король или его прямой и достаточно близкий потомок.

Представляю, мелькнуло у меня в голове ошалелое, что за бури здесь прокатывались. Если обнулялись целые расы и народы с их характерными особенностями. Я совсем не вижу негров, китайцев, арабов, как будто атомные бури сожгли полностью все их земли. Нет, тогда бы уцелели те, кто задолго переселился в другие страны и на другие континенты... Разве что применялось генетическое оружие? Выкашивающее целые народы по генетическим особенностям?

Тогда, мелькнула мысль, у всего населения планеты ослаблен или неполон, как правильнее сказать, генокод. Может быть, потому на меня и не действует магия, раз внутри меня есть то, о чем ни маги, ни ученые этого мира не знают и знать не могут?

— Ладно, — сказал я наконец, — встретимся на турнире. Будем держать связь. Чует мое сердце, мы друг другу понадобится.

Монахи откланялись, ушли, уводя с собой и Кадфаэля. Тот сказал на прощание успокаивающе, что знаниями о Древних Королях обладает лишь брат Адам да еще, возможно, двое-трое в их ордене, а так никто не заподозрит во мне потомка Древних Королей.

Ни хрена себе, подумал я тревожно. Я вообще скрывать не собирался. Здесь меня никто не знает... Да и в тех местах, где я побывал, я не очень-то ронял лицо, как говорят на Востоке.

Сэр Смит уже наверняка жрет в три горла, я поколебался, но быстро направился в конюшню. Зайчик встретил меня тихим ржанием.

— Привет... арбогасту, — сказал я.

Зайчик посмотрел на меня солнечными глазами и снова тихонько ржанул. Мне показалось, что он старается что-то сказать, но, увы, у нас слишком разные системы опознавательных знаков. Зато с Псом они обнюхались и как будто о чем-то быстро переговорили без примитивной вербалистики. Я подошел, погладил, поцеловал в теплые замшевые ноздри.

— Что ж ты не признавался, — упрекнул я, — что ты еще и арбогаст?.. Ладно-ладно, это я так. Шучу. Я ведь тоже кто только ни есть, начиная от петуха без перьев и кончая тварью дрожащей... если, конечно, исследования не продвинулись дальше и не придумали, как обозвать еще круче и противнее.

Он смотрел добрыми глазами, совсем не тот адский конь, каким я увидел его впервые. Мои пальцы вытащили две геммы, я воровато оглянулся, никто вроде бы не наблюдает, одну приложил ко лбу Зайчика, а другую прижал к локтю этой же руки. Сперва ничего не случилось, затем как будто короткий электрический удар, я непроизвольно отдернул руку и отшатнулся, однако короткая молния заблистала между двумя геммами.

На моих глазах та, которую прижал ко лбу Зайчика, медленно погружается, словно горячий камешек в воск. В локте щиплет, шипящая дуга на глазах тускнеет, а ко-

гда гемма погрузилась в лобную кость, дуга оборвалась, шипение стихло. В дверном проеме появился конюх, за ним подручный ташил на тележке мешки с зерном. Оба остановились в нерешительности, с испугом поглядывая на Пса, чьи глаза в темноте вспыхнули зловещим красным огнем адского пламени.

Я вышел, прикидывая, что нужно бы как-то выбраться в лес да попробовать, что дают те две геммы, что связали меня и лук Арианта. Судя по тому, что растворились, их действие можно сравнить, к примеру, с действием стимулятора, но если кофе, к примеру, выводится из организма через два-три часа, а всякие энеджерджайзеры — за пять-шесть, то эти, надеюсь, продержатся дольше. Очень уж хочется.

Большой палец ноет, вздутость налилась красным и пульсирует, как сигнальная аварийная лампочка. Ощущение такое, что загнал занозу. Так это дня три тому.

Сэр Смит помахал издали, стол перед ним заставлен так, будто ждем на пир все войско Агиллы. Я сел по другую сторону, из-под стола тут же послышался мерный хруст и быстрое чавканье. Сэр Смит на моих глазах бросил туда целого рябчика, стараясь подружиться с вообще-то страшным псом.

— Ого, — сказал я, подходя к столу, — давно пирогов не видел. Свежие?

— Нет, с мясом, — ответил Смит с набитым ртом. — Вино какое чудное принесли!

— Спасибо, — отказался я. — Лично я — за здоровый образ жизни.

Он вздохнул.

— Завидую! А я вот выпил бы, да нельзя — иначе копы не удержу.

Мы ели быстро, как голодные волки, еще быстрее хрустел костями под столом Пес, обожает жареное, хотя полезнее бы есть сырое... Впрочем, нам, людям, тоже полезнее есть сырое, все об этом знают, но вот почему-то...

Запили все-таки вином, тем самым молодым, которое и вином-то назвать нельзя — никакого хмеля. Но даже Смит сделал всего пару глотков, после чего вывалились во двор, быстро оседлали коней. Смит поглядывал на скачущего вокруг Пса, я подумал, что ему не совсем с руки толкаться с нами в толпе, надо бы отвести в нашу комнату и запереть, строго повелев бдить, охранять и еще раз охранять... но Пес смотрел с таким укором, что я сказал в сердцах:

— Не смотри на меня так. Пойдем, но только чтобы держался со мной рядом, как пекинесик!

Смит вздохнул.

— Почему мы можем отказывать людям, но редко когда откажем собаке?

— Собакам отказывать труднее, — согласился я.

— Видать, Господь их любит, — заключил он.

— И нам тоже вложил любовь, — закончил я. — Бобик, рядом! Не отставать, в сторону не удаляться! Ты у меня сейчас болоночка. Пудель! Все понял?

Пес ликующе запрыгал, все понимает, свиненок, я толчком послал Зайчика в сторону ворот. Простой народ с раннего утра усеял склоны холмов, между которыми турнирное поле, зная подтянулась позже, но, как объяснил мне сэр Смит, предварительные схватки начались уже буквально по дороге к турниру. Ну, это мне знакомо, подумал я, но смолчал.

Герольды протрубили, и глашатай прокричал добавочные требования к участникам: меч должен быть шириной не уже чем в четыре пальца, это чтобы не прошел сквозь узкую щель забрала, обязательно затуплен с обеих сторон, рукоять не длиннее руки, обязательно с чашкой для защиты кисти. По указанию короля толщина и вес мечей будут проверены судьями перед схваткой, все мечи должны иметь клеймо...

Сэр Смит выслушал, кивнул.

— Ширина меча — да, это проверить будут, но чтобы

затупить свои мечи... гм... на прошлом турнире не прошло, а когда потребовали такое на турнире в Гельсинберге, то половина рыцарей отказалась участвовать и тут же уехала.

Глашатай прокричал насчет шпор, мол, длинные тут же сорвут в свалке. А короткие уцелеют, и еще полукафтаны должны быть плотно подогнаны по фигурам, чтобы не спрятать добавочное оружие...

— За этим проследят, — согласился сэра Смит. — И судьи, и колдуны, и священники. Каждый хотел бы протащить что-то свое, но не позволять такое же другим, так что ничего тайного не будет. Ну... почти ничего.

На просторной площадке народу, как грязи в лавке дешевых товаров. Перед нами вынужденно расступились, да и как не расступиться, когда огромные кони прут, как ледоколы через мелкую шугу. Сэр Смит, стараясь быть полезным, провел меня к деревянному ограждению, за которым должны выстраиваться перед боем рыцари.

. Послышались удивленные крики, в нашу сторону тяжело тащился конный отряд, а когда заметили ожидающих их зрителей, попробовали пустить усталых коней галопом. Те согласились на рысь, но тут же перешли на грунь и следом — на шаг.

Всадники, дотолпе растянувшиеся цепочкой, при виде множества знатных людей попытались собрать отряд в кулак. Передние придерживали коней, задние подтягивались. Один вскинул к губам рог, воздух прорезал чистый звенящий звук, красивый и торжественный, словно пропела серебряная труба. Так звучат, я уже знал, в умелых руках охотничьи рога.

Передние всадники подъезжали с развернутыми знаменами, в глазах рябило от золотых львов на красном шелке, грифов и грифонов, тускло блестели омытые дождем шлемы и панцири. Рыцари держат копья кверху, и сейчас, когда едут тесно, касаясь друг друга стремени, над головами застыла, почти не покачива-

ясь, устремленная в небо стальная длинная щетина, а всадники выглядят самой несокрушимой силой, которую когда-либо видел.

— Все-таки добрались, — сказал сэр Смит со вздохом. — А говорили, что не отпустят, в их землях какая-то война... Но к черту войны, если из-за них приходится пропускать турниры!

— Кто это?

— Впереди братья Торвальдсоны, — объяснил он вполголоса. — Буйволы, а не люди!

— Такие же тупые?

— Могучие, — сердито отрезал Смит. — В мире все решает сила, а не мудрость! Сила и отвага. Я просто не думаю, что на турнирном поле найдется герой, кто сможет выдержать их натиск.

Я поинтересовался коварно:

— Даже Ланселот?

Сэр Смит отмахнулся.

— Что Ланселот? Кто спорит, о нем слава по всем королевствам, но Ланселот — герой-одиночка. Но королевский турнир только начинается схватками одиноких рыцарей, потом пары, а в конце — грандиозная схватка двух отрядов! И победит тот, в котором окажутся братья Торвальдсоны... Пойду-ка я готовиться к схваткам, сэр Ричард. Обидно, меня никто не вызвал!.. Гнушаются поединком с незаконнорожденным, сволочи... Ничего, сами от перчатки, брошенной в рыло, не увернутся. А там Господь дарует победу тому, что больше упражнялся, а не папенькины наряды примерял...

Я прислонился к ограде, наблюдал с интересом за гарцующими всадниками. С утра начинали собираться тучи, но ветер разметал их в клочья, и сейчас яркое солнце залило радостным светом турнирное поле и окрестности. Народ, как причудливые цветы, испещрил склоны холмов по обе стороны площадки, на арену начали выезжать одиночные всадники. Народ взрывался

ликующими воплями, и даже те, которые выехали просто покрасоваться, вынужденно брали копыя и устраивали схватки.

Ко мне подошел крупный мужчина в добротной одежде бывалого воина, только что без доспехов, отвесил короткий поклон.

— Оливер Дензел, — назвался он, — один из помощников маршала. Сэр, позвольте помочь вам. Я вижу, вы не определитесь, где занять место...

— Да отсюда неплохой вид, — сообщил я.

Он улыбнулся.

— Вы явно из глубинки. Для благородной публики отведены с обеих сторон поля по четыре ряда крытой галереи. А здесь по большей части простолюдье. Вам по рангу надлежит быть там...

— Прошу простить, — сказал я вынужденно, — я в самом деле из медвежьего угла.

— На галерее для благородных, — подсказал он вполголоса, — немало красивых женщин, по большей части — молоденьких.

— Спасибо, сэр Оливер, — поблагодарил я, — вы очень заботливы.

На галерее для благородных в самом деле множество красивых женщин — молоденьких, ярких, стреляющих живыми глазками в каждого проходящего или проезжающего молодого рыцаря. Здорово видеть со стороны, как все мы выпячиваем нижние челюсти, вздуваем грудные мышцы и выкатываем глаза. Все стараемся выглядеть надменнее и устрашающее. Пока еще то время, когда мужчины стараются выглядеть мужественными, а красить волосы и ногти станут, слава богу, очень не скоро.

На меня тоже обращали внимание, но я читал в глазах женщин некоторую прикидку. Дескать, этого бедного рыцаря если одеть как следует да обучить смотреть на всех свысока, он будет ничего, даже очень ничего...

Я сел поблизости от компании таких же благородно-

голоштаных. Все вскакивают и выкрикивают боевые кличи сражающихся, в глазах голодный блеск, не все здесь богаты, чтобы приехать на годном для турниров коне, но каждый болеет либо за сюзерена, либо за более удачливого друга, а кто и просто выбирает для себя «своего» по симпатии к цветам конской попоны или крою рыцарских сапог.

Поблизости от меня под пологом, защищающим нежную кожу от солнца, сидит с двумя служанками очень хорошенькая молодая девушка. Я пару раз взглянул на милое лицо с задорно вздернутым носиком, она перехватила мой взгляд и улыбнулась, вежливо, по-дружески, сразу же отсекая любые поползновения, ухитрившись в одном взгляде напомнить и о разных рангах, и просто о нежелании заводить лишние знакомства.

Я перевел взгляд на арену, но обратил внимание, как в первом ряду поднялся и пошел в нашу сторону очень богато одетый молодой оруженосец, его роскошная одежда подошла бы иному именитому графу, учтиво поклонился красавице и сказал подобострастно:

— Мой лорд маркграф Зингерлефт только что прибыл из королевского дворца...

Красивый молодой рыцарь в дорогом мягком костюме кричащих цветов, с румяной откормленной рожей, появился следом, склонил голову чуть-чуть. Наглые выпуклые глаза раздели сразу вспыхнувшую алым румянцем девушку, неспешно одели, да и то не до конца, после чего он проговорил с ленцой:

— Клянусь всеми святыми, я не знал, что здесь водятся такие лакомые куропатки!..

Щеки молодой леди вспыхнули, она сказала ровным голосом:

— Похоже, сэр, в рыцари вас произвели прямо из конюхов.

Он вскинул брови в великом удивлении.

— А что я сказал? Вы самый лакомый кусочек, кото-

рый я вижу на этом сборище! Все женщины либо сухие мегеры, либо унылые матроны, либо толстые дуры... А вот вы ах-ах, я бы вас сожрал прямо сейчас!

— Я, — произнесла она резко, — леди Сесиль. А вы, сэр рыцарь...

— Маркграф Зингерлефт к вашим услугам, — напомнил он.

— ...сэр рыцарь, — продолжила она, словно не слыша, — ведете себя дерзко и возмутительно!

Он захохотал:

— Но это же правда! И, клянусь небом, турнир еще не закончится, а мы с вами будем барахтаться где-нибудь на сене...

Он ушел, хохоча во все горло. Побагровевшая леди Сесиль смотрела вслед со злостью и, как я успел увидеть, с растущим страхом. Слишком уж уверенным выглядит этот рыцарь из группы южан, слишком уж мрачные истории рассказывают о выходцах с Юга.

В ее прекрасных глазах заблестели слезы. Я перевел взгляд в спину удаляющегося рыцаря, этого маркграфа. Сердце тукнуло чаще, нагнетая горячую кровь, я ощутил, что уже и сам ненавижу этого гада, однако краем глаза уловил, что там, в середине огражденного участка, сэру Смиту подвели коня, помогли надеть и закрепить доспехи. На коня он взобрался сам, ему подали длинное копьё с небольшим красным лоскутком вблизи затупленного острия. С противником они выехали на поле одновременно с разных концов, отсалютовали в сторону королевской ложи.

Я ждал, наконец мимо прогрохотали копыта, оба рыцаря на одинаковых конях и в одинаковых доспехах, только на щитах разные гербы. Именно только для этого гербы и появились — как опознавательные знаки. Эти два бронированных чудовища несутся навстречу друг другу... Не совсем навстречу, каждый пройдет мимо другого, как мы по тротуару: пропуская противника

слева, прикрываясь щитом, а в правой руке оружие, в данном случае — длинное толстое копьё, что и не удерживать в руке, для этого куча приспособлений...

Кони набирали скорость, всадники пригнулись и ошетинились копьями. Страшный удар, словно молотами по металлу, копы разлетелись в щепки. Обоих рыцарей откинуло в седлах на конские крупы. Один зашатался и с усилием выпрямился, а второй раскачивался, стараясь удержать равновесие на бешено скачущей лошади. Его медленно сдвигало в сторону. Он отчаянно работал поводом, однако тело, отягощенное особо тяжелыми доспехами, надеваемыми специально для таких поединков, неуклонно тянуло в сторону.

На трибунах горестно ахнули, когда грохнулся оземь. Его перевернуло дважды, а победитель горделиво пронёсся в свой конец поля, победно потрясая обломком копья. Только теперь я сообразил, что побежденный ударил в щит, а этот, сейчас гарцующий, как петух, ухитрился нанести удар в шлем, вон у того, что с трудом поднимается в пыли, даже забрало вмято... Хороши же скорости, когда я, совсем не черепаха, даже не успел проследить за такой тактикой!

Рядом со мной незнакомый рыцарь сказал возбужденно:

— Как он его, а?.. Съехались лучшие бойцы, сэр!.. Вон готовится молниеносный сэр Тотент, сейчас выступит сэр Мигуэль, а за ним обещано появление самого барона Орсона де ля Берга...

— Это тоже герой?

Он посмотрел на меня как на обиженного Богом.

— Сэр Орсон за это лето выиграл три турнира!

Я кивнул, хотя при том, что турниры местного значения устраиваются каждые две недели, победы в трех турнирах — еще не чемпионат мира.

Победивший рыцарь вернулся в свой угол ринга, в смысле, на край своей половины поля, бросил вызов

еще кому-то, дождался противника. Снова бешеный галоп друг другу навстречу, страшный грохочущий удар. Один вылетел из седла, как будто вышибли гигантской битой, а второй, выронив копьё и поводья, откинулся на круп. Конь галопом несясь вдоль заборчика, рыцаря подбрасывало, он явно потерял сознание, однако каким-то чудом держался, раскинув руки, словно канатоходец. Конь доскакал до конца разделительного забора, навстречу бросились оруженосцы, слуги из числа тех, которые выделены королем, устройтелем турнира, для простых рыцарей, у которых нет ни слуг, ни оруженосцев.

Рыцаря стащили наземь, пытались снять искорёженный страшным ударом шлем...

— Значит, — спросил я с интересом, — этот не был?

— По правилам нет, — ответил рыцарь, — но вряд ли оправится после такого жестокого удара.

С победителя, одержавшего такую трудную победу, все-таки содрали шлем, я увидел залитое кровью лицо и тут понял, что это и есть сэра Смит.

— Простите, — сказал я с беспокойством, — это мой друг, побегу, скажу ему пару слов...

— Передайте от нас, что он дрался хорошо!

— Обязательно, — пообещал я.

Глава 15

Сэра Смита вынесли за ограду, я уплатил дюжым простолюдинам, они с великой охотой отнесли рыцаря в дубовую рощу, куда доносится лязг, ржание коней и даже яростные крики, но схватки не видно. Сэр Смит постанывал сквозь зубы: помимо удара в голову ухитрился получить еще и рану в бок. Единственное, что утешало, — это победа над двумя не самыми бедными рыцарями. Во всяком случае, ему достанутся два превосходных коня...

— Вы видели, какие кони, сэр Ричард? Что за кони. Я в своем медвежьем крае таких никогда не видел!.. Мож-но сказать, только из-за этих коней и дрался... Черт...

Он лежал на спине, весь избитый, голова и лицо в крови, в боку кровавая рана, от нее можно и лапы скле-ить, но в глазах огонь и жажда снова вскочить на коня. Пес осторожно лизнул бедолагу в щеку, лег рядом и го-рестно вздохнул.

— И доспехи хороши, — поддакнул я. — У второго под панцирем еще и миланская кольчуга, а миланским, как вы знаете, цены нет...

Он кивнул, поморщился, застыл, переживая боль то-ли в затылке, то ли в висках. Я поколебался, сказал ос-торожно:

— Сэр Смит, мне дано право помогать живым суще-ствам. Я могу помочь вам залечить все раны за сегодня, но, такова уж природа, ничего не дается даром... вы должны пообещать, что откажетесь чертыхаться на каж-дом шагу!

Его глаза заблестели, чуть было не сказал что-то крепкое, затем помрачнел.

— Сэр Ричард, это слишком большой обет! Боюсь, не для моих слабых плеч. Ведь помимо этого турнира есть и еще какая-то жизнь на свете?

Я подумал, вздохнул.

— Ладно. Вы клянетесь не чертыхаться до конца этого турнира. За это я сегодня же подниму вас на ноги. Иначе лечение не получится! Вся наша жизнь такова: что-то за счет чего-то.

Сэр Смит поколебался еще, наконец с великой не-охотой кивнул.

— Даю слово.

— Вот и славно, — ответил я. Возложил на него ру-ки, сосредоточился. На короткий миг в груди похолода-ло, зато сочащаяся из раны на голове рыцаря кровь за-густела и застыла, даже высохла. — Вот и все.

Он вскинул брови, прислушался. Глаза распахнулись в великом удивлении, рывком вскочил, согнул и разогнул руки, ощупал бок. Глаза стали круглые, как блюда.

— Вот это да!.. Нет, паладином быть не так уж и хреново. Сэр Ричард, мне кажется, вы меня малость надули... Да где там малость!

— В чем же?

Он покачал головой, глаза полные укоризны.

— За одну минуту лечения я должен следить за каждым словом целую неделю?

— Можно лечить целую неделю, — ответил я хладнокровно. — Это квалификация, сэр Смит! Лечение у профессора стоит дороже, чем у его уборщицы.

Он содрогнулся.

— Нет уж, нет уж, только не неделю! Я надеюсь еще кого-нибудь завалить. Хотя, конечно, когда придется следить за каждым словом, это будет намного труднее.

— Главное не победа, — сказал я лицемерно, — а участие.

Сэр Смит помчался в сторону турнирного поля га-лопом, почти карьером, я повернулся спиной к турнирному полю и поехал в сторону города. Пес понесся рядом, делая гигантские скачки и пытаясь поймать то пролетающих воробьев, то даже бабочек.

Народ поглядывал пугливо, но никто не вскрикнул, самым стыдно обнаруживать страх перед такой веселой, хоть и крупноватой собакой. И хотя мы двигались неспешно, догнали большую группу роскошно одетых вельмож в цветах королевского двора. На меня посматривали недружелюбно, я сделал вид, что никого не замечаю, послал коня вперед, поравнялся с повозкой, из окошка выглянула леди Алевтина, пышная и румяная, как крылатая дева, что в состоянии поднять павшего воина в полных доспехах и унести в небеса. Это не коня на скаку, это почти слона...

Повозка осталась позади, я догнал головной отряд, где король Барбаросса говорил гулким недовольным голосом архиепископу, он, к моему удивлению, вполне пристойно сидел на коне:

— Я понимаю ваше желание облагородить наше общество...

— Кто не желает, Ваше Величество? — ответил архиепископ Кентерберийский.

Барбаросса покачал головой.

— Я расположен к герцогу Валленштейну, мы с ним однажды красиво разгромили скотлян и до заката гнали их, убивая, как скот... Но мне не очень нравится попытка южан протолкнуть закон... пусть даже пока не закон, а правило: на турнир допускаются только рыцари, у которых не меньше трех поколений благородных предков. Во-первых, это резко сократит количество участников. Во-вторых, скажу по опыту, самые яростные бойцы как раз из первого поколения... Именно они добывают право на благородство на кончике меча! Это они за подвиги становятся рыцарями, получают земли, крестьян, владения, титулы. А их дети могут идти по отцовским стопам, могут не идти...

Архиепископ кивнул.

— У меня тоже симпатии к этим... первым. По крайней мере, сами заработали право на титул, а их дети пользуются уже готовеньким. Однако же, Ваше Величество, первые, так будем называть, обычно грубы и неотесанны. Это пока еще вчерашние мужланы, что отличаются от других мужланов силой и отвагой, умением и желанием сражаться, но их манеры... гм... не согласны? В то время как детей и внуков уже воспитывают в благородном духе. Вы же не сравните по галантности и учтивости герцога Валленштейна и маркиграфа Руделя, у которых по семь поколений благородных предков, с неотесанными сэрами Тотенком и Цегенлофтом?

— Империи создаются железом и кровью, а не галантностью, дорогой архиепископ!

— Но империи уже созданы...

— Сильные их перекраивают, а то и вовсе на обломках создают свои королевства!

Архиепископ Кентерберийский заметил с ядовитой ухмылочкой:

— А почему же тогда держите при себе галантных Оливера Дензела и маркграфа Курцинга, а не храбрых и воинственных Бебельга и Юстаса?

— Дензель и Курцинг? — изумился Барбаросса. — Как-то не заметил. По крайней мере, при мне они оба как раз храбрые и воинственные. А если и галантные... ну, у всех свои недостатки.

Он замолчал, злобно и подозрительно посмотрел в мою сторону. Архиепископ повернул голову, но замолвить словечко за благочестивого сына церкви не успел, впереди на дороге образовалась брешь. Я послал Зайчика в галоп и, промчавшись по обочине как горячая черная молния, влетел в небольшой лесок, редкий и солнечный, углубился как можно дальше, огляделся, нет ли зрителей, приготовил лук и, выбрав цель, пустил первую стрелу.

Ничего не произошло, стрела не разнесла дерево, а воткнулась как обычно. Я выстрелил снова, потом еще и еще, проверяя себя уже на скорость. Руки двигаются быстро, но не быстрее, чем обычно, что-то класторг напутал. Или же гемма оказалась бракованной. Или же просто вышел срок годности. Наивно надеяться, что пролежит тысячи лет и в структуре ничего не изменится...

Пес рыкнул, посмотрел на меня в нетерпении. Взглядом сказал ясно, что если у меня руки кривые, то сбегает тут неподалеку и принесет хоть оленя, хоть кабана, а хоть и толстого такого барсука, вот его запах плывет над землей...

— Не нужно, — ответил я убито. — Это просто экзамен.

Голова, несмотря на сытный завтрак, все-таки тяжелела, словно в череп залили свинца. В висках стреляет, а проклятый сустав распух еще больше. Правда, краснота не то чтобы спала, но уже нет того пылающего, как миниатюрное солнце, огонька в центре. Зато палец раздулся, как сарделька, сустав уже размером с абрикос элитных сортов, через каждые две-три секунды дергает, словно созревающий нарыв.

Я присмотрелся, надеясь увидеть скапливающуюся желтизну, миллионы погибших в битве с вторгнувшимся чужаком фагоцитов, белых кровяных телец, однако сустав пока красный, фагоциты только-только вступили в бой, не дают врагу прорваться дальше в тело. Еще два-три дня будут теснить чужака к тому месту, откуда он проник, пока не вытолкают через прорвавшуюся кожу вместе с мириадами своих мертвых тел. А вдруг вытолкают и гемму, как инородное тело? Произойдет отторжение, говоря научным языком. Все мои муки насмарку...

Молот выпорхнул из руки тяжелый, массивный. Легкое завихрение воздуха, удар, треск падающего дерева, я выставил руку, болезненный шлепок рукоятью по ладони. Пес снова посмотрел на рухнувшее дерево, на меня, снова на дерево.

— Это я так придавил хищника, — объяснил я. — Большой красный муравей обижал маленького рыженького, так вот я того... прихлопнул. Ладно, поедem обратно...

Молот повесил на пояс, вторую попытку делать глупо: видно же, что ничего не прибавилось.

На турнирном поле сэр Смит блистал. Как орел набрасывался на противников, выбивал одного за другим с седла, повергал в пыль. Лишь в двух схватках потерял стремя, что засчитали за поражение, но общий счет явно в его пользу. Увидев меня в рядах зрителей, приветствуя помахал рукой и жестом пригласил спуститься на арену. Я знаками показал, что паладину не к лицу столь мирское занятие... скажем, в день святого Карамазова.

Да и незачем, победитель турнира определится в *mêlée*. Кто из всей толпы сражающихся останется на ногах, тот и победитель. А я не настолько идиот или берсерк, чтобы с пеной у рта беспрестанно бросаться в схватку, если выпадает возможность постоять в стороне, дожидаться, когда все обессилеют, а там пихнуть парочку оставшихся и гордо вскинуть меч в салюте победителя.

Выше меня на ряд и чуточку слева на галерее хихикают и щебечут молодые девушки. Среди них Сесиль выделяется дивной красотой и свежестью. Я пару раз скосил на нее глаза, она заметила, улыбнулась, но только чуть-чуть, чтобы показать, мол, заметила и оценила мое восхищение, но это не дает мне никакого права приближаться и навязывать знакомство, и вообще лучше, чтобы я оставался там, где сижу.

Я слегка наклонил голову, мол, все понял, и больше в ее сторону не смотрел. Надо быть совсем уж сдвинутым, чтобы во время матча смотреть не на поле, а на соседку, будь она хоть Синди Кроуфорд. Снизу с поля ритмичный грохот, звон металла и треск переламываемых копий. Вообще выражение «переломить копье» ничего не говорит, а если говорит, то совсем не то, что происходит на самом деле. Переломить — это получить две половинки, а здесь от прямого удара копья разлетаются взрыв, в щепки. Воздух наполняется белыми свистящими и шелестящими осколками дерева, это похоже, как будто в диком испуге разлетается стая белых голубей...

Обычно вслед за этим о вытоптанную землю тяжело ударяется закованное в железо тело. Редко остается в неподвижности, оглушенное ударом. Чаше всего, перекувыркнувшись несколько раз, вскакивает на ноги в жажде отмщения, даже тщетно хватается за меч. Но это показуха, тем более что маршалы такого сразу же выводят с поля и показывают желтую карточку, в смысле напоминают о несовместимости подобного поведения с культом благородного рыцарства.

Наблюдая за полем, все же заметил, как среди знатных гостей появился, осмотрелся и тут же двинулся в нашу сторону этот маркграф, как его, ах да, Зингерлефт. Хорошее имя поганит, гад, мог бы назваться каким-нибудь Бартоломео. Или Петруччи. За маркграфом едва поспевает толстенький человечек, я узнал городского судью по золотой цепи на груди, очень уж неприметный человек, а следом в отдалении — трое из рыцарей-южан.

Маркграф уже пьян, рожа покраснелась, глаза блесят, словно накурился травки. Я чувствовал, как настожились вокруг, сам ощутил приближение неприятностей. Даже не седалищным нервом, а как будто я весь стал этим местом: везде заныло и застонало. Мелькнула мысль, что хорошо бы вовсе пересечь на другую сторону трибун.

По-моему, не один я это ощутил: двое мужчин поднялись и как-то слишком поспешно попятились в разные стороны, а другие вертят головами, не понимая, почему это вдруг возникло такое желание.

Маркграф остановился напротив леди Сесиль. Судья и дружки-рыцари подошли и встали полукругом. Маркграф вытянул руку и указал пальцем на леди Сесиль.

— Вот, — сказал он громко. — Эта леди взяла у меня пять золотых монет, обещая оказать мне интимные услуги... однако обманула!

Наступило ошарашенное молчание. Все смотрели на рыцаря и его дружков обалдело, а те переглядывались, улыбались, словно отмочили невесть какую остроумную шуточку. Леди Сесиль покраснела, вскочила, глаза метнули молнию.

— Да как ты посмел, мерзавец?.. Судья, этот человек уже подходил ко мне с гнусными предложениями! Только за это его стоило бы повесить как последнего ублюдка прямо на воротах!

Судья выступил вперед, кашлянул, поклонился. Лицо очень смущенное, он развел руками, однако сказал достаточно твердо:

— Все это можно выяснить тут же. Если вы соблагодизволите открыть свою сумочку...

Она вспыхнула, рывком схватила сумку, протянула судьбе. Тот протестующе выставил руки.

— Нет-нет, открывайте сами. А то, знаете ли, пойдут слухи, что у меня слишком ловкие руки...

Она торопливо открыла, ахнула, всмотрелась, застыла. Все ощутили неладное, а маркграф подошел ближе, заглянул, сказал злорадно:

— Я узнал свой кошель! Там моя монограмма вышита золотом!..

Судья сказал мягко, однако очень настойчиво:

— Покажите нам, что у вас в сумке.

Леди Сесиль вскрикнула:

— Но этого... этого не было!.. Я не знаю, как это попало сюда!

На галерее переглядывались, перешептывались. Леди Сесиль, как замороженная, вытащила расшитый золотом мешочек, судья взял, развязал веревочку и высыпал монеты на ладонь.

— Ровно пять золотых, — сказал он опечаленно. — Леди Сесиль, с прискорбием вынужден...

Она вскрикнула:

— Вы с ума сошли?.. Я, урожденная Валевская, у нас владения богаче, чем у короля! Я на шпильки и запонки трачу в сто раз больше, чем в этом кошелье!!! Вы понимаете, что несете?

Судья сказал со вздохом:

— Леди Сесиль, закон есть закон. Вы обвиняетесь в воровстве... или, если хотите, в мошенничестве...

Она вскрикнула, перебив его звонким, как серебряная труба, голосом:

— Он лжет!.. Он лжет!.. Он нагло добивался меня весь день...

Маркграф громко захохотал:

— Пусть поразит меня Бог, если я солгал!

В толпе затихли, рыцарь говорит громко и уверенно, а леди Сесиль, напротив, выглядит напуганной, вся дрожит, в глазах слезы. Судья оглядел собравшихся, сказал зычным голосом:

— Готовы ли вы, сэр Зингерлефт, и леди Сесиль, предстать перед Божиим Судом?

Зингерлефт сказал громовым голосом:

— Готов!.. И я своим мечом немедленно докажу, что я прав. И что леди Сесиль взяла у меня деньги за интимные услуги!

Леди Сесиль произнесла дрожащим голосом:

— Пусть Господь будет мне заступником.

Судья поднялся на помост, все не отрывали взглядов, он вскинул длани и сказал громким, ясным голосом:

— Да укажет Господь, кто прав, а кто лжет. Итак, кто-то из собравшихся готов вступить за честь леди Сесиль?

Люди в толпе угрюмо поглядывали друг на друга, опускали взоры. Рыцари тихонько отступили. Маркграф Зингерлефт огромен, закован в толстые, прекрасно подогнанные доспехи. Такие не прошибить простым мечом, да и не всякий топор пробьет такую сталь, а меч в руках маркграфа просто великанский, вертит же им с легкостью, словно сухую палку.

Судья повторил:

— Найдется ли здесь человек, готовый вступить за честь леди Сесиль?

Рыцари угрюмо поглядывали на маркграфа, но отводили взгляды. Судья подозвал герольда:

— Ну-ка протруби погромче и объяви о Божьем Суде!

Герольд лихо и с явным удовольствием продудел, опустил трубу и прокричал вызов, призывающий добровольца вступить за честь леди Сесиль и скрестить мечи с маркграфом Зингерлефтом.

Никто не отозвался и на этот раз, Зингерлефт ухмылялся, леди Сесиль побледнела, служанка поддержива-

ла ее, не давая рухнуть в обморок. Судья вздохнул, сказал опечаленно:

— Ну что ж, должен сказать, что...

Я сделал шаг вперед и сказал громко, злясь на самого себя:

— Не спешите. Всем же видно, что этот ублюдок подбросил ей свой кошелек! Но если такое очевидное надо доказывать, то придется мне этому выродку вбить лживые слова в глотку вместе с зубами.

Зингерлефт вытаращил глаза.

— Это что еще за деревенщина?

— Та, — ответил я, — что отправит тебя в ад.

Что я делаю, мелькнула мысль. Ведь это же прогресс, когда сильный подминает слабого, когда выживают более приспособленные. Слабые выпаляются, а я, дурак, все это понимая, вдруг ни с того ни с сего становлюсь на дороге прогресса... загораживая ему дорогу?

— Назовите свое имя, — потребовал Зингерлефт высокомерно.

— Ричард Длинные Руки, — назвался я. — Берусь доказать, что этот человек не смеет так обращаться с женщиной.

Из толпы кто-то воскликнул пораженно:

— Да ты хоть знаешь, кто это?

— Труп, — ответил я. — Это труп, если не откажется от своих обвинений.

Другой голос сказал предостерегающе:

— Парень, это же сам Зингерлефт фон Браун де Хельге...

Я отмахнулся.

— Скажи тому, кто будет писать табличку над его могилой. Я не забиваю голову именами трупов, оставленных на моем пути. Иначе измельеются всякие там мальчишки кровавые и удушенные дездемоны... Итак, сэр враль, у вас еще есть шанс взять свои слова взад и сохранить шкуру! Все-таки достойнее, когда ее дырявят на турнире.

Зингерлефт вдруг заколебался, это видно по тому, как оглянулся по сторонам. Но толпа подбадривала, он всхрипнул и, крепче стиснув рукоять меча, шагнул в круг.

— Я заставлю тебя глотать землю!

Толпа радостно взревела. Я указал на нее мечом, не отрывая от него взгляда.

— Будем драться ради этого плебса?.. Им же плевать на обоих, им важнее унюхать драку, услышать лязг мечей, увидеть кровь, вывалившиеся кишки!

Толпа раздраженно загудела. Зингерлефт подбоченился, сказал зло:

— А для чего мужчины, как не для битв и славной гибели?..

В толпе подбадривающе заорали. Зингерлефт улыбнулся, гордо выпрямился. Я сказал еще злее:

— Мы ж не рабы-гладиаторы, что бьются на потеху публики!.. Смотри, мы дворяне, а деремся в угоду самой тупой черни! До чего дожили?..

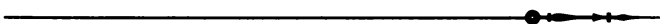
В толпе заорали, заулюлюкали, рыцарь если и мог бы одуматься, но волна всенародной воли заставила его вскинуть меч и попереть на меня, закрывшись щитом и красиво размахивая мечом.

— Трус!

— Тебе бы лучше извиниться, — сказал я громко, — признать, что спьяну оболгал невинную женщину, выплатить штраф и провести ночь в покаянии!.. Это лучше и достойнее, чем валяться изрубленным куском мяса.

Глава 16

Он грязно выругался и пошел на меня, закрывшись щитом и размахивая мечом. Я ждал неподвижно, да не узнает по моим движениям мои особенности, потом начал отступать, пусть размахивает. Рыцарский меч — не шпага или рапира, он предназначен для раскалывания стальных панцирей, потому в первую очередь тяжел, как два колуна, которыми расщепляют узловатые поленья.

Зингерлефт в самом деле скоро начал выдыхаться, прежде чем сообразил, что я всего лишь подставляю щит, да и то сбрасываю его меч по косой, так что едва не проваливается за своими богатырскими ударами. Лишь выработанное годами чутье не давало ему улететь вслед за падающим в пустоту тяжелым мечом, но когда сообразил, что я дерусь в какой-то незнакомой манере, меч его поднимался уже с трудом, щит почти опустил, я слышал из-под забрала хриплое дыхание.

— Признайте, сэр, — сказал я громко, — что оболгали благородную леди, и на этом покончим.

Он выругался, вдруг ринулся на меня с такой яростью, что я попятился, едва успевая подставлять щит под тяжелые удары, сам озлился, высмотрел щель в защите и, держа меч, как копье, всадил острие под край стальной кирасы. Зингерлефт вздрогнул, я поспешно выдернул меч и отступил, надеясь, что рана неглубокая.

Зингерлефт покачнулся и рухнул лицом вниз, не выпуская из рук меча и щита. В толпе кто-то радостно вскрикнул, несколько человек заплодировали, судья взглянул на двух рыцарей-южан, что словно оцепенели. Я оперся на меч, с него стекает вязкая темная кровь, грудь ходит ходуном, сам не заметил, как разогрелся, пот стекает по лицу. Издали слышались крики, брань, топот копыт. Толпа нехотя раздалась. К месту схватки торопливо пробираются на конях пятеро рыцарей, я сразу узнал во главе отряда герцога Готфрида Валленштейна Брабантского.

Он бросил быстрый взгляд на распростертого Зингерлефта, соскочил на землю. По его кивку один из рыцарей оставил коня и подбежал к неподвижному телу, а герцог поднял безжалостный взор на меня. Во взгляде я прочел скорую и жестокую смерть. Он протянул ко мне руку, губы шевельнулись, готовые выплюнуть короткое злое слово, обрекающее меня на гибель, однако судья собрался с духом и заговорил громким властным голосом:

— Да видят все, что Господь явил нам Свою волю и покарал неправого в справедливом Божьем Суде!.. Да посмеет ли кто противиться воле Божьей?

Герцог пожирал меня взглядом, на скулах вздулись тугие рифленые желваки. Губы шевелятся, я чувствовал, что подбирает слова, такие люди так просто не отступают даже перед Божьим гневом. К тому же они с Юга, где церковей, по слухам, вообще не существует. Однако в толпе снова заорали, приветствуя меня, прославляя, подбадривая, поощряя, все это в надежде, что совсем одурею и брошусь на конных с окровавленным мечом, вот будет потеха...

Я ответил ему прямым взглядом и покрепче сжал рукоять меча. Он все понял, глаза сузились, но прежде, чем успел сказать роковое слово, судья ухватил его за плечо.

— Герцог, не говорите ни слова!

Голос его был неожиданно жестким. Герцог стряхнул его руку. Спросил, не отрывая от меня испепеляющего взгляда:

— Почему?

— Оглянитесь! — крикнул судья. — Вы что, хотите, чтобы вас сейчас смяли, как траву? Посмотрите на людей.

Герцог медленно повел взглядом по сторонам. Люди подпрыгивали, орали, улюлюкали, но многие подняли с земли тяжелые булыжники, еще больше мужчин взяли за луки. Да будь сраженный мною хоть императором, но Божий Суд оправдал леди Сесиль и дал победу мне. Ежели герцог южан воспротивится Божьему Решению, то он — от дьявола. Его можно и нужно тут же убить по праву борьбы с нечистью, то есть немедленно.

Судья сказал настойчивее:

— Главная заповедь рыцарей — защищать невинных! Особенно когда касается женщин. Ваш рыцарь... преступил законы рыцарства. Очень далеко преступил. Не пытайтесь его защищать!

В голосе судьи прозвучала угроза и недвусмысленное предостережение. Герцог всхрипнул, как боевой конь. Налитые кровью глаза испепеляли меня, он взглядом пообещал самые жестокие муки, прежде чем убьет. Я молча приподнял меч и дал посмотреть на стекающие с острого лезвия густые капли крови его рыцаря.

Белоголовый рыцарь, что склонился над сраженным маркграфом, поднял голову.

— Ваша светлость!.. Он дышит. Может быть, попытаемся отвезти его в гостиницу? Там наш Зигель любого поднимет на ноги...

Герцог наконец разомкнул со мной взгляд, что должно разозлить еще больше, как будто бы он проиграл и эту схватку. По его знаку остальные трое покинули седла, быстро и слаженно растянули плащ, укрепили между конями. Раненого бережно уложили, снова взобрались в седла и, не теряя времени, быстрым шагом, чтобы не трясти, удалились с места схватки.

Леди Сесиль сбежала со своего роскошного места и бросилась ко мне на шею. Не стесняясь глазающей толпы, обняла и жарко расцеловала в обе щеки.

— Спасибо вам, доблестный рыцарь!.. Спасибо! Я даже не знаю, как вас благодарить за чудесное спасение...

Я проговорил с неловкостью:

— Уверен, леди, что каждый мужчина поступил бы так на моем месте. Я же видел, что все просто рвались выступить на вашу защиту, но я успел выкрикнуть раньше других. Только и делов!

Она с презрением оглянулась на толпу, где под ее ясным взором многие опускали головы и пятились.

— Вы так думаете? Я что-то не заметила. Но как вы отважно...

— Это был ублюдок, — ответил я, морщась. — Обычно я сожалею, как христианин, о каждом убитом, но этого я еще и попинал бы обоими копытами. Развра-

щенный ублюдок, привыкший глумиться над слабыми. Давно не получал по рогам, обнаглел по самое нельзя. Мне показалось, его спутники вздохнули с облегчением, когда я их от него избавил...

Не стал напоминать, что герцог пообещал со мной расправиться, а повод скоро отыщется. Я не собираюсь увиливать от *mêlée*, а там на одного можно нападать и вдесятером.

— Вы настоящий рыцарь! — воскликнула, сияя огромными, полными жизни глазами. — Вы действительно — настоящий, сейчас все больше тех, кто выставляет напоказ дорогие доспехи, считая, что это делает их рыцарями.. а вы, вы...

— Да бросьте...

— Вы спасли меня, — сказала она горячо, — теперь моя жизнь принадлежит вам. Чем я могу отблагодарить вас за благороднейший поступок? Я — леди Сесиль, дочь графа Кентурского из рода Уллигейма. Мы ведем свой род от самого Геберлинга, и у моего отца обширнейшие владения между Жальгио и Честернелем...

— Пусть там всегда будет хорошая погода, — сказал я поспешно.

— Спасибо, — продолжала она с тем же напором. — Мой отец обещал отдать со мной замок в Лизье, там богатые лесные угодья...

Я даже отступил на шаг, сказал еще поспешнее:

— Не решайте за отца, это нехорошо по отношению к родителям. Сам будучи почтительным сыном... гм... даже очень почтительным, я бы...

Один из молодых мужчин, что постоянно вился вокруг Сесиль, придержал ее за локоть.

— Сесиль, умоляю тебя!.. Леди не должна такое говорить.

Она отмахнулась.

— Аспарий, ты же видишь, он настоящий рыцарь!

К тому же с Севера. После турнира уедет дальше в поисках подвигов, не заметив, что его счастье здесь, со мной.

Аспарий вскрикнул:

— Сесиль!

Ее щеки слегка заалели, очень смелое признание даже для такой решительной девушки, но она, тряхнув головой, отчего солнце заблестало в прическе, сказала с прежним упорством:

— Сэр Ричард, вы не должны быть столь нерешительны и стеснительны. Здесь, на кордоне с Югом, нравы... их называют свободными, но правильнее бы — честными.

Я припал губами к ее руке, в самом деле нежнейшая кожа, все-таки в аристократизме что-то есть, особенно в потомственном, порода шлифуется. Потомственный аристократ и простолюдин — это как породистый пес и дворняга.

— Простите, леди Сесиль, — ответил я и сам ощутил в своем голосе сожаление, — мне надо идти. Подходит мой черед кричать Ave Cesar...

— Я не знаю такой молитвы, — ответила она горячо, — но я буду молиться за вас как умею.

Первым из южан, не дожидаясь *mêlée*, бросил мне вызов сэр Гогенштальд. Он не выглядел богатырем, хотя все пятеро южан смотрятся как отборный спецназ среди стройбата. Я предположил, что меня все же не восприняли всерьез даже несмотря на то, что я одолел Зингерлефта. Он, дескать, был пьян, потому и погиб, из-за чего на меня стали смотреть с неодобрением даже те рыцари из окрестных земель, кто вел себя прилично. Мол, разве можно так поступать с пьяным, нечестно. Хотя я не понимаю, почему пьяному можно прощать то, за что трезвого изрубили бы на куски.

По сигналу маршала мы ринулись навстречу один другому. Гогенштальд начал опускать копье, но задер-

жал под углом, я понял, что он постарается шарахнуть меня в шлем, а это почти наверняка сбрасывает с коня. Я же держал копьё прямо, все-таки щит — мишень покрупнее, да и то не промахнуться бы...

Мы сшиблись на середине поля, в последний момент я откинулся назад, по шлему ударило, будто молотом, послышался скрежет. Я с трудом выровнялся, на трибунах — крики, шум, аплодисменты. Оглянулся, Гогенштальд старается удержаться в седле, тоже кое-как удержался, вернулся на свою сторону.

Маршалы посовещались, герольд их выслушал и провозгласил:

— Поединок за сэром Ричардом!.. Сэру Гогенштальду засчитано поражение за потерю стремени!

Я слез с коня, колени подрагивают, сэр Смит бурно поздравил, я отмахнулся.

— У меня в ушах звенит. Что со шлемом?

— Небольшая царапина, — заверил он.

Он помог мне стащить шлем, царапину в самом деле едва видно, это мне казалось, что острое лезвие копья вскрыло стальной шлем, как консервную банку.

— С Цедером будете сражаться? — спросил он кровожадно.

— А что, он...

— Да, ударил копьем в ваш щит. Да еще с такой злостью ударил!

— Буду, — ответил я. — Дайте только копьё покрепче.

Я сбросил и Цедера, и фон Эльба, и даже фон Клаузенца. Похоже, мой конь знал все эти трюки, мне нужно было только упереть копьё тупым концом в специальную выемку в седле, а самому стараться не промахнуться по скачущему навстречу всаднику. Вообще-то, наблюдая за схватками на копьях, у меня зародилось сильнейшее подозрение, что три четверти победы принадлежит коню, а не всаднику. Когда попадаешь копьем в летящую навстречу закованную в железо гору, никакой силач не

удержит копые: весь удар принимает на себя конь через укрепленное на нем седло.

Понимая этот нехитрый механизм, я не пожадничал на двойные ремни, жалея только, что нельзя закрепить цепями. Сэр Смит, наблюдая за моими приготовлениями к схватке, сказал с сомнением:

— Не слишком ли? Иногда лопнувшие ремни как раз и спасают от смерти...

Я кивнул.

— Верно, лучше вылететь из седла, чем проткнут, как жука булавкой. Но я с сильными связываться просто не буду.

Он покачал головой.

— Сэр Ричард, а кто вывесил щит для свободных вызовов?

Я вспомнил, увял.

— Кто ж знал, что понаедет хамло с Юга... Откормленные мордовороты, признаю.

Он понизил голос:

— Поговаривают, что они пообещали не выпустить вас с турнирного поля. Живым. Не знаю, как это сделают, но они все как на подбор. Так что будьте настороже. О, вон показался сэр де Жуанро. У него такой великолепный конь, что я рискну своим...

Он умчался, а ко мне подошел бочком невзрачный человечек и прошептал, глядя в сторону и всячески делая вид, что разговаривает не со мной:

— Доблестный сэр, есть копыя из балийской древесины...

Я спросил так же шепотом в пространство:

— А что это?

Он прошептал еще тише:

— Ах, издалека же вас занесло... Я смотрел, как вы бьетесь. Мы, мастера оружейного цеха, желаем победы вам, чем-то вы нам пришлось по душе... Но у вас впереди поединки с Блэкгартон и Валленштейном, а это та-

кие гиганты, что копыя ваши разлетятся в щепки, а они даже не вздрогнут!.. Но если у вас будет копье из балийского ясеня...

Я взглянул на небо, потом на сапоги и прошептал сапогам:

— А что, это запрещенное дерево?

— Увы, да, — ответил он, едва шевеля губами. — И, к сожалению, очень дорогое. Можем скостить половину, раз уж желаем вам победы, но не больше...

— Беру, — прервал я. — Когда и как?

— Ждите, — ответил он и пропал, как будто сквозь землю провалился.

Глава 17

На арене разворачивалась грандиозная схватка сэра Смита с великолепным красавцем де Жуанро. Оба уже дважды переломили копыя, на третий раз сэр Смит едва не вылетел из седла, потеряв стремя, но его копье зацепило острием забрало противника. Грузный де Жуанро в седле удержался, но ремни лопнули, шлем блеснул высоко в воздухе и покатился по арене.

Победа досталась сэру Смигу, после чего глашатай выкрикнул мое имя. На той стороне поля уже выстроилась целая группа жаждущих заставить меня кувыркаться по земле. Я вздохнул, взобрался в седло. Тайные доброжелатели-контрабандисты не появлялись, я принял обычное копье, створки ворот передо мной раздвинули, на том конце уже высятся в ожидании огромный темный конь и такой же чудовишно огромный всадник.

Мороз пробежал по коже, но не исчез, а остался глубоко в костях. Какой-то сдвиг в генах, это точно: противник огромный, как скала. Но, кроме того, чувствуется нелюдская плотность под этими доспехами, как будто его вырастили на кремнийорганической основе. Прежде чем он опустил забрало, я с дрожью посмотрел

в это серое гранитное лицо с нависающими скальными выступами над пещерами, где должны быть глаза.

Когда я уже с самым обреченным видом готовился послать Зайчика на поле, за спиной послышалось запыхавшееся:

— Сэр Ричард!.. Сэр Ричард!

Ко мне торопились тот самый контрабандист и еще один такой же, в пошарпанной одежде простолюдина. На плечах покоится обычное рыцарское копье: покрашенное в бело-черные полосы, как шлагбаум на переезде, с легкомысленной цветной тряпочкой на остром наконечнике.

Я протянул руку, копье показалось даже легче, чем мое предыдущее, однако что-то я ощутил, вскинул острием кверху и выехал на арену. На галереях раздался вздох облегчения: как же, могли бы не увидеть, как еще одного сбивают с коня, а человек кувыркается в пыли, ломая руки и ноги, а иногда и шею...

— Держись, Зайчик, — прошептал я, похлопав по шее. — Все зависит от тебя... Если честно, то я признаю, все эти турниры — не состязания рыцарей, а состязания их коней. Это вам нужно отдавать высшие турнирные награды... Если хочешь, я дам тебе поносить Золотой Шлем.

Он тихонько ржанул и мотнул гривой. Мол, я не подведу, ты лучше подумай, хорошо ли затянул подпруги, надежные ли ремни. Я выехал на поле, остановился и вскинул копье, приветствуя противника, у меня не отвалится, а он вдруг да чуточку поподреет, потом развернулся к трибунам и поприветствовал присутствующих.

Громче всех кричали и размахивали платочками женщины. Я не бог весть какой разряженный красавец, и доспехи у меня не яркие, но уже показал себя защитником женской чести. А в этом случае даже женщины способны проявить солидарность. Леди Сесиль размахивала платочком и выронила его вроде бы случайно,

но я сделал вид, что по-деревенскости не заметил или не понял знака, и повернул коня в сторону противника.

Маршал дал отмашку герольду, тот звонко протрубил в рог, мы разом прищипорили коней. Мир застыл, слышен только учащающийся стук копыт, грохот в груди, мир стремительно надвигается, прямо на меня смотрит длинное и толстое копьё с острейшим наконечником. Я старательно нацеливался именно в шлем. Хоть я и не прошел выучку, но моих рефлексов вроде бы хватает, чтобы не промахнуться...

Удар, грохот, лязг, я ощутил себя так, словно налетел на скалу, хотя голиаф на голиафьем коне пронесся, как и положено, слева. Мы тоже с разгону едва не достигли противоположного края. Я не оглядывался, страшась представить, что тот сотрясший нас удар ничем не закончился, и лишь у самой ограды развернул коня.

Голиаф на середине поля пытался встать, падал, снова привставал, пока на арену не выбежали оруженосцы и не подхватили под руки. Я перевел дыхание, мой конь уже шагом вернулся на свою сторону.

Герольд спросил учтиво:

— Желает ли сэр Ричард продолжить схватки?

— А что, — спросил я, — можно взять перерыв? Тогда я малость отдохну... э-э... дам отдохнуть коню, а затем продолжим. Если благородные рыцари все еще жаждут.

— Конечно, вы можете дать отдохнуть коню. Но не проще ли заменить усталую лошадь на свежую?

— У меня это единственный конь, — объяснил я.

На трибунах пронесся вздох сочувствия, я быстро набираю очки. Бедным рыцарям сочувствуют все: бедные — из солидарности, богатые — не чувствуют соперников, женщины подозревают в таких вот принцев из дальних земель, а простолюдины видят в нас почти таких же бедолаг, а то и еще беднее себя.

Герольд напомнил:

— Вы в качестве приза уже захватили шесть велико-

лепных доспехов и шесть коней. Можете пересесть на любого!

— Благодарю, — ответил я, — но своему коню доверяю, а чужак вдруг да поймет мои команды иначе...

На трибунах понимающе зашумели, когда герольд объявил, что сэр Ричард Длинные Руки даст отдохнуть коню, но обещает сегодня во второй половине дня снова выйти на поле и принять вызов всех, кто желает с ним сразиться. Последнее вызвало бурю восторга, а я поспешно покинул арену, на нее как раз выехали те самые братья Торвальсоны, приезд которых я наблюдал вчера с таким содроганием.

Быки, а не люди, настоящие минотавры, таких вышибить из седла просто даже не знаю чем, разве что рельсом, а еще лучше — двутавровой балкой. В детстве читал, как среднерослый и миниатюрный телом Айвенго вышибал из седел гигантов, душа радовалась и всячески ликовала. Однако во взрослости усомнился в возможности такого вышибания, все-таки уже понимал какие-то законы механики, слышал о гравитации. Так можно вышибить разве что деревенского увальня, однако противники Айвенго — такие же закаленные крестоносцы, вместе с ним прошедшие войны в Палестине, ветераны турниров. Так что в воинской выучке не уступали, а в массе тела и доспехов превосходили.

Однако по тому, как чудовишные братья поглядывают на меня, с радостным изумлением чувствую, что тоже выгляжу чуть ли не великаном. Мои широкие плечи, длинные руки, рост — все в зачет. А то, что в моем теле ни капли жира, делает меня очень опасным. Если бы еще уметь владеть копьем на том же уровне, как и мое сложение, то в самом деле мог бы претендовать на высшие места в турнирной таблице.

После братьев, одержавших легкие победы, на поле выехал герцог Валленштейн. Я чувствовал в нем умелого бойца, но озноб прокатился по телу, когда он с величай-

шей легкостью вышиб одного за другим четверых бойцов, затем сменил копье и вышиб еще троих, в том числе и сэра Смита. Сэр Смит скоро присоединился ко мне, мы взяли у разносчика сыра и вина, расположились вместе с простолюдинами и наблюдали жаркие схватки.

— Сегодня я проиграл две схватки, — сообщил сэр Смит неунывающе, — но выиграл семь! Я уже получил выкуп за трех коней и три комплекта доспехов и еще получу с двоих. Если бы и завтра так... то вернусь богатым человеком.

— Ох, сэр Смит, в последний раз вы так кувыркались, — покачал головой я, — что я уж думал — не подниметесь.

— У меня крепкие кости, — ответил сэр Смит горделиво. — К тому же этот Валленштейн — лучший из бойцов Арндского королевства. Я о нем давно слышал, но не думал, что еще берет в руки копье. Кстати, он не просто знатный рыцарь, а принадлежит к ордену Марешаля.

Я кивнул, что да, это очень, но, хотя и старался сделать соответствующее лицо, Смит посмотрел на меня с сожалением, как на деревенщину, не понимающего сами основы рыцарства, покачал головой.

— Сэр Ричард, — сказал он наставительно, — в этот орден входят только рыцари самых древнейших и знатнейших родов!.. И не нашего королевства, а всего-всего обитаемого мира.

— Ну-ну, — буркнул я, — так уж и обитаемого...

Во время Столетней войны, мелькнуло в мозгу, король Англии Эдвард основал орден Гартера. Туда вошли знатнейшие и влиятельнейшие люди... и все еще входят, так как этот орден существовал и во время перехода в третье тысячелетие. В него входят всего двадцать пять нынешних рыцарей, и влияние его велико. Да что Англия, страна традиций, Филипп Бургундский основал орден Золотого Руна. Этот орден стал самым богатым и могучим во всей Европе, а Луи Одиннадцатый основал

орден святого Михаила, существующий и поныне, так что эти ордена не хвост собачий, сила за ними немалая... Возможно, закулисная мощь герцога куда выше, чем вон эта, копейноконная...

На арене с грохотом сшиблась очередная пара. Один вылетел из седла, а когда его начали поднимать, один из оруженосцев крикнул горестно: «Мой господин убит!.. Что я скажу леди Одетте?»

На обеих трибунах я заметил радостное оживление. Вообще турниры, как и теракты, больше запоминаются по числу жертв. Чем больше жертв, тем круче зрелище. Во время турнира в Колоньи, он состоялся в 1240-м, погибло шестьдесят рыцарей, после чего церковь пришла в такое негодование, что добилась запрета сражаться острым оружием, мечи были затуплены, с копий сняты стальные наконечники, вообще все правила ужесточили. Правда, уже на следующем турнире король Франции Генрих II был смертельно ранен. Кстати, турнир проходил в честь свадьбы его дочери. А в 1168 году от удара турнирным копьём погиб сын короля Генриха II, был убит сэр Редигер, брат короля, смертельно ранен герцог Унберри и вскоре скончался, не приходя в сознание.

Сэр Смит ликующе вскрикнул:

— Неужели де ля Огюстен решил выйти на поле? Наверное, высмотрел, что нет сильных противников?.. Сэр Ричард, я покидаю вас, Огюстен обожает своего коня, у него попона усыпана бриллиантами, на уздечке рубины с лесной орех, а стремяна, говорят, из чистого золота! Брежут, конечно, но все же...

— Ни пуха ни пера, — пожелал я вдогонку.

Я некоторое время наблюдал за действием как на поле, так и на трибунах для самых знатных. Ко мне подошел один из блистающих доспехами рыцарей-южан, рослый красавец с темным от солнца лицом, аккуратно подбритыми усами.

— Приветствую, сэр Ричард, — сказал он спокойно. —

Я — фон Клаузенц, вы очень ловко сбросили меня с коня. Мне жаль, что мы противники и что вы, скорее всего, не выйдете с этого поля живым. В других обстоятельствах я бы предпочел вас иметь на своей стороне. Вы хорошо держались... Я имею в виду не саму схватку с нашим бедным Зингерлефтом, а те слова, которые сказали...

— Какие? — спросил я.

Он усмехнулся.

— Сэр Зингерлефт все рассказал, после чего наши рыцари начали к вам относиться... уважительно. Я имею в виду, что вы рыцари, а дрались на потеху черни! Странно только, что вы сумели это понять и готовы были отказаться от боя, а сэр Зингерлефт, хоть и старше вас, а значит — мудрее, все же не смог... Он так и сказал нам, когда собрались у его ложа, что он хотел, но не смог... Отказаться от боя — это уронить рыцарскую честь. И хотя ронять ее было не перед кем, одни хамы и земляные черви, однако страшился, что даже хамы подумают, будто трусит...

Он умолк, я спросил неверяще:

— Он хотел отказаться от боя?

— Так сказал, — подтвердил Клаузенц. — Но не смог. Мнение толпы для всех нас очень важно, сэр Ричард! И для вас, уверен, тоже.

— Важно, — согласился я со вздохом. — Но я стараюсь, чтоб не чересчур.

— В этот раз вам удалось, — сказал он с уважением. — А вот сэру Зингерлефту — нет. Он вел себя как мальчишка, а вы — как умудренный жизнью столетний мудрец. Признаюсь, мы постарались прошупать вас и на предмет магии, вдруг да вы в самом деле древний колдун, напавший на себя личину молодого воина...

Он снова умолк, пытливо глядя на меня быстрыми живыми глазами.

— И что увидели? — поинтересовался я.

Он усмехнулся, развел руками.

— Только то, что вы нам позволили. Вы молоды и сильны, сэр Ричард. Таким выглядите. А каковы на самом деле, не нам в полевых условиях дознаваться. Жаль, что в лице герцога вы обрели смертельного врага. Сэр Зингерлефт всегда был его любимчиком. Поговаривают, что это его внебрачный сын от одной крестьянки, что отвагой и силой пробился из простолудинов в знатные рыцари. А теперь...

— Сожалею, — ответил я с неловкостью, — я давал шанс отказаться от поединка. Но не мог ему дать права оскорблять женщину...

Он посмотрел на меня ясными, чистыми глазами.

— Почему?.. Сэр Ричард, кто она вам? Женщин много. К тому же она не из такой уж и знатной фамилии... хотя и богата, признаю. А теперь на турнире все мы будем стараться выбить вас из седла, как нашего главного... не просто противника, но врага!.. а когда дойдет до схватки на мечах, то, сэр Ричард, сэр Зингерлефт не был сильнейшим из нас!

Я пробормотал:

— Калека — тоже неплохо. Это не труп. Из калек выходят сервантесы, лойолы и павки корчагины. Пусть среди сынов герцога появится хоть один умный.

Он покачал головой.

— Я сказал, что он успел рассказать о вашей схватке, но не сказал, что его удалось спасти. Он не остался калек! Умер, ваш меч пробил печень насквозь. И то удивительно, что столько прожил! Теперь у герцога нет больше сыновей. Только две дочери. Были и сыновья, но трое умерли в детстве, а двое погибли в войнах. Так что род Валленштейна прервался, чего герцог вам никогда не простит.

— Что сделано, то сделано, — пробормотал я. — Как я понял, ваши товарищи ждут меня?

Он церемонно поклонился.

— Да. И они постараются показать, как бьются рыцари Юга.

Я поднялся.

— С моей стороны будет неучтиво заставлять себя ждать. Уверен, мой конь тоже отдохнул.

Глава 18

Первым выехал рослый и статный рыцарь в блестящих, как солнце, доспехах, красивый и щеголеватый. Он так прекрасно управлял конем, заставляя подниматься на дыбы и так на задних ногах пятиться, поворачиваться, перебирать передними в воздухе, что среди зрителей вызвало бурю восторгов.

Я сказал Псу:

— Сиди и жди! Ни с места, понял?

Он вяло шевельнул хвостом, глаза не отрывались от арены. Мне показалось, что Пес в таком же азарте, как и вся эта чернь, заполнившая стадион. В смысле, холмы и террасы.

Всадник на поле наконец прекратил фанфаронить, маршал подал знак, герольды протрубили, и мы ринулись навстречу друг другу. Я не стал рисковать, направил копьё в середину щита противника. Кони с грохотом копыт неслись навстречу, южанин тоже нацелил копьё в мой щит, я укрепился в седле, напрягся. Страшный удар, меня приподняло в седле, грохот удалился, а Зайчик, резко сбрасывая скорость, привычно развернулся под крики зрителей.

Мой противник, трижды перекувыркнувшись на земле, легко вскочил на ноги, поймал испуганную лошадь и сам отвел ее на мою сторону.

— Сэр, — сказал он с пылким оживлением, — прекрасный удар! Меня редко заставляют покинуть седло, но никто еще не проделывал это с такой легкостью и с первой же попытки! Это ваш конь, как и доспехи, что пока что на мне. Вы вольны оставить их себе или назначить за них выкуп.

— Я принимаю ваше великодушное предложение, — ответил я. — С моей стороны будет недостаточно учтиво не ответить так же галантно, что не премину сделать со всей возможной и учтивостью. У вас прекрасный конь и прекрасные доспехи, но они вам еще понадобятся, когда грянет мѐlée. Так что с превеликим удовольствием возвращаю их вам без всякого выкупа. Надеюсь, мы еще встретимся там и получим немалое удовольствие от рыцарской игры!

Он поклонился, глаза смеялись.

— Хотелось бы в это верить, сэ.р. Спасибо за щедрый дар, достойный самого герцога! Но вам придется очень постараться добраться до мѐlée, ибо схватки с вами ждут еще четверо рыцарей из герцогства благородного Валленштейна, а я в отряде, признаюсь, самый слабый из турнирных бойцов!

— Кто слаб на турнире, — отвесил я неуклюжий комплимент, — тот обычно блистает на поле битвы! И — наоборот.

Глаза рыцаря заблестели, я сообразил, что плеснул масла на самое чувствительное место, он гордо выпрямился и сказал с чувством:

— Спасибо, сэ.р! Вы — наш противник, но все же не могу не пожелать вам победы!

Я отсалютовал полусерьезно-полушутливо, развернул коня и выехал на место старта. На той стороне поля появился, как будто из полосы серого тумана, рыцарь в легких доспехах, на красивом тонконогом коне, больше пригодном для скоростных скачек. Левая сторона прикрыта треугольным гербом с изображением вздыбленного льва, забрало поднято, но лицо я рассмотреть не успел: прозвучал первый сигнал. Всадник опустил забрало, а по второму прищипорил коня и ринулся мне навстречу.

В какой-то миг он даже застал меня врасплох, его тонконогий конь с галопа успел перейти в карьер, наращивая хозяину силу удара, а я чуть замешкался, однако

мой Зайчик все понял и метнулся навстречу с такой скоростью, что меня едва не опрокинуло на круп. Мое копьё только начало опускаться, впереди и чуть сбоку налетает грохочущий копытами кентавр с выставленным для удара жалом...

Я инстинктивно откинулся назад, по шлему звонко ударило, одновременно руку сильно потрянуло. Я не оглядывался, пока Зайчик не достиг противоположного края. На поле уже выбежали слуги и оруженосцы. Я пустил коня обратно и с облегчением смотрел, как сбитого подняли и повели, придерживая за плечи. Он бросил на меня странный взгляд, в котором больше изумления, чем страха или боли.

Зайчик развернулся, я снова упер копьё в выемку в седле. Нехорошее чувство не оставляло, что-то недоброе как в том, что рыцарь словно бы вышел из облака нечистого пара, так и в его изумлении. Он явно ожидал чего-то иного. Конечно, все надеются выйти победителями, но этот как будто был уверен с самого начала, что я либо во-все его не увижу, либо обязательно промахнусь...

Маршал взмахнул рукой, герольд протрубил, я пустил коня навстречу третьему противнику. Запоздало ощутил, что надо бы чуть отдохнуть. Это Зайчик у меня железный, а я после этих схваток почти толстовец, но поздно: навстречу несется опытный боец, чувствую сдвиг нервом, напрягся, задержал дыхание... Грохот, лязг, меня потрянуло, но в седле удержался, пронесся мимо орущих трибун к дальнему краю, повернулся и выдохнул с разочарованием: мой противник разворачивается точно так же и уже опускает копьё!

На обоих холмах рукоплещут, орут, подбрасывают в воздух головные уборы. Мы сшиблись еще раз, я едва удержался в седле, однако у южанина лопнула подпруга. Он отчаянно хватался за конскую гриву, но седло съехало под брюхо, и он вынужденно покинул поле под сочувствующие крики.

Когда я вернулся на свой край, там уже ждал сэр Смит: на скуле ссадина, бровь разбита, под глазом громадный кровоподтек, но заговорил ликующе:

— Сэр Ричард, вы деретесь просто великолепно!.. Таких противников!.. А какие кони, какие доспехи! Я просто не представляю, что у них за оружейники, что делают такие доспехи...

Я простонал замученно:

— И что в этих турнирах хорошего?.. Я ни за что человека вдарил, и они на меня кидаются, как будто королю украл...

— Укрепитесь духом, сэр Ричард! — воскликнул он патетически. — У вас осталось всего два противника!

— Еще два?

— Только два, — заверил он. — Правда, это сэр Блэкгарт и сам герцог Валленштейн. Вот уж не думал, что старый лев выедет на арену. Видно, здорово вы его разозлили, даже разъярили гибелью его воспитанника, маркиграфа Зингерлефта фон Браун де Хельге...

— Хреновый из него воспитатель, — буркнул я. — Избаловал любимца.

— Вы знаете?

— Вижу, — огрызнулся я. — Потакал во всем, вот и вырастил свинтуса.

Он оглянулся на арену, охнул, глаза его округлились, а челюсть отвисла. Спросил торопливо:

— Может быть, откажетесь от поединка?

На мир опустилась странная тишина, я оглянулся на арену, сердце заныло в недобром предчувствии. На той стороне поля высится на громадном коне, больше похожем на носорога, настоящая башня из сверкающей стали. Зрители затихли в страхе и благоговении. Я ощутил, как затряслись не только колени, но и голосовые связки. Сглотнул, но не промолвил ни слова, чтобы не заблещать, как испуганный ягненок.

— Правильно, — сказал сэр Смит с облегчением, — я

знал, что вы не откажетесь. Лучше пасть в бою или на турнире, чем жить долго и вроде бы счастливо, но так и не испытать яростных схваток не на жизнь, а на смерть...

Я хотел сказать, что это же турнир, а не кровавая бойня, затеянная миротворцами во имя демократии. На турнирах нельзя биться насмерть, запрещено, но посмотрел на ликующего рыцаря, вздохнул и сказал только:

— Сперва проверю подпругу. За время схваток могла ослабнуть...

— У вас же двойные ремни, — сказал сэр Смит с почтением, — вы хорошо подготовились, сэр!

— Как смог, — буркнул я.

Не стал говорить, что, не очень-то доверяя ремням, между ними проложил еще и стальную проволоку, а затягивал под животом Зайчика чуть ли не домкратом. Моему безроговому единорогу, а если по-ученому, арбогасту, нипочем, а мне добавочная страховка.

Увы, ремни даже не ослабели, я вздохнул и взобрался в седло, сэр Смит схватил Зайчика под уздцы и повел к выходу, демонстрируя мой высокий статус, которому служат такие доблестные рыцари, как благородный и уже снискавший славу отважного бойца сэр Смит.

Всадник и конь ждали молча, пугающие в жуткой неподвижности, словно неживые. Даже копье, выставленное в мою сторону, не покачивается, будто вся скульптура отлита из одного металлического слитка. Я лихорадочно соображал, что же делать, это чудовище выбьет меня из седла, как теннисный мячик, а мое копье наверняка разлетится вдрезг, даром что из балийского ясеня. Надо все-таки отказаться, но здесь этот дурацкий принцип, что победителю достаются как доспехи проигравшего, так и конь...

Маршал взмахнул, герольд протрубил, массивная гора двинулась мне навстречу. Чудовищный конь с кажым скоком набирает скорость. Весь покрыт стальной

броней, такой махине для разбега понадобится полоса не меньше, чем для авиалайнера...

Зайчик всхрипнул, глаза загорелись красным огнем, нагнул голову и пошел вперед все ускоряющимися прыжками. Я с усилием держал копье, нацелился в огромный щит, он же размером и толщиной с дверь банковского хранилища, не промахнусь, да и в голову не промахнулся бы, там такой пивной котел — смотреть страшно...

Копье черного всадника ударило в мой щит. Я держал его нарочито чуть наискось, а за секунду до удара резко сдвинулся в сторону. Меня развернуло, едва не перекрутив в поясе. Железная гора прогрохотала мимо, а мы пронеслись на чужую половину поля. Я жадно переводил дыхание и уверял трясущееся сердце, что жив, что уцелел.

Далеко за спиной был треск, шум, испуганные крики. Черный всадник не сумел быстро погасить скорость, конь уже замедлил бег, но все же врезался в бревенчатую ограду, разнес ее в щепы, там развернулся и шагом пошел к отмеченному месту для старта. Замершие было зрители ликующе заорали, всем нравится, когда кто-то что-то ломает. И чем больше разбитых вещей, тем интереснее.

Всадник чуть наклонил голову и рассматривал меня изучающе. Я с лихорадочно бьющимся сердцем пытался сообразить, какой же трюк выкинуть на этот раз, вряд ли он попадется дважды на один и тот же прием. Пропела труба, металлическая гора двинулась в мою сторону, загрохотали копыта чудовищного коня.

— Зайчик, — шепнул я, — все зависит от тебя...

Мы с такой скоростью неслись один другому навстречу, что зрители затихли и перестали двигаться. Мне показалось, что будет лобовой удар, наши копья в последние секунды корректировали движение. Я все-таки успел перенацелиться, затем — сотрясающий удар, пронзила острая боль. Перед глазами синее небо, я в страхе подумал, что уже на земле, однако шум и крики

быстро сдвигаются, значит, всего лишь отшвырнуло на конский круп, не сломан ли позвоночник... С огромным трудом выровнялся, ощутил, что копьё все еще в моей руке, а Зайчик переходит на шаг перед замершими оруженосцами и слугами.

Мы развернулись, сердце екнуло, рыцарь как раз достиг края поля, повернул коня. В его руке обломок копья, он отшвырнул небрежно, ему тут же подали другое, он ловко ухватил и приготовился к новой схватке. Маршал взмахнул рукой, к нему подбежал герольд, маршал что-то объяснил, и герольд прокричал:

— Ввиду потери копья сэром Блэкгартом победа присуждена сэру Ричарду Длинные Руки!

По обе стороны поля поднялся шум. Многие орали и протестовали, плебсу жаждет крови, победы по очкам не так интересны, черный рыцарь вскинул кулак и что-то проревел таким гулким страшным голосом, что из туч ответило глухим рычанием. К нему подбежали герольды, даже один из маршалов вышел на поле, долго объяснял, разговаривал, наконец разъяренный рыцарь медленно поехал через всю арену навстречу мне.

Мы встретились взглядами, он прорычал:

— Берегитесь, сэр! Впереди *mêlée*.

— Спасибо, — ответил я любезно. — В свою очередь советую запастись хорошим копьём.

Он сказал угрожающе:

— Там потеря копья ничего не значит. А так ли вы хороши в схватке на мечах? Топорах?

Я сказал уже бодрее, воевать языком — не мечом, здесь я всегда круче:

— Перед *mêlée* загляните к священнику, пусть отпустит вам грехи. И советую хорошо позавтракать.

Он озадаченно нахмурился.

— А завтрак при чем?

— В аду не кормят, — объяснил я.

Пока он угрожающе двигал нижней челюстью, по-

хожей на бульдозерный ковш, я красиво выпрямился, не показывая, что спина вот-вот переломится. Зайчик так же элегантно понес меня по кругу, грациозно выбрасывая ноги и кокетливо потряхивая гривой. Зрители подбадривающее орали, свистели и жестами показывали, что все круто, клево и что я надрал всем задницу.

Сэр Смит буквально подпрыгивал в ожидании.

— Сэр Ричард, — воскликнул он. — Сэр Ричард!.. Это же сам непобедимый Блэкгарт, вы хоть знаете?

— Теперь уже победимый, — сообщил я новость. — Ну что, на сегодня все?

Он покачал головой.

— Остался герцог.

По мне прошел нехороший холодок. Герцог, как бы молодые рыцари ни считали его стариком, на самом деле еще крепок, как старый дуб крепче молодых. Он как кованое железо среди сырых слитков, а если учесть, что на его счету турнирных схваток не счесть, а меня считает не просто противником, а убийцей его сына... то из кожи вон вылезет, постарается, чтобы меня вынесли ногами вперед.

— Хорошо, — ответил я. — Постараюсь не разочаровать.

Глава 19

На трибунах затихли, когда мы выехали и остановились друг напротив друга на противоположных концах поля. Если барон Блэкгарт просто какое-то чудовище, могучее и неповоротливое, то герцог даже с виду смотрится могучим и умелым бойцом: моего роста, что очень немало, такой же длиннорукий, широкий в плечах. Доспехи на нем хоть и турнирные, но не слишком затрудняющие движения, так что помимо точного удара копьём может моментально схватиться за меч.

Маршал выждал театральную паузу, взмахнул рукой. Трубаچی исторгли пронзительную ноту, я пустил

коня в умеренный галоп, копьё смотрит вперед, с того конца поля набирает скорость конь герцога. Сам всадник держит копьё ровно, намереваясь ударить в щит, но это может быть обманный маневр, я следил за движениями герцога, стараясь уловить загодя, куда нанесет удар, как именно ударит, грохот копыт громче, я напрыгся и стиснул копьё в мгновенном усилии удержать после сотрясающего удара...

Грохот, лязг, нас обоих тряхнуло, словно ударились о стены, но, проломив, понеслись дальше, ошеломленные, уцелевшие. Я оглянулся, герцог красиво развернул коня, не доезжая до края поля. Копьё в его руке отточенным движением поднялось острием к небу. Он выглядит человеком, который только выезжает на арену для схваток.

— Зайчик, — сказал я вполголоса, — не подведи!..

Зайчик понесся вдвое быстрее, наращивая скорость для удара. К моему изумлению, конь герцога тоже ринулся так же резво, что мы встретились снова на середине поля. Я изо всех сил сжимал копьё, упертое тупым концом в углубление в седле, только бы выдержали ремни, только бы не разлетелось копьё...

Удар, меня тряхнуло так, словно пропустили через тело заряд в тысячу вольт. Древко выскользнуло из онемевших пальцев. Каким-то чудом я ухитрился его то ли поймать, то ли удержать. Меня несло в лязге железа и грохоте копыт, лица на трибунах слились в серые полосы.

Когда мы наконец повернулись, герцог тоже разворачивал коня на своей половине. С минуту мы стояли на противоположных концах поля, пожирая друг друга яростными взглядами. На трибунах неистовствуют, впервые встретились настолько искусные бойцы, что при таких мощных сотрясающих ударах держатся в седлах, даже копыта не переломили.

— Зайчик, — сказал я просительно, — еще одного боя я не выдержу!

Пропела труба, мы ринулись навстречу. Зайчик несся, как бронированный носорог, брошенный катапультой, однако конь герцога опять развил почти такую же скорость. Мы сшиблись на середине, сшиблись в лоб. Удар был такой силы, что зрители ухватились за уши, а с неба, думаю, попадали оглушенные птицы.

Мое копьё из балийского ясеня разлетелось вдребезги. Зайчика потрянуло, будто налетел на скалу. Я чувствовал себя на грани обморока. Зайчик встал на дыбы, как и конь герцога, некоторое время дрались копытами, затем я заставил Зайчика опуститься на все четыре и попятиться. На трибунах вскакивали, орали, подпрыгивали.

Герцог, выронив обломок копья, хватался за конскую гриву, я увидел перекошенное гневом лицо. Не сразу понял, что от чудовищного удара подпруга его седла лопнула и, хотя герцог горит жаждой драться дальше, ему придется менять ремни седла.

Он поспешно спрыгнул, седло тут же сползло под брюхо коня, что стоял, весь дрожа, вздрагивал и фыркал, глядя безумными глазами. Герцог обнажил меч и бросился ко мне.

— Я все равно убью тебя, мерзавец!

Конному с пешим сражаться запрещено, я спрыгнул на землю и поспешно обнажил меч.

— Не хвались, на рать идучи...

Он со злобным вскриком занес меч, но прогрехотали копыта, и между нами оказались сразу два конных помощника маршала. Скрестив жезлы, они прокричали, что это противу правил и, кто осмелится воспротивиться, будет изгнан с позором.

Я поспешно сунул меч в ножны и взобрался в седло. Герцог, поколебавшись, отступил, с большой неохотой убрал меч, крикнул мне через головы маршалов:

— Мы еще встретимся!

— Ловлю на слове, — ответил я. Несмотря на дрожь во всем теле, я ликовал: мой Зайчик и мои доспехи оста-

нутя при мне. Ну их к черту, такие правила, больше не стану связываться в поединки с такими дурацкими законами. — Постарайтесь не слишком прятаться!

Он рычал и бросался на меня в стиле «держите меня пятеро». Сперва его удерживали маршалы, затем на поле появились рыцари-южане и увели, горячо обещая, что со мной разделаются, из *mêlée* меня вынесут ногами вперед.

Я перевел дух, во всем теле медленно испаряется онемение от страшного удара. Зайчик фыркнул и мотнул гривой.

— Спасибо, — шепнул я и погладил по шее, — если бы не ты, меня бы вышибло как кеглю...

Герольды протрубили в трубы, маршал объявил победителя. Я все еще покачивался в седле, перед глазами то расплывается, то медленно фокусируется, слуха достигли заключительные слова:

— ...честь выбрать королеву красоты предоставляется сэру Ричарду де ля Амальфи!

Я повернул коня в сторону королевской ложи. Молодой красивый рыцарь из королевского окружения, гордясь оказанным ему доверием, принял из рук короля Барбароссы золотой венок, сбежал к ограде и протянул мне.

— Сэр Ричард, — сказал он почтительно, — возложите этот венок к ногам той дамы, которую сочтете достойной быть королевой красоты этого турнира!

Я кивнул, молча протянул копье, он повесил венок на кончик. Это по-нашему, мелькнула мысль. А то выбирают на этих продажных конкурсах каких-то уродин, чьих-то дочек или любовниц, смотреть противно.

На трибунах настала полнейшая тишина, когда я тронул коня и поехал вдоль ограды, всматриваясь в лица женщин. Они все как одна выпрямлялись, стараясь, чтобы грудь повыше, а талия поуже, кто-то смеется во весь рот, демонстрируя ровные белые зубы и свои возможности, кто-то умело вспыхивает румянцем и старательно смотрит

мимо меня, кто-то откровенно делает глазки, а то и бросает обещающие, даже многообещающие взгляды, кто-то больше выставляет напоказ драгоценности...

— Не ошибитесь, сэр Ричард! — весело крикнул сэр Смит. — Я бы на вашем месте присмотрелся к верхней площадке!..

— Да, там несравненная Ульрика, — поддержал другой издевательски.

— При чем здесь Ульрика, — негодуяще вскричал сэр Смит. — Я имел в виду Дердилию!

Борьба лоббистов, подумал я понимающе, вот когда все это началось, а я грешу на демократию. Когда я проехал мимо королевской ложи, лицо короля вытянулось: как же так, разве не он женился на самой красивой женщине на свете? Я проехал и мимо ложи Эсфиреллы, а она, как поговаривают, втрое богаче самого короля, проехал мимо сестер Эстер, красавиц, из-за которых уже погибло на дуэлях несколько доблестных рыцарей...

Я уже собирался протянуть венок первой попавшейся красотке, уж больно оттягивает венок копьё, как вдруг словно током ударило. В самом конце в окружении трех рыцарей сидит женщина, при виде которой в груди болезненно заныло. А рядом мужчина в шелковой шапочке, черная повязка закрывает один глаз, обезображенное лицо, однорукий...

— Барон Гендельсон! — вырвалось у меня. — Господи... Лавиния!

Я протянул копьё, венок соскользнул ей на колени. На трибунах некоторое время стояло недоумевающее молчание, затем зазвучали трубы, маршал объявил громко:

— Королевой красоты избрана... леди Лавиния, супруга доблестного графа Гендельсона!

Я смотрел на Гендельсона с чувством, которое сам не сумел бы определить даже с помощью Зигмунда Фрейда и Ламарка.

— Так ты уже граф?

Он ответил хриплым прерывающимся голосом:

— Рад тебя видеть, сэр Ричард... Да, король Шарлегайл пожаловал... А ты все такой же герой...

Я соскочил с коня, перепрыгнул ограду и бросился к ним наверх. Обостренный слух уловил, как Барбаросса сказал брюзгливо:

— Последняя схватка явно вышибла из головы этого рыцаря последние мозги!..

Лавиния побледнела как смерть, в ее глазах — любовь и мука, я опустился перед ней на колени, припал губами к ее холодной и безжизненной, как мрамор, руке. Пальцы чуть дрогнули, Лавиния старается высвободить руку. Я с трудом, словно держу на плечах горный хребет, поднялся, повернулся к Гендельсону.

Я запомнил его самодовольным и жирным бароном, наглым и толстомордым, но сейчас рядом с Лавинией маленький скукоженный человечек в шелковой шапочке и с черной повязкой на глазу. Одет по-прежнему богато, но подвернутый пустой рукав приковывает внимание, лицо изуродовано шрамами, а та половина, где повязка, — сплошной рубец на рубце.

Он улыбнулся мне беззубым ртом, губы серые и навсегда в корочке от страшного огня.

— Шарлегайл послал меня с поручением... Из меня плохой посланец, но я рассказал Лавинии и всем, как ты вытащил меня, и король счел, что один мой вид устыдит колеблющихся воинов... словом, Зорру нужны отважные рыцари. Карл снова собирается обрушиться всеми силами. Нам дорог каждый человек, который прибудет на помощь.

— И ты надеешься получить помощь здесь?

Он двинул плечами.

— Если рыцари готовы проливать кровь... просто так, то неужто откажутся пролить за правое дело?

Я промолчал, Гендельсон не знает, что имитаторы

всегда заметнее, чем герои. Молодые крепкие парни мечтают стать актерами или каскадерами, которые сыграют героя, но ни в коем случае не стремятся стать героями. Мохамед Али трусил пойти в армию, тогда шла война во Вьетнаме, но охотно подставлял лоб под удары на ринге. Все-таки там за каждую зуботычину получает по миллиону долларов, а во Вьетнаме получил бы разве что медаль за отвагу, а кому это нужно, пусть конгресс засунет ее себе в задницу. Наши супермены до свинячьего писка боялись попасть в армию, а то не дай бог пошлют в Чечню, зато бьются за контракты в футбольных клубах страны, мечтают стать шоуменами, клоунами, диджеями, гордятся своей экстремальностью, когда прыгают с парашютом с моста или скачут на велосипеде перед старушками у подъезда.

— Дай бог, — произнес я, — чтобы тебе удалось. А вы, леди Лавиния...

Она коротко вздохнула, проглатывая комок в горле, ее взгляд был прям, но только я видел, что в глубине ее глаз.

— Я с мужем с той же целью, — проговорила она. — В Зорре знают леди Алевтину как дочь короля Джона Большие Сапоги, а их род всегда был неистовыми воителями против Юга. Я надеюсь поговорить с нею, рассказать, что сейчас в Зорре, объяснить, как мы надеемся на поддержку королей христианского мира...

Голос ее становился все тише, мы оба говорим не о том, что думаем, что чувствуем. За спиной у меня звучали трубы, герольды что-то выкрикивали, наконец пришел сам король Барбаросса и возложил венок на голову леди Лавинии. На меня посматривал с явным раздражением, мол, слишком уж ты, братец, рыцарственен, если избрал королевой жену своего старого боевого друга, дабы сделать ему приятное.

Похоже, на трибунах тоже так поняли. Даже леди Сесиль сперва метнула на меня ревнивый взгляд, но

увидела, что разговариваю с Гендельсоном, что-то поняла по-своему, по-женски, и даже заулыбалась, что меня встревожило больше, чем ее скоротечное недо-вольство.

— Сэр Ричард, — сказал Барбаросса высокомерно, — сегодня вечером я даю в своем дворце пир по случаю бракосочетания. Вы, как победитель турнира, приглашены принять в нем участие.

Я ответил с поклоном:

— Благодарю, Ваше Величество, но я человек простой, неиспорченный. К тому же — сторонник здорового образа жизни. Хотя и не трезвенник, но все же непьющий. Почти.

Его брови поползли вверх, в глазах недоумение, что быстро начало уступать место гневу.

— Вы отказываетесь от моего приглашения?

— Со всем уважением, — ответил я и поклонился. По-моему, чересчур низко, он почему-то оценил это как новое оскорбление, побагровел. — Мы, люди гор и степей, не в своей тарелке среди чемпионов застолий и возлияний. Умоляю освободить меня от такого счастья! А моим местом осчастливьте рвущихся за ваш стол...

Он грозно сдвинул брови, отрезал, как топором отрубил:

— Я сам определяю, кому сидеть за столом на моей свадьбе!.. За вами придут.

— Нет уж, нет уж, — ответил я поспешно, — знаю, что это значит. Лучше я сам, добровольно. Может быть, зачтется явка.

Он выпрямился, ожег меня раскаленным взором и ушел. За ним величаво удалилась его свита, каждый бросил на меня по недоумевающему взгляду. Понятно же, что быть возле короля — это настолько пользоваться всеми привилегиями, что даже свои вообще-то низкие звания лакеев сумели пролоббировать до ранга высших титулов: маршалы — всего лишь дворцовые слуги, а

кем стали? Как и слуги, выносившие за королем ночной горшок, со временем стали руководителями пресс-службы президента.

Глава 20

Смит и Пес бросились навстречу, Пес напрыгивал и на Зайчика, тот принимал это благосклонно, как выражение восторга, Смит выкрикнул ликующе:

— Сэр Ричард!.. Это выше всего, что я мог представить! Это успех, который... я даже не знаю, можно ли повторить? Когда закончится турнир, мы с вами поедem в Турель, там ожидается что-то подобное по случаю примирения родов Альсингов и Вельсингов. И соберем жатву...

Я сказал наставительно:

— Сэр Смит, вы забываете, что я — паладин! Рыцарь думает о своей славе, о доблести, о прекрасной ба... даме, землях, замках, коровах, соседях, а я вот, как паладин, думаю сразу о всем человечестве. Днями не сплю, ночами не ем, только и думаю: как там человечество? Без нас, паладинов, оно ж сразу лапты склеит. Не на китах или черепахе Земля держится, на паладинах!

Он раскрыл рот, смотрит ошалело, уже поверил, что с человечеством вот так, как со здоровяками на турнирном поле. Я вздохнул и, наклеив на свое благородное и крайне мужественное лицо благосклонное выражение, начал улыбаться и кланяться в ответ на радостные вопли из толпы. Все режут в восторге, я ж почти осуществил их мечту: бедный и незнатный рыцарь поверг сильнейших рыцарей. Заставил богатых и знатных кувыряться в пыли и рыть мордой землю, а потом выбрал королеву красоты не с подсказки короля, а возложил венки к ногам жены соседа! Ведь мечта простолюдина не простирается дальше жены соседа...

Смит ухватил Зайчика под уздцы и повел через толпу. У меня заболели мышцы лица от широкой улыбки. Держать ее трудно, потому что внутри холод и смертель-

ная тоска: все эти месяцы я нещадно давил любые проблески воспоминаний о Лавинии. Сейчас же на багровые угли брошена охапка сухого хвороста. И огонь вспыхнул с новой силой.

— Изменить ничего нельзя, — прошептал я едва слышно. — Теперь уже нельзя...

Мы двигались через море ликующего народа, со всех сторон тянутся руки. Каждый жаждет прикоснуться к моему сапогу или хотя бы к коню, чтобы потом рассказывать, как близко находился к победителю.

Со всех сторон победно гремят трубы, люди не расходятся, начинаются пляски, веселье, будут гулянья в честь бракосочетания, затем во славу окончания первого дня турнира. Я на ходу похлопал Зайчика по шее, еще раз сказал «спасибо». Смит пробрался к своему коню, поблагодарил служителей и щедро одарил из выкупа: победителю надлежит быть щедрым и великодушным, и мы выехали на дорогу к городским воротам.

— У вас чудный конь, — сказал Смит с завистью. — Я потерял две схватки из-за своего одра. А один раз вообще опрокинули... да-да, с конем вместе!

Пес подпрыгивал, показывая, что и он тоже просто чудо. И если бы ему позволили, он бы всех этих железнобоких...

Стражи на воротах тоже приветствовали нас, уже знают. Вообще в городе, кажется, все знают, что я ссадил с коней сильнейших рыцарей, избрал королевой жену друга в пику королю, который хотел бы в королевы свою жену.

Смит озабоченно посматривал на Зайчика.

— Сэр Ричард, его беречь надо!

— Почему?

— Не украли чтоб. Ему ж цены нет.

— Сам о себе позаботится, — ответил я рассеянно. — Я вот не знаю, что с этим пиром делать. Идти не хочется, но не идти... себе дороже.

— Сэр Ричард! — вскричал он. — Это же великая честь! Надо идти. А я пока отосплюсь и буду копить силы для завтрашнего дня. Кстати, где Кадфаэль? Мы бы с ним кувшин вина...

Я сказал значительно:

— У Кадфаэля своя война.

Он насторожился.

— Тоже турнир?

— Служба безопасности, — ответил я лаконично. — Столько колдунов приехало, что местные священники вряд ли справятся. А силы Кадфаэля, поверь, весьма и весьма...

На постоялом дворе плотно пообедали, хотя время ближе к ужину, поднялись в свой номер. Днем в нем никакой зачарованности. Сэр Смит сразу же со стоном завалился на ложе, начал рассказывать, кого и на какой прием поймал, как ловили и не поймали его, такого ловкого и умелого. Я присел за стол, опустил голову на кулаки и задумался. Что-то здесь совсем не то, что ожидалось. Я что ждал: большой турнир, куда приедут рыцари с Юга. Ну вот приехали. Если раньше я мечтал с ними если не подружиться, то хотя бы посидеть за накрытым столом, чтобы за вином и жареным гусем кое-что узнать о Юге, то сейчас, понятно, вместо «здравствуйте» могу получить только в зубы кулаком в железной перчатке.

То, что у меня тоже есть кулак и что стальные пластинки на каждом пальце не погнутся даже при ударе в каменную стену, ничего не меняет: дружеской беседы далеко за полночь не получится. Что еще? Есть смутный шанс сразаться за главный приз, что дает свободный пропуск через все земли на Юг вплоть до имперской столицы. Или императорской, неважно. Но здесь, если честно, мои шансы невелики, ибо стараниями архиепископа вся магия в пределах турнира бессильна, а перед схваткой маршалы при-

дирчиво проверяют рыцарей, нет ли у кого заколдованного или зачарованного оружия. Если же на равных, то, надо признаться, я свои шансы расцениваю не слишком высоко. Рядовых бойцов, конечно, собью с коней, но здесь такие монстры, смотреть страшно... Боюсь, что Блэкгарт не единственный.

Пес заворчал, приподнялся. Я рассеянно опустил ладонь на загривок, там шерсть поднялась дыбом, но все тихо, я почесал за ухом, сказал успокаивающе «тихо, тихо», и Пес снова опустил голову на лапы, затих, блаженно жмурясь.

В стене напротив появилось неопрятное зеленое пятно, разрослось, выплыла бесформенная, но явно человеческая фигура. Пахнуло морозцем, холод возник внутри меня, но в комнате все так же жарко и душно, я продолжаю сидеть, как замороженный, перебираю шерсть на загривке Пса, а душа уходит в пятки...

С великим трудом заставил левую руку снять с пояса молот, метнул в призрачную фигуру. Молот пролетел насквозь, бесшумно задел стену, ничего не порушив, и вернулся в мою растопыренную ладонь. Я смотрел в лицо приближающейся смерти и понимал отчетливо, что ничего сделать не могу. Меч бессилён, как и молот, а мои доспехи не помешают нежити добраться до моего сердца...

Фигура приблизилась вплотную, одна рука коснулась моего левого плеча, и оно мгновенно онемело. В сердце остро кольнуло, сердечная мышца изо всех сил пыталась качать застывающую, как студень, кровь.

Вторая рука застыла тоже, перестав чесать пса. Он открыл глаза, из горла вырвалось грозное рычание. Не поднимаясь на лапы, он прыгнул на зеленую фигуру из лежачего положения. Страшные челюсти сомкнулись на руке, и нежить сразу отдернулась от моего плеча. Обе конечности попытались сомкнуться на шее пса, однако тот отпрыгнул, забежал сзади и в прыжке достал страшными клыками шею.

Нежить рухнула мимо меня, они сцепились в быстро вращающийся клубок. Пес свирепо рычал и стискивал челюсти, фигура пыталась сбросить его, а я все не мог подняться из-за стола, руки и ноги онемели, кровь от сердца едва пробивается, ломая превратившиеся в лед капилляры. Нежить ухитрилась завернуть руки за голову и ухватить Пса, однако тот, не разжимая челюсти, рычал все страшнее.

Я наконец сумел подняться, дрожащей рукой взялся за рукоять меча. Пес и нежить все еще катались по полу, а не с моими рефлексам сейчас драться, да и что я могу, если молот пролетел насквозь?..

А как же, мелькнула оторопелая мысль, сумел Пес, он же материален...

Рычание становилось громче, а нежить двигалась все медленнее, наконец руки упали в стороны и застыли. Пес поднял голову, жуткие глаза горят красным огнем, а клыки, казалось, стали еще острее и длиннее.

— Фу, Бобик, — проговорил я дрожащим голосом. — Фу... Не отравись этой гадостью.

С ложа раздался стон, Смит поднялся и сел, упираясь руками. Лицо одурелое, мотал головой, словно стряхивал воду.

— Какая гадость пригрезилась... Хочу и не могу проснуться...

— Надо было спать, — сказал я хриплым голосом.

Он вздрогнул, глаза расширились.

— Сэр Ричард!.. Что это...

— А это то, — объяснил я, — что пригрезилось мне. Вернее, остатки...

Он соскочил, в руке меч, долго осматривал на полу зеленые ошметки. Жирные потеки медленно таяли, просачиваясь прямо через каменные плиты. Похоже, это существо состояло из жил и сухожилий, а скелет не полагается по лестнице Ламарка.

— Как это вы его?

— Не я, — признался я. — Бобик, разорвал его в клочья. Даже не представляю, как он сумел. Эту тварь не взял даже молот!

— А вы разве не знали, — спросил он несколько озадаченно, — что собаки способны чувствовать нечисть и нежить?..

— Да как-то...

— Совсем из диких земель, — сказал он с сожалением. — Собаки не только чувствуют, но и люто ненавидят. Нечисть платит им той же монетой. Вы не заметили, что колдуны, маги и даже ведьмы не держат дома собак? У них только эти подлые твари — кошки, совы, летучие мыши... бр-р-р-р! Правда, только...

Он умолк, в задумчивости рассматривал пса.

— Что? — спросил я настороженно.

— Собаки хоть и чувствуют, но воют и в ужасе убегают, — сообщил он. — Все, что могут сделать, — предостеречь. Но чтоб вот так в схватку... я о таком даже не слышал.

Я опустил руку и погладил Пса по лбу, почесал за ухом.

— Спасибо! Прости, что запрещал тебе драться. Я хочу, чтобы тебя принимали как большого доброго пса, чтобы не боялись. Но сейчас ты просто молодец. Спасибо.

Он покряхтывал от удовольствия под моими пальцами, поворачивал огромную голову, подставляя самые чешучие места. Кровавое пламя в глазницах погасло, он щурился, морщил нос и похрюкивал, как гигантский вепрь.

Я похлопал по шее.

— Все-все. Надо идти на пир... будь он неладен! Извини, взять с собой не могу...

Смит поинтересовался:

— Пешком?

— Нет, на транспорте.

— Тогда лучше собачку взять. Она хоть и добрая, но одним своим видом отпугнет тех, кто восхотел бы ук-

расть коня, пусть даже в королевской конюшне. А кто попытается...

Я подумал, кивнул.

— Вы правы, сэр Смит. Бобик, одевайся!

Дворец короля в Каталауне — все тот же замок; но ввиду того, что королевский, архитекторы постарались облагородить возвышенными мотивами, скрасить суровость, постоянно напоминающую, что Средневековые — это непрерывная гражданская война всех против всех. Правда, все их усилия были направлены не на перепланировку замка, а на украшение, добавление колонн. Еще замостили перед замком весь двор плитами из гранита, а внутри, предполагаю, закроют серые каменные плиты стен коврами и роскошными гобеленами...

Гостей у входа встречали празднично разодетые слуги с горящими факелами в руках. Впрочем, на воротах достаточно ярко горят светильники, так что факелы — ритуал, позволяющий придать торжественности, а сам дворец освещен так, что вокруг него колышется море огня.

Во дворе я протискивался между столами, щедро заставленными едой и питьем. Здесь пируют слуги, для благородных накрыты столы в трех нижних залах. Я думал остановиться там, но мажордом перехватил меня на пороге и вежливо препроводил на самый верх.

Я двигался неспешно, присматривался, морду держал невозмутимой. Улыбался, вообще все время держал на губах довольную улыбку идиота. Сразу же за просторной прихожей распахнулся огромный, сверкающий люстрами и натертым полом зал. Ярко одетые люди стоят группками, мужчины переговариваются многозначительными голосами, женщины весело щебечут. Обычный светский раут, хотя, по ощущениям, ждут то ли бальных танцев, то ли появления суперзвезд кино и шоу-бизнеса.

Появился мажордом, громко и повелительно объявил, что в соседнем зале накрыты столы. Его Величест-

во изволит пригласить всех занять места, согласно этикету и рангу, для чего, дабы не возникало безобразных драк, на каждый стул положили платок с гербом того, кто должен сидеть.

Гости ломанулись в распахнутые двери зала для пиршеств, как украинцы к шведскому столу с халявным салом в шоколаде. Король восседает во главе стола, его кресло чуть выше соседних, напоминает огромный трон. По левую руку кресло герцога Ланкастерского, а справа, рядом с королем, венценосная супруга Алевтина, дочь короля Джона Большие Сапоги. Слева от герцога Ланкастерского огромный рыцарь, похожий на медведя. Их сиденья чуть ниже королевского, но выше остальных, так положено по табели о рангах.

Как я понял, брак был политическим: между королевством Барбароссы и Джона находится обширное и богатое герцогство Ламбертиния, осколок давних времен, где сохранилось благополучие и процветание. Это герцогство по размерам превосходит королевства Барбароссы и Джона. Тамошний герцог вполне мог бы объявить себя королем, но почему-то этого не делает. Сейчас после союза Барбароссы и Джона, скрепленного браком, самое время прижать богатого соседа...

Впрочем, Алевтина выглядит веселой и счастливой, они с королем то и дело обмениваются шутками. Я вошел в числе последних, сяду, где останется место, мне уж точно салфетку с гербом не положат, их вышивают загодя, а я победил вот только что.

Король следил за мной из-под сдвинутых бровей, а когда я прошел в дальний угол, я услышал его неприятный голос:

— Сэр Ричард!

Я обернулся.

— Ах, простите, Ваше Величество, я вас не приметил!.. Весь внимание, Ваше Величество...

Он указал на свободное кресло за столом напротив себя.

— Вот ваше место.

— Ах, — воскликнул я, — да что вы, что вы, это ж такая честь, что мне просто неловко. Я же человек простой, неиспорченный, из медвежьего угла.

— Даже почти непьющий, — закончил он саркастически. — Я помню, садитесь.

К моему изумлению, на кресле платок с абсолютно точной эмблемой, скопированной с моего щита. Король заметил мою реакцию, буркнул:

— У вас так не делают?

— Так быстро? — спросил я.

Он хмыкнул.

— Что не умеют священники, легко делают маги.

За его спиной двое в монашеских одеяниях, явно не монахи. Хотя одного называет отцом Кириллиусом, как назвался нам, но король называл его Кириллием, а остальные то Кириллом, а то и вовсе Киром. Как в Гражданскую, вспомнил я, каждому Чапаеву был прислан свой Фурманов, а этому даже два.

Я сел, и тут только заметил среди этого сверкающего всеми красками великолепия, что рядом со мной расположились южане во главе с герцогом. Валленштейн побагровел и метнул на короля испепеляющий взор, однако смолчал: даже боги приглашают на Олимп победителей, а я, как ни крути, звезда одиночных схваток.

Правда, с герцогом только двое его рыцарей, Блэкгард и Гогенштальд. Остальные то ли не оправились от падений с коня, то ли герцог не счел возможным их взять на пир, то ли сам король ограничил герцога двумя спутниками. А может, те просто решили отдохнуть и набраться сил для *mêlée*. Рядом со мной Гогенштальд, дальше Валленштейн и это чудовище, под которым трещит кресло, — Блэкгарт.

Герцог Валленштейн без доспехов еще стройнее, во-

лосы уже не серебряные, а почти белые. Однако брови иссиня-черные, густые, глаза блестят, как у юноши. Подбородок и щеки хорошо выбриты, на щеках глубокие складки, лоб отмечен парой крупных оспин, на правой скуле белый овражек шрама. Взгляд царственно строгий, вместе с тем брезгливо усталый, мол, все это видел сто раз, нельзя ли что поновее. Красивое аристократическое лицо неподвижно, темные глаза надменно смотрят поверх голов.

Он бросил в мою сторону более чем убийственный взгляд, я сделал вид, что не замечаю его вовсе. Все трое южан то ли на диете, то ли вообще более сдержанны за столом: как и тогда на постоялом дворе едят мало, мясо и птицу нарезают мелкими ломтиками. Если предположить, что в этом мире все же существует какое-то понятие о столовом этикете, то они придерживаются его основ: не орут, не тянутся через стол, чтобы ухватить лакомый кусок, не расплескивают вино, что считается здесь хорошим тоном, а на самом деле пережиток язычества, когда полагалось плеснуть малость и домовым.

Сэр Блэгарт наклонился к уху герцога, я видел, как шевелятся полные мясистые губы. Герцог повернул голову и снова вперил в меня острый взор. Я вновь сделал вид, что не замечаю, но на всякий случай начал звякать ножом по тарелке громче, тянуться к дальним блюдам, хватать куски с подносов проходящих мимо слуг.

Гогенштальд поднялся с кубком в руке и громко провозгласил красивым мужественным голосом:

— Говорят, Иисус умер за наши грехи. Так давайте его не разочаруем!

Вокруг громко захохотали, потом засмеялись и те, кому передали тост. Пили охотно, с вызовом, будто только что прочли Рабле. Так пьют мальчишки, стараясь показать, что они уже взрослые, и вот, видите, уже пьем!

Я все чаще поглядывал на Барбароссу. Да, этот король покрупнее и побогаче, чем, к примеру, Шарлегайл

или Арнольд. Но все-таки не дотягивает даже до рядового московского, новгородского или рязанского князя. Не говоря уже о крупных князьях. Но ирония в том, что в Европе каждый деревенский староста именовался царем или королем, а на Руси властелин, у которого земли на заднем дворе больше, чем Франция и Германия, вместе взятые, и который выставляет сто тысяч ратников просто с ходу, все еще именуется князем.

Ну что за царь, к примеру, Одиссей, который сам пахал и ловил рыбу? Как и остальное великое множество царей по необъятной Греции? Или в Западной Европе, где на землях одной Германии было четыреста королевств?

Этот король, Барбаросса, тоже, видимо, один из таких властелинов. Впрочем, у Шарлегайла земель еще меньше, как и у Арнольда или Конрада. Хотя мне какая разница, по этикету к любому королю надлежит обращаться со всевозможной почтительностью.

Я присматривался ко всем, стараясь не пялиться чересчур открыто. Слева от меня Гогенштальд, зато с другой стороны немолодой и степенный вельможа, явно прибывший на турнир не для схваток на копьях. Также присматривается ко всем, лицо открытое, но с хитринкой, какими бывают простолюдины, дослужившиеся до высоких постов.

Он бросил на меня короткий взгляд, чуть улыбнулся. Похоже, на этом пиру мы ощутили некоторую симпатию один к другому и даже некое родство душ.

— Меня зовут Даниэлем, — сообщил он, — мы знакомы с Барбароссой еще с тех времен, когда он не был королем, а я — старшиной купеческого союза вольных городов Мальбрука.

— Вы приехали только на свадьбу?

Он чуть-чуть прищурил глаза.

— Люди моего возраста стараются совмещать приятное с нужным.

— Я тоже, — вздохнул я. — Только между малыми

кучками приятного и нужного приходится брести по длинному неприятному полю.

Он кивнул с сочувствием, руки его работали в автоматном режиме, таская на свою тарелку из общих блюд лакомства, а глаза изучали гостей. Я тоже присматривался к окружению Барбароссы, отметил, что у герцога Ланкастерского своя свита и, как я заметил сразу, в ней народу побольше, чем в королевской. И еще: если сам герцог в разговорах с королем сдержан и почтителен, то в его окружении на короля бросают то враждебные, то насмешливые взгляды, а если вдруг говорят вежливо, то вижу под шелком сладких слов холодный блеск обнаженной стали.

Осторожно высказал свои опасения Даниэлю, тот отмахнулся.

— А где это иначе? Пока король проливал кровь в Крестовом походе, герцог вербовал сторонников. Думаю, уже многие ему присягнули.

— При живом короле? — усомнился я.

— Присягнули тайно, — пояснил он. — Если герцог пообещал, что удвоит владения, даст больше вольностей, то кому здешние бароны будут верны?

Я посмотрел в его хмурое лицо.

— Неужели близость Юга совсем ломает людей?

— Не всех, — ответил он, — но все-таки здесь к Югу прислушиваются куда внимательнее, чем в Срединных королевствах. Боюсь, королю придется уступить герцогу больше власти...

— А почему бы королю вовсе не отстранить его от управления?

Он двинул плечами.

— Вряд ли королю это удастся.

— И что будет?

— Королю придется сидеть на троне очень осторожно, — сообщил Даниэль со странной ноткой. — Мятежные бароны нашли в лице герцога прекрасного вырази-

теля их интересов. Король не осмелится их притеснять, а они будут отхватывать все более лакомые кусочки...

Я спросил осторожно:

— Полагаете, Барбаросса выпускает ситуацию из под контроля?

Наклонившись к моему уху, он сказал негромко:

— Слева от короля всегда сидел герцог Армин Арпагаус... Конечно, когда показывался в свете. Он и сейчас где-то на границе умирязает воинственных варваров. Так вот, герцог Ланкастерский, двоюродный брат короля, уже перебрался в его кресло...

Рыцарь, сидящий от Даниэля с той стороны, громко всхрипнул.

— Ха!.. Да пока король был в Крестовом походе, герцог сидел на его троне!

Даниэль заметил ядовито:

— Это вы заметили верно, сэра Виллоу. У него и сейчас кресло больше похоже на трон, чем трон Барбароссы.

— Вернется Армин, — сказал сэра Виллоу предостерегающе, — сгонит. Как мальчишку сгонит. Еще и уши надерет, чтоб спинку его кресла не удлинял.

— Он его еще и над полом приподнял, — сказал со смешком Даниэль, — чтобы вровень с королем...

Они похохатывали, жрали в три горла, пили много и жадно, это здесь считается мужественностью, а грубоватые манеры в цене, слышны звонкие удары ножей, это рассекают истекающее соком мясо, жареную птицу. Слуги носятся, как тяжело груженные воробьи, опустевшие тарелки исчезают, взамен возникают новые горы все того же мяса, только изжаренного в ином соусе, ароматная печеная рыба из горных озер, россыпи жареных скворцов и еще более мелких птичек, их коричневые тушки я принял сперва за грецкие орехи.

Король тоже жрет в три горла, наголодавшись в Крестовом походе против восставших в который раз полабичей. И пьет тоже в три, если не в четыре, рожа рас-

краснелась, пояс расстегнул, глаза масляные, довольные, сытые, совсем не то что у герцога Ланкастерского, этот тоже ест и пьет, смеется шуткам короля, но глаза не теряют настороженности, цепкости.

Рыцарям лучше знать герцога, но мне он не кажется мальчишкой, которому легко надрать уши. Герцог и здесь, как сказали бы в другом месте, работает. Остальные пьют, едят и вообще пируют, а вот он — работает.

После десятого, если не больше, кубка Барбаросса хохотал любой шутке, сам отпускал двусмысленности, ничуть не стесняясь Алевтины. Алевтина тоже смеялась, мужественная такая валькирия, чаще видевшая походные шатры отца, чем стены дворцов.

Герцог Валленштейн отпустил ей длинный замысловатый комплимент, Алевтина задумалась, а Барбаросса громко захохотал.

— Дорогой Готфрид, что-то вы странно на мою Алевтину поглядываете... Да, похожа, но ее привезли из Фоссано, в тех краях вы не бывали.

Герцог Валленштейн хохотнул.

— Вроде бы!

Барбаросса захохотал громче.

— По крайней мере, замечен не был, ха-ха!

Валленштейн вскинул брови, на губах заиграла улыбка.

— Ах, Ваше Величество, — ответил он легко, — я уж и забыл те времена... Теперь я семейный человек. Давно уже семейный. И семья у меня, так сказать, с крепкими устоями. Жена — урожденная фон Гогенцоллерн, две дочери воспитаны лучшими наставниками и наставницами нашего королевства... А я такой правильный, такой семейный...

Король гулко захохотал.

— Ох, умру от смеха!.. Готфрид — правильный и семейный! Тот самый, который ни одной юбки не пропускал, который наплодил здесь бастардов столько, что

население моего королевства чуть ли не вдвое... га-га-га! Я сам встретил недавно девчушку, что как две капли воды моя Алевтина. Ну ладно, не как две капли, но похожа... Явно ваша дочь, дорогой Готфрид!

Герцог скромно улыбнулся, промолчал. Я слушал, мотал на ус, старался врубиться в ситуацию. Даниэль ясно сказал, что приехал по важным делам, а на турнир только поглазеет, но и герцог не выглядит юнцом, что ради схватки на копьях потащится из другого королевства. Вообще здесь клубок завязывается еще тот... Герцог Ланкастерский старается потеснить короля Барбароссу, архиепископ Кентерберийский готовит крестовый поход против Юга, король использует свое возвращение в Каталаун для упрочения власти, изрядно подточенной окопавшимся в его владениях герцогом... Сейчас бы еще сюда несколько шпионов из разных стран да плюс террористов...

Я осмотрелся по сторонам с настороженностью. А почему нет? Вполне, вполне могут быть шпионы. Если прищмотрюсь, наверняка пойму, кто есть кто. Даже в моем мире сразу можно понять такие вещи. Если идет пьяный и небритый, ширинка расстегнута, рукав в говне, то это свой в доску, вполне положительный, такой рано или поздно мир спасет. А если трезв, чист, выбрит, изысканные манеры, любит и понимает классическую музыку — либо маньяк-убийца, либо иностранный шпион. Здесь же народ проще, мир совсем молодой, снова молодой, как Феникс, так что люди простые, разберусь быстро...

На той стороне голоса зазвучали резче, я очнулся от дум, герцог неожиданно отвечает королю резко, не соглашается, Барбаросса вспылil и прорычал, как разъяренный зверь:

— Милый кузен, коль уж вы такой знаток в подобных делах, то я вас отправляю в графство Итрурию, которое мы с таким трудом завоевали!.. Поднимите там разоренное хозяйство так же быстро, как вы обещаете,

и, я уверяю вас, станете благодетелем всего края! Да что там края — королевства. Думаю, три дня вам на сборы будет достаточно.

Герцог опешил.

— Мне? В Итрурию?

Барбаросса сказал холодно:

— Но был же я, король, в Итрурии?.. Вам останется лишь довершить начатое мною. Возьмете с собой минимум свиты, в Итрурии остались мои войска, так что вам ничего не грозит.

Я ждал, что герцог ответит резким отказом, этого ждал, похоже, и сам король. Однако герцог молчал, желваки вздулись под белой кожей, ноздри дергались, как у жеребца на скачках, наконец проговорил хорошо контролируемым голосом:

— Если Ваше Величество так изволит...

— Изволю! — рявкнул король. Он стукнул кулаком по столу. — Изволю и повелеваю!.. Я тебе оставил в управление богатое и процветающее королевство, а что я вижу по возвращении? Крестьяне ропщут, ремесленники и купцы бегут в другие королевства! А кто, как не эти земляные черви, кормит войско, всех нас? Откуда берутся солдаты для армии, с которой я покорил три королевства и семь мятежных графств?.. Покажи себя на вновь завоеванных и разоренных войной землях! Покажи.

Герцог вздохнул, наклонил голову.

— Хорошо, Ваше Величество. Позвольте покинуть это празднество...

Король нахмурился, сказал все еще строго, но я уловил извиняющуюся нотку:

— Зачем? Никто тебя не гонит с пира.

— Я начну готовиться к отъезду, — ответил герцог. — Надо собраться, назначить людей. Если все получится, как я хочу, то я смогу отбыть уже послезавтра.

Король ответил с заметной неловкостью:

— Ну, если так... Иди. Если что нужно, скажи, я все предоставлю в твоё распоряжение.

— Спасибо, Ваше Величество, — ответил герцог с поклоном, — но у меня уже есть все необходимое.

Еще раз поклонился, я уловил не только иронию, но даже затаенную угрозу, почти намек, отбыл. Король смотрел на захлопнувшуюся дверь нахмурившись, глубокие складки избороздили лоб, затем вздохнул и возгласил зычным голосом:

— Что-то не слышу песен!.. Жан, ты сочинил о нашем походе обещанное?

Глава 21

Почему-то я считал всех менестрелей и прочих бардов обязательно молодыми ребятами, ну типа тех, что собираются с гитарами у костров на слетах авторской песни и поют самопальное, однако из-за дальнего стола поднялся немолодой мужчина с грубым лицом, на щеке жуткий шрам, еще два белых рубца на скуле и подбородке, разве что длинные, тронутые сединой волосы падают на плечи, как принято, наверное, у этой касты.

В руках лютня, он подошел к нашему столу, ведь песню заказал сам король, ударил по струнам и запел мужественным хриплым голосом, не то пропитым, не то простуженным в холодных дозорах. Я ожидал, что песня будет целиком хвалебной, посвященной битвам, умелым ударам мечом по голове, однако менестрель со второй строфы свернул на скорбное ожидание невесты, что ждет уехавшего на войну рыцаря, тоскует и томится, желает ему победы, но сердце ее трепещет...

Слушали с восторгом, я с удивлением увидел на многих лицах слезы, суровые воины всхлипывали. Не сразу вспомнил, что в эти времена чувствительность считается привилегией благородного сословия, рыцари по каждому поводу рыдают и рвут на себе волосы, в то

время как простолюдины, тупые как скот, даже в случае гибели близких не роняют и слезинки.

Что ж, благородное сословие будут истреблять в первую очередь. Простолюдины во всех странах постепенно станут главенствующим сословием и навязнут всем остальным, в том числе и немногим уцелевшим благородным, каменную неподвижность морд в любом случае, будь это смерть врага или смерть близких.

За нашим столом чуть дальше держит в руке золотой кубок с вином красивый юноша с холеным лицом и чувственными губами, одетый настолько ярко и пышно, что выглядит павлином. По обе стороны, словно для контраста, двое придворных, сухие и прямые, с непроницаемо холодными лицами и такими же замороженными глазами, чем-то неуловимо похожие на нянек-бонн. Или на гувернанток.

Юноша требовательно сказал пробегающему мимо слуге:

— Наполни мой кубок!

Слуга быстро взглянул на одного из его соседей-гувернантов или гувернеров, тот обронил негромко:

— Ваша светлость, я полагаю, уже довольно.

Юноша сказал капризно:

— Почему? Мне нравится вино. Я любого здесь могу перепить! Вы мне не запрещайте, граф Эбергард...

Придворный, которого он назвал графом Эбергардом, сказал с холодной учтивостью:

— Это не лучшее достоинство рыцаря, которое следует выставлять напоказ.

Юноша чуть покраснел, а придворный с другой стороны проговорил с наигранным восторгом:

— Ваша светлость, вы еще не пробовали вот этой жареной утки! Здесь ее готовят просто волшебным образом. Я не представлял, что такое можно сделать из обыкновенной птицы...

По его знаку слуги поставили перед юной светло-

стью блюдо с плавающей в кипящем жире коричневой тушкой с короткими кульями. Юноша зло повел в сторону второго придворного глазами, но, сообразив, что его же спасают от неловкости, буркнул что-то и взялся с остервенением кромсать ножом утку.

Даниэль рядом со мной сказал насмешливо:

— Сын герцога Люткеленбергского, гранда Кастилии, конунга Хельнурга и графа Аквани, а главное — дальнего родственника Барбароссы. Герцогство, сказать по правде, почти не уступает размерам иному королевству! Потому юного Легальса сопровождают граф Эбергард Сейненский и граф Мемель, его наставники. Да только не сделать из курицы сокола...

Я ответил шепотом:

— Как-то не по себе рядом с этими светлостями и высочествами. Мне бы попроще соседей по столу...

Он подбадривающее улыбнулся.

— Барбаросса не дурак. И не слаб. За его столом только те, кто сам по себе что-то стоит. А на всякие там светлости и высочества король не больно обращает внимание.

Я бросил на него короткий взгляд и поспешил опустить глаза. Даниэль прав. Его самого бы не допустили за стол с такими знатными особами, если бы не обладал реальной властью там, на Юге, где королевская власть ослаблена, а вольные города сами пишут и принимают законы.

У герцога Валленштейна тоже какая-то цель есть, что-то помимо участия в турнире. Не думаю, что ради одной возможности сшибить кого-то с коня он преодолел такое расстояние. Это сэр Смит и ему подобные верят, что все-все собрались сюда ради удовольствия бить друг друга по головам на законном основании, да еще и деньги получить. Но среди веселых и разудалых морд вижу и совершенно трезвые, с холодными пронизательными глазами.

У Валленштейна именно такой взгляд. Его герцогство, как мелькнуло в разговоре, расположено по эту сто-

рону океана. Эту новость я долго поворачивал так и эдак, пока не нашел аналогию с французским городом-портом Кале, который неизменно принадлежал Англии, в то время как другие владения Англии во Франции то увеличивались, то сокращались.

Судя по обрывкам разговоров, он настоящий южанин, его герцогство по эту сторону океана... но по ту сторону Великого Хребта. Я жадно присматривался к человеку, во владениях которого нет церкви, который живет по иным законам, чем нынешний христианский мир. Герцог, похоже, уловил мой интерес, я поймал высокомерный и чуточку брезгливый взгляд, спохватился и перенес внимание на его рыцарей, что тоже с Юга.

Рыцарь Гогенштальд, постепенно хмелея, все чаще поглядывал на меня, лицо покраснелось, наконец сказал очень уж учтиво:

— Сэр Ричард, на победу в турнире было много претендентов, их шансы обсуждались задолго до начала. Но ваше имя никто не упоминал!

Я налил себе в кубок вина, пригубил, прислушался к ощущениям. Рыцарь ждал, но я сделал вид, что любуюсь игрой света на драгоценных камешках в ободке кубка. Он выждал, продолжил вопросительным тоном:

— Мы пытались понять этот случай, но так и не разгадали...

Я сделал еще глоток, поставил кубок и стал накладывать себе жареных птичек. Гогенштальд снова выждал, теперь и герцог с Блэкгартом начали прислушиваться, наконец Гогенштальд сказал раздраженно:

— Сэр Ричард, вам не кажется, что это неучтиво?

— Что? — спросил я.

— Не отвечать на вопрос!

— Вопросы не было, — напомнил я. — Была констатация факта. Плохо вас обучают там, на Юге.

Он вспыхнул, завелся, но рука герцога опустилась на его плечо, я не слышал, что он сказал молодому рыца-

рю, однако тот увял, посмотрел на меня с нескрываемой злостью.

— Не придирайтесь к словам! Вы меня поняли.

— Учитесь мысли выражать грамотно, — сказал я поучающее. — Совсем у вас запущено, как погляжу...

Герцог поглядывал на меня искоса, в прищуренных глазах я видел странное ожидание. Гогенштальд сказал зло:

— А вас, погляжу, обучали долго? Но что-то вы малы для обученного всем искусствам!

Я ответил прохладно:

— Я молод, но старые книги читал.

— И что?

— Можно и так получать житейскую мудрость, — сообщил я и посмотрел ему в глаза. — Учась на чужих ошибках.

Он фыркнул, но тон сбавил, чувствуется, не по себе, однако на него смотрят, сказал вызывающе:

— И что вам говорит житейская мудрость?

— Что девяносто девять из ста опасностей, — ответил я ровно, — которые нам угрожают и чего люди страшатся, остаются вымыслом.

Он умолк, озадаченный, Валленштейн впервые произнес, обращаясь ко мне:

— На случай не рассчитывайте. Вас с турнирного поля вынесут ногами вперед.

— Кто идет за шерстью, — ответил я, — возвращается стриженным.

Он молча покачал головой, глаза его стали темными. Мне почудилось, что это он старается проникнуть в мои чувства, словно водяная пыль из фонтана по голой коже, это сразу же прошло. Я отвернулся и стал прислушиваться к разговору архиепископа Кентерберийского с королем Барбароссой. Судя по репликам, король планирует в будущем на месте турнирного поля построить целый город: в ближайших горах обнаружена серебря-

ная руда, а также залежи метеоритного железа. Сам город потребует в первую очередь, конечно же, церкви, ибо только церковь следит за тем, чтобы люди не превращались обратно в свиней.

— Хорошая мысль, сын мой, — обрадованно сказал архиепископ. — Очень мудрая даже...

Рядом громко звякнуло, я повернул голову, это сэра Гогенштальд положил на мою опустевшую тарелку огромный кусок баранины. Глаза молодого рыцаря холодно смеялись.

— Не слушайте старых дурней, — сказал он, — все равно у них ничего не получится. Лучше отведайте этой дивной баранины! Возможно, это ваша последняя трапеза. Будете в аду вспоминать...

— У меня тоже есть совет, — произнес я.

Он с ожиданием посмотрел мне в лицо.

— Готов выслушать.

— Никогда, — сказал я, — не стойте между столбиком и собакой.

Он отшатнулся, озадаченный, я взял двумя пальцами баранину и швырнул под стол, где сразу радостно завопили собаки. Слуга подбежал по моему кивку, я велел сменить тарелку на чистую. Лицо Гогенштальда перекосилось, глаза вылезли из орбит, губы исчезли, выставив изъеденные сладостями зубы. Он выглядел так гадко, что даже Валленштейн и Блэкгарт переглянулись и отвели взгляды.

— Вы за это... — прохрипел он сдавленным голосом, — заплатите...

— В любое время, — ответил я. — Лосей бью в осень, а дураков — всегда. Даже в церкви.

Барбаросса начал поглядывать на меня с предостережением, старается не допустить конфликтов за столом, отец народа, проговорил рыкающим голосом раздраженного льва:

— Вы, сэра... как вас там, могли бы и получше выби-

рать среди женщин! Я ничего не имею против леди Лавинии и ее доблестнейшего мужа, он исполнен всяческого благородства, что и с такими жуткими ранами верно и преданно служит своему королю... однако же с вашей стороны было крайне опрометчиво выбирать королевой замужнюю женщину!

— Почему? — спросил я.

Он запнулся на миг.

— Потому... что замужние уже в чьих-то руках! Им веночек ничего не добавит. А незамужних надо пристраивать. За королеву красоты дадут больше.

Отец Корнелиус, а теперь уже точно Кир, так как накирлялся вдоволь, икнул и произнес глубокомысленно:

— В Писании сказано, что незамужняя женщина похожа на охотящуюся львицу, замужняя — на сторожевую собаку.

Оба правы, мелькнуло у меня, я ответил галантно:

— Ваше Величество, я хотел было отдать веночек несравненной Алевтине, но, как вы правильно сказали, она к тому времени уже стала вашей женой...

За столом начали перемигиваться, король явно попал в затруднительное положение, но на то он и король, чтобы выходить из ловушек нестандартными тропами, все в зале услышали величественный рык:

— Королеве можно! Это совсем другое дело!

— Ах, Ваше Величество, — ответил я покаянно, — кто ж знал, что в вашем королевстве такие причудливые законы!.. Я из дальних диких и темных земель, где всеобщее волеизъявление и прочие гнусности демократии.

Мне показалось, что Валленштейн посмотрел на меня с одобрением, я надменно отвернулся. Не хватало еще удостоиться похвалы от явного врага. На самом деле Барбаросса чем-то нравится: честен, себя не щадит на службе королевству, как понимает свою службу, в боях от опасности не прячется. Бывалые воины отзываются о нем как о полководце, что ест с ними из одного котла, спит у костра,

завернувшись в плащ, тщательно готовит сражения, солдат бережет, раненых приказывает выносить с поля боя до единого, попавших в плен — выкупает...

А что груб, так кто в этом мире не груб? Разве что рыцари с Юга демонстрируют манеры и галантное поведение, но демонстрируют так явно, словно тычут в глаза, после такой галантности хочется высморкаться прямо в роскошный камзол Гогенштальда и вытереть пальцы о полы полукафтана герцога Валленштейна.

В глаза больно кольнул острый лучик: на левой руке Валленштейна перстень, то есть кольцо-печать с не то гербом, не то рисунком. Если на двух других пальцах герцога кольца блестят золотом высшей пробы, то это, напротив, стальное, только сама печать из драгоценного камня. Кольцо-печатка не просто рыцаря, а государственного деятеля, подписывающего бумаги и скрепляющего печатью, а на досуге вот решившего принять участие в турнире.

Я отвел взгляд, стараясь не показывать, что рассматриваю перстень Валленштейна слишком уж внимательно. Да, в турнирах участвуют и короли, но как-то глупо для человека с такой властью усердствовать на турнире... Считал бы я герцога умным, решил бы, что у него совсем другая цель...

Барбаросса, покрасневшийся и с налитым животом, ткнул в мою сторону толстым пальцем.

— Сэр Ричард... Да-да, сэр Ричард! Вы все отмалчиваетесь, словно задумали заговор, а ведь вы прибыли, как мы изволили услышать, из очень дальних королевств. Расскажите что-нибудь про ваш мир. Или у вас там одни простолюдины, а рыцарями становятся только у нас?

За столом угодливо заржали. Я подумал, сказал осторожно:

— Ваше Величество, простолюдины тоже умеют защищать свою землю. По крайней мере, свою деревню.

Он сказал насмешливо:

— Ну хоть один случай!

Я вспомнил случай из средневековой хроники о том, как самураи собирались стереть с лица земли восставшую деревню. В деревне предложили решить судьбу в поединке и выставить ниндзя против самурая. Самураи согласились в полной уверенности, что в открытом поединке самурай легко победит ниндзя. Договорились, что, если ниндзя сумеет убить самурая, вся деревня будет свободной.

Состоялся бой, но был он очень короткий: самурай легко и быстро зарубил ниндзя-простолюдина. Он наклонился за выпавшим из руки ниндзя мечом: там в рукояти блистал крупный рубин. Поднял, но его ужалила в ладонь выскочившая игла с ядом. Самурай умер, но перед смертью велел не трогать деревню, где ее житель пошел на верную смерть ради спасения односельчан.

Я рассказал, заменив самурая на рыцаря, в чем вообще-то не покривил душой: самураи и есть рыцари, а ниндзя — простолюдины, научившиеся партизанской тактике поневоле, так как простолюдинам запрещено было носить даже ножи, из-за чего и появились все эти джиу-джитсу, карате и дзюдо, а также бои на палках.

Все слушали в гробовом молчании, я даже встревожился: поняли ли хоть половину, однако когда закончил, половина рыцарей утирала слезы, а король с грохотом опустил кулак на стол.

— Простолюдин поступил благородно!.. И рыцарь поступил достойно, слово надо держать даже перед собакой!

Менестрель воскликнул:

— Сэр... как вас... сэр Ричард? С вашего позволения я напишу балладу. О, какая это будет баллада!

— Дарю авторские права, — сказал я. — Сам украл, не жалко. Благородство нужно воспевать, как изволил сказать Его Величество.

Глава 22

От обсуждения схваток на турнирах кто-то ловко перевел разговор на охоту. Все с жаром подхватили, пошли рассказы о сраженных троллях, гигантских драконах, великанах и чудовищах. Раскраснелись, старались перекричать друг друга и доказать, что его добытый зверь был крупнее и злее.

Никогда, подумал я, столько не лгут, как во время войны, после охоты и до выборов. Гогенштальд, видя, что я один помалкиваю среди безудержного хвастовства, поинтересовался с ехидцей:

— А вы что добываете в лесу, сэр Ричард?

— Грибы, — ответил я. — Еще орехи люблю. Когда малина созревает — малину...

Кто-то сказал издевательски:

— Он же паладин! Ему обеты не позволяют проливать кровь!

Загалдели, поддерживая его, насмешничая, но Даниэль вдруг сказал сильным голосом прирожденного вожака:

— А не вас ли, сэр, он сбросил с седла так, что вы кровью умыли половину поля?.. Или это вас?.. Ах да, вас он не сбрасывал. Простите за ошибку! Вас он сбросит в *mêlée*... А правда, что еще будет схватка на мечах, просветите торгового человека?

За столом разом умолкли, посерьезнели, будто протрезвели. Барбаросса после паузы начал громко рассказывать, как однажды в лесу отлучился по малой нужде и наткнулся на медведицу. Он сделал драматическую паузу, а я некстати заметил Даниэлю:

— Пошел пописать, заодно и покакал.

Даниэль не выдержал, заржал и даже затопал ногами. Барбаросса метнул на меня огненный взор, сказал с угрозой в голосе:

— Я был без оружия, без доспехов. Но я завалил ее голыми руками!

— Совершенно правильно, — заметил я елеинным голосом. — А как же иначе?

Он продолжал буравить меня злым взглядом.

— Вы хотите сказать, что это легко? И что вам самому приходилось заваливать медведиц голыми руками?

— Конечно, — буркнул я. — И не одну.

Ближайшие услышали, умолкли и повернули головы в нашу сторону.

— Как же? — поинтересовался Барбаросса грозно.

— Как обычно, — ответил я мирно, — пара комплиментов, сладкое вино, немного музыки...

Все смотрели непонимающе так долго, что я решил было, что не дошло, наконец один рыцарь метнул взгляд на могучую Алевтину, его лицо начало расплываться, у второго полезли на лоб брови, третий с такой мощью фыркнул в кубок, что красная волна накрыла половину стола, и наконец громовой хохот сотряс нашу часть стола.

Король побагровел, с силой ударил кулаком по столу.

— Завтра на турнире день отдыха от схваток! Воспользуемся случаем и потешимся на королевской охоте!.. Приглашаются все, сидящие за этим столом.

Сзади к королевскому уху наклонился мажордом, или сенешаль, я со своим обострившимся слухом услышал торопливый шепот:

— Ваше Величество, надо же сперва загонщиков послать, чтобы дичь согнали!

— Плевать, — отрезал король, — что за охота, когда беззащитных оленей сгоняют прямо под стрелы охотников, которые не могут задницы оторвать от пней? А то еще и стулья за ними будут носить? Что добудем, то и добудем. Зато увидим, кто есть кто.

Мажордом бросил умоляющий взгляд на Алевтину, но дочь короля Джона Большие Сапоги не только по названию королевская дочь, улыбнулась величественно и царственно наклонила голову, соглашаясь с супругом,

мол, после свадьбы самое лучшее, что можно придумать, — это молодому мужу отправиться на охоту.

Король обратил взгляд в мою сторону. В глазах вспыхнула ярость.

— Вас, заносчивый рыцарь, тоже приглашаю к участию в охоте!

Я наклонил голову.

— Ваше Величество, я уже понимаю, что от ваших приглашений не отказываются. Дело добровольное, как вступление в колхоз... Сочту, как здесь говорят, за честь.

Он не понял, где я уел, а ведь уел, чувствует, скрипнул зубами и закончил зловеще:

— И горе вам, если не добудете такую дичь... чтобы о ней заговорили!

Я снова наклонил голову, смолчал, сейчас лучше всего смолчать, тираны с доводами логики не больно считаются.

На запах добычи слетались рожденные ползать: первыми с утра у королевского двора появились те придворные, что быстро оттирают от любого короля боевых соратников и берут правителя в плотное кольцо, подсовывая дочерей и жен в фаворитки, любовницы, а то и просто в наложницы, кланчат земли, места, должности. Намного позже появились настоящие охотники, их легко угадать по неуловимому шарму, которым обладают эти люди, зато почти совсем не видно настоящих воинов, прошедших с Барбароссой последние войны.

Я с тревогой высматривал среди собравшихся на охоту рыцарей-южан. Пока ни герцог Готфрид Валленштейн, ни Блэкгарт или Гогенштальд, вообще ни один не промелькнул в этом пестром крикливом и шумном сборище все еще пьяных гостей короля. Странно, если бы упустили удобный случай разделаться со мной в лесу на охоте. Конечно, врожденное рыцарство не позволит пустить стрелу в спину, однако можно же проследить,

чтобы я оказался в одиночестве, а там навязать поединки, от которых моя честь не позволит отказаться...

Более того, даже брата короля, герцога Ланкастерского, я не увидел. А ведь тот, по слухам, раньше везде и всячески демонстрировал свое высокое положение и такие мероприятия не пропускал.

В лес вломились с таким шумом и гамом, что я сразу вспомнил все случаи про охотников, которые, расположившись на поляне попить, вспоминают, что забыли такую неважную мелочь, как ружья и патроны. За королем ташилась повозка, то и дело застревая в лесу, затем мешки с провизией и вином перегрузили на коней, повара повеселели, я слышал их голоса позади, но Барбаросса на великолепном быстром коне ломился в самую чащу, за ним последовали самые угодливые, а настоящие охотники уже начали разбредаться в цепь, все-таки цель любой охоты — набить побольше дичи, а не мельтешить на глазах у короля.

Чем дальше в лес, тем фиг вернешься, мелькнула мысль. Надеюсь, местные знают дорогу. Я со своим географическим идиотизмом могу и в городе заблудиться, а уж в лесу...

Зайчик ровно и мощно ломился через чащу, кусты распахивались перед ним, как высокая трава, а мелкие деревца, не успевавшие отпрыгнуть с дороги, получали на боках суровые царапины. В одном месте мелкий березняк попробовал загородить дорогу стеной, Зайчик раздраженно всхрипнул и попер, как бронетранспортер. Я вжался лицом в гриву, ломимся через неумолчный треск, на спину рушатся вершинки, а когда выбрались на сравнительно свободное место, спина спешно залечивала многочисленные кровоподтеки.

Барбаросса неся впереди, оглянулся, в глазах мелькнуло удивление.

— Ого! Что у вас за конь, сэр Ричард?

— Да и у вас лошадка в порядке, — ответил я дипломатично, — моя коняга не успевает...

— У меня лучший конь в трех королевствах! — крикнул он гордо. — Вон там мелькнула золоторогая лань...

Мой конь неся через чащу, оставляя коню Барбароссы свободные места, я крикнул:

— Ваше Величество!.. В моих краях такой ланью перекидываются ведьмы!

Он захохотал:

— А в моих — принцессы!

— Вы только что женились, — напомнил я. — Или вы сарацин?

Он всхрюкнул, нахмурился.

— Вечно вы не то напоминаете... Нет, Алевтина — чудо, будет прекрасной женой, но... черт, да что вы мне охоту портите!

В его глазах появилось злорадство, я не понял, по какому поводу, но услышал треск, повернул голову и едва успел пригнуться от падающего дерева. Зайчик на скаку сломал еще два ствола, как сухие тростинки, через пару мгновений мы догнали Барбароссу. Он оглянулся с удивлением и злостью.

— Что у вас за конь, сэр Ричард?

Я не успел ответить, за деревьями мелькнуло оранжевое. Барбаросса заорал и пришпорил коня. Между деревьями мчалась, смешно вскидывая зад, тонконогая лань с удивительно желтой, как расплавленное золото, шкурой. Рога в самом деле блестят настоящим золотом, от них сияние, будто внутри жидкий огонь.

Барбаросса оглянулся, лицо свирепое, рыкнул:

— Она моя!.. Ждите здесь!.. Если не поймаю, то пригоню на вас!

Я придержал Зайчика. Барбаросса, настегивая коня, перевел его из галопа в карьер, что дико и смертельно опасно в таком лесу, где каждая низко опущенная ветка может снести голову. Некоторое время слышался уда-

ляющийся топот, затем все стихло. Я не двигался, прислушиваясь.

Ничего не происходит, я начал оглядываться. Рядом по толстому серому стволу, покрытому зеленым мхом с одной стороны... там север, вот какой я умный!.. ползет знакомый с детства жук-олень, по-нашему, просто рогач. Если сунуть палец между рогов, сожмет достаточно чувствительно. Мы в детстве часто пугали ими девочек, те визжали отчаянно...

Мелькнуло желание и сейчас сунуть палец, я уже приподнял руку, но заколебался, спинного хребта коснулось странное чувство. Не то чтобы опасности, все-таки жук, не крокодил, но все-таки словно мой седалищный нерв предупреждает меня полным безнадёжности голосом, заранее зная, что разве кто из нас слушает свою задницу, как не потом, опосля?

А вот и послушаюсь, сказал я себе, никто за мной не наблюдает, никто не посмеется над моей осторожностью, что в этом мире трактуется только как трусость.

Некоторое время я наблюдал за жуком, тот двигается неторопливо и сосредоточенно, как сверхтяжелый танк, всякий насекомый уступит дорогу. Вскоре дорогу преградила широкая расщелина, по краям застывшие наплывы, жук потоптался на краю, щеточки приподнялись, улавливая воздух.

Я ожидал, что сейчас на металлической спине появится трещина, приподнимутся оба надкрылья, похожие на капот автомобиля, а оттуда вырызнет тончайший шелк крыльев, развернется, завибрирует в воздухе, и жук тяжело поднимется в воздух... Жук переступил с ноги на ногу, приподнялся, я застыл, стараясь не пропустить момент взлета, это всегда красиво, как вдруг жук... исчез.

На том месте, где он только что находился, все так же матово блестит, словно отполированная умелыми руками, продолговатая выпуклость, я опустил взгляд под ноги Зайчику, хотя прекрасно знаю, заметил бы падение такого

крупного жука. На тропе пусто. Ни травы, ни листьев, чтобы спрятаться, ровная, утоптанная зверьем земля. Падение даже самой мелкой тли рассмотрел бы!

Телепортация, мелькнуло ошалелое, или что-то еще неизвестное? Ну и влип я...

Краснота на суставе большого пальца точно спадает, однако сама шишка все еще такая же безобразная, словно я рахит в этом месте. И даже мутант. И еще не могу сообщить, чем же это меня наделили. На всякий случай снял лук и пустил для пробы стрелу в дерево за полсотни шагов. Щелчок, удар тетивы по пальцам, стрела исчезла и появилась в стволе, трепеща оперением. Все как и раньше, хотя подсознательно надеялся на жуткий треск, с которым стрела разнесет дерево в щепки.

Слез с Зайчика, попрыгал, почти всерьез опасался подпрыгнуть чересчур высоко, но прыгаю как хомяк с зернами за щеками. Ухватился за дерево, попробовал хотя бы качнуть, не говоря уже о том, чтобы вырвать с корнем, как делают горные великаны, но лучше сразу хвататься за гору: результат тот же, зато попытка...

Я стыдливо оглянулся по сторонам, сейчас даже Пса устыдил бы, как Антон Павлович, вот что значит оторваться от коллектива.

— Ну не мог я не попробовать, — объяснил я сам себе шепотом. — Человек — тварь любопытная. Потому и взрываем всякие атомные, кобальтовые и прочие бомбы. Наверное, бракованный чип попался.

Донесся стук копыт множества коней. Между деревьями показались скачущие всадники, впереди, к моему удивлению, несется Даниэль. Лицо покраснелось, мясистые щеки подпрыгивают, прокричал еще издали:

— Где король?

— Унесся за ланью с золотой шкурой, — ответил я хмуро. — Не нравятся мне такие лани...

Он выругался, сказал зло:

— Что-то неладное, сэр Ричард!.. Я уговаривал его

взять телохранителей, но этот дурак отказался наотрез. Ларфорд, Вэйс и ты, Генри! Скачите по этим следам. Сейчас подчиняетесь не королю, а мне. Если надо, я заберу вас к себе на службу, но короля вы должны охранять даже вопреки его воле!

Трое рослых воинов в полных доспехах послушно повернули коней и унеслись по следам королевского коня. Даниэль повернулся к остальным.

— Вы пятеро растянитесь в цепь, но так, чтобы видели друг друга, и прочесывайте лес вон в том направлении!..

Воины послушно умчались, Даниэль вытер пот со лба, лицо встревоженное, глаза обшаривают лес.

— Герцог Ланкастерский? — спросил я.

— Грешу на него, — ответил он раздраженно. — Черт!.. Я же приехал по торговым делам, какого черта влезаю... Но Барбаросса теряет чутье, он же король, а у меня, наоборот, только обостряется... Утром я умолял этого дурака взять с собой всю сотню телохранителей, а он мало того что отказался, еще и сам поехал в легком платье, даже кольчугу не надел...

— Жалеете старого друга?

Он двинул плечами.

— И жалость, и даже расчет... Барбаросса — тяжелый человек, но хороший король, а вот герцог Ланкастерский — мерзавец. Он развалит все, что создал король.

— А что он создал?

— Богатое королевство. Только при нем мы можем свободно перевозить товары по всей стране. И даже возим в другие земли. А если какой барон вздумает грабить, Барбаросса такого вешает прямо на площади, как подлого вора, невзирая на благородное звание, по которому дворянина можно казнить только мечом, отрубая голову... Сэр Ричард, я поеду поищу старого дурака, не могу стоять на месте, а вы побудьте здесь, вдруг да король сумеет выгнать эту чертову лань на вас...

— Так он здесь меня для этого и оставил. Стою, как дурак, жуков разглядываю.

Он пришпорил коня, я проводил его взглядом, а когда стук копыт затих, вновь стал рассматривать гигантский ствол ближайшего дерева, где наросты, наплывы, старые и новые трещины. Старые щели уже заросли грязью и паутиной, в новых трещинах насекомые устроили кафе, поглощая сладкий — наверное, сладкий — сок.

Сверху пробежал муравей размером с мышь, я не поверил глазам. Муравей такого размера — абсурд куда больший, чем огнедышащие драконы, эльфы с закругленными ушами или добрые гномы. Насекомые дышат через трахеи, а дураку понятно, что без легких, даже самых примитивных, невозможно вырасти до таких размеров. Это нас, легочников, регламентирует только гравитация, но и ее самые хитрые обошли, уйдя в море и назвавшись китами.

В груди внезапно кольнуло. Тревога появилась беспричинно, начала разрастаться. Непроизвольно я тронул коня, шепнул неустойчивым голосом:

— Что-то с ним здесь неладно... Зайчик, давай по следам его коня!

Часть II

Глава 1

Деревья мелькали, как спицы в колесе. К счастью, ломиться не пришлось, конь Барбароссы, судя по следам, несся за ланью, а та выбирала открытые места. Я все же пригибался к конской шее, гриву треплет по лицу, сухой стук копыт, иногда в сторонке мелькают горбатые спины диких свиней, но глубокие отпечатки копыт ведут дальше, дальше...

Мы выметнулись на лесной пригорок, далеко за редкими деревьями я увидел всадников, там блистают оголенные мечи, донеслось дикое ржание, озлобленные крики.

— Зайчик, — велел я дрогнувшим голосом, — вперед... но в драку не лезь!

Я успел удержать его в двадцати шагах, иначе бы врезались в жаркую схватку. Человек десять наседали на Барбароссу, тот рубится, будто у него десять рук. Вокруг вскрикивают, отшатываются с кровавыми ранами, вон взлетела в воздух отрубленная кисть руки с зажатым коротким мечом. Плечи короля окрасились кровью, по щеке стекает темная струйка, рука вдруг повисла, он тут же перехватил меч в левую и продолжал отмахиваться яростно и умело.

Пальцы инстинктивно ухватили молот, но я оставил его на месте и быстро достал лук. К королю со спины подкрался на крупном коне всадник в стальной кирасе, замахнулся мечом. Ко-

роль отчаянно рубился сразу с тремя противниками, а тот вскинул меч для разящего удара. Я поспешно отпустил тетиву, стрела блеснула белым оперением, я не смог проследить за ней взглядом, только сумел возжаждать, чтобы поразила эту перекошенную морду.

Барбаросса не успел отшатнуться, стрела пронеслось над плечом, едва не оборвав ухо. Сзади раздался хрип, всадник откинулся на круп, ухватившись обеими руками за торчащий из глаза блестящий кончик.

— Держись! — прокричал я. — Я здесь!

Однако еще двое разом обрушили на короля страшные удары мечей. Он запрокинул окровавленную голову, меч выпал из ослабевших пальцев. Я выпустил еще три стрелы, дальше мой черный конь ворвался на поляну, я двумя страшными ударами расчистил дорогу, падавшие от неожиданности попятились, король поник головой на конскую гриву, кровь стекает по седым волосам, спина страшно разрублена, сбоку в глубокой ране показались разрубленные ребра. Зайчик сбивал с ног и опрокидывал коней вместе со всадниками, а я ухватил короля поперек туловища и рывком дернул из седла.

Весит не меньше закованного в железо носорога, в глазах потемнело от натуги, я направил Зайчика в просвет, гаркнул:

— Карьер!..

Ветер засвистел в ушах, мелькающие деревья слились в серую полосу, затем распахнулся простор, некоторое время мы ломились через открытое пространство. Впереди показалась темная чаща леса, деревья огромные и грозные, тот самый Зачарованный лес, о котором столько рассказов. Зайчик сам увидел щель между деревьями и влетел рысью.

Еще через четверть часа я заметил неплохую поляну. Зайчик послушно остановился, я стащил короля и устроил его под сенью раскидистого дуба среди россыпи отборных желудей, ешь вволю.

Кровь на королевской голове уже засохла, веки затрепетали и поднялись. Глаза Барбароссы налиты кровью, он дышал тяжело, с хрипами, но во взгляде проступила беспощадная ясность.

— Не знаю, — сказал он неприятным голосом, — благодарить ли вас, сэр... Я уже чувствовал себя павшим от руки убийц, а это обещает хорошее место в раю. Вы же вырвали меня из их власти, действуя очень непочтительно...

— Прощу прощения, Ваше Величество, — произнес я без всякого раскаяния.

Он смотрел на меня все так же пристально.

— И еще... Те раны, что я получил, были... если не смертельными, то очень тяжелыми. Очень. Но я сейчас, хоть и очень слаб, могу действовать обеими руками.

— Что руки, — ответил я независимо, — а как насчет головы?

Он спросил тем же неприятным голосом:

— Что вы имеете в виду?

— То, — ответил я нагло, — что вы и подумали. Можете ли рассуждать, как король, или тот удар по голове выбил у вас остатки... ладно, смолчу.

Он осторожно потрогал голову в том месте, где волосы слиплись и торчат, как гребень рассерженной рыбы-ежа. В глазах проступило тщательно скрываемое удивление. Так же осторожно пощупал шею, там сейчас багровый шрам под коркой крови, медленно подвигал плечами, глубоко вздохнул. Я видел по его лицу, что заранее изготoвился к резкой боли в области разрубленных ребер, затем брови поднялись в изумлении, а глаза округлились.

Сделал пару осторожных вдохов, поглубже, он спросил с подозрением:

— Сэр Ричард, это ведь ваше искусство?

— Да, — ответил я коротко. — Но не пытайтесь вы-

давить из себя благодарность, лопнете. Королям это не свойственно.

Он покачал головой.

— А я и не давлю, еще неизвестно, откуда у вас такой дар. Если от дьявола...

— Не смешите, — прервал я. — Половина ваших придворных служит ему верой и правдой. Я — паладин, а паладинам, известно даже пастухам, дарована Господом возможность исцеления соратников. Вы не соратник, конечно, но я, как видите... Честно говоря, сам не знаю, надо ли было...

Он пропустил мимо ушей колючку, смотрел неотрывно. Я видел по пристальному взгляду, как этот довольно мощный мозг, что сделал его королем, работает со всей интенсивностью, спешит разобраться, сделать выводы, наметить линию поведения.

— Ладно, — сказал он другим голосом, — с этим пока отложим. Пока понятно, что герцог Ланкастерский решил нанести удар. Здесь я сплеховал, признаю... Но почему же вы, сэр Ричард, вздумали вдруг встать на мою сторону?.. Да еще в такой безнадежный момент?

Я пожал плечами.

— Вам отвечать как королю?

— Нет уж, — сказал он хмуро, — от правды мой хребет не переломится.

— Как знаете, — ответил я. — А то могу так, чтобы вам было приятно. Как вам всегда говорил герцог Ланкастерский...

Он скривился.

— Не напоминайте про мерзавца.

— Да, — согласился я. — Сунем головы в песок...

Он вскинул брови.

— И что за странный обычай?

— Да это в наших краях такая птица водится, — объяснил я. — Огромная, сильная, но трусливая. При ма-

лейшей опасности прячет голову в песок. Мол, если она никого не видит, то и ее...

Он взглянул остро.

— Из далеких вы краев, сэр Ричард. Я о такой птице не слышал. Так почему, не увиливайте! А то умело так это скользнули в сторону, как намыленный сом...

— Мне показалось, — ответил я ровным голосом, — что герцог еще большая сволочь, чем вы, Ваше Величество. Да и ваш друг Даниэль, настоящий друг, отзывается о вас как о достойном правителе.

Он всхрюкнул, вдруг задумался.

— Да, невелик выбор, — признался он после долгой паузы. — Правда, можно было на коня и... удалиться, если нет желания оказаться на стороне такого победителя. Я начинаю подозревать, что вы больше рыцарь, чем стараетесь показать.

— Сильно на это не рассчитывайте, — предупредил я.

— Я король, — напомнил он хмуро, — потому привык подозревать всех, а рассчитывать только на себя. Остальных же покупал землями, замками, добычей, славой. Герцога тоже подозревал и, как уже знаете, велел удалиться в графство Итрурия, но не рассчитал, что для упреждающего удара он соберется так быстро.

— Думаю, — сказал я, — он уже провозгласил себя королем. Или завтра провозгласит.

— Это так быстро не делается! — вскипел он.

— Коронация? А с этой фигней можно и подождать. Главное, сила у него. Ваши сторонники либо трясутся в норах, как мыши, либо разбегаются. За время вашего отсутствия герцог слишком многих перевербовал, Ваше Величество... Да вы это и сами знаете.

Он затравленно промолчал, ладони массировали руки, безостановочно ошупывали грудь, живот, ноги. Я перехватил голодный взгляд на седельный мешок.

— Сейчас поедим, — сказал я.

Я порылся в мешке, вытащил небольшую головку сыра, подал королю. Он жадно вгрызся в нее, как гигантский грызун, кости которых я видел в палеонтологическом музее, сожрал едва ли не в мгновение ока.

— А мяса у вас не водится, сэр Ричард?

— Я паладин, — напомнил я. — Рыцарь-монах. Нам надлежит довольствоваться постной пищей... если есть возможность довольствоваться только ею. Но ради вас, Ваше Величество, я убью какое-нибудь бедное, ни в чем не повинное животное.

Он буркнул:

— Неужто пойдете на такую жертву?

— Пойду, — ответил я сокрушенно. — Хотя душа моя уже прямо щас полна сомнений и колебаний.

— Зря будете стараться, — бросил он язвительно, — в этом лесу только нечисть да нежить.

— Человек не свинья, — сообщил я, — ест все! Если, конечно, без религиозных запретов. А вы, Ваше Величество, тоже человек, хоть и помазанник... Или вас не мазали? Если нечисть хорошо прожарить, чтобы освободить от нечистоты, посолить, поперчить, посыпать горькими травами...

Он замахал руками:

— Ладно, согласен! Добудьте, пока я не захлебнулся слюной!

— Согласны и на нечисть? — уточнил я.

Он сказал раздраженно:

— Могли бы и не повторять! Если хорошо прожарить, то уже и вроде бы не совсем нечисть? К тому же Господь разрешает нам в походах всякие послабления по части исполнения ритуалов. А когда вернусь, то исповедаюсь, а то и часовенку построю.

— Часовенку, — передразнил я. — Дешево же... Впрочем, возможно, больше и не стоит... Ах да, кстати, я ж феодал, что это я все сам да сам? Ваше Величество, погодьте минутку...

Я свистнул, выждал, свистнул снова. Зайчик настоя-
рожил уши, посмотрел на меня вопрошающе.

— Что-то я по нашей милой собачке соскучился, —
объяснил я. — А ты?

Зайчик ржанул и помахал хвостом, как обрадован-
ный пес при виде горячо любимого хозяина.

— Вот-вот, — подтвердил я. — Он самый.

Барбаросса поднялся, походил взад-вперед под де-
ревом, перешагнул ручеек, взмахнул руками и, судя по
его недоверчивому лицу, с подозрением прислушивался
к ощущениям, вдруг да дурачу, а кости срослись вкривь
и вкось, останется только идти звонить в соборе Па-
рижской богоматери...

Слушая мою беседу с конем, поморщился.

— На кой черт вам собачка?.. О другом думать надо!

— Правильно, о душе, — согласился я. — Душа —
это Бог, нашедший приют в теле человека, тут вы абсо-
лютно правы, Ваше Величество. Будучи нигде, она су-
ществует в том, что нигде, и таким образом — она везде.
И вообще, земной человек — это слабая душа, обремен-
енная трупом...

Он слушал с растущим подозрением, глаза засверка-
ли яростью, но сдержался и сказал кратко:

— Душа в пятках вряд ли соберется в кулак. Сейчас
надо собрать всех оставшихся верными престолу...

Кусты затрещали, на поляну выметнулся Пес. Одо-
лев расстояние в десяток шагов в один прыжок, он при-
землился передними лапами мне на грудь. Я заранее
уперся спиной в дуб, зажмурился, чувствуя быстрый го-
рячий язык на лице. К счастью, у собак языки шелко-
вые, это кошка таких размеров уже содрала бы кожу до
костей, отбивался, уверял, что я его тоже люблю.

Открыв глаза, увидел, как Барбаросса снял ладонь с
рукояти ножа на поясе, но напряжение не оставляет
крупное лицо короля, а вся фигура напоминает льва,
изготовившегося к прыжку.

— Это... — проговорил он наконец, — и есть ваша...

— Собачка, — подсказал я. — Правда, милая?

Он смотрел опасливо, Пес и ему небрежно махнул пару раз хвостом. Король перевел дыхание.

— Если это собачка, то что такое конь с клыками?

— Он ласковый, — сообщил я. — Умеет сидеть, лежать, давать лапу, говорить «Гав!», душить, рвать...

— Догадываюсь, — ответил король хмуро. — Не опасаетесь, что он как-нибудь спросонья примет вас за кролика?

Вместо ответа я поцеловал Пса во влажный нос.

— Бобик, беги и добудь нам что-нить на обед. Желательно молодое и сочное!

Король зябко передернул плечами, когда я шлепнул это черное чудище по толстому заду. Пес взбрыкнул весело, кусты с темными листьями сомкнулись за ним бесшумно, словно вбежал в нечто призрачное.

Насчет нежити, подумал я, что-то король плетет не то. Даже такой хреновейший следопыт, как я, и то вижу множество отпечатков кабаньих копыт, вон тут через кусты проломилось целое стадо, а вот прямо здесь следы оленей... или крупных коз. Во всяком случае, я скорее ожидаю увидеть коз, чем фавнов или сатиров, что тоже козлоногие. Впрочем, в старину и дьявола рисовали на козьих ногах и с козьими рогами...

Король наблюдал за мной налитыми кровью глазами.

— И что же? — спросил он саркастически. — Ваша собачка способна не только выслеживать дичь, но и приносить?

— Да, — подтвердил я. — Хотите купить?

Он передернул плечами.

— Нет!

— А коня хотели...

— То коня. У коня душа простолюдина, даже у само-

го благородного, а у собак, даже у бродячих, души истинно золотые. Если собака преданна, то верно и беззаветно. Она не предаст и не оставит хозяина, даже если тот впадет в нищету или заболееет...

Голос его помрачнел, плечи опустились. Я смотрел вслед Псу, а когда оглянулся — король сидит на пне. Широко расставив ноги, подбородок опустил на кулаки, хоть сейчас ваяй мыслителя.

— Ваше Величество, — сказал я настойчиво, — поражение никогда не бывает полным. Окончательна только победа.

Он вздрогнул, посмотрел на меня непонимающими глазами.

— Что?.. А, вы, сэр, сдуру осмелились подумать, что я погружаюсь в пучину отчаяния? Разочарую вас. Я прикидываю, кто сейчас остался мне верен и с кого нужно начинать сбор.

— Рад, — ответил я, — что не распускаете сопли. Как паладин, знаю: если душа жаждет чуда — его можно сотворить собственными руками. А вы даже мне вовсе не кажетесь слюнтяем.

— Ого, — сказал Барбаросса, — вы даже снизошли, чтобы милостиво похлопать своего сюзерена по плечу?

— Вы не мой сюзерен, — напомнил я.

— Ах да, просто я привык... вы знаете, что такое честность, сэр Ричард?

Вопрос был оскорбительным, Барбаросса на это и рассчитывал, потому я ответил нарочито с предельным смирением:

— Честность, — это когда хочешь сказать одно, а говоришь правду.

Он задумался, подвигал бровями.

— Гм... Откуда вы прибыли, сэр Ричард?

— Издалека, — сообщил я. — Из такого мира, где самые подлые из людей, чтобы хоть как-то оправдать свою подлость, всюду рассказывают, что все люди сво-

лочи и что даже знаменитые Крестовые походы на самом деле были всего лишь грабительскими походами, а сами крестоносцы только и делали, что грабили, убивали беззащитных и насиловали женщин.

Барбаросса побагровел так, что я испугался, как бы его не хватил удар.

— Наглая ложь...

— Знаю-знаю, — поспешил сказать я. — Но в каждом человеке живет червячок подлости. Его можно либо удавить, либо раскармливать. Подлых людей много, они охотно слушают эту клевету и тиражируют ее всюду. Таким образом, когда подлыми оказываются все, то и они вроде бы не такое уж дерьмо... Вы же знаете, что и ваш герцог Ланкастерский рассказывал за вашей спиной, что вы только грабите да насилуете...

— Подлец, — прорычал король.

— Подлец, — педантично подтвердил я, — это человек, которому позволено больше других, на том основании, что он хуже других. Не сумели вовремя накинуть намордник, пожалели двоюродного брата, вот он вас и пожалел в ответ...

— Намордник?

— Это такая уздечка для собак, — объяснил я, — чтобы не дать им кусаться. Вы, как король, знаете, что вообще все государство — это намордник для усмирения плотоядного животного, называющегося человеком, для придания ему отчасти травоядного характера. Травоядные, как известно, звери более миролюбивые...

Кусты затрещали, на поляну выметнулся Пес, в пасты, как показалось на миг, огромный золотой слиток, просто громадный. В следующее мгновение я рассмотрел грациозную лань с блестящей золотой шкурой. Пес подбежал и опустил добычу у моих ног. Я погладил по лобастой голове, за моей спиной раздалось потрясенное:

— Золотая лань!.. Та самая...

Лань в агонии дернула пару раз длинными стройными ногами. Ее тонкая шея сломана, горло разорвано, алая кровь щедро запятнала шкуру. Громадные глаза, почти человеческие, приоткрылись, взгляд тускнеет, глаза затягиваются смертельной пленкой. Король ахнул, лань еще раз дернулась, затем ее золотое сияющее тело начало быстро менять форму. Через полминуты на месте лани — прекрасная молодая девушка с чистой золотой кожей, длинные золотые волосы достигают пояса, все тело светится чистотой и невинностью.

— Она еще жива! — вскрикнул король. — Сэр Ричард!..

— Слушаю, Ваше Величество.

— Вы же паладин! Разве не попытаетесь ее спасти?

Я всмотрелся в женщину, ее веки трепетали, но я отчетливо видел оранжевую радужку и вертикальный зрачок.

— Это она вас заманивала? — спросил я. Король не ответил, я поинтересовался: — А это точно человек?.. Я слышал, что здесь водятся такие хамелеоны, которые могут прикидываться чем и кем угодно. Даже человеком. А когда это существо увидело нас, оно сразу поняло по нашим мордам, что нам нужно именно женщину: молодую, блондинку, с длинными волосами, беспомощную и обнаженную... Бр-р-р! Вы можете к ней притронуться, только дайте я отойду на другой конец поляны... Вот теперь притрагивайтесь. Может быть, если она будет жрать вас не слишком быстро, мне удастся вас спасти... Пусть без рук и ног, но ведь для короля важна только голова?

Он вздрогнул, отступил.

— Но вы уверены, что она... не человек?

— У нее зрачок, — сказал я, — как у змеи. Вы не заметили?

Он огрызнулся в раздражении:

— Я что, змеям в глаза заглядывал?

Я глазами указал Бобику на чашу, он понял, исчез, а буквально через пять минут принес большого матерого оленя. Король принялся разделявать добычу, но на расprostертую женщину постоянно поглядывал.

Я сказал с профессиональным достоинством хирурга:

— Это... уже померло. Если ничем странным не страдаете, то не отвлекайтесь, не отвлекайтесь! А то палец порежете.

Глава 2

Мясо на рогульках поджарилось неплохо. Все-таки есть польза от королевских походов, вон как наловчился готовить в полевых условиях. Мы поглощали мясо втроем, Пес тоже с великим удовольствием жрякал жареное мясо. Король сам бросал ему огромные куски, мотивируя тем, что это же он добыл оленя, на меня по-сма-тривал сердито и с предостережением, мол, только попробуй сказать, что боится этого зверя и подлащивается.

Наконец я поднялся, вздохнул.

— Веселая штука — война. Все время марши играют. Но нам придется действовать без всякой музыки. Ваше Величество, я вернусь в Каталаун, посмотрю, что там и как. Если остались ваши сторонники, постараюсь сообщить, что вы снова готовы опереться на их хрупкие плечи... А вам придется побыть здесь. Я оставлю с вами Бобика.

Он смотрел исподлобья, невольно отодвинулся, когда Пес полез к нему лизаться.

— Откуда я знаю, что не выдадите моих сторонников герцогу?.. Это мог быть прекрасный трюк, чтобы втереться ко мне в доверие.

Я двинул плечами.

— Как хотите, Ваше Величество. Только, на мой взгляд, сие крайность. Или, как говорят в народе насчет

пуганой вороны, что дует и на воду. Мне от вас ничего не надо, как и от герцога. У меня свои заморочки, там не сможете помочь ни вы, ни герцог. Так что не ищу ни вашего тепла, ни герцогского... Но в лесу мне сидеть в лом, у меня свои дела, паладины.

Зайчик прибежал на свист, Пес радостно прыгал вокруг. Я вскочил в седло, взял поводья. Король все это время наблюдал за мной, наконец нехорошая усмешка пробежала по его лицу.

— Вы здорово раздражаете меня, сэра Ричард, — сообщил он. — И очень не нравитесь!.. Но, пожалуй, здесь важнее то, что и не стараетесь нравиться. Да, это сейчас важнее. Ладно, отсюда ближе всего замок Хартог, там живет доблестный сэра Франки Кардини. Мы с ним не всегда ладили, он чем-то похож на вас, не любит кланяться, однако человек честный, стойкий, блюдет традиции, так что герцог его вряд ли переманит. Дальше владения Гаутера, Френсиса, это могущественные графы, у них тоже крупные дружины. Чуть левее Крискома земли Ровмана, по его зову может прийти в первую же неделю сотня рыцарей, а через две недели — вся тысяча.

Он умолк, я кивнул.

— Да, это уже что-то.

Король фыркнул.

— Что-то? Тысяча рыцарей, не простых воинов!.. Не у всякого короля бывает такое войско. А простых копейщиков и лучников у него вообще не счесть!

— Значит, ближе всех Кардини? — переспросил я. — А он сколько может выставить?

— У него в замке семьдесят рыцарей, — сообщил король, — да около двухсот латников охраняют подходы к замку. Все эти люди могут выступить немедленно, в то время как его вассалы получают весть и начнут седлать коней... Так что сперва в Хартог. Думаю, вы достигнете его достаточно быстро. Что за конь у вас, сэра Ричард? Сколько за него хотите?

— На этого коня могут садиться только паладины, — сообщил я кротко. — Всякий иной, кто дерзнет на него сесть, будет поражен Божьим гневом, у него отсохнут руки, вылезут глаза, тело покроется гнойными язвами, живот вздуется и лопнет...

— Хватит-хватит, — сказал король торопливо. — Вы меня убедили.

— Словом, — пояснил я, — воруга не доживет до захода солнца. Вы заметили, что я все время вас придерживал на коне? Если бы отнял ладонь хоть на миг...

Король побледнел, зябко передернул плечами.

— Ладно, я с нетерпением буду ждать вестей от доблестного Кардини.

Я обернулся, велел строго:

— Бобик! Охраняй этого человека. Приноси ему что-нибудь на пропитание. Я вернусь скоро!

Лес закончился резко, словно из сумрака и сырости распахнули занавес в радостный и солнечный мир. На плечи обрушился зной, темно-зеленая, почти черная, трава стала изумрудной. Я выпрямился и расставил руки, чувствуя, как выпаривается лесная сырь, уходят запахи гниющих деревьев.

По ту сторону ровного зеленого пространства темнеет на фоне синего неба замок с высокими башнями. Зайчик мчится, как низколетающий стриж над поверхностью пруда. Я с каждой минутой понимал, почему для этого замка не пришлось насыпать холм: огромный настолько, что не замок, а целый город, обнесенный великанской стеной, где четырехугольные башни не только по углам, но и через равные промежутки вдоль стен.

Дороги все укрупнялись, вскоре *voies* начали сливаться в *chemins*, одна повела прямо к замку. Мимо мелькали телеги, повозки, а когда на стенах я различил крохотные фигурки часовых, решил, что приближаюсь чересчур быстро, перевел Зайчика из карьера в простой

галоп. По тракту тянутся тяжело груженные телеги, по обочине гонят огромное стадо скота, исполинский замок должен ежедневно поглощать много мяса, с телег на меня смотрят с любопытством простолюдинов: крупный черный конь с таким же крупным всадником.

Я улыбнулся как можно дружелюбнее, промчался вперед к распахнутым вратам. Завидев всадника, часовые вышли навстречу, загородив дорогу. Я вскинул руку.

— Срочное сообщение графу Кардини!..

Из караульного помещения вышел воин в добротных доспехах, лицо матерого воина, глаза испытующе пробежали по мне.

— Какое?

— Могу сказать только графу, — ответил я настойчиво. — Вы что же, боитесь впустить одного человека?

Он ответил очень спокойно:

— Иногда один стоит целого отряда. Я Отто Крисп, капитан стражи замка.

Он держался очень спокойно, говорил медленно, но у меня создалось впечатление, что ждет какого-то сигнала. И тут словно холодной изморозью сыпнуло по коже, странное ощущение прошло по всему телу, тут же исчезло. Капитан стрельнул глазами в сторону караулки, в окошке мелькнуло и пропало чье-то очень бледное лицо, а капитан повторил так же медленно:

— Да-да, иногда и один стоит.

Часовые тоже смотрели на моего огромного коня очень уважительно, да и на меня тоже, но я видел по лицу капитана, что он имеет в виду нечто другое. После долгой паузы, когда снова пришлось по коже едва слышной холодной метелочкой, он вздохнул и сказал:

— Я правая рука графа Кардини. Так что мне самому придется отвести вас к его милости.

— Польщен, — ответил я.

Чтобы не беспокоить часовых, я покинул седло и пошел с ним. Капитан оглянулся.

— Этот конь приучен ходить за вами?

— Он не только это умеет, — ответил я гордо.

Он вздохнул.

— У меня прекрасный конь, быстрый и сильный, но руки оборвал таскать в поводу. Всегда норовит улизнуть. Упрямый как черт!

Двор огромен, вымощен хорошо подогнанными каменными плитами. Народ упитанный, женщины с округлыми бедрами, одеты в чистое, а это, судя по корзинам с бельем в руках, простые прачки. Неплохо живет граф, если челядь не выглядит зачуханной.

Судя по беглому взгляду, граф не очень ревностно чистит свои владения от еретиков и прочей нечисти. Несколько приличных с виду женщин в платьях с очень короткими подолами торгуются во дворе с зеленщиком, там же другие в платьях до земли. Часовня выстроена добротная, красивая, с барельефами на стенах, граф не пожалел денег на отделку. Однако же что-то в отделке чудится легкомысленное, словно бы строил и украшал вольнодумец. Даже не еретик, а вообще какой-нибудь молодой Достоевский, который Бога в упор не видит.

Меня провели через два зала, заполненные придворными. Капитан ушел с докладом, а я ждал у двери под надзором двух очень бдительных гвардейцев и неприметного капеллана, даже слишком неприметного. Я сосредоточился и попытался посмотреть внимательно, но вместо четкой картинки увидел вообще туманное пятно.

По нервам в который раз пробежал предостерегающий холодок. Я с трудом дождался капитана, вместе прошли еще один зал, хозяин замка принял нас в небольшой, прекрасно обставленной комнате. Я бы ее назвал кабинетом, а сам хозяин, величественный и убежденный сединой, по-настоящему убежденный: волосы

до плеч, борода лопатой до середины груди, выглядит тем самым рыцарем, что, уцелев в битвах, вдруг с возрастом поумнел и теперь проводит время среди книг.

— Что у вас за срочное сообщение?

— Герцог Ланкастерский поднял мятеж, — сообщил я. — Короля заманили на охоте, а там попытались убить. Израненный король чудом избег... избегнул... избежал гибели. Он призывает верных ему покончить с мятежником...

Граф смотрел усталыми мудрыми глазами.

— Вот так прям и покончить?

— Ну, — сказал я, — попытаться. Ведь это долг вассала, не так ли?

Он подумал, подвигал бровями.

— Герцог не сумел убить? — спросил он наконец. — Зная герцога, это удивительно... Раньше плел сети безукоризненно. Если король уцелел, это первый промах герцога. Если король действительно уцелел.

Я кивнул.

— Да, сам Господь Бог спас короля.

— Он ранен?

— Да, — вынужденно согласился я. — Он получил много ран... но все легкие. Очень легкие. Можно сказать, царапины.

Граф смотрел неотрывно, что-то во взгляде настораживало, в то же время я чувствовал к нему симпатию. Наконец он опустил взор, побарабанил кончиками пальцев по столешнице.

— Где сейчас король?

— В надежном месте, — ответил я осторожно. Добавил: — Под надежной охраной. Однако ее недостаточно, чтобы вернуться с нею в Каталаун, если герцог уже захватил власть.

Он молчал, раздумывал, затем кивнул застывшему у двери капитану.

— Проводите доблестного рыцаря в покои для гос-

тей. А я пока обдумую ситуацию, посоветуюсь с капелланом. Несколько человек надо послать в город, разузнать, что там сейчас творится. Каковы планы герцога...

Я поднялся, уже от двери спросил:

— А как насчет помощи королю?

Он отмахнулся.

— Я не могу двинуть своих людей на Каталаун, не зная, сколько человек у герцога. У меня больше войск, чем у Гаутера, Френсиса или Ровмана по отдельности, но если они окажутся на стороне герцога...

— Простите, — ответил я.

Дверь разделила нас, капитан с учтивым поклоном указал, куда двигаться. Вместо придворных все чаще стали попадаться вооруженные люди, а гостевые покои мне отвели, оказывается, чуть ли не на самом верху отдельно стоящей башни, где часовые бродят и по верхней площадке, и у подножия.

Гостевые покои, а проще говоря, просторная комната с широким ложем, столом и двумя лавками, обставлена богато: гобелены, канделябры, светильники на стенах, только окно узковато, да и оно надежно зарешечено металлическими прутьями в палец толщиной.

На всякий случай я подергал, прутья вмурованы в щели между глыбами так, как будто растут оттуда, ни снаружи не влезть, ни отсюда не улизнуть. В простенке между окнами большая картина в тяжелой позолоченной раме: два рыцаря в доспехах странного покроя, напоминающих костюмы для выхода в космос, сражаются с искаженными яростью лицами. Я всмотрелся, дрожь пробежала по спине и ушла в пятки, захватив с собой душу: рыцари в самом деле двигаются — очень медленно, словно в воде, даже в прозрачном клее, или же как при замедленной съемке, но вот один заносит меч, а второй синхронно начинает поднимать щит...

Я замер, наблюдая безмолвную схватку, а затем услышал и негромкий стук мечей по щитам, лязг доспе-

хов, даже тяжелое дыхание и невнятные выкрики. На землю пал оранжевый свет, это из-за туч выглянуло солнце. Доспехи рыцарей заблестели, словно усыпанные алмазами, а с мечей начали срываться искры. Над их головами пролетел крупный филин, если это филин, чего разлетался днем, поспешно замахал крыльями, стараясь уйти в тень, исчез за краем картины.

Обалделый, я стоял долго, затем попятился, не отрывая глаз. Рыцари сражаются в полную силу, уже ничто не сковывает их движений. Наконец я заставил себя отвернуться, через некоторое время лязг начал стихать. Осторожно повернув голову, я увидел краешком глаза, как движения противников начинают замедляться.

Переведя дыхание, что-то да начинаю соображать, я снова отвернулся, напоминая себе, кто я, зачем прибыл и чего мне надо добиться. Вернулся к двери, толкнул, закрыта, постучал, долго никто не отвечал, наконец загромыхало железо. Грюкнул засов, в дверном проеме, загораживая его, появились двое дюжих парней в стальных кирасах, железных шлемах и с короткими мечами. В трех шагах за нами наблюдает еще один, этот вооружен получше, выглядит младшим командиром, вроде сотника.

— Что надо? — осведомился один хриплым пропи-
тым голосом.

— Ничего особенного, — ответил я. — Просто надоело ждать, когда обо мне вспомнят. Решил пока что прогуляться по замку.

— Не велено, — отпарировал тот, а второй сдвинул брови и посмотрел на меня грозно.

— Я гость, — напомнил я, — а не пленник.

— Все равно не велено, — отрезал он.

— Хорошо, — уступил я, — вы послушные солдаты, подчиняетесь правилам. Но доложить о моем недовольстве должны. Скажите, гость желает выйти погулять перед сном.

Стражник, как я и ожидал, оглянулся на сотника. Тот покачал головой, но я не сомневался, что доложит сразу, как я отступлю, и они закроют дверь.

Я сделал шаг назад со словами:

— Буду ждать ответа.

Дверь захлопнулась, загремели засовы. Я лег на роскошное ложе, задумался. Конечно, я гость, иначе кто бы отвел мне такие роскошные апартаменты, однако же свобода передвижения стеснена, как в блокадное время. То ли хозяин слишком подозрителен, то ли в замке еще и такие гости, видеть которых мне крайне нежелательно.

Снова послышался лязг, грохот, я приподнялся на локте, рыцари на картине сражаются в полную силу. За их спиной горит замок, там носятся люди, а эти двое дерутся с такой яростью, что разлетелись щиты, а один вдруг, на грани гибели, обернулся черным сгустком тьмы, взмахнул крылами и взлетел, как гигантский нетопырь.

Сверху раздался зловещий хохот. Я поспешно соскочил с ложа, что-то неправильно: и рыцари не должны возобновлять драку сами по себе, если я правильно понял механику, и филин летал в мире картины, какого хрена хохочет уже под сводом...

На этот раз стучал в дверь недолго, открыли почти сразу, стражники те же, а из глубины коридора в нашу сторону спешит слуга с тяжело заставленным подносом.

— Ужин, — объяснил старшой, которого я называл сотником, — хозяин сказал, что очень сожалеет, но сможет уделить вам время только завтра утром. А пока отведайте нашей кухни...

Ворча, я понаблюдал, как слуга расставляет по столу, разулся, сбросил кафтан и, оставшись голым до пояса, сказал раздраженно:

— Ладно, поем да лягу, чтобы завтра быть как огурчик... Пока добрался до вашего замка, устал как черт!.. Утром стучите погромче.

Слуга поклонился и ушел с пустым подносом. Двери

захлопнулись, засовы возвестили, что я под надежным замком. Не медля, снова обулся, оделся, пощупал молот, но пока рано, сперва разорвал на ленты простыню, связал концы, один край полученной веревки привязал к ножке кровати, остальное сгреб в ком и приготовил к броску, но вместо этого швырнул в зарешеченное окно молот.

Звякнуло не сильно, я опасался жуткого скрежета, однако молот вылетел и влетел обратно, прутья решетки с трех сторон покинули пазы в камнях, ее выгнуло наружу, как лист дерева.

Швырнуть импровизированную веревку и самому пролезть в окно — минутное дело. Я повис на такой высоте, что похолодело внутри, начал опускаться. Ноги вскоре, чуть ли не сразу, коснулись каменных плит. Я с силой дернул за веревку, оборвал, как и рассчитывал на том месте, где терлась о железный прут, сунул за пазуху и затаился, осматриваясь, похожий на беременную кенгуру.

Слабая луна озаряет волшебным светом мрачную громаду донжона, четыре башни. Особенно высокой и грозной выглядит та, из которой я выбрался. Под ногами у меня верх стены, где могут разойтись двое-трое мужчин, редкие зубцы явно для обороны, возле них сложены пирамидкой тяжелые камни.

Я пробежал по стене, пригибаясь, как крыса, чтобы не маячить на фоне звезд и довольно яркой луны. Сразу же запутался в переходах и мостиках, я же говорил, что везде могу заблудиться. В одном месте прыгнул и оказался в уютной анфиладе... и едва не сбил с ног спешащую по коридору женщину. Она ахнула, я торопливо обхватил ее и, зажав рот, прошептал на ухо:

— Умоляю, не кричите!.. Вы же знаете, как дико сэр Кардини ревнив!.. Не за себя беспокоюсь, за леди, моя душа полна страхом и даже трепетанием...

Она кивками дала понять, что не закричит, а когда я осторожно отнял ладонь от ее прелестного ротика, спросила шепотом:

— Так вы... от леди Сабрины?

Я сделал вид, что страшно смутился.

— Как? Вы не догадывались?.. О, горе, я сам, оказывается, выдал нашу тщательно охраняемую тайну!..

Ее глазенки заблестели, как звезды. Снова закивала и движениями плечиков дала понять, что ни в жисть не выдаст жену хозяина. Край платья сполз с плеча. Я наконец сообразил, что это не платье, а ночнушка. Милашка тоже спешит к кому-то тайком, альковным затеям нет дела до государственных переворотов. Такую убеждать не надо, что все только и делают, что шупают друг друга и сползаются совместно потеть в укромные уголки.

— Я вас не видела, — сообщила она. — Вы приходите только по ночам?

— Увы, — вздохнул я, — моя судьба и днем быть рядом. Но я днем в другой личине. Теперь вы, правда, присмотревшись, можете узнать меня... но, умоляю, не выдавайте! Не за себя...

— ...а за леди Сабрину, — прошептала она. — Вы намереваетесь пройти по той лестнице? Там стража, вас остановят. Идите сюда, я вас пропущу через свои покои. Влюбленным надо помогать, такой закон галантного лямурства.

Она в самом деле провела меня через две уютные комнаты, где я едва не задохнулся в облаке приторно-сладких духов, открыла дверь на черную лестницу, откуда приходят слуги.

— Здесь вас никто не увидит.

— Спасибо, — сказал я с неподдельной благодарностью. Схватил ее в объятия и поцеловал по-братски, но она пискнула блаженно и послушно обмякла в моих руках.

— Ох, вы весь... как из железа!.. Завидую леди Сабрине.

— Спасибо, — повторил я и ступил через порог в полутьму.

Она сказала вдогонку нежно:

— Теперь, галантный рыцарь, вы знаете, как тайком пройти в мои покои...

— Да, — ответил я деревянным голосом. — Вообще-то... да... Я потрясен...

Прежде чем дама шагнула следом, я поспешно побежал вниз, натываясь в темноте на стены, по выщербленным ступеням. Дверь после пугающей паузы наконец закрылась абсолютно бесшумно, петли хорошо смазаны. Я начал спускаться уже осторожнее, давая глазам привыкнуть к темноте. Можно бы шарик света, но могут заметить, лучше уж по стеночке со своим термовидением «а-ля кобра» перебежусь, как хищник какой-нибудь. Хоть хищник-один, а хоть и хищник-два.

Глава 3

Перебегая от ниши к нише, я весь превратился в слух, но доносятся голоса либо стражей, либо слуг. Уже начал терять надежду, однако послышались совсем другие голоса: властные, напористые, исполненные силы и уверенности, что они правят миром. Доносятся из окошка, тоже зарешеченного, по залитому огнем свечей камню скользят частые тени.

Я, цепляясь за камни, как геккон, пробрался к окошку и осторожно заглянул. Просторная комната, двое ко мне спиной, голоса звучат знакомо, лицом ко мне — рослый человек в темной, поблескивающей золотым шитьем одежде. К несчастью, лицо в тени, светильник щедро озаряет красноватым огнем сапоги для верховой езды, выделанные из тонкой кожи, с двойной подошвой. Нахально поблескивают золотые рыцарские шпоры.

Я услышал его исполненный достоинства голос:

— Благородный сэр Кардини, у нас на Юге прекрасно помнят ваш блистательнейший рейд на Мароссу, ко-

торый и привел короля Барбароссу к победе над Краузом. Но что вы получили?

Я не понял, к кому он обращается, затем из тени вышел еще один, я узнал Кардини, хозяина замка. Он явно нервничал, из-за этого чересчур задира л подбородок, делал лицо бесстрастнее и надменнее, но пальцы слишком часто сжимались в кулаки.

— Вы не с тем человеком затеяли разговор, — ответил он холодно, как обращался бы к старшему из слуг, а может, сенешалю замка. — Люди благородного звания королевство защищают не потому, что им за это платят.

Рыцарь как будто смешался, опустил голову, вместо него быстро заговорил второй, который в сутане:

— Доблестный сэръ Кардини, наш Югарт человек в дипломатии новый, его только-только перевели из... низшего отдела. Потому забудем его глупости, я хочу сказать только о деспотизме Барбароссы. В то время как не только у нас на Юге, но и во всех королевствах, что соприкасаются с Югом, королевская власть везде ослаблена. Зато крупные феодалы могут не страшиться королевских выходов, королевской дури... вообще не опасаться, что вдруг-де королю вожжа под хвост попадет и он вздумает отнять ваши земли, а то и вовсе восхочет казнить! В тех землях, где наше влияние сильнее, король уже не может творить глупости. Там голос благородного сословия практически приравнен к королевскому голосу!

Руки затекли, я ощутил, что вот-вот пальцы разожмутся, полечу в темную бездну неосвещенного двора. Хорошо бы там воз с сеном, но я в удачу не верю, меня скорее будут ждать небрежно поставленные у стены рогами вверх вилы.

Кое-как перебрался на стену, как можно быстрее спустился, перебежал по темному коридору и отыскал дверь в комнату, где заговорщики убалтывали хозяина замка. Приложившись глазом к огромной замочной скважине, рассмотрел, что дело как будто не сдвину-

лось с места. Кардини слушает с непроницаемым лицом, а монах говорит и говорит. Я видел, как мастерски владеет он всем набором внушения, подчинения, захватывания влияния, однако Кардини не мигнул и глазом, явно помнит про верность слову, клятву вассала.

— Даже с самыми лучшими из королей, — продолжил монах с лицемерным вздохом, — случаются всякие заморочки... То невзлюбят кого-то, то начнут притеснять, а то без всяких заслуг начнут возвеличивать явно негодного...

В лице Кардини что-то изменилось, это заметил не только я, но и, конечно же, монах, этот не упустит ничего, заговорил с чуть большим напором, самую малость большим, чтобы не спугнуть:

— Королевству нужен такой правитель, при котором вы чувствовали бы себя в безопасности.

Кардини поинтересовался хмуро:

— Это какой? Идеальных не бывает.

— Зато бывают слабые, — ответил монах. — Достаточно слабые, чтобы не в состоянии злоупотреблять властью. Понимаете, не потому, что добрые и справедливые, а просто будучи не в состоянии причинить зло благородным лордам! Барбаросса — деспот, тиран, его уже не переделаешь, но если на троне утвердить герцога Ланкастерского, то сразу можно и нужно принять ряд ограничений его власти.

Шестое чувство подсказало о приближающейся опасности. Я оглянулся, какое там шестое, ко мне идет, переваливаясь как гигантская утка, жутко и устрашающе гремя надетым железом, при этом сопя и отдуваясь, мужик в кожаном доспехе с нашитыми железными пластинами. Сам он поперек себя шире, в железном шлеме и с ладонью на поясе, где болтается короткий меч.

Я помахал ему рукой:

— Скорее, скорее, черепах!

Он чуть ускорил шаг, на лице медленно проступило недоверие, смешанное с нерешительностью.

— Что? — спросил он туповато.

— Смотри внимательно, — велел я и указал на дверь. Мужик посмотрел, сделал шаг, рассматривая узоры, а я, отступив в сторону и оказавшись у него почти за спиной, шарханул по затылку. — Ладно, досмотришь позже...

Он оказался тяжелым, как гора, я оттащил его в темную нишу. Вблизи, конечно, увидит каждый, но издали не рассмотреть. Я отряхнул ладони, дальше подслушивать рискованно, но уже понятно: слабое место Кардини нащупали, дождут. Сейчас он королю уже не помощник, а угроза.

По темному коридору, едва освещенному заглядывающей в окна луной, в нишах стен вдруг зашевелились статуи. Я ахнул, побежал, как заяц, а они начали выдвигаться замедленно, как зомби, вот только каменные, последние успели загородить дорогу. Я с размаха упал и проскользнул у них почти между ног, больно ободрав ладони.

Издали раздался встревоженный голос:

— Кто там?.. Грег, возьми факелы и пошли туда людей!

Я поспешно отбежал, через несколько минут затопало множество ног. Появились люди с факелами в руках и мечами, один вскрикнул испуганно:

— Статуи ожили!.. Это Знак!

— Какой знак? — спросил другой.

— Дурак, не знаешь? Великие перемены!

Третий страж закричал:

— Сотника сюда!.. Здесь кто-то был из чужих. Этот коридор заколдован, а своих помнят всех...

Я потихоньку отступал под стеной, вдруг уже снизу раздался торжествующий вопль:

— Вон там справа!.. Быстрее, он крадется к арсеналу!

Я бросился со всех ног, выскочил на стену и помчался,

как Гасан, что бежал быстрее лани, быстрее, чем заяц от орла. Кто-то пытался загородить дорогу, я сшиб со стены, услышал удаляющийся тоскливый крик. Впереди башня, а с другой стороны по верху стены бегут уже не меньше десятка человек, блестя обнаженным оружием.

С разбега вбежал в башню, ступени винтовой лестницы ведут вверх. Сверху падает слабый лунный свет, это значит, что дверца на площадку открыта. Я понесся как можно быстрее, на последних ступеньках дыхание вырывается с хрипами, ноги подкашиваются. Наверху тихо, но сердце сжалось в смертельном страхе: а вдруг там кто уже ждет с занесенным мечом?

Ощутил спиной ночную прохладу, осторожно выглянул, прикрывая голову мечом, перевел дыхание. У самого парапета спит, сидя, стражник. Спасаясь от ночного холода, сунул ладони в рукава, голова склонилась на грудь, я услышал мерный храп. Вооружен алебардой, в кожаных доспехах, на голове шапка из плотной кожи.

— За добро добром, — прошептал я.

Он вздрогнул и завалился от удара мечом плашмя по голове. Я отволок тяжелое тело к ступенькам и дал ровного пинка. Страж покатился вниз, как мешок с песком. На круглой площадке, огороженной каменным заборчиком, сложены груды камней, некоторые еще в мешках, другие заботливо разложены кучками у ограды.

Звон металла и грубые голоса слышатся все ближе. Я попятился от ступеней, споткнулся о мешок и едва не упал, но этот же мешок навел на хорошую идею. Подтащив к ограде, кое-как перевалил через край и разжал руки. Мешок исчез, снизу послышался треск ветвей.

Почти сразу же несколько голосов закричали наперебой:

- Он спрыгнул!.. Сэр, он спрыгнул!
- Он сумасшедший...
- Сэр, он прыгнул на дерево!.. Если не напоролся на сучья, то у него есть шанс...

И властный голос:

— Быстрее все вниз!.. Привести его... или принести сюда!.. Брать живым.

— Да, сэр! Если он еще жив.

Я присел у бордюра, затаился в тени, чтобы меня, не приведи Господь, не заметили со двора или с той стороны башни. В черепе стучит отчаянная мысль: а что дальше? Сейчас спустятся и обнаружат вместо моего растерзанного сучьями трупа всего лишь мешок с камнями. А это то же самое, как если бы я сейчас заорал во весь голос: «Я здесь!»

Седалищный мозг сообразил раньше головного: пальцы сами по себе нащупали за пазухой веревку из простыни, я вспомнил, как спустился с первой башни, а эта ее близнец, никакого разнообразия, типовухи, только поменьше. Привязал за каменный рог, торопливо перекинул ногу за край и начал спускаться в бездну, холодея от собственной отваги.

Когда руки начали неметь, все-таки зад у меня тяжелеват, ноги коснулись выступа, это оказалось окно. Обострившийся слух уловил приближающиеся с той стороны шаги, я поспешно сдвинулся в сторону. Так, наискось, я видел только узкую щель коридора. Через минуту показался стражник с факелом в руках, за ним двое в балахонах с низко надвинутыми капюшонами.

— Это ночные гарпии, — донесся голос, — успокойтесь, сэр.

— Раньше так близко не подлетали!

— Возможно, какая-то увидела, что стражников на башнях нет, вот и решила заглянуть в окно...

Голоса и шаги удалились, я прильнул к окну, сердце стучит часто и сильно. По коридору удаляются трое, но двоих видно отчетливо, а фигура третьего размывается, словно смотрю сквозь матовое стекло. Стоило чуть отвес-

ти взгляд в сторону, фигура сразу же исчезает, я испуганно двигал глазами, стараясь снова поймать в фокус.

Прижавшись лицом к прутьям, я видел, как они прошли в конец коридора. Там их встретил стражник с зажженным факелом в руке, за его спиной темнеет небольшая неприметная дверь. Стражник с места не сдвинулся, но один из закапюшоненных что-то сказал очень тихо, страж кивнул, отступил. Человек в балахоне отворил дверь, первым переступил порог, второй шагнул следом, но на пороге жестом подозвал стражника и что-то произнес.

Стражник снова кивнул и очень осторожно закрыл за ними дверь. Я застыл в нерешительности. Первой мыслью было как-то попасть по ту сторону разделяющей нас стены, подобраться к стражу, шарахнуть по башке, одеться в его плащ и подслушать, что за планы у черного монаха. Но не факт, что тело стража удастся спрятать, предыдущий и пять минут не пролежал, как обнаружили, а здесь и место хорошо освещено, и спрятать хладный или еще теплый труп некуда...

Я с усилием подтянулся на пару метров выше, пока не зацепился за край стены. Выше только башня загораживает от меня звездное небо, перевел дух, отвязал веревку из кусков простыни, спрятал за пазухой, после чего на цыпочках пробежал по лестнице на самый верх, там вновь закрепил веревку и поспешно начал спускаться. К счастью, луна с той стороны замка, здесь все черно. Веревка закончилась, когда до нужного окна осталось не больше метра. Разозленный, что промахнулся, я начал прислушиваться, так напрягая слух, что уши едва не вытянулись на полметра.

К моему изумлению, перед фигурами в капюшонах стоит Отто Крисп, капитан стражи замка, правая рука сэра Кардини, лицо просветленное, ликующее.

Он воскликнул негромко:

— Отец Игнес, неужели пришел мой час?.. Наконец-то!.. Сколько лет среди этих дикарей...

— Это работа, — ответил первый монах с отеческой суровостью, — вы ее проделали. Стать правой рукой любого лорда непросто, а такого могущественного, как Франко Кардини... По возвращении вас ждет награда. А пока давайте посвящу в детали вашего последнего задания...

Голоса стали тише, у меня занемели руки, как всегда — в самый неподходящий момент. Но, к счастью, носками сапог я уперся в край выступающей гранитной глыбы, будь благословенны криворукие каменщики. Спустя минуту то ли голоса стали громче, то ли мой слух от прилива крови к ушам обострился еще больше, я услышал голоса:

— Силами одних альбигойцев?...

— Вам окажем всю необходимую помощь...

Затем узнал голос отца Игнеса:

— В другом месте мы бы здесь все накрыли двойным щитом нашей магии... Ведь в северных королевствах маги нашим в подметки не годятся! Мы так и готовились, ведь южные рыцари во главе с Валленштейном не собирались участвовать в дурацком турнире... но ваши донесения заставили изменить планы.

Я снова подтянулся, осторожно заглянул. Отто Крисп, предатель чертов, прорычал раздраженно:

— Если бы не монастырь!

Второй монах спросил с высокомерным удивлением:

— А он при чем?

Крисп поколебался, взглянул на отца Игнеса. Тот кивнул, капитан сказал нехотя:

— Дело в том, доблестный сэр, что Каталаун, Терц и все окрестности защищает статуя Девы Марии. Вы это знаете, слышали от отцов-прадедов. Статую изготовил сам Симон Волхв, очень эксцентричный святой, которого христианином назвать можно с большой натяжкой... кстати, официальная церковь его так и не признала. Но дело в том, что мощью он обладал безмерной...

как нередко бывает с людьми недалекими и невежественными, но крайне фанатичными и целеустремленными. Словом, эта Каталаунская Дева Мария защищает практически все королевство. Наша магия либо бессила, либо крайне ослаблена. А здесь, всего в миле от нее, вообще ничего нельзя...

Фигня, мелькнуло у меня. Я только вчера возжигал костер силой магии. Хотя признанная церковью и принятая уже и не магия, а что-то вроде доказательства благосклонности, подтверждения правоты пути...

Второй монах, в выправке которого нечто от кадрового офицера, так, думаю, держались разве что рыцари монашеских орденов, спросил высокомерно:

— Но не ограничиваться же нам лишь участием в турнире, если так опасается наш местный друг?

Капитан вздохнул.

— Честно говоря, страшусь. Я жил в ожидании этого дня!

— Мы продумали прекрасный план, — объяснил отец Игнес. — Каталаунскую Деву нужно попросту... украсть! Не беспокойтесь, этому произведению искусства вреда никто не причинит. Напротив, ее поместят в лучший из музеев... вы здесь даже не знаете, что это слово значит!.. тысячи людей будут приходить и любоваться ее совершенством, одухотворенностью и прочими излишествами.

Крисп поинтересовался с недоверием:

— И как вы это собираетесь сделать? Не спору, вы все — прекрасные бойцы, у вас прекрасные доспехи и мечи — что за оружейники их делали? — но все-таки со всем рыцарством Каталауна и его гостями не совладать, даже если вас будет в сто раз больше.

Отец Игнес кивнул.

— Верно. Малым числом местных вояк не одолеть, а переход большого войска через границу будет сразу же замечен. Вроде бы тупик, но план в том, чтобы исключить всякое сопротивление вообще.

— Но как? Если вы не можете пользоваться магией?

— Да, задача кажется неразрешимой, — признался отец Игнес. — Статуя сама себя не защищает, ее легко выломать и увезти, но ее защищает рыцарство, народ, а самое главное — расположенный поблизости монастырь. У него меньше зона охвата, чем у Девы Марии, однако в прямой видимости от монастыря всякое колдовство теряет силу... Однако же наши светлые головы, я говорю не о себе, мы лишь исполнители, придумали хитрый ход...

— Ну-ну?

— Над городом с драконов сбросим некую пыль. Ее называют волшебной, но это такое же волшебство, как вино, от которого пьянеют, или корень белладонны, от которого засыпают. Словом, все, кого достигнет эта пыль, мгновенно заснут. Погрузятся в сон рыцари на турнирном поле, зрители на галереях, народ на холмах, герцог Ланкастерский на уже захваченном им троне... Настанет тишина, и вот тут-то появятся альбигойцы.

Крисп изумился.

— Альбигойцы?

— Да, — подтвердил отец Игнес. — Они мечтают подчинить это королевство своему влиянию? Вот пусть и поработают! После того как выломают статую из стены, вывезут из храма и доставят к реке — получают всяческую поддержку со стороны Юга. Вначале без нашей помощи не обойтись, это не тот карликовый дворцовый переворот, который совершил герцог Ланкастерский. У альбигойцев более серьезные идеи насчет политического курса страны. Они планируют не то упростить, не то усложнить церковные обряды, а это может вызвать серьезные волнения, так что наша помощь...

— Ваши войска, — подсказал Крисп с понимающей улыбкой.

— Небольшие отряды, — поправил отец Игнес. — Мы не можем не считаться с чувствами местного насе-

ления. Небольшие, но в наших непробиваемых доспехах, отлично выученные, лучшие из лучших, чтобы могли заменить целое войско. То есть присутствие их не будет слишком уж заметно, но влиять на события смогут... На реке статую погрузят уже с нашей помощью на корабль, а там достаточно успеть отчалить от берега. Нет таких кораблей, чтобы тягались с нашими в скорости или боевой мощи.

Второй монах слушал очень внимательно, мне почему-то казалось, что он то ли из другого ордена, то ли вообще никакой не монах, а только прикидывается, чтобы оставаться неузнанным.

— Зная предусмотрительность наших отцов, уверен, что у причала будут ждать два-три корабля. Но почему не разрушить Каталаунскую Деву на месте?

Крисп развел руками.

— Увы, Симон Волхв наложил заклятие, к которому пока не подобрать ключи. Словом, если разрушить, то статуя станет всего лишь незримой и так, незримо, будет защищать королевство. В смысле, мощь, заключенная в ней, всего лишь освободится, но не исчезнет. Если бы у местных хватило ума, сами бы разрушили... но пока никто не решается на такое святотатство.

Второй монах заметил:

— Я слышал, что тогда защитное заклятие Каталаунской Девы будет подвержено, скажем, сильным ветрам. Они будут сдвигать в ту или иную сторону, наконец Каталаунская Дева... вернее, то, что останется, начнет охранять совсем другой регион. А со статуей охранное заклятие прикреплено, так сказать, к местности.

Сенешаль спросил с беспокойством:

— А как не заснут альбигойцы?

Отец Игнес понизил голос:

— Достаточно намочить тряпку и дышать сквозь нее. Порошок выдыхается очень быстро. Через полчаса все начнут просыпаться, за это время нужно успеть вы-

ломать статую, вывезти из храма, погрузить на повозку и гнать до реки. Вы, как вросший в эту жизнь, вместе с местными альбигойцами должны обеспечить всем необходимым: молоты и клинья, очень прочная телега и сменные кони, которых будем менять буквально через каждую милю. Мы гарантируем вам не только этот замок и все герцогство в придачу... понятно же, что Франки Кардини используем только в первые дни, пока не придем к власти, но и, возможно, в ближайшем будущем вы получите трон этого королевства. Мы ценим сотрудничество с нами.

Крисп подумал, на лбу собрались глубокие складки.

— Времени мало. Не успеем и выломать, и переправить к реке...

— Достаточно, — возразил отец Игнес. — Нужно успеть только вытащить из храма и погрузить на телегу!.. А там, прикрыв старыми мешками, спокойно увезти. Когда народ начнет просыпаться, им будет не до телеги, что маячит вдалеке. Тем более что нужно еще обнаружить пролажу, ведь храм можно надежно запереть.

Крисп кивнул, хищная улыбка раздвинула губы.

— Особенно если альбигойцы устроят резню, торопясь захватить власть. Вы об этом умолчали?

Отец Игнес сказал хмуро:

— Нам хотелось бы, чтобы эксцессов при смене правления было поменьше. Но, конечно, маленькое кровопускание отвлечет внимание. Особенно если в числе первых падут герцог Ланкастерский и его ближайшие вельможи... Не думаю, что альбигойцы зальют кровью страну... вот так сразу.

Крисп смотрел на него пристально, темные брови приподнялись, собрав глубокие морщины.

— И вы собираетесь оставить королевство в руках альбигойцев... надолго?

Отец Игнес фыркнул.

— Эти религиозные фанатики претендуют и на свет-

скую власть. Их используем только для свержения власти герцога Ланкастерского и его окружения. Рыцарство сильно, пусть перережут друг друга. Надеюсь, альбигойцы победят... Они гаже, их народ возненавидит быстрее. Нам проще будет совершить еще один переворот и поставить у власти герцога Готфрида Валленштейна Брабантского. Он пользуется огромным влиянием и уважением, так что пусть... Это неплохая компромиссная фигура...

Крисп спросил с надеждой:

— Компромиссная?

Отец Игнес кивнул.

— Мы будем углублять здесь реформы, и скоро герцог, как и все высшее рыцарство, станет архаизмом. Именно тогда вы можете занять престол королевства, где воцарятся совсем другие отношения.

— Вы можете на меня рассчитывать, — сказал Крисп с жаром, — во всем!

Ноги мои ныли, руки занемели. Я чувствовал, что если прямо сейчас не поднимусь наверх, то останется только сорваться в темноту. Напрягаясь из последних сил, так что жилы затрещали, я встал на пару метров наверх, что-то у меня зад совсем тяжелым стал, перевалился через край и долго лежал, сипя и хватая раскаленным ртом воздух, как удивленная красотами пляжа рыба с глубин моря.

Глава 4

Копыта стучат часто, я пригнулся, прячась от ветра. Роскошная грива защищает, как силовым полем, хотя отдельные пряди иногда хлещут по морде. Внизу мелькает пятнистая, как далматинец, чернота, по сторонам проносятся нечто с таким шумом и свистом, словно электричка. Это мы с такой скоростью проскакиваем мимо гигантских дубов, только бы не задело по голове суком, на такой скорости даже листок ударит как булыжник.

Какой змеиный клубок, сколько подковерной борьбы! Давно в этом чистом рыцарском мире не встречал такой гнусности... Хотя при чем здесь гнусность? Нормальные взаимоотношения, это я что-то стал слишком стерильным среди сплошного благородства и галантности. Но вот повеяло южным ветерком, и донесся знакомый запах демократии...

Посвежело, ощутилась влага в воздухе, я понял, что проскочили болото, прокричал сквозь встречный рев урагана:

— Помедленнее, коник мой, помедленнее!..

Ураган превратился в шторм, а затем просто во встречный ветер. На фоне темного неба вдали возник и начал приближаться залитый лунным светом монастырь. Луна полная, туч нет, высокие стены монастыря выглядят серебряными, приподнятыми.

Будучи уже битым и тертым, я на всякий случай действовал все свои чувства с такой интенсивностью, что голова затрещала, как спелый арбуз в крепких ладонях, в глазах потемнело от прилива крови. Я ощутил, что еще чуть — из носа хлынет кровь, выдохнул, расслабился и... застыл.

Отсюда с холма видно, как по равнине ползут темные клочья: не то плотного тумана, не то какие-то призрачные существа. Все это устремляется к стенам монастыря, как простейшие существа, ведомые тропизмом, а монастырь уже и так окружен морем тьмы, в котором бессильно гаснут сверкающие лезвия мечей лунного света.

Черные холодные волны с размаха бьют о стены и... рассыпаются, не успев даже прикоснуться. Однако со стороны равнины черные струи вливаются и вливаются в это море, подпитывают, уровень темного моря незаметно, но ощутимо повышается. Я страшился думать, что случится, когда черные волны поднимутся выше стен. Там в монастыре не все святые да подвижники, которым мрак не страшен. Большинство же простые

монахи, а то и вовсе послушники, их мысли больше заняты пока что обильной жратвой и бабами, эти не выдержат фрейдистский удар...

— Надо, Зайчик, — сказал я дрогнувшим голосом, — тебе вроде бы Тьма не страшна, ты сам порождение Тьмы... как говорят. Это я не в укор, я сам еще тот светоч... даже и не знаю, почему мне дали нести свечу... да еще в такой ветер...

У подножия холма тьма едва-едва покрывает низкорослую траву, конь вступил в нее бесстрашно. Я присматривался, прислушивался, однако для Зайчика эта тьма просто не существует. Я пустил его дальше, чернота как будто подрагивает под ударами копыт и мощью крупного тела, наконец поднялась до брюха, коснулась подошвы моих сапог, ощутил себя как на водных лыжах, инстинктивно поднял ноги, но, устыдившись, поспешно опустил.

Ногам стало холодно, потом я сообразил, что это от страха, от ощущения, что должно быть так, разозлился на свою чувствительность, ишь, интеллигент бесхребетный, хоть и без шляпы, заставил себя выпрямиться, ноги упер в стремяна и вперил гордо взор в серебристые, словно покрытые плотной паутиной, стены христианской твердыни.

— Лучше белые ночи, — сказал я, храбрясь, — в смысле, вот такие лунные, чем черные дни!

Чернота захлестнула мои плечи, затем конь на минутку пошел по низине, тьма накрыла с головой. Однако монастырь все так же блистает в чистом ночном воздухе. Я вижу отчетливо и все вокруг, и в то же время как бы другим зрением зрю эту странную субстанцию, мрачную, гнетущую, пугающую... если позволить себе испугаться.

Я заорал во все горло...

— Нам не страшен черный волк, черный волк, нас у Бога целый полк, целый полк...

С неимоверной высоты прогремел мощный голос:

— Сын мой, о Господе нашем говорить надо более уважительно... Но тебе, конечно, простительна любая дурь, ты ведь паладин!

Вздрогнув, я выслушал, ответил со всем смирением:

— Отце, вы меня возликовали... велико! Я думал, придется колотиться в ворота, аки вифлеемский баран о ясли, а вы уже и мой паспорт просмотрели... Войти можно?

Голос ответил:

— Можно даже въехать. Конь у тебя непростой, как погляжу.

— Проще пареной репы, — заверил я поспешно. — Простая деревенская лошадка... Ее выбраковали, плуг таскать не может, вот и того...

Рядом с воротами открылась без скрипа калитка. Пригнувшись, я протиснулся, не покидая седла. Калитка сразу же закрылась. Я поспешно оглянулся, не хлынет ли следом черная волна, сметая все, как в прохудившуюся дамбу, но тьма на месте, словно ее удерживают не стены, а незримый панцирь вокруг монастыря.

По двору заматались длинные красные тени. Ко мне спешили два монаха с горящими факелами в руках. Со стены спустился плечистый бородач, настоящий Стенька Разин, смоляные кудри и такая же разбойничья борода, перехватил мой пугливый взгляд, брошенный на калитку.

— Что-то увидели, благородный сэр? — спросил он понимающе.

— Да так, — ответил я надменно, я же рыцарь, мне все до развилки, — ерунда богословская.

— Что-что? — переспросил он.

— Там все залито грязью, — объяснил я. — Впрочем, убирать ее вам. А мне бы отыскать того, кто пачкает мир, как перепуганная каракатица. Я бы его в этом дерьме утопил собственными руками.

Он криво улыбнулся, но в глазах я уловил удивление.

— Если благородный сэр смог такое увидеть, то он так же прост, как и его конь. Вам нужен ночлег, приют?

— С этим потом, — отмахнулся я. — Я хотел бы увидеть вашего генерала... или как его там, магистра. Ну, настоятеля, приора, аббата!.. У меня крайне важные новости.

Он не двигался с места, как не двигались и монахи с факелами, взяв меня в середину треугольника. Краем глаза я заметил короткий блеск на ближайшей крыше, кивнул бородачу:

— Лучники?

— Арбалеты, — объяснил он злорадно. — Вон там и вон там. Не всякий лук пробьет рыцарский панцирь, зато арбалетная стрела...

— Ну, — ответил я, — мой не пробьет и арбалетная. Но не будем спорить, у меня в самом деле важные новости.

— Говорите, сэр.

Я пожал плечами.

— Откуда я знаю, что вам можно доверять?

— Сэр, у вас большой выбор?

Я посмотрел по сторонам, вздохнул.

— Ладно, будем верить, что среди вас нет шпионов... Или, по крайней мере, среди вас троих. Словом, король Барбаросса жив.

Бородач скептически скривил губы.

— Он убит. Об этом поклялись на Библии все, кто вернулся с охоты.

— И громом их не сразило? — поинтересовался я. — Значит, Господь желает, чтобы это сделали мы. Своими мечами! Меня зовут Ричард Длинные Руки. Я — паладин Господа Нашего. Я требую, чтобы ты разбудил настоятеля, ибо на чаше весов судьба не только монастыря, но и всего королевства. Через три дня все это затопит Тьма.

Бородач буркнул с неуверенностью:

— Выстоим.

— Нет, — отрезал я. — Захват королевства готовился долго.

Один из монахов внимательно посмотрел мне в лицо и, не дожидаясь знака от бородача, повернулся и побежал в сторону главного здания.

Я осматривался, чувствуя, как блаженная улыбка идиота расплзается по всей харе. Странное чувство защищенности, уюта, казалось бы, совершенно несовместимое с этими подчеркнуто суровыми и аскетичными стенами, мрачными постройками, лишенными всяческих украшений, медленно заполняет грудь. Я не могу себя чувствовать здесь своим, я всегда при каждом удобном случае смеялся над попами и вытирал ноги о церковь, рассказывая анекдоты о пьяных попах, но сейчас в стенах этого монастыря чувствую, что попал к своим родным и близким.

Впрочем, если покопаться глубже, то даже из почерпнутого из школьных учебников видно, что кроме распространения опиума для народа церковь владела третью всех обрабатываемых земель в Западной Европе, лишь только она, церковь, поддерживала и развивала образование, культуру и даже науку. Только в монастырях сохранялись и переписывались от руки античные рукописи, иначе до нас вообще не дошли бы сочинения Аристотеля, Платона, Геродота, Сократа и прочих-прочих великих умов древности.

Школы создавались и поддерживались только церковью, королям не до образования народа, так же точно и университеты создавались монастырями и при монастырях. Надо ли удивляться, что все великие ученые тех веков, которых мы привыкли называть основателями физики, химии, оптики и прочих наук, были монахами? И даже генетику создал, развил и обосновал монах Мендель, экспериментировавший в монастыре с горохом, благодаря опытам с которым и вывел законы наследственности?

Потому вся культура этого времени насквозь религиозна, а наука подчинена теологии. Но церковь стре-

мится привить более высокую мораль обществу. Уже сейчас она резко выступает против войн, усобиц, раздоров, а если те случаются, призывает под страхом отлучения не обижать мирное население, а войну упорядочивать, подчинять правилам, которые позднее будут названы гаагскими и женевскими. Еще с начала возникновения церкви, что значит, в позднеантичную эпоху, она первая и единственная начала заботиться о стариках, больных и сиротах, эту черту пронесла и развила в Средневековье, а затем... понятно?

Так что авторитет церкви в глазах населения и общества велик. Короли и даже императоры не просто считают, а вынуждены под ее натиском смирять свои хищнические позы. Плюс экономическая мощь церкви, монополия на образованность и культуру, завоеванный моральный авторитет среди простого народа и воинского сословия, разветвленная иерархическая структура — все это привело к тому, что католическая церковь обладает гораздо большей мощью, чем любая светская власть, и могла бы легко поставить себя выше...

Из головного здания вышел в сопровождении монаха высокий худой человек в красной сутане, хотя покррой тот же и даже подпоясан этот человек такой же грубой волосяной веревкой, как и остальные. Он сложил ладони аркой у груди, неподвижный, строгий, невольно внушающий почтение, я ощутил на себе его пылающий взор.

Я тоже внимательно рассматривал его удлиненное, лошадиное лицо и тяжелую нижнюю челюсть, что говорит, как считают мальтузианцы, о силе характера. Выражение лица показалось мне крайне брюзгливым, заспанным. Он что-то пробурчал монашку, тот поклонился и пропал в черном проеме двери. Настоятель сделал знак бородачу, я увидел только длинные пальцы, выглядывающие из непомерно широких рукавов сутаны, но бородач понял, ухватил меня за локоть и подвел ближе.

— Это вот...

Настоятель отмахнулся весьма раздраженно.

— Сам вижу. Сэр Ричард?.. Меня зовут отец Антиохий. Прошу вас в мою келью.

Он повернулся и, даже не посмотрев, следуя ли за ним, быстро направился обратно. Несколько удивленный, я соскочил с Зайчика и, глядя на бородача, похлопал коня по блестящему крупу.

— Можете покормить мою смирную лошадку. Обогащает грызть подковы, гвозди, но за неимением железа ест и камни. Желательно гранит, не песчаник.

Настоятеля догнал у входа, долго шли коридорами, опустились по широким каменным ступеням на пару этажей, если не больше. Потянулись полутемные мрачные коридоры. Дальше мы шли через анфилады подземных продолговатых залов, где по обе стороны прорублены кельи... даже не кельи, а ниши. Я рассмотрел полуголых изможденных людей, донеслись бормотания, выкрики, стоны, причитания.

Настоятель внезапно оглянулся, суровое лицо как у коршуна.

— Сострадаете? Напрасно. Это их собственный выбор.

— Аскеты? — спросил я понимающе.

— Да, — отрубил он коротко. Через пару шагов добавил: — Иногда так достигают даже святости. Не верите?

— Нет, — признался я.

— Почему?

— Святости, по моему разумению, можно достичь только служением народу... то есть Богу, что одно и то же, так как Господь ничего не делает для себя, а только для народа.

Настоятель задумался, слишком уж четко и умно я сказал, такое от рыцаря услышать немислимо. Но не признаваться же, что я процитировал первую же суру Корана, где заранее дается ответ на каверзный вопрос христианам, который ставит в тупик и приводит в бе-

шенство даже отцов церкви: может ли Бог создать такой камень, который не смог бы поднять?

По дороге встретили только одного монаха, тот проводил нас с факелом к окованной железом двери, поклонился и ушел. Настоятель пропустил меня в келью, вошел следом. Дверь захлопнулась, я отчетливо услышал, как в стальные пазы вошли металлические язычки. Впечатление такое, что сработал автоматический замок.

По властному жесту отца настоятеля я опустился в деревянное кресло, бегло оглядел келью, понравилась, больше похожа на мечту любого мужчины: смесь библиотеки, мастерской и спальни. Увы, ни одна женщина не согласится жить в такой мужской мечте.

Глава 5

Отец Антиохий сел по другую сторону небольшого стола, поверхность испещрена цветными пятнами и выжженными кратерами от кислот и щелочей. На меня взглянули строгие понимающие глаза.

— Итак, сэр Ричард, — произнес он быстро, — не будем тратить время. Я был в числе зрителей на турнире и видел вас. И ваши подвиги с копьем и мечом. Впечатляет! Особенно то, что в вас не было сатанинского гнева или обуревающей гордыни, что вроде бы неизбежна...

— Спасибо, — ответил я с легким поклоном, — но я сразу к делу. Можно?

— Да, мы умеем ценить время. Прошу вас.

— Король Барбаросса жив, — сообщил я. — Я успел увести его...

— Говорят, он был ранен смертельно?

— Я паладин, — напомнил я. — Господь даровал мне силу исцелять больных и заживлять раны. Так что король сейчас прячется в лесу...

— Где?

Я виновато развел руками.

— Простите, ваше преосвященство...

— Понимаю, продолжайте.

— По просьбе короля... простите, по велению короля я отправился собирать его союзников, но, увы, у первого же вроде бы верного королю вассала наткнулся на заговор...

Он слушал очень внимательно, за все время задал только пару вопросов, как мне показалось, совсем незначащих, но во время моего рассказа начал поглядывать на меня как-то странно, однажды усмехнулся чему-то, в глазах заблестали искорки, а погасил их явно усилием воли, когда заговорил строгим деловым голосом:

— Вы правы, сэр Ричард, необходимо поддержать законного короля. Конечно, в отношении Барбароссы это звучит весьма глупо. Но он, свергнув предыдущего короля, вполне легитимного, двадцать лет правил королевством так, что люди забыли о вторжениях воинственных соседей, постепенно богатели, земли очистились от нежити, а церковь успешно изгоняла последние остатки нечисти и безверия. Так что он и для нас вполне законный король. Даже если переворот ограничится только захватом власти герцогом Ланкастерским, страна увязнет в трясине междоусобицы. Как этого не понимают крупные лорды!

— А как насчет Католаунской Девы? — спросил я.

Он вздохнул, развел руками.

— Она в самом деле защищает. Хотя, конечно, официальная церковь все больше склоняется, чтобы объявить святого Симона Волхва раскольником, а то и отступником. Вы ведь улавливаете разницу, не так ли?

— Да-да, конечно, — ответил я с самыми честными глазами.

— Может быть, — продолжал он, — даже еретиком. Однако народу непонятны эти высшие интересы церкви. Гораздо понятнее, что Католаунская Дева не подпускает к себе нечисть, магия здесь не действует, скот

не болеет, дает хороший приплод, саранчу не видели столетиями... Без Каталаунской Девы королевство рухнет, настолько все привыкли полагаться на нее...

— Тогда, может быть, пусть увозят? — предположил я. — Люди должны учиться жить без костылей.

Он взглянул на меня остро.

— Интересный, но очень сложный вопрос... Вы не заканчивали богословский факультет?.. Нет? Странно... Во всяком случае, если изымать Деву, то очень осторожно. Если же ее вывезут чужаки, то они же залиют здесь все кровью. Мы не должны допустить захвата власти... если это в наших силах, во что я, честно говоря, не очень-то верю. Ладно, вы устали, отдохните остаток ночи, а я созову святых отцов на совет.

Он хлопнул в ладоши, из-за портьера появился молодой монах с опущенной головой и сложенными на груди руками.

— Брат Дионий проводит вас в келью, — сказал настоятель. — Отдыхайте. Утром мы сообщим решение.

Брат Дионий поклонился мне со всем смирением, молодой бледный выюнош со взором горящим, пусть не очень ярко, но это ведь не народовольцы, здесь оружие иное и свет не факельный, а кротко-лампадный. В любом случае и те и другие лучше, чем остальная серая масса, у которой припекает совсем в других местах, не буду уточнять, я же в монастыре...

Мы прошли через главный зал, огромный, свод уходит в небеса, дробится арками и мостиками на множество сводов. С потолка свисают огромные люстры, я бы назвал их обыкновенными тележными колесами, на обода которых прилепили по несколько дюжин свечей. Эти колеса на длинных толстых веревках опускаются из-под самого купола, что утонул бы в темноте, если бы через окна не просвечивало небо.

На моих глазах один из монахов помахал руками, одно из колес опустилось, монах прилепил свечи и за-

жег, колесо снова поднялось. На этот раз я рассмотрел на галерее человека, что крутил ворот.

— Красиво, — заметил я.

Монашек оживился, на бледных щеках проступил румянец.

— Это еще не самое красивое...

— А что еще?

Он молча провел впереди рукой, словно раздвигая невидимый занавес. Мы как раз вступили в следующий зал, здесь колесные люстры подвешены выше, а свечей больше, так что освещены и стены. Я вертел головой, ощущение, что попал в Зорр: стены из грубых блоков, едва-едва отесаны, свод поддерживают голые массивные колонны, везде серый или темный камень. Даже эти колеса-люстры сделаны как будто нарочито грубо, выказывая презрение к суетному миру, жаждущему сиюминутных удовольствий, когда нужно думать о вечном, о душе, о пути к Богу...

Я зябко повел плечами. По широкой лестнице из светло-серого камня, конечно же, никакого намека на ковер или даже циновку, спускается факельная процессия: один за другим монахи в черном. Все одинаковые, даже факелы держат строго параллельно стенам. Капюшоны, против обыкновения, заброшены на плечи, однако даже эти открытые лица показались отлитыми в одной форме: строгие, худощавые, с запавшими глазами и выпирающими скулами, с плотно сжатыми губами.

Дисциплина, мелькнуло восхищенное. Это же какое воинство: фанатичное, целеустремленное! Настоящие солдаты партии.

В уголке зала двое дюжих монахов с усилием крутят огромное колесо, нижняя часть уходит в ящик, там трещит, ломается, иногда стреляет быстрыми синими дымками.

— Электричество, что ли, — пробормотал я. — Небесный огонь воруете?

Он торопливо покачал головой.

— Как можно, мы же сами слуги церкви!

— Тогда да, — согласился я. — Тогда можно.

Еще зал, в этом от обилия свечей зарябило в глазах, пол залит морем огня. Я невольно прищурился, не сразу разглядел, что тысячи свечей расставлены по мозаичному полу в каком-то порядке: по две свечи рядом в центре темных квадратов, по одной по краям, еще по добавочной на стыках, и так по всему залу.

Брат Дионий сказал с извиняющейся улыбкой:

— Это для святых таинств...

Но глаза отводил, я сам ощутил укол в сердце, что-то подобное таинство слишком близко к ритуалу вызывания чего-то сверхъестественного. И пусть сатанисты вызывают Дьявола, а эти вызывают... архангелов, самого Господа Бога?.. но суть не меняется, под угрозой сам принцип самостоятельного противостояния человека Злу, Тьме и Сатане.

— Епископ знает? — спросил я.

Он ответил торопливо, все еще не решаясь взглянуть мне в глаза:

— Зачем обременять занятого человека всякими мелочами?

— Это... мелочь?

Он наконец решился поднять на меня взор, в покрасневших глазах скорбь и мука.

— Сэр паладин, не все столь негнизаемы, как вы, так что не спешите судить. Если возникает сомнение в наших... поступках, лучше поговорить с отцом Антиохием. Он ответит на все вопросы. Поговорите с ним с открытым сердцем, без всякой предвзятости...

Без всякой предвзятости, повторил я про себя. Вроде бы и правильно, и в то же время слышится что-то коварное. Так, на грани ультразвука, самым краешком чувств, но все же чуть-чуть тревожит. Как будто призыв к полной свободе, где вместе с отказом от всяких вред-

ных обязанностей освобождаемся и от таких химер, как совесть, честь, достоинство, верность... Человек должен быть предвзятым. Нельзя без всякой предвзятости рассуждать: можно ли читать чужие письма, есть только один ответ — нельзя. Без всяких обоснований. Нельзя, нехорошо, недостойно.

Мне показалось, что идем слишком долго, даже с моим полным отсутствием чутья направления и то ощущаю неверность, а брат Дионий указывал то на одно, то на другое, особенно начал расхваливать монастырскую школу, которая довольно быстро перерастает в самостоятельный факультет.

— Учение — свет, — щегольнул я мудростью, — а не ученых — тьма!

— Как-как? — переспросил он. — Надо записать... Свет веры способен разогнать любую тьму, но любой факел освещает только вокруг себя. Надо, чтобы этих факелов было много, тогда тьму невежества вытесним, и настанет всеобщее счастье...

— Да-да, — поддакнул я. — Как только все станут грамотными, так сразу... Правда, тьма тоже движется со скоростью света, только в обратном направлении. Ну это так, к слову.

Я заметил, что по кельям, мимо которых мы прошли вроде бы случайно, даже ночами готовят к отправке в другие регионы колбы со святой водой, упаковывают связки чеснока, серебряные стрелы, в коридоре я видел целые штабеля остро заточенных осиновых кольев. Брат Дионий, перехватив мой иронический взгляд, недовольно поморщился.

— Когда доходит до дела, надо, чтобы все было под рукой. Нередки случаи, когда вампиры или нечисть ускользали из-за того, что не находилось ни серебра, ни даже осинового кола.

— Дорога ложка к обеду, — согласился я.

Пахло химикатами, а в одном месте так мощно дох-

нуло серой, что мог бы подумать насчет ада, но я помню, что порох тоже изобрели и составили в монастыре. Монах по имени Шварц создал сие эпохальное творение, так что я лишь повел носом и сказал благочестиво:

— Свет разгоняет тьму, но не разгоняет вонь.

Брат Дионий сказал виновато:

— Это временное... Работаем над рафинированием.

Над одним из столов полыхает зеленое пламя. Я присмотрелся: поверхность абсолютно ровная, как стекло, гореть нечему, однако уже в двух шагах ощутил сильнейший сухой жар. В зале довольно тесно, монахи трудятся как муравьи, однако этот стол занимает больше места, чем ему бы полагалось.

Брат Дионий перехватил мой взгляд.

— Этот огонь, — сказал он почтительно, — зажег двести лет тому один из наших монахов. Но не успел объяснить и описать процесс: его с важной миссией к папе. Если бы мы знали, что нам самим не удастся, то задержали бы, а так он отбыл, а огонь все горит... странный, необычный. Его не залить даже святой водой, не говоря уже про речную или морскую...

— Одеялом накрывать пробовали?

Он кивнул, ничуть не удивившись.

— Да, конечно. Чтобы не дать доступа воздуха? Вы смышленный... брат паладин, если такая тайна вам доступна. Видимо, у вас высокая степень посвящения?

— Высокая степень доступа, — поправил я скромно.

Он не понял термина, отчего в глазах и на лице почтительности только прибавилось.

— Возможно, вам даже открыто, почему не гаснет? Увы, ничто не удалось, горит... Пробовали даже песком, сто сорок мешков занесли, засыпали вместе со столом... руки бы вырвать тому, кто посоветовал! Песок раскалился, начал течь, как вода, превращаясь в такой странный студень, что отец настоятель распорядился даже насчет всенощной молитвы, из-за чего потом стыдился,

ибо такие поступки, как он сказал, — попытка заставить высшие силы служить нашему ничтожеству... Он даже епитимию сам на себя наложил! Уж и не знаю, каких трудов стоило потом выгрести этот застывший студень, который с таким трудом разбивали каменотесы! А сейчас у нас нет свободных людей, чтобы занимались разгадкой такого огня.

По ту сторону стен загремело, по залу метнулись сполохи. За окном заблистали молнии. Ветер снаружи бушевал и пытался забрасывать в окна капли дождя и сорванные листья. Я порадовался, что успел добраться до грозы. Брат Дионий гордо указал в окно: на фоне черного неба высится часто озаряемая сполохами высокая башня. На остроконечной верхушке вспыхивает в синем трепещущем огне железный шест, молнии одна за другой тянут к нему трепещущие нити из небесного огня.

— Громоотвод? — сказал я понимающе. — Да, Господь Бог бывает иногда невнимателен. Может шарахнуть и по своим.

Брат Дионий покачал головой, его распирало от гордости.

— Не совсем, — сообщил он таинственным шепотом. — Эту силу на последнем церковном совете признано считать не дьявольской, а угодной Богу. Теперь она вертит колеса... там в подвалах, а также... словом, запасается впрок.

Я тихонько присвистнул, брат Дионий с удовольствием смотрел на мое пораженное лицо, потом тень сомнения мелькнула в глазах.

— Что же вы не креститесь, сэр рыцарь?

— С чего бы? — удивился я. — Вы обуздали небесное электричество, самую чистую силу, какая только есть в этом мире... Чего креститься, я вас поздравляю!

Он вздохнул.

— Спасибо. Но у нас были такие долгие дебаты... Отец Зосий, к примеру, вообще покинул монастырь,

заявив, что кощунственно красть огонь с небес. Есть и среди нас недовольные, увы...

— А можно посмотреть на машины в подвале?

Он окинул меня пытливым взглядом.

— Вообще-то отец настоятель ничего не говорил, но если пообещаете ничего не касаться...

— Обещаю, — сказал я твердо. — Я что, похож на дурака? Чтобы меня шарахнуло разрядом в тысячу вольт?

Он усмехнулся, изумление в глазах росло.

— Похоже, вы, паладины, знаете больше нас.

— Это насчет «шарахнуть»?

— Мы думали, что это известно только в нашем монастыре... Следуйте за мной, брат.

Глава 6

В подвале поразило несоответствие этих грубых примитивных механизмов с той мощью, что производят. То же самое, как если бы ветряные мельницы, на которые бросался Дон Кихот, вырабатывали атомную энергию. Более того — термоядерную. Здесь же вообще хрен знает что, может быть, даже разгрызают кварки, а то и вовсе используют темную энергию, что заполняет мир. Как-то сумели понять какие-то принципы... нет, если бы поняли, здесь стояло бы другое оборудование, а так чисто эмпирически, методом проб и ошибок, как дикари, что отыскивали вечный карманный фонарик и научились включать и гасить свет.

Но все-таки пытаются понять, ищут старые книги, доискиваются, читают молитвы, выдерживают жуткие посты, не понимая, что это не поможет, а на решения натываются вовсе не благодаря постам и молитвам. Хотя знатоки говорят, что посты очищают и настраивают мышление на логический лад, а молитвы помогают концентрации на идее и ее разработке...

Странная и неожиданная мысль блеснула, как метеор

в ночи. Хотя почему не поможет? Ведь помогает же! Святая вода в самом деле убивает оборотней и нечисть, молитвы держат на расстоянии, а все силы Тьмы не могут сокрушить монастыри, где вера в Бога крепка. Так что я со своим рационализмом понимаю еще не все. К счастью, я знаю точную формулировку рационализма — это вера, что мир не сложнее наших представлений о нем.

Брат Дионий долго смотрел на меня очень внимательными вопрошающими глазами, на чистом лице сразу же отпечатываются все мысли. Такому не выжить в грубом чувственном мире, слишком уж нежный, одухотворенный цветок. Ему бы с детства блистать на школьных олимпиадах, в двенадцать лет закончить школу, в пятнадцать — вуз, а в шестнадцать опубликовать первую научную работу о некоторых особенностях темной материи при n -ой флуктуации в шестимерном пространстве...

— Вы смотрите так, — произнес он тихо, — словно некоторые из них узнаете...

— Увы, — ответил я невесело, — даже не догадываюсь о принципах работы.

— Но вы строите догадки!

— И что?

— А то, что большинство из тех, кого допускали сюда, либо бросались ломать, либо начинали читать молитвы, ограждающие от дьявола! А вы стараетесь понять, вы что-то примеряете, сравниваете, сопоставляете...

— Увы, — повторил я. — Увы. Я даже не понимаю, на каком принципе работает.

Он вздохнул.

— Мне кажется, что, если бы вы остались у нас, сумели бы подобрать ключ к этой тайне.

— Мир груб и жесток, — ответил я, — все наши усилия направлены в основном на то, чтобы уцелеть, выжить. А на занятия наукой остаются редкие минуты из вообще-то очень короткой жизни. Завтра мне предстоит неприятная работа: восстанавливать на троне одного

тирана вместо другого. Выигрыш только в том, что вместо очень грубого дурака постараемся поставить просто грубого. Но дурака, конечно. К сожалению, не пришло еще время, чтобы у власти становились умные люди.

Он снова вздохнул, развел руками.

— Боюсь, что это время так и не наступит.

— Да, — ответил я горько, — чтобы прорваться к власти, прежде всего нужно быть сильным и безжалостным, не считаться с человеческими жизнями. Наверное, вы правы, брат Дионий. В приход такого времени даже поверить трудно.

Он поклонился.

— Ваша келья наверху прямо над этим подвалом. Позвольте отведу.

Отужинал мясным со специями. Спал прекрасно, но Санегерия, увы, не появилась. Видать, в такие места либо вход закрыт, либо самой очень не нравится скопление мужчин, что такого низкого мнения о чувственных радостях.

Утром, подкрепившись чашечкой крепкого кофе, явился к отцу Антиохию. У него уже два хмурых священника, настоятель представил их как отца Клавдия и отца Нерия. У обоих вытянувшиеся лица, у отца Нерия еще и темные круги под глазами.

Отец Антиохий сообщил невесело:

— Сегодня не вернулись еще двое.

— Заночевали в городе? — спросил я несколько глупо, хотя под ложечкой засосало, как будто оттуда под наркозом выдрали клочок плоти. — Или обязаны были вернуться?

Он покачал головой.

— В уставе нашего монастыря таких ограничений нет. Однако... я ждал их.

— Ну а если не сумели, просто не успели собрать нужные материалы?

Он поднял на меня измученные глаза.

— Они должны были... Словом, я их ждал. И еще... тех двоих, что я послал проследить за тем вашим черным монахом, так и не нашли. Это уже четверо пропавших. Каталаун не так уж и велик, а наш монастырь пользуется влиянием. К поискам подключились цеховые гильдии, люди торгового клана, однако братья из нашего монастыря как растворились в ночи. Я уже страшусь за остальных людей... когда они в городе!

Отец Клавдий добавил педантично:

— Когда вообще вне стен монастыря.

А отец Нерий, считая, видимо, меня дебилом, раз я на голову выше и на треть шире в плечах, зачем-то начал мне путанно и длинно объяснять, что церковь — это такое место, которое Сатана люто ненавидит и мечтает уничтожить прежде всего. Сильнее, чем церковь, ненавидит разве что монастыри. Потому их укрепляют, как крепости, потому здесь ведется неустанная борьба. Потому дьявол не перестает атаковать церковь всеми силами, какие у него есть: руками людей, деньгами, а главное — ложью, ибо известно, что дьявол — отец Лжи.

Я кивал, он говорит хоть и пропагандистские вещи, некоторые — чересчур пафосно, однако в целом все верно. Именно монастыри и церкви — основной костяк сопротивления Сатане. Как известно, Господь создал мир и сказал человеку: видишь, как красиво? Он твой. Ты в нем хозяин! Ты можешь сохранить его таким же прекрасным, можешь попытаться сделать еще лучше, а можешь... засрать все так, что и черви не захотят в нем жить.

Настоятель вздохнул, лицо сразу постарело, заговорил тяжелым голосом смертельно усталого человека:

— Самое страшное... что не можем сказать людям правду.

Я поинтересовался настороженно:

— Какую же, падре?

Он вздохнул еще тяжелее. Плечи опустились под незримой тяжестью.

— Не можем сказать простолюдинам... а в этом простолюдины все: землепашцы, пастухи, воины, бароны, короли, что Господь, сотворив мир, больше не вмешивается, предоставив человеку полную свободу воли, а вот Сатана, его противник и ненавистник человека, вмешивается во все очень активно.

Отец Клавдий тоже вздохнул и сказал кротко:

— Если люди узнают такое, многие обратятся к Сатане. Простые люди всегда бегут под защиту сильного!

— А как же, — спросил я, — что не в силе правда, а в правде сила?

Настоятель невесело искривил губы.

— Это слова. Они еще не вошли в плоть и кровь. Человек все еще слаб.

— Вы хотите сказать, — произнес я значительно, — что Господь просчитался, дав человеку полную свободу столь рано?

Отец Антиохий взглянул на меня из-под толстых нависших бровей.

— Юноша, не ловите меня на слове. Вы не инквизиция... да и ей я не по зубам. Мы здесь на переднем крае войны с Сатаной. У нас постоянно гибнут воины Христа, но так же постоянно приходят новые. Бой идет нещадный, бесконечный. Вам на благополучном мирном Севере такое и не снилось! Я знаю, что говорю.

Отец Нерий добавил мягким голосом пастыря, разговаривающего с неразумными крестьянами или дровосеками:

— Когда Господь сотворил человека, Сатана бешено возревновал, начал хулить человека, а когда Господь велел всем ангелам поклониться человеку, Сатана отказался, за что и был низвергнут на землю. Теперь он старается доказать Богу, что человек — ничтожество, что та божья искра, которую вдохнул в него Бог, давно угасла.

Увы, Господь бездействует, человек остался с Сатаной один на один...

В келье повисло тяжелое молчание. Я первым пошевелил плечами, доспехи отозвались надежной тяжестью.

— Святые отцы... Не мне, рядовому паладину, давать вам советы. Но укрепитесь духом, пожалуйста! Я уже видел, когда победа Сатаны была неизбежна... так казалось, но затем люди опрокидывали что-то в себе, а вместе с этим и силы Зла. Нет человека, в котором бы божья искра погасла... совсем. Только в одних горит как солнце, у других — как факел, у третьих — как лампадка. Еще больше таких, в душах которых искра тлеет под грудой сырых поленьев, ее не видно, но она негасима, она есть. Эта искра есть даже у тех, кто давно служит Злу, совсем не подозревая, что в каждом из них все еще есть эта искра...

Они смотрели на меня с недоверием, я чувствовал, что меня понесло, как Остапа, но неожиданно ощутил в себе странное желание говорить вот такие вещи. Это, оказывается, хорошо, а ведь раньше и помыслить не мог, чтобы сказать что-то доброе, это ж сразу признать себя в какой-то ущербности: крутой и независимый должен на все поплевывать, обо всем отзываться презрительно.

Я чувствовал, что на мне самом с треском лопается защитная оболочка и с шорохом осыпается крупными скорлупками. Все мы от неуверенности и внутренней ущербности предпочитаем обо всем вокруг себя говорить гадости, отзываться свысока, тем самым как бы приподнимая себя, ведь когда другие в дерьме, то мы вроде бы чище. Но и другие так же точно расплескивают дерьмо во все стороны, и вот мы все в дерьме по ноздри, теперь уже надо всем глотать, чтобы удержаться на плаву.

Оба смотрят на меня как-то странно, я снова повел плечами.

— Извините, для вас это прописные истины. Это мне нужно формулировать жизненные ценности заново...

Отец Клавдий и отец Нерий смолчали, а настоятель проговорил надтреснутым голосом:

— Брат паладин, вашими устами говорил сейчас сам Господь.

— И устыдил нас, — добавил отец Клавдий смиренно.

— Да ладно вам, — сказал я, — не смейтесь. Вы не представляете, из какого... королевства пришел я! Вы сказали бы, что Сатана там победил целиком и полностью. И что все поклоняются Сатане. Хотя, правда, действительно поклоняются. И простой народ, и правители. И я один из таких «всех».

Они разом поднялись, к моему изумлению, отвесили мне глубокие поклоны.

— Спасибо, — проговорил настоятель изменившимся голосом, я ощутил в нем слезы, — спасибо, брат, что пристыдил, что попенял. Мир жесток, мы в нем воины Христа! И не будет отдыха, пока не очистим его от Тьмы.

— Аминь, — ответил я.

Не стоит даже намекать, что очистить от Тьмы мир не удастся никогда: очистим от того, что называем Злом сейчас, возьмемся за то, на что сейчас не обращаем внимания. Когда-то Злом считалась неуживчивость в пещере, а любителей бить и кусать сородичей изгоняли из пещер. Потом Злом объявили каннибализм, промискуитет, человеческие жертвоприношения, а я застал борьбу со Злом уже в виде борьбы за право на свободу информации, за безвизовое пересечение границ. А когда это будет достигнуто, продолжим чистить и улучшать человека... так что борьба со Злом никогда не кончится.

Глава 7

Настоятель вышел со мной во двор, монахи у раскрытых ворот растерянно разводили руками. Я свистнул, из черноты конюшни, как порождение ночи, выметнулся мой гигантский конь, приветливо заржал,

взмахнул хвостом и тряхнул гривой. Я обнял за шею и поцеловал в теплые замшевые губы. Он фыркнул, но по глазам вижу, что понравилось.

Отец Антиохий переступал с ноги на ногу, я видел, что пытается что-то сказать, задержался, положив ладонь на седло.

— Да, — произнес я. — Да, отец Антиохий. Я слушаю, говорите.

Он вздохнул, помялся, заметно, как не хочется что-то говорить вслух, даже огляделся по сторонам и, убедившись, что поблизости никого, сказал, на всякий случай понизив голос:

— Сэр Ричард... ситуация очень деликатная, как вы понимаете... Надеюсь... понимаете. Дело в том, что нельзя бороться против Зла... не замарав руки. Очень трудно бороться с тем противником, который, в отличие от нас, бьет и в спину, и ниже пояса, бьет лежащего, спящего, нарушает клятвы и обещания...

Он умолк, не в силах продолжать, лицо страдальческое, еще раз оглянулся опасливо, я торопливо пришел на помощь:

— Святой отец, один наш мудрец сказал, что если Бога нет, то все можно... И сам ужаснулся. Человек — это такая тварь, что без запретов — из всех тварей тварь, из всех скотов скот, из всех гнусностей — наибольшая гнусь. Так что Бог есть, без него просто нельзя. Это я к тому, что как бы невзначай хвалюсь своими высокими морально-этическими установками. Мол, хоть и атеист, но без Бога жить нельзя, признаю. А второе, святой отец, вы будете удивлены, но я прекрасно осознаю всю сложность вашего положения. Вы абсолютно правы, что наш мир Добра и Света должен базироваться на нерушимых моральных принципах. Весь мир!.. И все люди должны свято верить, что нельзя бить лежащего, нельзя в спину, нельзя прибегать к магии, нельзя обманывать... Однако же, чтобы сдерживать натиск Врага,

должны быть освобожденные от этих табу. Иначе не смогут на равных, как вы верно сказали, с теми, кто и в спину, и магией, и хитростью...

Он с облегчением вздохнул, лицо прояснилось, сказал быстро:

— Не освобождены, сын мой, а на некоторое время освобождаемы... увидь разницу! А потом такой человек должен раскаяться и очиститься от греха. В остальном же ты абсолютно прав. И еще одно, очень важное: общество не должно знать, что мы иногда прибегаем и к таким мерам! Люди должны верить, что всегда побеждаем только кротостью, молитвой и святостью.

— Понимаю, святой отец.

Он посмотрел в мое лицо очень внимательно.

— В самом деле? Что-то не вижу в твоих глазах смятения, душевной муки, борьбы. Ты слишком легко это принял, а ведь это... это должно потрясти честную благочестивую душу.

— Понял, — заверил я, — хорошо понял, святой отец. Ни одно государство, ни одна крепкая структура не в состоянии выжить без тайной службы. Народу во все не обязательно знать о ее методах. Главное — баланс! А общий баланс должен быть в пользу святости.

Он напомнил:

— Но обязательно после каждой победы над Тьмой... такими методами, ты обязан исповедаться ближайшему священнику... а если у тебя есть в нем сомнения, то дождись встречи с настоятелем монастыря. Но исповедаться и очиститься нужно обязательно!..

— Сделаю, — пообещал я.

Он вздохнул, сказал почти умоляюще:

— Ты обещаешь, дабы отмахнуться. Но исповедь нужна не нам, а тебе самому. В исповеди ты очищаешь душу и делаешь ее более стойкой к новым испытаниям.

— Сделаю, — пообещал я уже серьезнее. — Поверьте, святой отец, я представляю работу таких структур.

В моем... королевстве такую работу некоторые даже считают интересной, романтической, увлекательной.

Он зябко передернул плечами.

— Глупцы!

— Просто мальчишки, — поправил я. — Даже если с бородами. Вы же знаете, можно стареть не умнея. А я умные книги читал... ну это я так, комплекс у меня. Повторяю, чтобы самого себя убедить, что в самом деле читал.

Зайчик довольно ржанул, когда я вставил ногу в стремя и поднялся в седло. Я разобрал поводья, отец Антиохий окликнул, лицо скорбное, сказал погасшим голосом:

— Не знаю, надо ли говорить, но некогда наши поручения выполнял и славный рыцарь сэр Галантлар... Да-да, мы знаем о том, как он закончил. И от чьего меча пал. Он был силен и смел, но слишком близкое знакомство с Тьмой постепенно источило его душу. Он стал груб, высокомерен, перестал ходить на исповеди, а затем и вовсе Зло и Порок затопили его душу.

Я невольно передернул плечами.

— Спасибо за гостеприимство, отец настоятель.

Я мчался по зеленой траве, где у самой земли ползут темные призрачные струи. Странно видеть торчащие из черного тумана зеленые стебли с яркими цветами, прыгающих кузнечиков и беззаботных бабочек, но, видимо, черный туман не вредит тем, кто не имеет души. Наверное, он также не вредит тем, у кого мертвые души, пустые души, черствые, мелкие, подлые...

Конь сделал огромный прыжок через мелкую речушку, сразу перемахнув на другой берег. Меня потрянуло так, что все кости брякнули, инстинктивно сморщился и бросил опасливый взгляд на кисть руки. Из груди вырвался вздох облегчения. Сустав вернулся к прежним размерам, словно не было внутри никакого нарыва. Думаю, проблему отторжения древние решили

надежно и бесповоротно еще в самом начале, без этого нельзя даже почки пересадить или провести шунтирование клапанов сердца.

Несколько раз сжал и разжал пальцы. Все работает в прежнем режиме, что хорошо и... разочаровывающе. Если сжимаются с прежней эргономикой, а не так, чтобы дробить камни и фаланги тех, кому пожму руку, то зачем старался и терпел муки?

Ветер ревел в ушах, земля под ногами сперва мелькала, как под колесами экспресса. Затем слилась в мерцающую полосу, а я зарылся лицом в гриву, пусть ураган ревет и пытается сорвать доспехи со спины. Шаг — это две-четыре мили в час, рысь — восемь миль, галоп — пятнадцать-восемнадцать, а самая что ни на есть крейсерская скорость, которую могут выжать кони, — это карьер — до тридцати пяти в час. Так вот сейчас мы проламываемся сквозь пространство со скоростью не меньше чем сто миль в час, и, если нас увидят, не миновать обвинений в колдовстве...

Наконец под ярко-синим небом открылась ровная, как стол, зеленая долина, лишь в одном месте два пологих холма, между ними турнирное поле, а слева могучая дубрава, где рыцари могут отдохнуть и выплакаться. Разноцветных шатров участников турнира и знатных гостей прибавилось. Подтянулись опоздавшие, да и вообще главное блюдо — *mêlée*!

Я выждал, когда на дороге показался обоз в десятках подвод и в сопровождении двух десятков всадников, догнал, поинтересовался, кто и куда, вместе с ними поехал, не привлекая внимания. Трое купцов, скинувшись, закупили у охотников оленину и кабанов, теперь мечтают заработать, продав все на турнире местным воротилам.

— Оптом? — спросил я. — Эх, мало вас били на уроках экономики... лучше всего сами поставьте жаровни и продавайте уже жареное мясо! Так заработаете впятеро больше.

Они переглянулись, один сказал нерешительно:

— Мы никогда этим не занимались...

— Купцами не рождаются, — подбодрил я, — нужно захватывать новые рынки сбыта!

До города добрались, увлеченно разбирая детали, как строить отношения с местными, что уже держат съестные лавки, снабжают участников и гостей турнира провизией.

Прямо от ворот я направился к постоялому двору, внимательно прислушиваясь к разговорам на улицах. Либо что-то недопонял, либо померещилось насчет смены правления, но народ все так же стоит и судачит либо насчет цен, либо о шансах победить в *mêlée*. Правда, в программе турнира объявлен перерыв на сутки, но, как объяснили герольды, это чтобы дать бойцам лучше подготовиться к жаркой схватке. Завтра и послезавтра с утра парные схватки и *mêlée*.

Похоже, народу везде по фигу, кто захватывает власть, главное, чтобы вдоволь панэм эт цирцензес. Лишь в одном месте я услышал обрывок разговора, как это герцог сумел так ловко свергнуть законного короля, но тут же перешли на более интересную тему: у кого больше шансов одержать победу в *mêlée*: у рыцарей герцога Ланкастерского или его противников?

Везде говорят только о предстоящей схватке между отрядами, обсуждают шансы на победу герцога Валленштейна, сравнивают с турниром в Лозанне, где народу было хоть и побольше, но знатных рыцарей съехалось меньше, сам турнир длился только три дня, только один убитый, а покалеченные не в счет...

Похоже, не один я считаю, что король Барбаросса и герцог Ланкастерский одинаковые мерзавцы. Или не обязательно мерзавцы, но разница между ними не настолько заметна, чтобы из-за смены шила на мыло пропустить турнир.

Когда я проехал через ворота постоялого двора, к

нам бросился мальчишка, помощник конюха, но взглянул на небо, споткнулся и с размаху растянулся, раскинув руки.

Я задрал голову, холод прокатился по телу, будто обдало мельчайшей водяной пылью из незримого фонтана. Плечи передернулись, я с трудом одолел желание броситься под защиту стены, там тень, снова посмотрел вверх.

К городу плывут, раскинув призрачные крылья, сквозь которые слабо светит солнце, огромные летучие мыши, если только летучие мыши могут летать днем. Иногда крылья слабо шевелятся, тогда темное чудовище либо поднимается выше, либо меняет курс, а так двигаются, почти не шевеля крыльями. Проплывают над городом, затем слегка опускают одно крыло вниз, другое задирается вверх, и, совершив по всем правилам поворот, словно и призраки подчиняются тем же законам воздушной среды, либо разворачиваются обратно, либо плывут вдоль городских границ, не выходя за незримые пределы.

Я стискивал челюсти, чтобы не так трясло, я словно голый на морозе, плата за то, что могу видеть чуточку больше других, налог на чувствительность. Вон прошла группа гуляк, орут песни, всем весело, никто не чувствует. Здесь, как и везде, кто чувствует ее раньше, того и бьют. Как свои, так и чужие.

Из всей толпы только один человек бросил затравленный взгляд вверх, мелькнуло белое лицо. По одежде вроде бы монах-послушник, такие вроде бы не должны еще видеть, разве что наделен особой чувствительностью, как вот тот мальчишка...

Наши взгляды встретились, в его глазах мелькнуло удивление и замешательство, словно увидел играющего на арфе коня. Да и то скорее конь научится играть даже на лире, чем у рыцаря появится чувствительность еще к чему-либо, помимо ударов по голове.

Сэр Смит в нижнем зале, перед ним пустой кубок, лицо обрюзгло, глаза налиты кровью. Вид настолько угрюм и озлоблен, что никто не решается подсаживаться за его стол. Я проскользнул ближе, все так же стараясь не привлекать особого внимания, тронул сэра Смита за плечо и сказал быстро:

— Не оборачивайтесь, благородный сэр Смит, умоляю вас!..

Плечо под моими пальцами напряглось, застыло, а я добавил тем же быстрым шепотом:

— Это я, сэр Ричард. Сэр Смит, я, кажется, отыскал способ, как вам разом обрести все... или же потерять все то, что у вас есть.

Он бросил быстрые взгляды по сторонам, но немногие посетители торопливо жрут и спешат к турнирному лагерю, одинокий слуга несет, натужившись, широкий поднос с грудой мисок, ответил шепотом:

— Мое «все, что есть» — почти ничего, так что я легко ставлю все на кон... Что случилось, сэр Ричард? Вы так неожиданно исчезли, что я просто не знаю, что и думать... Неужели лямурные приключения? Правда, здесь хватает прехорошеньких. А вам, как победителю турнира...

— Ступайте на задний двор, — прервал я. — Там нас не увидят.

Минут через десять я отыскал его в закутке между пустым складом и неработающей кузницей. Он увидел меня и вошел в кузницу. Я скользнул следом, проследив, чтобы никто не заметил, и прикрыл дверь.

— Сэр Смит, — сказал я без обиняков, — король Барбаросса уцелел. Шансов вернуться на трон у него один к десяти, если не меньше, так что если на него поставить... то можно сорвать куш. Большой куш!

Он слушал внимательно, с трудом скрывая изумление.

— Я слышал, — проговорил он, — что короля изранили так, что он прямо сразу кончился.

— Господь милостив, — сказал я, — к своим сторонникам. И сурово наказывает тех, кто прет супротив. В смысле, Gott mit Uns. Не сам, конечно, карает, он слишком мягок и благостен, но эту роль мы с превеликим удовольствием взяли на себя. В смысле, служить орудием Божьего гнева. И мщения. Так что подумайте...

Он прервал:

— И думать нечего! Возле герцога не протолкнуться от его сторонников. Я уже пробовал. Все куски, выпадающие из его пасти, подхватывают на лету. В прыжке! А вот если при короле подсуется...

— Вы зрите прямо в корень, — одобрил я. — Рад в вашем лице найти такого понимающего и современного человека, которому не надо объяснять азы экономики. Король просто обязан будет наказать отступников и щедро наградить сторонников. А так как сторонников совсем мало, а отступников много...

Он сказал в нетерпении:

— Да понял, понял! Раздача будет будь здоров. Что нужно?

— Перво-наперво, — сказал я, — возле короля должен быть верный человек, пока я изыщу сторонников. Король — не сахар, но он противостоит натиску Юга, а это, как мне кажется, стратегически верно. Я не был на Юге, но когда увидел этих... рыцарей-южан, чем-то мне этот Юг совсем разонравился.

— Едем сейчас?.. Ох, простите, сэра Ричард, — сказал он с раскаянием. — вы, наверное, проделали долгий путь, вам нужно поужинать и хорошо выспаться...

— Не только, — ответил я. — Я намерен принять участие в турнире.

Он ахнул.

— Что?.. Сэр Ричард! Я думал, вы знаете...

— О чем? — спросил я тревожно, сердце заныло, словно с него сняли кожу. — Меня искали?

— И сейчас ищут, — заверил он с готовностью. —

Сперва сюда нагрянули какие-то непонятные люди, все спрашивали о вас, потом после них явились двое в монашеских капюшонах, но монахи из них как из меня праведник. Тоже интересовались вами...

— Никто из них не остановился в гостинице?

— Нет, — заверил он, — но мне кажется, один поселился в доме напротив. Он видит не только тех, кто входит и выходит, но если окна не зашторены... Скверный тип. Скользящий такой, с бегающими глазами,

— Тогда шпион, — определил я. — Они все с бегающими. Их можно бы арестовывать только по злодейским харям. А что городская стража? Личная охрана герцога?

Смит отмахнулся.

— Эти все во дворце. Нет, сэр Ричард, в городе чересчур вольничают ч у ж и е. Даже не столько вольничают, они как раз держатся ниже травы и тише воды, но уж очень настойчиво лезут везде! Все визнают, и, поверите, как-то страшновато, как будто их всех ведет некая могучая сила...

Я поколебался, лучше бы, конечно, все бросить к черту, как раз это и есть настоящая сила, а не люди герцога. Но, с другой стороны, герцог может действовать открыто, а эти сами таятся, прячутся, им пока нельзя на поверхность, рано открывать лица.

— Сэр Смит, — сказал я по-рыцарски туповато, но мужественно, — не будем обращать внимания на чернь, на это разгулявшееся быдло! Надо будет, укоротим им языки. А то и головы. Главное, что герцог не посылал меня разыскивать. Это очень важно. А в турнире мне участвовать надо.

— Приз? — спросил он понимающе.

— Еще какой, — ответил я. — Мне нужно выйти в город, сэр Смит.

Он спросил догадливо:

— По делам личным? Здесь, скажу вам, такие сочные попадают, а одна... графская дочь, так и стреляет

глазами, с кем бы завести роман! Я уж было собрался, но как увидел ее мать, обомлел...

— Нет, — сказал я с неловкостью. — Меня просили заглянуть к бенедиктинцам и передать пару слов.

— А-а-а, — сказал он разочарованно, — вы ж паладин, понятно...

— Что вам понятно? — спросил я с подозрением. — Вы о чем? Ладно, если хотите, можете меня сопровождать. Надеюсь, здесь не поймут превратно, когда увидят двоих мужчин. А что сказали бы в моем королевстве, если бы узнали, что мы с вами делим одну комнату на двоих...

Он не понял, на что намекаю, я разъяснять не стал, вышли из кузницы, бегом оглядел двор и улицу через распахнутые ворота. Во дворе уже устаканилось, хотя народу вроде бы даже прибавилось, зато не бегают с ополоумевшими глазами, все распределены, пристроены, а челядь усвоила, у какого вельможи какие запросы и капризы. На улице тоже спокойно, даже как-то не по себе. Все-таки государственный переворот, ну что за народ, что за народ...

На улицу я вышел, на этот раз не сутулясь и не скрывая лицо. Абсолютно безгрешен, в связях, порочащих меня, был, но не замечен. У герцога нет против меня улики, да и слишком мелкая я сошка, чтобы обращать на меня внимание...

Глава 8

Буквально на первой же улице наткнулись на фон Клаузенца, рыцаря-южанина, который первым предупредил меня, что я убил наследника герцога Валленштейна. Наткнулись так, что уж никак не юркнуть в подворотню или свернуть в боковую улочку, он как из-под земли вырос, сразу же улыбнулся очень широко и радостно, ну просто ликующе. Аккуратно подбритые усики слегка топорщились, зубы сверкнули, как жемчужины:

— Сэр Ричард! Какая встреча... Я уж думал, вас больше не увижу.

— Почему? — удивился я.

— Говорят, вы так неожиданно исчезли во время королевской охоты...

Губы продолжали улыбаться, но глаза стали острыми, как буравчики. Я отмахнулся.

— Вам надо было принять участие в охоте, чтобы увидеть этот кошмар. Там просто не может быть ничего ожидаемого. В том проклятом лесу всякий заблудится. В моих краях редко где увидишь рощу, все поля да зеленые долины с вот такой — не поверите! — травой. А здесь все понесли, как сумасшедшие, через кусты и коряги. Я сразу же изорвал не только одежду, но и сапоги, а когда остановил наконец коня, вокруг только деревья. Да такие, что на верхушки лучше не смотреть... Прислушался, вроде бы услышал рог, поехал туда, потом рог умолк, но наткнулся на целое стадо троллей...

Он сочувствующе кивал, глаза оставались такими же колючими, однако я изображал сильно раздраженного таким нелепым занятием, как охота в дремучем лесу, то ли дело в наших королевствах, когда зверя гонишь по крестьянским полям, вытапывая посевы: всегда видно рогатую голову...

— Вам повезло, — сообщил он, — несколько знатных дворян вообще не вернулось с охоты.

— Да что вы говорите, — изумился я. — Тоже заблудились? Слава богу, мне будет не так стыдно.

— Хуже, — ответил он. — Они не только заблудились, но и попали в лапы лесных зверей. Только сегодня нашли их останки...

— Господи! — воскликнул я. — Король не пострадал?

Он скорбно опустил уголки рта.

— Король, судя по всему, сражался долго и отважно. Удалось отыскать только его плащ, весь залитый кро-

вью, разорванный лапами чудовищ. Тела, увы, не нашли. Видимо, звери утащили труп в норы, надо же кормить детенышей... Королевством сейчас управляет герцог Ланкастерский. Если в течение трех суток не удастся отыскать короля живым, архиепископ коронует на престол герцога.

Я ответил с полнейшим равнодушием:

— Ну, нам все равно, лишь бы турнир не отменили. Но не рано, всего через три дня?

— Королевство не может быть без короля, — ответил он значительно. — Иначе начнется всякое...

— Да-да, — согласился я, — тут же знатные роды начнут выдвигать свои кандидатуры. А вторая половина турнира пройдет в полной мере? Парные состязания не отменяются? А схватки на топорах?

Он наконец улыбнулся, заверил уже другим голосом:

— Все в полной мере, даже чуть больше: герцог распорядился добавить соревнования лучников. А еще будет драка на кольях.

— Это неплохо, — согласился я. — Правда, это для простолюдинов, но мы все посмотрим с удовольствием. Вы, кстати, почему не были на охоте? И вообще никого из южан?

— У нас были другие дела, — ответил он коротко. Улыбнулся с покровительственным видом, ушел, а мы с на удивление молчаливым сэром Смитом пошли в центральную часть города.

И все-таки патрулей стало вдвое больше. По городу и окрестностям разъезжают конные, слишком уж внимательно всматриваются в лица всех встречных-поперечных. И еще я ощутил, как несколько раз меня обдало знакомым уже холодком, кто-то пытается тайком заглянуть, таков ли я, каким выгляжу.

Несколько раз встречные смотрели на меня как-то странно. И хотя я таков, каким выгляжу, однако загля-

нуть под мою шкуру не удастся. Впрочем, для большинства прибывших колдунов это делает меня своим. Вряд ли все знают друг друга: для захвата королевства силы набирали отовсюду.

На одной из улочек послышались шаркающие шаги, пьяные вопли, показался шатающийся из стороны в сторону мужик с разлохмаченной бородой. Он пытался петь, в одной руке сжимал горлышко кувшина, явно пустого, потому что, когда запрокидывал над жаждущим ртом, оттуда даже не капало, однако он этого не замечал, вскрикивал, бормотал, пел и молился попеременно.

Завидев нас, воскликнул ликующе:

— О, знатные господа не откажут бедняку в медной монетке!

— С какой стати? — спросил я.

Лицо показалось знакомым, а мужик подошел вплотную, волна перегара едва не сшибла с ног. Он вдруг сказал совсем тихо:

— Дальше в переулке вас ждут не меньше десяти человек. У троих — арбалеты.

Я дал ему серебряную монету, а он пошел дальше, распевая похабную песню. Мы постояли мгновение, сэс Смит обеспокоенно прошептал:

— Десятеро? Пожалуй, надо вернуться.

— И что?

— Позовем кого-нибудь в помощь. Или кликнем стражу герцога, он следит за порядком жестко.

Я подумал, сказал с сожалением:

— А они устроят засаду в другой раз и в другом месте. Нет уж, придется идти. Только вы, сэс Смит, не спешите! Пройдите чуть, остановитесь отлить, все время ругайтесь со мной... а я быстренько постараюсь выйти с другой стороны улицы. Очень не люблю эти арбалеты! Не зря церковь запретила их, как подлое изобретение дьявола.

Он посмотрел на меня с сомнением.

— Сэс Ричард, десять человек...

— Не вступайте в бой, — предупредил я, — пока не услышите мой крик!

— Крик?

— Победный, — объяснил я. — Крик ярости и жажды крови. Как у вампира.

Он вздохнул.

— Ну почему, когда я готов свершить подвиг, меня не видит ни леди Камила, ни леди Ванесса, ни даже леди Сесиль?

— Все они такие, — согласился я, — сказано: женщины! Дуры.

Я быстро отступил, затем побежал, огибая громадный дом. На той стороне улицы попалась пьяная ватага, с ходу предложили остановиться и выпить, а если не могу пить, то у них есть горячая подружка. Их голоса растаяли в ночи, ветер свистел в ушах, я быстро обогнул еще угол, где уже побежал на цыпочках, молот в руке.

Несколько человек расположились по обе стороны улицы, все показались настолько беззаботными гуляками, что я заколебался, всмотрелся внимательнее. У троих мужчин в руках оголенные мечи, но прячут под плащами, другие держат ладони на рукоятках, не вынимая из ножен. Самое главное — трое со взведенными арбалетами в руках. Двое у одной стены, третий — напротив. Никто не взводит заранее, если не собираешься вскоре стрелять, глупо растягивать тетиву и расшатывать механизм. Эти люди готовятся убивать.

С той стороны донесся пьяный голос приближающегося сэра Смита. Он ругался, спорил, убеждал, чувствует, что вот-вот появится из-за угла. Арбалетчики насторожились, повернулись в сторону голоса, все трое приложили приклады к плечу. Мужчины с мечами ждали.

— Убийц в плен не берут, — напомнил я себе фронтное правило. — Получите!..

Молот вылетел бесшумно, лишь один из арбалетчиков успел чуть повернуть голову, страшный удар смял

его, как картонную коробку, бросил на других, калеча и уродуя, я выставил ладонь, хватая молот, и в этот момент второй арбалетчик, круто развернувшись, выстрелил, почти не целясь. Страшная боль пронзила запястье, я вскрикнул, молот выпал и больно ударил по ноге.

Мужчины обернулись, несколько мгновений всматривались в темноту, кто-то из них крикнул, и трое с обнаженными мечами двинулись в мою сторону. В это время на той стороне улочки показался сэр Смит. Он все еще бормотал и ругался, изображая пьяного, но когда увидел кашу из вопящих и орущих людей, выхватил меч и с боевым кличем бросился вперед.

Хрипя и скрежеща зубами, я сосредоточился на скорейшей регенерации. Руку жгло, как будто в нее вогнали раскаленный гвоздь, но металлический штырь выползал, выползал, наконец упал наземь, молот послушно подпрыгнул и оказался в руке. Я поспешно метнул его прямо в надвинувшихся воинов. Металлический удар, скрежет и треск костей прозвучали разом. Я целил в грудь переднего, но задел еще двоих и разбросал их в стороны. С мечом в руке я прыгнул навстречу. Ошеломленные, они только пытались сообразить, что же случилось, а я нанес два разящих удара, и двое с рассеченными головами опустили на землю.

— Держитесь, сэр Смит!

— Без вас управлюсь...

Он отбивался с трудом, шлем с его головы сбили, плечо окрасилось кровью, трое теснили, и, когда я добежал, рыцаря уже прижали к стене. Они не успели даже обернуться, я без всякого рыцарства одного рубанул в затылок, второй начал оборачиваться, но острое лезвие рассекло ему бровь и скулу. Он вскрикнул, выронил меч, я торопливо ударил еще, из рассеченной головы брызнули темные фонтанчики.

Сэр Смит воспрянул духом, последний противник начал в испуге оглядываться, я занес меч, но не ударил,

только пугал, и сэр Смит развалил ему голову, как спелую тыкву.

— Поздравляю, — сказал я.

Он пошатывался в изнеможении, я обнял будто в дружеском поздравлении, однако сосредоточился на заживлении. На миг в груди похолодало, что значит, Смит в самом деле досталось, дышит тяжело, но очень скоро грудь перестала вздыматься бурно, выпрямился и повел очами по сторонам.

— И что... мы их всех?

— Ни один не ушел, — ответил я с запоздалой жалостью, — а надо бы узнать, кто подослал...

Он фыркнул.

— А то вы не знаете!.. Ладно-ладно, быстрее уходим. Сюда уже прут.

Мы поспешно убежали, стараясь шуметь как можно меньше. Серая громада здания, где расположилось братство бенедиктинцев, уже перед нами, дверка в воротах распахнулась, едва мы приблизились. Кто-то из за двери торопливо сказал:

— Заходите быстрее. Мы все видели со стен.

Сэр Смит гордо приосанился и переступил порожек. Когда вошел и я, за нашими спинами загремели железные засовы. Привратник молча повел в каменное здание, настоятель обители уже ждал в кабинете, больше похожем на лабораторию. Я пересказал все, что случилось, передал просьбу отца Антиохия насчет совместного выступления. Сэр Смит вышел и караулил в коридоре, чтобы никто не подслушал, не узнал раньше времени. Хоть тут и свои, но он уже успел проникнуться глубиной афоризма отца народов насчет «доверяй, но проверяй».

Обратно настоятель повел нас тайным ходом через подвал под зданием. Сэр Смит подивился на маленькие комнатки, где в молчании сидели монахи, настоятель сообщил на ходу, что это и есть источник могущества их обители.

— Но так же достигают святости аскеты, — возразил я шепотом.

— Наверное, антисвятость получают так же, — ответил он, я невольно посмотрел на него внимательнее, очень уж здравая мысль, словно не бенедиктинец сказал, а все понимающий мудрец, для которого время еще не пришло.

Мы прошли через подвал, затем по узкому проходу под улицей и вышли в неприметном домике, который, оказывается, тоже принадлежит братству бенедиктинцев. Настоятель еще раз предупредил насчет осторожности: раз уж пытались подстеречь по дороге в обитель, могут попробовать перехватить и на обратном пути.

Глава 9

На западе догорала заря, небо стало лиловым, а потом темно-фиолетовым, звезды с каждым шагом становились крупнее, ярче, а луна всплыла ослепительно блистающая, оправдывая свое прозвище Ночного Солнца призраков и нечистой силы.

Сэр Смит начал жадно расспрашивать про короля, в самом ли деле ему совсем хреново, что можно на этом поиметь еще, на что Барбаросса раскошелится, если в самом деле удастся восстановиться на престоле. Я шикал, в засыпающем городке голоса разносятся далеко, он спохватывался и начинал говорить так тихо, что я невольно наклонял к нему голову, прислушиваясь.

Тревога хлестнула внезапно, остро. Я встрепенулся, отпрыгнул и дико посмотрел по сторонам. На крыше ближайшего дома возник в лунном свете темный человек, я в долю секунды успел увидеть сорвавшуюся с тетивы стрелу. Инстинктивно дернулся в сторону, но плечо уперлось в стену дома, в тот же миг другое плечо обожгло болью. Стрела ударила с такой силой, что пробила легкий панцирь и глубоко вонзилась в мышцы.

Ошалев от боли, я беспомощно обшаривал глазами переулок, стараясь поймать глазами стрелявшего. Красноватый силуэт начал вычленяться из сумрака в тот момент, когда по движению рук я сообразил, что неизвестный снова натягивает тетиву.

— Чтоб ты сдох!

Я метнулся в сторону, одновременно сдернул молот и швырнул в одно движение. Стрела с силой брошенного дротика вонзилась в стену рядом с ухом. Молот прошелеstel по воздуху бешено вращающейся рукоятью, на крыше оборвался короткий вскрик, а молот вернулся в ладонь слегка потеплевший, с забрызганной головкой.

С крыши тяжело рухнуло тело человека. Правое плечо разmozжено, рука висит на клочьях кожи, кровь из разорванных вен брызжет тугими струйками. Он хрипел, пытался подняться, бил по земле ногами.

Смит выхватил меч и приставил к его горлу.

— Говори, кто тебя послал?

Он что-то прохрипел, Смит наклонился к нему, прислушался. Из рта убийцы потекла кровь, он пробулькал пару слов и затих, вытянувшись всем телом. Смит выпрямился, одернулся.

— Барон де... — произнес он. — А дальше?... Черт, мог бы прожить и чуточку дольше!

Я слышал его, как будто находился на дне колодца. Встревоженное лицо сэра Смита расплывалось, ускользало. Я чувствовал сильнейшую слабость, отчаянно хотелось просто лечь и больше не двигаться. Грубые руки Смита срывали кожаный дублет, а затем еще более грубо рванули рубашку. Я чувствовал ошупывающие пальцы, от них толчками бьет злая боль.

— Оставь, — попросил я.

— Нет уж, — ответил он зло, — здесь что-то не то. Рана не слабая, но и падать от такой нельзя... Терпите, сэр Ричард! Вы же рыцарь.

Дикая боль хлестнула по моим нервам. Я заорал и

упал, а Смит стоял надо мной и рассматривал длинную черную стрелу с зазубренным наконечником. Стрела даже больше, чем обычные трехфутовые стрелы, и несколько толще. Лицо Смита стало хмурым, сразу постаревшим.

— Подлость, — проронил он. — Я только слышал о таком, но в нашем королевстве этого не случилось... Сэр Ричард, вы сможете затянуть свою рану?

Я прошептал:

— Зачем?

— Затем, — прорычал он, — что сама не затянется! Наконечник отравлен. Давайте, сэр Ричард, приложите все силы! Ну?

Он тормозил, орал, пинал, не давая заснуть, я начал заживление только для того, чтобы он умолк, чтобы оставил меня в покое, однако чем больше истощался, тем яснее становилось сознание. Сэр Смит протянул мне длинную стрелу с древком толщиной в большой палец, перья не лебяжьи, как обычно, а вороньи, длинные, черные, с неприятным металлическим блеском.

— Я не знаю, — прошептал я, — что это значит. Но догадываюсь, что стрела прилетела... с Юга.

— Что будем делать?

— Не знаю, — сказал я все тем же бесцветным голосом, — но я все равно найду способ выявить этого подонка.

В темном, усыпанном звездами небе проплыла, щедро озаренная лунным светом, женская фигурка на метле. Волосы красиво развеваются по ветру, хотя здесь внизу полный штиль, длинные стройные ноги скрещены на древке метлы. Женщина сидит, держась за древко, чуть согнувшись, напряженно всматривается в происходящее внизу.

Она быстро снижалась, мы с сэром Смитом невольно проводили ее взглядами, он вздохнул, перекрестился.

— Господи, не введи в искушение...

— Что, так уж хороша?

Он взглянул обидчиво.

— Сэр Ричард, у меня острые глаза!.. Вы видели, какая у нее грудь? Ничего вы не узрели!..

Женщина на помеле скрылась за ближайшими деревьями, мы продолжали путь, с каждым шагом я чувствовал себя лучше, боль и туман из головы испарялись. На залитую лунным светом аллею вышла хрупкая девушка — тонкая в поясе, с распущенными по спине пышными волосами. При таком свете все кошки серы, но я ощутил, что она рыжая, как все ведьмы, и грудь у нее, как заметил сэр Смит, ну просто глаз не оторвать. Тем более что тонкие ремешки, поддерживая за плечами вещевой мешок, спереди помогают молочным железам выглядеть во всей сногшибающей красе.

— Фрида, — вырвалось у меня. — Ты как здесь оказалась?

Она подошла ближе, лицо смертельно бледное, как у вампира, волосы в самом деле искрятся, будто медная проволока, в глазах страх, метнула испуганный взгляд на замершего сэра Смита.

— Это друг, — заверил я. — Слышала бы ты, как он твоей грудью восхищался!

Фрида слабо улыбнулась и даже попыталась выпятить ее еще больше, в самом деле дивная красота, не говоря уже о размере, однако охнула, лицо исказилось.

Я поддержал, у нее подкашиваются ноги. Сэр Смит крестился и непрестанно шептал молитву. Я подхватил Фриду на руки, и без того легонькая, сейчас показалась легче перышка. Тяжелый мешок свесился, чуть не перерывал ее пополам.

— Всю ночь летела?

— Да, — прошептала она мне в грудь, — нужно было... старая Гжельда увидела во сне, что вам грозит большая беда!.. Мы целый день думали, что же делать, вы же наш сеньор, а мы верные слуги... Потому решили,

что вам срочно нужно доставить вашу непробиваемую никаким оружием кольчугу...

Сэр Смит перестал бормотать молитву и наострил уши. Я сказал с досадой:

— И что, ты тащила еще и кольчугу? Это она в мешке?

— Она не такая и тяжелая, — запротестовала она. — Просто... я никогда так далеко не летала.

Я огляделся по сторонам.

— Метлу спрятала? Хорошо, пойдем в гостиницу. Там все расскажешь.

Гуляки лишь поухмылялись, когда я пронес на руках по лестнице прильнувшую к моей груди рыжеволоску. То, что волосы распущены, сразу говорит о женском статусе. Не учли, что с распущенными волосами еще и ведьмы, это у них профессиональное отличие. Как и рыжий цвет волос, ведь рыжие — все ведьмы.

Сэр Смит забежал вперед и распахнул дверь. Я запнулся на пороге: в нашей и без того не слишком просторной комнате в шаге от стены на подставке в тяжелой овальной раме загадочно поблескивает темное зеркало. В наших квартирах, где идет борьба за каждый миллиметр пространства, зеркало принято вешать на стену, но здесь почему-то предпочитают вот так, чтобы, видимо, можно было пройти с другой стороны зеркала и убедиться, что в нем в самом деле — отражение, а не другой человек.

С великой настороженностью, стараясь не поворачиваться к зеркалу спиной, я прошел в комнату и опустил Фриду на свое ложе. Она пришла в себя и слабо сопротивлялась. Светильники горят все, дивный цвет волос завораживает, мириады крохотных искорок замечались по копне пышных волос.

Я отпустил, она робко села, безуспешно запахивая глубокий вырез на платье, сэр Смит так и влип туда весь взглядом. Я торопливо налил вина, отрезал сыра и мяса, придвинул стол к ложу.

— Ваша милость! — воскликнула Фрида испуганно. — Это я должна вам прислуживать!

— Мы в походе, — заверил я, — а в походе церемонии побоку. К тому же ты сейчас — раненый солдат, быстрее восстанавливай силы.

Она замотала головой.

— У меня сейчас сил, как никогда... Это не вы меня, пока несли?.. Спасибо, ваша милость, чудесное вино. У нас в замке просто пойло, а не вино.

— Я буду давать из своих подвалов, — пообещал я, — раз уж разбираешься.

— Ну что вы, ваша милость! Не положено.

— Ключ от подвалов и так у тебя, — напомнил я. — Что ж ты за ведьмочка, если не уворуешь?

— Ваша милость, — ответила она жалобно, — как вы можете?

Огромные зеленые глаза наполнились слезами. Я погладил ее по голове, чувствуя, как под пальцами проскакивают крохотные электрические разряды. Она благодарно улыбнулась, слезы мгновенно высохли.

— Шутки у вас, — сказала она с едва заметным упреком, — а я девушка простая...

Сэр Смит налил себе полный кубок, выпил и налил снова. Глаза его следили за Фридой с жадным испугом, а она все старалась удержать слабыми пальцами выскальзывающий ворот, но упругая налитая грудь упрямо рвалась наружу. Разрез на платье до самого пояса, я не заметил, чтобы в замке так ходила, явно другая причина открытого платья: в полете ветром порвала или же, скорее всего, нужна бьющая фонтаном эротичность. Даже сексуальность. Это она придает ведьмам силы как для колдовства, так и для полетов. Сексуальность — огромная непознанная сила, ведьмы научились пользоваться ею методом проб и ошибок, и сейчас вот это дразнящее движение помогает ей быстрее приходить в себя.

Впрочем, подумал я, косясь на покрасневшегося Смита, так быстрее приходят в себя не только ведьмы.

Хотя что такое ведьмы? Женщины, которые умеют пользоваться своими чарами чуть лучше остальных женщин...

Фрида ела с аппетитом, но сдерживалась, блюла хорошие манеры. Я подливал вина и нарезал сыр и мясо тонкими ломтями, наконец она утолила первый голод, щеки покраснелись, на них появились умильные ямочки, глаза заблестели.

— Ах, сэр Ричард! — воскликнула она. — Вы только выехали за ворота, как наши стали ждать вашего возвращения!.. Вы посмотрели в мешке?

— Посмотрю, — отмахнулся я.

Сэр Смит спросил:

— А что, осмелюсь узнать, за особая кольчуга?

Она посмотрела на меня за разрешением ответить, я кивнул.

— Из дальних стран, — она сказала почтительно, — прибыл монах и передал освященную церковью кольчугу. Ее нельзя пробить никаким оружием, простым или волшебным. Она добавляет силу тому, кто ее носит, и помогает быстрее излечиться. Мы все ужаснулись, когда сэр Ричард оставил ее в замке!

Сэр Смит посмотрел на меня с негодованием.

— Сэр Ричард, не слишком ли вы... благородны? Здесь используют то оружие, какое удастся провезти. Я бы на вашем месте... Впрочем, решать вам, но не пренебрегайте мнением старшего соратника. Я сам видел, как у сэра Нормекунда отобрали два зачарованных меча, а он потом похвалялся, что зато подслеповатые маршалы не рассмотрели заколдованный панцирь и кинжал, добытый где-то в стране эльфов.

Глава 10

Сэр Смит лег, отвернулся к стене и почти моментально захрапел. Мне показалось, что заснул слишком быстро, но у самого тела налилось такой тяжестью, что

сразу же после ужина уложил Фриду на свое ложе, лег, повернув ее к себе спиной, обхватив маленькое сгорбленное тельце, как скорлупа — ядро ореха. Это нежное в моих руках что-то пискнуло, я не расслышал, шепнул в розовое ухо:

— Спи, малышка.

— Но вы, ваша милость...

— Спи, — повторил я, — день тяжелый был не только у тебя.

Она тихонько вздохнула.

— Ваша ми...

Слово оборвалось на тихом выдохе, дальше я слышал только ровное мерное дыхание. Через минуту тельце в моих руках вздрогнуло, но не проснулось. Я лежал тихо, чувствуя нежность и жалость к этому существу, что все еще летит весь день, затем вечер, когда дневные хищные птицы опускаются в гнезда, а взамен поднимаются страшные ночные как птицы, так и не птицы, затем ночь, когда уже и руки не держат шершавое древко помела, и зад истерт о прутья...

Я тихонько коснулся губами ее затылка, убрал руку сверху, которой подгребаю, как плюшевого мишку, затем начал осторожно высвобождать другую, на которой она щекой. Фрида пробормотала сонно, я замер, но дыхание идет глубокое, попытался снова, она всякий раз попискивала протестующе, но глубокий сон не отпускает. Наконец вытащил руку, не думал, что такая длинная, еще раз успокаивающе поцеловал. Фрида счастливо заулыбалась, по щеке разлился нежный румянец.

Сэр Смит спит уже взаправду, я как можно тише оделся, нацепил перевязь с мечом, повесил на пояс молот. Так же неслышно и с немалой опаской приблизился к зеркалу. Они вообще меня пугают, даже в той жизни не любил смотреть на себя ночью, когда вставал в туалет. Всегда казалось, что из другого пространства смотрит чужой, незнакомый мне человек, злой и жестокий.

Сейчас с той стороны слабо освещенного места ко

мне приближался рослый человек в легких доспехах, широкая перевязь через плечо, рукоять меча торчит над плечом, кожаный пояс слегка отвисает под тяжестью молота с короткой рукоятью. Лицо бледное, в глазах беспокойство, сам напряжен, хотя старается не выказывать виду...

Несколько мгновений я пытливо всматривался в отражение. Если убрать эту обеспокоенность, делающую меня похожим на интеллигента, тьфу, не к ночи будь помянуто, выгляжу вполне, вполне. Главное в этом мире — габариты и наглая морда, а с этим у меня все в порядке.

Пальцы прошлись по одежде, поправляя, одергивая. Я выпятил грудь, постарался раздвинуть плечи, мужчина всегда жаждет выглядеть устрашающе, как рыба-еж или рыба-шар. Еще не забывать выпячивать нижнюю челюсть и окидывать всех надменным взором, это придает вид «рожденного повелевать». Бровь, понятно, должна быть слегка приподнята. Нет, чуть-чуть изогнута будто в презрительном недоумении...

На пальце блеснуло, я поднял руку, с колечка сорвался узкий лучик и уперся в зеркало. Ничего не случилось, как я ждал с замиранием сердца, только в ответ блеснуло кольцо в зеркале. Лучики встретились на поверхности, настолько чистой, что, если бы столкнулись не под углом, я бы и не уловил, где она есть.

На пальце защипало. Кольцо богов, что искала Клаудия, которое я взял и надел на палец в подземелье, на глазах погружается под кожу. Я замер, торопливо коснулся кольца пальцами другой руки, поздно, с боков наплывает плоть, сомкнулась, а колечко несколько мгновений можно было увидеть, как через мутную воду, а затем только кожа с тремя-четырьмя жалкими волосками.

Я в страхе ухватился, пытаюсь то ли удержать, то ли как-то помешать, но кончики пальцев ощутили кожу, а

под нею твердое. Да, колечко, надежно упрятанное под кожу. Что за дурь, ведь кольца для того и делают, чтобы хвастаться ими или чтобы служили постоянным напоминанием, как, к примеру, первое на свете кольцо было создано Прометеем. Он выковал его из звена цепи, приковылавшей к скале, а в кольцо вставил камешек от этой скалы Колхиды, превратив колечко в перстень... Вступившим в брак кольца напоминают, что уже окольцованные птицы, а всех встречающих отпугивают от чересчур близкого знакомства... Во всяком случае, предостерегают о последствиях.

Пальцы продолжали ошупывать это затвердение. Странное ощущение, когда глазами ничего не видно, а на ошупь вот оно, даже можно, кажется, поворачивать...

Мир остался тем же, но я, замерши, ощутил, что нечто изменилось. Стоял, застыв, не двигался, старался сообразить, что произошло, вдруг сообразил, что продолжаю трогать колечко, но не вижу своей руки!

Ахнул, не вижу ног, не вижу живота, груди, тогда наверх исчезла и моя морда... Наконец я поднял голову и уставился в зеркало. Там, где я только что стоял... пустота!

— Ни фиги себе, — прошептал я. — Человек-невидимка?..

Пальцы, повинаясь предыдущей команде, повернули колечко еще, в зеркале моментально, словно включили, возник мой двойник с вытаращенными глазами и отвисшей челюстью. Не отвешивать, напомнил я себе, а выдвигать, а глаза не тарашить, а надменно прищуривать, одновременно презрительно кривя губы... Вот так, еще чуть-чуть, хорошо.

Я подождал, пусть сердце хоть малость замедлит бешеный бег на месте, осторожно повернул колечко обратно. Разом исчезло мое тело, только пальцы подсказали, что все на месте.

— Крепко, — пролепетал я. — Если не вижу я, то и остальные?..

Едва слышно прозвенело, я оглянулся, на стене приглашающе возник светящийся контур призрачной двери. Смит и Фрида спят крепко, я прошел к проходу в зачарованную часть гостиницы на цыпочках, приложил пальцы к стене, ухитрившись при полной невидимости рук промахнуться так, что сперва стукнулся костяшками.

Стена подалась легко, я прошел как через теплую воду. В глаза ударил яркий свет, ослепляюще уверенный после дохлых светильников и трепещущих огоньков свечей. Я постоял, не столько всматриваясь в даль бесконечного коридора, сколько прислушиваясь к себе. Незрим все так же, и хотя за мной, как за неуловимым ковбоем, никто не гоняется, но как сладостно ощущать, что могу становиться невидимым, всего лишь повернув колечко!

Я постарался умерить бешено стучащее сердце, глаза едва не идут врозь в этом царстве геометрии. Как будто вырвался из разудалой и крикливой цыганской свадьбы, где пестро, ярко, все цвета радуги, запахи вина, жареного мяса, ароматы меда, а здесь стерильность во всем: чистота, ничего лишнего, подчеркнуто неземной дизайн...

Ну, неземной, это не обязательно инопланетный, даже Вася Пупкин из Урюпинска может такое завернуть, что сто таукитян не развяжут, однако в самом деле с новой сотрясающей силой ощущаю с т и л ь, чего, понятно, нет в хаотично складывающемся мире, который за стенами гостиницы.

На стене в месте прохода привычно нацарапал кресты, хотя к концу ночи успевают зарости, медленно пошел, проводя пальцами невидимой руки по стене и тукая в двери.

— Первая... вторая... третья...

Ручка четвертой двери подалась вниз, я толкнул. От-

крылась такая же точно по размерам комната, в какой остановились мы, такое же ложе, только у нас их два, стол. Впрочем, я ничего другого и не жду. Вошел на цыпочках, оставив дверь открытой и высматривая какие-нибудь мелочи, оставленные или забытые предыдущими постояльцами.

В ящиках только след пыли, даже не след, а ощущение, ибо саму пыль что-то убирает, как незримые и неслышимые вечно работающие кондиционеры. Под кроватью чисто, хотя бы мячик собака закатила, пусто в вазах, и следа нет от испарившейся воды и рассыпавшихся в пыль цветов.

Я брал в руки эти изящные вазочки, взвешивал на ладонях, удивляясь малому весу, из чего же это сделано. Ощущение такое, что если уроню хоть на камень — не разобьется. Возможно, выдержит удар даже моего молота...

В последней вазе звякнуло. Я наклонил, подставил ладонь. Выпала блестящая вещица размером с монету. Небольшая дырочка деликатно намекает, что можно пропустить шнурок и носить, к примеру, на груди. Как амулет, талисман, медальон или просто украшение. Впрочем, надо учесть, что даже для мудрого Кулибина мобильник или плеер показались бы только украшением или амулетами.

Медальон, как мне показалось, украшен затейливым рисунком, но слишком уж мелко. По ободку совсем уж крохотные значки. Если бы не яркое и абсолютно немигающее пламя свечи, я бы их вообще не углядел.

Страстно захотелось рассмотреть получше, я едва не выронил медальон: буквы укрупнились, а площадь, что не шире ободка монеты, раздвинулась по крайней мере на полметра. Я испуганно отстранился, все в порядке, я всего лишь держу в руке медальон, на ребре едва угадываемые черточки...

Микроскоп, мелькнуло в голове. Я знаю, что такое

микроскоп, я сотни раз смотрел в окуляр в школе на уроках ботаники, и вот теперь я смог, смог!

Сосредоточился, вызвал это чувство, площадь ободка стремительно расширилась, и то, что я полагал черточками, распалось на ровные линии значков. Возможно, буквы, возможно — математические формулы...

Всматривался до рези в глазах, но вместе с тем ощутил и сильнейшее разочарование. Кто-то и когда-то пользовался здесь настоящими возможностями, а я, как дикарь, отыскал то ли пробку от бутылки, то ли обертку с ультрагиперчипа и счастлив тем, что другие дикари и этого не видят...

Вздохнув, сунул находку в карман и вышел в коридор. Краем глаза заметил, что медальон висит в воздухе. Точнее, движется со мной, что-то не то, мы так не играем...

Я вынул медальон, положил прямо на пол. Пальцы нащупали кольцо на другой руке, повернул, мгновенно стал видимым. Подобрал медальон и снова повернул кольцо. Исчез я, исчез и медальон, хотя чувствую в ладони.

— Ну я и крут, — проговорил я вслух. — Умница, гений!.. С первой же попытки все разгадал. Эх, всегда бы так...

Ладно, это четвертая дверь, я иду с той стороны... с той ли?.. да с той, пока что правую и левую руку отличаю, хотя кто знает, что ждет впереди.

— Четвертая, — сказал я все так же вслух, — шестая... седьмая... восьмая... девятая... десятая... одиннадцатая... Одиннадцатая!

Одиннадцатая, повторил про себя. Одиннадцатая слева. Я хоть и паладин, должен был идти правым путем, но привычно выбираю левые дороги и левые направления.

Дверь подалась все так же бесшумно, как и остальные, хотя бы одна скрипнула. Я постоял на пороге, все в помещении стандартно, шагнул и застыл, страшись ше-

вельнуться. Я хоть и невидим, но это для таких, как я сам, а, к примеру, собака легко увидит в запахах, так же как змея в термозрении или летучая мышь в ультразвуке. Стена напротив мигнула и пропала, комната просто удлинилась, на той стороне ничего необычного, такая же точно мебель, если не считать, что у противоположной стены небольшой бассейн, окаймленный барьерчиком из декоративного белого камня.

Я наконец собрался пойти и заглянуть в бассейн, даже попробовать, что там за вода, вдруг нечто волшебное, как в противоположной стене распахнулись дверцы, словно в лифте, вошел человек в странной одежде. Он пошел мимо бассейна, бросив в него лишь мимолетный взгляд, но оттуда с шумным плеском выпрыгнула огромная рыба, размером с крупного сома, ударила хвостом по воде и, словно теннисный мяч, оторвалась от бурлящей поверхности. Человек не успел ни вскрикнуть, ни закрыться ладонями, как она распахнула усеянную зубами пасть и ухватила его за лицо. Послышался треск разрываемой ткани, плавники рыбы удлинились и превратились в когтистые лапы ящерицы, и только тогда раздался дикий крик.

Рыба-ящерица свирепо рвала куски мяса с его лица. Человек наконец вслепую схватил ее за толстую шею, сжал и оторвал от себя, вместо лица кровавое месиво, красные струи текут быстро и широким потоком. Чудовище безуспешно махало в воздухе лапами, они начали удлиняться, но несчастный поднял его и с силой ударил о кромку бассейна.

На лице уцелели только глаза, спрятанные глубоко в каменные пещеры, брови сорваны вместе с кожей и мясом, а на месте скул торчат окровавленные кости.

— Господи, — вырвалось у меня, я ощутил, что ноги дрожат, а пальцы трясутся. Я перекрестился, чего давно уже не делал даже на людях, — Господи, спаси и поми-

луй... Если это такое кино, то на хрена такая реалистичность?.. Ноги бы отрывал этим спецэффектникам...

Попятился, вышел, дверь на всякий случай прикрыл, вдруг да этот спецэффект вздумает побегать и за мной, ну его на хрен такое искусство, да здравствует эра черно-белого кина. Одиннадцатая дверь, пора возвращаться. И так далеко зашел... ладно, проверю еще три, всего три, если все будут закрыты, тут же вернусь...

— Двенадцатая... тринадцатая... четырнадцатая...

Дверная ручка вроде бы сопротивлялась, я нажал сильнее, очень уж подсознательно не хочется возвращаться, дверь послушно открылась. В этой комнате, неотличимой от предыдущей, точно так же противоположная стена исчезла, словно я пересек незримый лазерный луч и тем самым включил какие-то механизмы.

На той стороне, в синем, словно лишенном света мире, похожем на дно Тихого океана, двигаются странные существа... или не существа, вид их не укладывается в воображении. Нечто похожее на исполинских медуз, осьминогов и одновременно хищных насекомых. Одни меняют форму, цвет, не выходя из синюшной гаммы, другие истончаются и размываются по всему пространству, одновременно в нем прорастают и разворачиваются, как чудовищно отвратительные цветы, невероятные животные... или растения... или силовые поля, способные удерживать форму и эволюционировать...

Проступили призрачные нити, как вселенская паутина, охватившая весь этот мир, утолщились, став похожими на облепленные слизью бамбуковые сочленения. Но едва я успел подумать так, ухватившись за привычную ассоциацию, как эти конструкции пошли лохмотьями, разветвились, часть отделилась и уплыла, вяло двигая щупальцами, другие же засверкали острыми краями кристаллов и начали осыпаться, в падении превращаясь в темный газ.

Медузы и осьминоги, так я их называл за неимением других слов, подплывали к незримой преграде, отгораживающей их мир от моего, натывались, отступали и ударялись снова, уже со злобой и неожиданной силой. Я ощутил холод и покалывание по всему телу, мой организм отчаянно сопротивляется попыткам чужого проникновения, даже сканирования, и только сейчас с ужасом сообразил, что там н е к и н о. Совсем не кино. Там жуткая реальность, отделенная каким-то хитрым или сложным пространственным барьером. И там абсолютно чужая жизнь, куда более жизнеспособная, что уже ломится через незримый барьер, стремится разрушить его и проникнуть с ю д а.

Если однажды преграда рухнет, подумал я с содроганием, а она рухнет, ведь стареет, в то время как там натиск не прекращается, то что ждет этот мир?

В комнате блеснуло. Я насторожился, рука суетливо лапнула молот, скользнула к рукояти меча. Блеснуло снова, ярче, словно по коридору бесшумно проехала машина с мигалками, а свет проник под дверь и пробежал по стенам. На всякий случай я вытащил меч, чувствуя себя несколько глупо, все-таки здесь технологический мир, я как будто ряженный на улицах Москвы, заигравшийся в ролевые игры.

Узкий лучик пробежал по лезвию, растекся по всей площади металла, погас, но так таинственно, словно всего лишь затаился, не больше. Я стиснул рукоять, подвигал лезвием, свет стал ярче. Лезвие начало светиться ровным спокойным огнем, словно лампа дневного света, хоть и не так ярко, конечно, но таким же холодным серебристым светом.

С медленным бьющимся сердцем я стоял в неподвижности, не зная, что делать дальше, и тут услышал, как на сторону двери кто-то навалился, очень огромный и тяжелый. Дверь открывается, как и надлежит по правилам пожарной безопасности, наружу, но кто-то не знает

этого или не соображает и продолжает давить, слышен треск досок, начинают отлетать щепки...

Инстинктивно я направил меч острием к неизвестному противнику, сердце стучит часто-часто, адреналин стекает в сапоги. Дверь затрещала и разлетелась вдребезг. Из коридора ко мне метнулось нечто темное, огромное, смрадное... и тут же остановилось, словно ударились о стену, отшатнулось. Лезвие меча странным образом удлинилось, яркий луч протянулся от кончика лезвия и уперся чудовищу в середину тела. Я непроизвольно двинул мечом взад-вперед, он не стал тяжелее, чудовище жутко взревело. В злобном вое мне почудились изумление и ярость.

Я слегка повернул лезвие, будто расширяя рану, чудовище взвыло, попятилось, затем его словно выдернуло обратно в коридор. Луч истончился, пропал, только меч некоторое время еще продолжал светиться, затем остыл, показывая, что опасность ушла. В коридоре слышались голоса, топот, чей-то вскрик. Я сунул меч в ножны, теперь чувствуется, что здесь побывало нечто ужасное, как будто не из этого мира, а сейчас исчезло, оставив только запах...

— Все, — сказал я вслух, но тихо-тихо, только чтобы услышать самому свой голос. — Четырнадцатая дверь!.. А теперь — взад, все взад...

Глава 11

Странно ощущать под незримиными пальцами стену. Я все не мог точно определить расстояние, даже точное место, где касаюсь, промахивался мимо ручек, натыкался на завитушки орнамента дверей, где не ожидал. На смену ликованию и чувству всемогущества, как же — человек-невидимка, щас всем покажу, внезапно нахлынул беспричинный страх.

Я постарался вспомнить все преимущества челове-

ка-невидимки, начиная с самого важного: можно пукнуть и сделать вид, что не я, однако страх не уходил. Я отсчитывал двери и вдруг с холодком в сердце ощутил, что вот она, вторая, а за ней и первая дверь, на которой я начертил крест, вот здесь та часть стены, через которую я прошел, здесь тоже должен быть крест...

Однако крестов нет. Ни одного! Даже следов, хотя на этот раз я пробыл в зачарованной части самую малость, не должны бы раствориться. Я поспешно шагнул в стену, больно ударился, сосредоточился, шагнул снова, уже с предосторожностями, уперся в монолит и попробовал еще и еще, всякий раз впадая в отчаяние глубже.

— Что за... — проговорил я дрожащим голосом. Вспомнил Пса, тот в прошлый раз отыскал меня с легкостью, однако я оставил его с Барбароссой. — Нет, думай, думай...

Страшно признаться, но я в самом деле потерялся в этом огромном мире, где бесконечное количество номеров, бесконечное количество коридоров, а также навверняка и этажей — хоть вверх, хоть вниз...

Бездумно, только бы что-то делать, не стоять, я пошел дальше, машинально отсчитывая двери, теперь это уже минус один, минус два, минус три...

На минус семь — ярко видимый крест! А на стене рядом — глубоко процарапанный крест, только-только начинает затягиваться. А вот в этом месте рука дрогнула, черточка пошла криво...

Я с силой метнулся в стену прямо на крест, в ушах шелестнуло, словно кустарник, я очутился в душной комнате, где горят масляный светильник у двери и одинокая свеча на столе. Сильно пахнет воском и потом.

Фрида мирно спит на моем ложе, свернувшись калачиком, сэр Смит раскинулся на своем, длинные усы трепещут под напором могучего дыхания.

— Да что за... — вырвалось у меня, — я что, совсем считать разучился?.. Или номера размножаются?..

Ноги дрожат, руки трясутся, как будто кур крал. Я прошел мимо зеркала, отразился крепкий парняга, вооруженный до зубов, глаза испуганные, как у загнанного оленя. Я торопливо ухватился за кольцо, что под кожей, подвигал так и эдак, но изображение в зеркале не исчезло. Впрочем, и не в зеркале тоже.

— Ну, спасибо, — вывалось у меня тихое. — На фиг мне такой дар, если не могу применить?

От пережитого все еще трясет, я разделся и лег, обхватив Фриду. Она засопела во сне, подвигала оттопыренным задом, устраивая его поудобнее, но не проснулась. Я тихонько поцеловал в щеку, лег и постарался заснуть...

...но не получилось.

Сэр Смит утром сходил в харчевню и принес в нашу комнату вина, хлеба, сыра и мяса. Бурчал, что из-за этой таинственности нельзя послать слуг, но, с другой стороны, зато перерыл на кухне все, выбрал лучший сыр, снял с жаровни лучшего гуся.

Мы расставляли блюда на столе, когда со стороны ложа донесся протяжный зевок. Фрида выкарабкалась из-под одеяла, посвежевшая, румяная, сладко потянулась, отчего моя рубашка на ней сразу же распахнулась, обнажив идеально очерченные налитые груди с ярко-розовыми альвеолами. Красные волосы растрепались и струятся по спине волнами живого огня.

Она перехватила взгляд сэра Смита, смутилась и попыталась как-то натянуть ниже полы, но рубашка едва-едва закрывает низ животика. Вверху Фрида все так же безуспешно пыталась соединить крючками, что каким-то чародейским образом всякий раз выскакивали из петель.

— Ох, — произнес сэр Смит, пораженный в самое сердце, — сэр Ричард, вы... это не опасно?

— Мы еще не в том возрасте, — ответил я бодро.

Я расхаживал обнаженный до пояса: рубашка у меня одна. Фрида нежно улыбнулась Смиту, ушла в дальний угол, где на стуле приготовлен большой таз с водой, его тоже приташил сэр Смит. Она сбросила рубашку и принялась, повизгивая, умываться.

Сэр Смит покраснел, с трудом оторвал взгляд.

— Сэр Ричард, — проговорил он охрипшим голосом, глазные яблоки поворачивались в сторону плескающей, как утка, девушки. Рыцарь мужественно поворачивал их обратно с таким усилием, словно тянул за повод упирающегося коня. — Сэр Ричард... Достойно, что принесла вам кольчугу, но... не опасно ли так сближаться с противной стороной?

— Для церкви, — ответил я сурово, — все люди, все человеки. Мы должны спасти любые заблудшие души!.. Недаром же принимаем покаяние даже на смертном ложе, отпускаем грехи, мол, никогда не поздно покаяться, перевоспитаться и начать новую жизнь... даже если этой жизни остались секунды. А эта лапочка еще очень молода. У нее ветер в голове, кровь горяча — самое время спасти ее душу.

Он смотрел обалдело, глаза все выпучивались, нижняя челюсть отвисала. Наконец вздрогнул, вернул челюсть на место, покрутил головой.

— Да, сэр Ричард, — проговорил он с великим почтением, — но ведьмочка-то не слабенькая...

— Да, — согласился я. Спыхватился: — А вы как поняли, сэр Смит?

— Да вы всю ночь боролись... в смысле, за ее душу. Вон как ножки ложа процарапали пол, а вчера с вечера там все блестело. Да и сквозь сон я слышал, как через комнату несется конский табун! Похоже, сон в руку. Но вы, видать, ее одолели?

Я вздохнул, развел руками.

— Сэр Смит, вы же знаете, если сильно нажать, дыба порвет жилы, и еретик умрет, не успев раскаяться.

Давление нужно усиливать медленно, постепенно. А душа еще нежнее, чем тело. Вот я и усиливаю... постепенно. Так что за ее душу еще придется пострадать. Силен Сатана, силен!.. Приходится его же оружием и на его поле...

Он подтвердил с готовностью:

— Его же оружием и на его поле — это истинно по-рыцарски!

Могучий вздох вырвался из его груди. Я помолчал и добавил основной девиз паладина:

— Легко быть святым в пустыне, но не просто быть святым в борделе!.. Улавливаете, сэр Смит? Суть паладина в том, чтобы и как все, в борделе, и в то же время — не дать угаснуть искре божьей в себе и раздуть ее в других!

Он подумал, произнес с еще большим почтением:

— Вот, значит, какая у вас, паладинов, жизнь... Всю жизнь в... борделе, прости Господи, вот это жизнь! А я, простак, думал, вы только кабанчиков в карасиков...

Не выдержав, оглянулся. Фрида, уже чистая, как рыбка, набрасывает через голову мою рубашку. С узкими плечиками и длинными руками, но с прекрасно развитой грудью ослепительной белизны, она показалась нам совсем маленькой и жалобной. Подошла, улыбнулась открыто и беззащитно, алые соски покраснели ярче и вспыхнули, как раскаленное железо.

— Платье уже почти высохло. Переодеться?

— Думаю, — ответил я после долгого раздумья, — стоит переодеться в платье. Все-таки лето, сейчас жаро... А то у сэра Смита разорвется. Я имею в виду сердце.

Она вновь целомудренно отошла от нас в тот самый дальний угол, эти целых пять шагов, там сбросила рубашку, аккуратно повесила на спинку кресла, критически осмотрела, поправила рукав, полюбовалась и только потом вошла в свое серое мешковатое платье.

Сэр Смит вздохнул:

— Бедная девушка...

— Почему? — спросил я. — Или жадете ее на костер?

— Да нет, но сюда на метле в безопасности, а обратно пешком через дикие земли, где кишат разбойники, чудовища...

Я изумился.

— Сэр Смит, что за странная идея?.. Пешком — это месяца два-три. Да и как одинокой молодой девушке по землям, где всяк норовит обидеть?

Он посмотрел опасливо.

— Но разве вы... не лишили ее ведьмости?

Я покачал головой.

— Я лишил ее совсем другого, сэр Смит. Превратить из девушки в женщину — занятие в высшей степени благое и достойное. Но глупо и бесчеловечно было бы лишать возможности летать на помеле!.. Вообще-то это единственное, что отличает ведьму от обычной женщины. Так что она завтра к вечеру будет в моем замке, перескажет все, что я велел.

Он спросил шепотом:

— Но разве это не противоречит... учению церкви?

Я ответил вопросом:

— А разве вы в лионском походе не брали в проводники крестоносному войску местных еретиков?

Он перекрестился.

— Вы правы, сэр Ричард. Еретики — хуже ведьм, но, к стыду своему, их услугами иногда пользовались, прежде чем отправить на костер.

— Вот видите... Впрочем, у меня есть еще одна идея.

Кольцо я принялся вертеть сразу же, как только вышли из комнаты. Увы, несмотря на то что мы все еще в гостинице, кольцо осталось простым кольцом, разве

что под кожей. Сэр Смит заметил мои попытки, спросил сочувствующе:

— Суставы болят?.. У меня тоже дважды выскакивали от прямых ударов. Надо беречь.

— Да, — ответил я, — надо.

По городу проехали герольды, выкрикивая указ герцога Ланкастерского, исполняющего обязанности короля, а потом выехали к палаточному городку, дабы и там слышали и вняли словам нового повелителя. Сегодня с утра состоятся парные соревнования, а завтра — финал, знаменитая *mêlée*, на которой и определится победитель турнира.

Несмотря на то, что перекусили еще в своей комнате, Смит настоял, чтобы как следует позавтракали и в харчевне гостиницы. День будет трудный, еще неизвестно, когда поедем и поедем ли.

Из-за соседних столов в нашу сторону поглядывали с живейшим интересом, но смотрели не на меня — чемпиона одиночных схваток, не на сэра Смита, который нахватал рекордное число пленных, а именно на рыжеволоску, что скромно и безропотно ела все, что ей подавали, пила вино, которое сэр Смит, опережая меня, наливал ей. Вообще-то волосы не рыжие, а огненно-красные, пышные, собранные сзади в небрежную косу, что вот-вот восхитительно расплетется, распустится... какое прекрасное слово со сладким подтекстом — «распустится»...

В зале потемнело, мальчишки быстро пробежали вдоль стен и зажгли светильники. В окно видно, как с севера ползут тяжелые угольно-черные массивы туч, поднялся злой ветер. В жуткой черноте неба зловеще вспыхивают мертвенно-синие даже не молнии, а пещеры, наполненные волшебным огнем, чуть погода на землю обрушивался страшный удар грома. Потом в необъятных громадах туч начало вспыхивать почти непрерывно, а жуткие сотрясающие удары заставляли

вздрагивать посуду на столах. Надеюсь, подумал я невольно, Барбаросса сидит под дубом с хорошей кроной.

В зале притихли, нечто библейское, запредельное по мощи в этой грозе, хотя, если честно, всякая гроза напоминает, насколько человек вообще-то слаб...

Позавтракав, мы трое вышли на крыльцо. Многие рыцари уже седлали коней и выезжали через распахнутые ворота в сторону турнирного поля. Я снова посмотрел на небо.

— Матч состоится в любую погоду?

— Что, сэр Ричард? — переспросил сэр Смит.

— Да это я своим мыслям... Ладно, поехали. Туча вон кончается, может, вообще пройдет стороной.

Мы вывели коней, я поднялся в седло, протянул руку Фриде. Она молча села позади, крепко обхватив меня тонкими, как у ребенка, нежными руками. Ярко-красная коса набухла, словно от прилива крови, начала дразняще расплетаться. Фрида прижалась всем телом, я ощутил ее горячую зовущую плоть даже несмотря на лук и колчан со стрелами. Сэр Смит протяжно вздохнул, поспешно взобрался на коня.

— Надеюсь сегодня завалить еще двоих-троих!..

— Сэр Смит, — сказал я предостерегающе, — не увлекайтесь.

— Да я так, это же турнир...

— Не забывайте, — напомнил я, — ваша задача — выяснить среди рыцарей настроение. Есть ли такие, кто готов выступить за короля с оружием в руках? А эту ерунду с захватом пленников бросьте. Если получится, что мы задумали, вам не придется зарабатывать такой ерундой, как брать выкуп с плененных на турнире.

Он с виноватым видом пожал плечами.

— Всю жизнь мечтал вот так хватать пленных!

— Понимаю, пошла карта, — сказал я, — но ради крупного выигрыша откажитесь от мелкого.

Он вздохнул.

— Постараюсь, сэр Ричард.

Мы выехали навстречу сильным порывам ветра, что так и не решался задуть в полную мощь, а бросался то справа, то слева, ненадолго оставляя нас в таком ошеломительном безветрии, что казалось вакуумом.

Глава 12

Вокруг турнирного поля слуги поспешно укрепляют шатры, палатки, вбивая добавочные колья, натягивают веревки потолще. Кони испуганно ржали, а когда над самой головой страшно разламывалось небо, приседали на круп, а люди крестились и шептали молитвы.

Далеко на горизонте встала серая пелена, отчетливо видна стена ливня, что вырастает, двигается в нашу сторону. То ли пройдет мимо, то ли заденет самым краем, я видел, как яростно спорившие ударили об заклад, к ним присоединились такие же азартные, что готовы спорить на что угодно.

Мы продвигались к огороженной части, как вдруг ветер подул уже с постоянной мощностью, стремясь изменить наш курс, а прогибающееся под тяжестью заполненных водой туч небо начало потрескивать, грозя разломиться прямо над головами. Люди набрасывали сверху плащи и пригибалась. Поле стало похожим на болото с множеством серых кочек. Полоса стремительно приблизилась, даже налетела, обрушились не струи воды, а настоящие водопады.

По земле сразу побежали потоки, не успевая впитываться, водяная поверхность вскипела множеством крупных пузырей. Грохот над головой сменился сухим треском, что значит — гроза прямо над нами. В десятке шагов земля вздыбилась, вырвалась широкая серая струя, словно в глубине прорвало магистраль с горячим

паром. Выпрыгнуло нечто огненное, я не сразу разглядел четвероногого зверька, размерами и формой напоминающего что-то смутно знакомое.

Рядом охнул сэр Смит:

— Адские Крысы!

За первой огненной крысой выскочили еще две, лужи вскипали под их лапами, а падающие струи окружили их тела чем-то вроде пузырей из пара. Первая крыса вздернула мордочку, всматриваясь в низкие тучи, побежала суетливо, часто перебирая лапами, почти поплыла среди вскипающих пузырей.

На ее пути небольшой навес со сложенными там мешками, но крыса и не подумала свернуть: на моих глазах ударилась о нижний мешок, вошла в него, из мешка плотной струей хлынуло зерно, через пару мгновений крыса показалась с другой стороны. Мешки начали оседать, пока верхние не выдавили зерно из продырявленных.

Сцепив зубы, я осторожно отстранил Фриду и снял лук. Дождь бьет по голове и плечам с такой силой, что в ушах стоит уже не шелест, а грохот. Я торопливо наложил стрелу, Смит вскрикнул в ужасе:

— Не смейте, сэр Ричард!..

Я задержал стрелу на тетиве.

— Почему?

— Их невозможно...

Я разжал пальцы на оконечье. Стрела ушла с едва слышным шелестом, Адская Крыса двигалась как ни в чем не бывало. Я торопливо выпустил еще две стрелы, отчетливо видел, как бьют одна в голову, другая под левую лопатку, прямо в сердце, но стрелы исчезали, а крыса, все ускоряя бег, разнесла в щепки цельное колесо груженной телеги, даже не заметив преграды. В тот же миг небо полыхнуло плазменным огнем, раздался оглушающий треск, словно над нами треснул горный хребет и на голову рухнут целые горы...

Полуослепленный, я смутно видел, как в море белого огня стоит, приподнявшись на лапах, Адская Крыса. Из низких туч протянулась и уперлась в ее тело трепещущая и шипящая, как сто тысяч разъяренных змей, белая дуга разряда, толщиной с дорическую колонну.

Крыса подняла треугольную морду, все тело трепещет в море звездного огня, утонуло, истончилось, я краешком сознания понимал, что это только иллюзия, уши ломит от непрерывного треска.

Оставив дрожащей Фриде плащ, я соскочил на землю уже с мечом в руках. Одна из крыс побежала прямо на нас. Я отпрыгнул, с силой рубанул по ней мечом. Звякнуло, меч отлетел, будто ударил по наковальне, крыса продолжала бежать, ничего не заметив, и вдруг небо расколосось, слепящий свет ударил в глаза, грохот потряс, подбросил в воздух. Я кричал от боли, меня перевернуло то ли в воздухе, то ли по земле, очнулся в грязи, плотные струи бьют по спине, ногам, затылку.

Упираясь руками в жидкую грязь, я поднял голову. Крыса стоит там, где видел последний раз: в пяти шагах. Из черно-лилового массива туч к ней протянулся светящийся столб, шипит и выгибается дугой в разные стороны, воздух перенасыщен электричеством...

Внезапно все потемнело, светящийся столб молнии исчез. Крыса повела мордочкой и побежала на вершину холма.

Молнии бьют непрерывно, вокруг трепещет жуткий неестественный свет гигантской электросварки. Почти все молнии тянутся из туч к вершине холма, где исчезают в телах Крыс, а те выгибают спины в истоме, приподнимаются на всех четырех тонких лапах навстречу электрическим разрядам.

Так я и запомнил все это: огненные столбы, что одним концом уходят в недра туч, а другим концом упираются в Крыс, быстро отступающие тучи, я в луже, и

Фрида, что мужественно направила коня ко мне и протянула тонкую руку.

— Ваша милость, — услышал я перепуганный голосок, — вы там надолго?

Туча ушла так же стремительно, как и накатила. Крысы провалились в землю там же на вершине холма, как только прекратились разряды молний. Ливень отрезало, мы видели, как падающая с неба стена дождя уносится, как будто прихватило ветром, а здесь все озарилось таким ярким умытым солнцем, словно счастливо засмеялась сама земля.

Я поднялся, отряхнулся, с меня льет, словно я побывал губкой. Сэр Смит грозил кулаком вслед туче, но проклинал и адских тварей, что ушли под землю. Люди высовывали головы из-под плащей, тут же бухались на колени и творили благодарственные молитвы, что их избавили от выходцев из преисподней.

Сэр Смит прокричал, перекрывая раскаты, уже раскаты, отдаляющегося грома:

— Вот твари, а?.. Вот твари?

Его трясло, зубы стучали, глаза остались вылезшими из орбит. В этих случаях положено дать по морде, чтобы прервать начинающуюся истерику, но не буду же я бить благородного рыцаря в исполненное благородства лицо, пусть даже бастарда, потому возразил вежливо:

— Почему твари? Может быть, их послал как раз Господь!

Он отшатнулся.

— Сэр Ричард, что вы говорите! Как адские создания могут быть посланы Господом?

— Я сужу по результатам, — огрызнулся я.

— Каким? Они вон сколько порушили!

— А вы не топтали хлебное поле, когда на охоте преследовали оленя? Или когда гнались за каким-нибудь несчастным троллем?

— То другое дело! — вскрикнул он оскорбленно. — Я спасал народ от чудовища!

— Эти крысы тоже спасали нас, — сказал я настойчиво.

— Как?

— Эта гроза все разметала бы, — сказал я. — Все сожгла бы. Если бы не крыса, молнией бы убило меня!.. Я выше и вообще... хорошо, что ее масса во много раз больше и молния перенацелила удар в более заметную для нее мишень.

Сэр Смит с удивлением оглядывал турнирное поле и строения вокруг, приподнялся на цыпочки и посмотрел в сторону Каталауна.

— А ведь в самом деле, — признал он с удивлением, — такая гроза, а ничего не полаяет!

К нам подбежал брат Кадфаэль, запыхался, раскраснелся, вода течет с него ручьями. Мокрая ряса прилипла к телу, выказывая, насколько монах худой и костлявый. Кадфаэль сразу ухватил нить, сказал горячо:

— От меньших выгорают целые города! Сэр Ричард прав, эти твари как будто перехватили нацеленные в нас Божьи громы и стрелы... Выходит, они — орудия Господа?

— Все в этом мире, — сказал я, — орудия Господа. Но одни понимают это, другие — нет. Крысы явно вышли по своим делам: они то ли кормятся электричеством, в смысле молниями, то ли это для них дивное лакомство... скорее второе. Они зачуяли приближающуюся грозу, вылезли и подставили себя под молнии. А когда гроза ушла, и крысы ушли. Но хоть и нечаянно, но пользы принесли больше, чем вреда...

Сэр Смит огляделся, покачал головой.

— Это ерунда, — сказал он оптимистически. — Разрушений от крыс совсем мало. Пожалуй, плотники справятся до обеда, а там можно бы и провести первые бои. Правда, земля раскисла... Неужели турнир перене-

сут на завтра? Но что за дивные твари! Сэр Ричард, я видел, как вы ее мечом... даже не обратила внимания, зараза! Просто оскорбительно.

— Адские Крысы не видят людей, — предположил я. — Не видят и здания... А если и видят, то как клочья тумана, как едва заметный дымок...

— Сэр Ричард, что вы говорите!

— Когда куют железо, из большого куска делают маленький, но такой же тяжелый. Только плотнее. Кузнец не может уплотнить еще, а вот маги — могут. Особенно те, древние, могли. Представьте себе, что целую гору железа ковали и ковали, пока не уплотнили до размеров, ну, вон того камня. И если этот камень взять и кинуть...

Они невольно проследили траекторию, брат Кадфаэль зябко передернул плечами.

— Зачем так делать? Такой камешек просто утонет в земле, как в болоте!

Я смолчал, сэр Смит вздрогнул, посмотрел на меня дикими глазами.

— Верно, если Адские Крысы такие плотные, могут ходить там в глубинах, как в болоте. Даже плавать, как в воде!

А брат Кадфаэль, подумав, сказал серьезно:

— Тогда понятно, почему молнии бьют именно в них. Я сам видел, что молнии лупят в железные рудники.

Сэр Смит смотрел на меня с испугом и боязливым восхищением.

— Сэр Ричард, вы разом уничтожили такую легенду! Все, оказывается, так просто...

Я смолчал, только посмотрел на рассыпанные мешки с зерном, разбитую телегу и взрытое поле турнира. Если им кажется, что все просто, то мне как-то все равно не по себе. Знать, что в недрах земли живут какие-то существа из сверхплотной материи, бр-р-р...

Кусты трещат и больно хлещут по сапогам, Зайчик предпочитает прямые дороги. Я терпел, сцепив зубы, наконец показался знакомый утес, гигантская секвойя. Я остановил Зайчика на поляне, прислушался к мертвой тишине.

Смит держится на почтительном расстоянии, он сам на хорошем коне, еще и в поводу держит прекрасного коня, лучшего из тех, что удалось купить в турнирном городке. Я громко свистнул, моментально затрещали кусты, выметнулся огромный зверь.

Фрида за моей спиной завизжала, а Пес, бросившись мне на грудь, хотя я на Зайчике, повернул к ней страшную морду и оскалил клыки. Фрида завизжала громче, ужас в ее глазах неподдельный. Я вспомнил, что Пес чувствует нежить и рвет на части, а ведьмы хоть и не совсем нежить, но в чем-то нечисть, а это где-то в родстве...

— Бобик, — сказал я властно, — это тоже наше существо. Ты у меня умница, давай быстренько в лес. Поймай что-нибудь вкусное, устроим пир.

Пес исчез, а Фрида вскрикнула жалобно:

— Ваша милость, но это же Черный Пес?

— Черный, — согласился я, — и вроде бы пес. А что?

— Но ведь всякий, кто встретит его, вскоре помрет?

Я покачал головой.

— Вот чем хорошо христианство — никаких суеверий! Если собака — то просто собака. Если кошка — то кошка, если женщина... гм... словом, не бери в голову. Эй, Ваше Величество! Я не в прятки играю. Время не терпит! А если и терпит, то больно бьет.

Король вышел из-за толстого дерева с обнаженным мечом в руке, с недоверием уставился на сэра Смита и молоденькую рыжеволоску за моей спиной.

— Сэр Ричард, — произнес он вместо приветствия.

— Ваше Величество, — поприветствовал я. — Это мои друзья: сэр Смит, благородный рыцарь. Неважно,

откуда он и какого рода, в его высоком происхождении легко убедиться, посмотрев только на его усы. А это — милая Фрида, распоряжается моими слугами в замке Амальфи. По ряду причин сэр Смит и Фрида могут быть очень полезны вам в настоящем случае...

Король величественно и небрежно кивнул обоим, а меня спросил в упор:

— Какие новости от графа Кардини?

— Простите за дурные вести, Ваше Величество, — ответил я, — но ваш вассал вас предал...

Он окаменел, только глаза вспыхнули мрачным огнем. Я вкратце рассказал, как явился в замок, как удалось подслушать разговор сперва с самим герцогом, а потом уже настоящих заговорщиков. Сэр Смит, не выдержав, ругнулся, когда я рассказывал про планы на счет вывоза Каталаунской Девы, Фрида сидела тихая, как мышка.

— Мне надо подумать, — глухо сказал король.

Он остался на месте, неподвижный, как скала, а мы в сторонке разожгли костер, выложили часть припасов, захваченных запасливой Фридой. Появился Пес с огромным, но молодым кабанчиком в пасти, отчаянно брыкающимся. Положил перед Фридой и уставился на нее красными глазами. Она улыбнулась ему трусливо и заискивающе, просюсюкала:

— Милая собачка... очень милая... такая добрая... не укусит...

Пес посмотрел с презрением, зевнул, показав устрашающую пасть, и лег, наблюдая за всеми из-под припущенных век. Смит улыбнулся и, вытащив огромный нож, сказал с почтением:

— Ну, сэр Ричард, как же она вас слушается...

— Фрида?

— Фрида тоже. Но собачка... Велели поймать, вот и поймал.

— Это я обмолвился, — сказал я с досадой. — Ка-

кой-то Пес чересчур умный. Нельзя понимать так буквально. Мало ли чего я ляпну.

Смит со злорадно-хищным лицом распарывал кабана, сдирал шкуру, пластал нежное мясо, отрезал ноги и голову, кивнул на них Псу, но тот скривил верхнюю губу и отвернулся. Фрида умело хлопотала, нарезаая сыр, мясо, раскладывая красивыми узорами на широких листьях, что послужили тарелками.

На том конце поляны потемнело, словно там стремительно сгущается грозовая туча. Это король, сперва багровый от гнева, потом белый от ярости, изволил нахмурить брови. Я кивнул сэру Смиуту, мы переговариваемся вполголоса: Его Величеству надо дать свыкнуться с новой ситуацией, он тоже человек... в какой-то мере. Хотя сам признался, что он больше политик, а это уже почти не человек, а что-то ближе если не к нечисти, то к нежити. Насмотрелся, знаю.

Глава 13

Сэр Смит снял доспехи, сверкающей горкой лежат в ямке, чтобы не выдали нас блеском. Фрида удалилась в кусты, никто не мог предположить, над чем именно трудится, но вскоре вышла с охапкой ивовых прутьев, под мышкой — толстая свежесрубленная палка длиной с ручку лопаты, принялась связывать все в прочную метлу.

Работала быстро, умело, вскоре в руках ее было добротное помело, крепкое, с хорошо увязанными ивовыми прутьями и толстым надежным древком. Король обернулся, глаза полезли на лоб, побагровел, повернулся к нам всем корпусом.

— Да как посмели...

Фрида съежилась, как боязливая мышка перед огромным котом, не смела даже поднять голову, я поинтересовался невинно:

— Ваше Величество в чем-то усмотрели урон своему королевскому достоинству?

Он указал взглядом на помело, затем на Фриду и спросил грохочущим голосом:

— Но ведь она, похоже...

Он запнулся, не договорив слово «ведьма». Ведь если кивну, для него останется только один путь, сейчас весьма глупый, а так я помедлил с ответом, старательно подбирая что-нить уклончивое, а сэр Смит сказал со всевозможным почтением:

— Ваше Величество, я участвовал в лионском походе, вы тоже там были со своим отрядом. Помните, вы еще колебались, вступать ли во временный союз с готами, нашими лютыми врагами, чтобы дать отпор силам короля Алариха?.. Но вы поступили мудро, а потом была такая блестящая победа! Вы едва не захватили в плен самого Алариха. Он убегал так, что бросил полевую казну, свою семью, а также обоз с десятью тысячами цепей, в которые обещал заковать все наше войско!

Король слушал, светлел, наконец гордая улыбка тронула каменные губы.

— Да, — пророкотал он все еще грозным голосом, — это была неплохая победа...

— Неплохая? — воскликнул Смит. — Да ее называли блестящей даже в королевстве Йенгена, а там вас ненавидят!.. Но от правды никуда не деться. И менестрели сразу же сложили песни.

— Гм, — сказал король польщенно. — Под чьим знаменем вы были, сэр...

— Смит, — подсказал Смит. — Урожденный... да вообще-то, как убедил меня сэр Ричард, незачем придумывать себе знатных родителей, я сам по себе, и в рыцарство меня посвятили на поле боя! Я был тогда под знаменем сэра Фердинанда Самойского. Мы в том бою как раз опрокинули левый фланг герцога Журминеля,

что помогло Вашему Величеству выдержать удар в центре, а затем контратаковать...

— Да-да, — подтвердил король, — сэр Фердинанд, прекрасный воитель. Кажется, и вас припоминаю, да-да. У вас и тогда усы были... такие же.

— Это моя гордость, — сообщил с готовностью сэр Смит и расправил усы. — Отличительная черта породистых людей в моих краях. Так вот, Ваше Величество, церковь вас совсем не осудила за союз с готами, не так ли?

Барбаросса кивнул.

— Я потом исповедался, объяснил, зачем так поступил, выделил для церкви часть добычи. Архиепископ даже сказал, что своим поступком я чуточку приблизил этих ужасных еретиков к познанию света истинной веры. Я понял вас, сэр...

— Смит, Ваше Величество!.. Сэр Смит!

— Да-да, сэр Смит. А ты, милая девушка, встань и подойди сюда. Значит, ты можешь слетать... верно?.. прямо к моему замку и посмотреть...

Фрида ответить не успела, но, судя по ее виду, готова была сказать «да, конечно», я сказал настойчиво:

— Ваше Величество, этого делать нельзя. Над городом барражируют огромные летучие мыши... хотя я называл бы их летучими кабанами. Или волками. А гонцы, Ваше Величество, дерутся плохо, у них другая специализация...

Смит спросил, стараясь сделать что-то приятное королю:

— Летучие мыши сторожат и днем?

— На рассвете их сменяют гарпии.

Смит умолк, король задумался, изрек после паузы:

— Мы не станем рисковать жизнью ценного гонца.

Мы помолчали, наблюдая, как он расправляется с мясом, отрывая крепкими зубами огромные куски и глотая, почти не пережевывая, как волк, запил слабым

вином. Затем пришла очередь ветчины и буженины, мы нетерпеливо ждали, наконец я сказал:

— Сюда двигается цепь загонщиков. Герцог объявил Большую Охоту. Зверей поднимают и гонят две тысячи человек!.. Идут такой широкой цепью, что от них не укрыться. Так что, Ваше Величество, мы привели вам хорошего коня, надо срочно уходить отсюда.

Он кивнул, прожевал кусок и только тогда не спросил, а прорычал:

— Вы уверены, что не привели погоню?

— Уверен, — ответил я самонадеянно. — Мы купили самых быстроногих коней. Однако мы не замечали следы, так что рано или поздно сюда придут...

Он буркнул:

— Вы ломились через лес, как стадо свиней. Треск стоял такой...

— Вот пусть и думают, что свиньи, — согласился я. — Я свинья не гордая.

Он снова спросил насчет графа Кардини, я решил было, что у короля нелады с памятью, но глаза короля поблескивают остро и подозрительно, то ли не верит, то ли перепроверяет. Я уже чуть подробнее пересказал все, что случилось в замке Хартог, король слушал с недоверием. Я подумал, что он не в состоянии поверить в предательство такого верного вассала, как Франки Кардини, однако оказалось, что Барбаросса усомнился в моей способности все подслушать, а затем уйти целым.

— Ваше Величество, — ответил я с некоторым раздражением, — я рыцарь из дальних стран, а у нас не очень-то в моде фанфаронство и все эти цветные перья на шлемах и... других местах. У нас во главе угла, даже тупого, — результат. А здесь в цене сам процесс! Поздешнему я должен был бы красиво возмутиться предательством вашего некогда верного графа Кардини и вызвать его на поединок. После чего меня бы его слуги зарезали, как барана. Или вообще я, как рыцарь, не дол-

жен был выбираться из запертой комнаты? Где мое достоинство человека благородной крови? Карабкался по стене, как будто простолюдин, тьфу!

Он выслушал молча, хмыкнул.

— Ладно-ладно, сэр Ричард. Я бы вам доверил командовать левым крылом своей армии. А то и правым... может быть. Больно вы расчетливый и предусмотрительный. Мерзавец, наверное? Шкуру к тому же бережете, а мне нужны живые военачальники. Выходит, верный Франки уже не верный. Предал, мерзавец... Но это не значит, что мы сдадимся! Мы будем бороться, соберем силы...

Я прервал как можно вежливее:

— Ваше Величество, сейчас надо по коням и спешно драпать. Мы слышали в городе, что герцог тайком отправил большие отряды в лес. Зачем — неизвестно. Мы подозреваем, что, пока не нашли ваше тело, герцог не успокоится. Мы, конечно, ушли далеко от того места, где на вас напали, но, увы, недостаточно, чтобы нас не зацепили сети герцога.

Он проговорил зло:

— Но сейчас, когда нас трое... ладно, четверо... пусть сунутся!

— Речь не короля, но мальчика, — сказал я с сожалением. — Ваше Величество, а вы настоящий?

Он насторожился.

— В каком смысле?

— Некоторые короли заводят двойников, — объяснил я. — Одних — чтобы перенацелить кинжалы заговорщиков, других — чтобы тайком ходить по бабам. Эти двойники похожи на королей как две капли воды, но рта им лучше не раскрывать...

Он нахмурился, ответил с неохотой:

— Понимаю, на что намекаете так грубо. А вы в самом деле рыцарь? Галантности вас учили?

— И даже петь серенады, — заверил я. — Но мне

медведь на ухо наступил, а потом еще и попрыгал. Так что оцените коня, которого для вас купили... подумать, за такие деньги!.. потом я с вас слуплю с процентами. Да отправимся, чтобы потом не мчаться сломя голову. Те, что вас ищут, взяли с собой собак, так что рано или поздно на след выйдут.

Король критически осматривал коня. Я ощутил раздражение, слишком уж он везде и во всем монарх, под-сказал вежливо:

— С одной стороны у коня две ноги, хотя с другой стороны... тоже две.

Он бросил на меня косой взгляд.

— Да уж как-то догадаюсь. Что-то у него бабки вы-соковаты. И шея коротковата.

— Ваше Величество, а вам ничего не говорит такой вот крик: «Коня, коня! Полцарства за коня!»?

— Кто так вопил? — спросил он с подозрением.

— Наверное, кобыла, — предположил сэр Смит.

Король хмыкнул, опустил ладони на седло. Запрыгнул, не касаясь стремян, бравируя мышцами, что не успел растерять после походной жизни. Сэр Смит поспешно поднялся в седло, а Фрида сперва загасила костер, хозяйственная девушка. Я протянул ей руку, узкая ладонь скользнула в капкан моих пальцев, в следующий миг Фрида оказалась за моей спиной.

Поехали сперва шагом, я сказал Барбароссе:

— Я уже заглянул в монастырь, поговорил с настоятелем. Обещают вооружить всех монахов, а также монастырских крестьян. Не надо морщить королевский нос, Ваше Величество! Это не рыцари, конечно, но придет время, и такие вот жестко организованные отряды уничтожат рыцарские войска, как стада храбрых баранов, что не знают порядка, не признают дисциплины. Еще я поговорил с бенедиктинцами, они закрепились в Каталауне...

— Все еще остались? — удивился король. — А я собирался последних изгнать, как еретиков.

— Лучше бы их было больше, — сказал я дипломатично. — Они вас поддержат за то, что страна под вашим правлением живет в мире.

Он фыркнул.

— Их мало!

— Не скажите, Ваше Величество. К тому же нам каждый человек дорог. А если учесть, что настоящие заговорщики снюхались с нечистью, с колдунами, то монахи будут драться не только за вас, но и за себя.

Король подумал, спросил хмуро:

— Вам не кажется, что в городе вас просто могли арестовать и втихую казнить?

Я изумился:

— Меня? Такую овечку?

Он фыркнул.

— Это вы овечка?

— Ну да, Христова. А Христос у нас пастырем. С во-о-о-т такой палкой!.. Ваше Величество, никто не видел, что вас увез именно я.

Он посмотрел на меня с подозрением.

— А мне казалось, их оставалось еще человек пять. В том числе братья Торвальсоны.

Я ответил с христианской скромностью и добродетельностью:

— Но не осталось, Ваше Величество.

Он спросил недоверчиво:

— Даже братьев Торвальсонов?

Я отмахнулся.

— Да какая разница, чьи они братья?.. Они сейчас в аду.

Он, ворча, пробовал коня в разных аллюрах, а когда тот сумел перейти из галопа в карьер со скоростью примерно миль тридцать в час, подобрел, изволил сообщить, что я купил неплохую лошадь. Неплохую. Скоти-

на, мог бы назвать не лошадью, а конем, все же красивше.

Сэр Смит держался сзади, прикрывая венценосную особу с тыла. Фрида за моей спиной сидела тихая, как мышка, пугливо поглядывая на грозного правителя. Я слышал, как испуганно бьется ее сердечко: впервые видела короля так близко. К тому же он сам разговаривал с нею, будет о чем рассказать в Амальфи. Пес бежал рядом, пытаясь заглянуть мне в глаза.

Я сказал ему:

— Ты молодец, хорошо-охранял, спасибо.

Среди кустарников промелькнуло, Пес решил проверить и прыгнул в зеленые заросли. Сэр Смит, как абориген, начал рассказывать, что в давние времена здесь было королевство, населенное людьми, которые настолько привыкли воевать с нечистью, что постепенно уже свыклись с нею, начали брать в плен и ставить к работе. Это было в самые-самые древние времена, о них не сохранилось ничего, кроме отрывочных преданий. Все летописи начинаются с сообщений, как в эти земли вторгались соседи, а местные люди, что уже к тому времени не совсем люди, так как успели давно породниться с нечистью, всякий раз давали отпор, да так страшно, что в плен к ним лучше было не попадать...

Потом они то ли вымерли, то ли ушли под землю. Рассказывают, что в глубинах земли у них несметные богатства, но это всегда рассказывают, все слушают охотно, аж слюни висят...

Я кивнул: это знакомо, у ленивых самые любимые рассказы о неведомых островах сокровищ, которые закопали либо люди Флинта, либо пирата Моргана, и, хотя все говорят, что ну совсем не верят в эти рассказы, тысячи искателей отправляются на поиски и, бывает,

находят, и тогда рассказы, жутко преувеличенные, привлекают сотни отчаянных искателей приключений.

Король слушал сэра Смита снисходительно, а когда тот запнулся, добавил, что, даже когда местные то ли вымерли, то ли ушли под землю, все равно эта земля пустовала недолго, вернее, совсем не пустовала. Когда народец почему-то начал мельчать, соседи уже заселяли волнами, даже успели породниться с остатками местных. От этой смеси пошел странный народ колдунов, овладел распыленной в воздухе магией, начал заклятиями создавать города, ставить вокруг них стены и башни. Они были настолько могучи и несокрушимы, что легко покорили соседние страны, однако у них самих начались распри. Соседи видели, как горели города, рушились башни, земля трескалась, а раскаленная лава заливала посевы и перегораживала реки. Раса колдунов исчезла, хотя знающие говорят, что они просто переродились или стали невидимыми, а за власть уже не дерутся, как простые короли, власть их намного выше королевской, но сами потеряли интерес к завоеваниям, свершениям, а то и вовсе к жизни.

Здесь он умолк, пожал плечами, удивляясь, никак не комментируя, но всем своим видом показывая, что это совсем уж байки, нелепость, как это можно потерять интерес, когда в твоей власти хватать любую девушку, какую изволишь, покупать все, что восхочется, а твоей колдовской мощи не сможет противостоять никакой герой, никакой силач, никакой король с его войском?

— А почему там сейчас никто не селится? — спросил я.

Сэр Смит удивился:

— Как это не селится? Еще как селятся!.. Но только уж больно отчаянные селятся или же те, кто не в ладах с законом или церковью. У нас в соседнем селе целая семья кузнеца снялась и уехала за реку, когда местный священник начал уж чересчур с пылом доказывать, что кузнец знается с нечистой силой. А потом все выиски-

вал доказательства, что жена у него ведьма, летает на помеле, ночами превращается в черную кошку и доит соседских коров. Брехня, конечно, все знали, что он сам к ней неровно дышал. Даже при людях не мог сдержаться, чтобы не коснуться ее, не перекрестить, при-тронувшись вроде невзначай к ее груди... а уж там такие белые сдобные пышки были, что даже мне как-то снились, никакие молитвы не помогали!.. А когда тот священник совсем сдвинулся, начал собирать народ, чтобы сложить костер и кузнеца сжечь, а из ведьмы, мол, он сумеет изгнать дьявола. Тогда они, от греха подальше, распродали вещи, а что смогли, погрузили на телегу и переправились на ту сторону. Как раз большая сушь была, река обмелела, вода едва до спицы доходила...

Часть III

Глава 1

Над головами летит, пронзительно каркая, огромный ворон. Я вдруг подумал, что он может не просто так забавляться, а в роли наводчика, а то и во все кто-то смотрит его глазами, как в моем замке хробойл. Неплохо бы разобраться, кто его отправлял и что этим гадам надо было высмотреть в моем хозяйстве. На всякий случай я снял лук, быстро наложил стрелу. Король Барбаросса на скаку оглянулся, я увидел на королевском лице смесь презрения с недоверием: не рыцарское дело — стрелять из лука. Да и не попасть на полном скаку, к тому же в стремительно летящую птицу...

— Шас, — ответил я на невысказанное оскорбление. Тетива больно шелкнула по пальцам. — Собирайте перья!

Ворон молниеносно вильнул, но и стрела вильнула, это видел только я, остальным нужно смотреть на дорогу, только мой Зайчик в дорогах и даже тропях не нуждается. Ворон каркнул, и тут же карк перешел в настоящий человеческий крик, словно стрела в самом деле попала в глаз соглядатая и поразила неведомого колдуна. Во все стороны полетели перья, тушку подбросило, затем, нелепо растопырив лапы, она понеслась к земле и ударилась в пяти шагах перед мордой коня Барбароссы.

Пес рванулся вперед, подхватил пронзенную стрелой тушку и принес мне. Я отмахнулся: это

не добыча, выплюнь гадость, а восхищенный Смит прокричал на скаку:

— Да вы прямо святой Августин!

Барбаросса проворчал упрямо:

— Это какой еще Августин?

— Августин Блаженный, — объяснил Смит. Не дожидаясь расспросов, крикнул: — Мне в детстве рассказывали, что не было лучше его стрелка из лука!.. Когда он был язычником, конечно.

Он благочестиво перекрестился, не прерывая бешеной скачки, король посмотрел на нас, нахмурился, но смолчал.

Сочная трава шелестит под конским брюхом, цепляется за стремяна. Из-под копыт выпрыгивают рассерженные зайцы, толстые, как кабаны, вспархивают птицы. Конь сэра Смита пугался, фыркал, сам он восхищенно ругался: столько птиц в одном месте, что за непуганый край! Я помалкивал, не зная, сколько особей должно быть на квадратный километр. И каких. Для меня это все птицы: различаю только по размеру и цвету, а из пород знаю разве что воробьев, кур, уток и гусей, все остальное — просто птицы.

Пес время от времени бросался за дичью, даже успевал догнать и задавить, но я добычу не принимал, и он, смирившись, несся рядом хмурый и недовольный, уже не обращая внимания на выпархивающих и выскакивающих.

Еще, я помню, в старину было принято половину пути проходить пешком, давая отдых коням. Рыцари даже в полном облачении могли бегать и прыгать, так что обычно после пары миль езды с коней слезали даже тяжеловооруженные воины и, разминая ноги, шли, а то и бежали в полном вооружении, с мечами и топорами за спинами или у поясов.

Хорошо подготовленная армия, что умело рассчи-

тывает силы как свои, так и конские, могла совершать далекие конские переходы. Я поглядывал на спутников и внезапно поймал себя на мысли, что еще ни разу не видел, чтобы всадник слезал с коня и бежал с ним рядом. Похоже, здесь кони выносливые, с утра до вечера несут рыцаря в тяжелых доспехах и все еще не падают.

Если не считать многочисленных крестьянских лошаденков, мелких и слабосильных, рыцарские кони, насколько помню, везде как на подбор рослые, могучие, крепкие. Эти вот, на которых мы сейчас, отличаются только скоростью. Обычно рыцарские кони достаточно медлительные, такова расплата за крепость и выносливость, но в здешних землях заводчики сумели соединить с мощью животного еще и дивные скоростные качества.

Конечно, не арабские скакуны, но и эти могучие животные могут нестись галопом часами, а не три минуты, как обычные рыцарские кони, предназначенные только для таранного удара.

— Если эта земля, — проговорил я с сомнением, — в самом деле такая, как выглядит, хорошо бы и здесь кого-то поселить. Вон сэр Смит пронесся, за ним комья чернозема, как будто стая ворон!

Барбаросса сказал с сомнением:

— Я над этим подумывал, но...

— Сил не хватает?

— Говорят, — ответил он с тем же сомнением, — земля попорчена.

— Чем, экологией?

Он посмотрел на меня с высокомерным подозрением правителя, которому придворный старается всучить жену в любовницы.

— В смысле, магией? Вот-вот, эта гадость чаще всего незрима. Надо, чтобы священники здесь все освятили. А то и не один раз. Но бывает, что и молитвы не помогают, если магия сильная или...

— ...что еще?

— древняя, — закончил он с тяжелым вздохом. — Древние знали такое, что нынешний народ никогда не поймет.

Я посматривал по сторонам с опаской еще большей. Для короля и сэра Смита привычно, что есть нечисть, что Божья Матерь может заступиться, а дьявол, напротив, унести душу, что ведьмы летают на помеле и что каждый в этом мире за себя. Я же принимаю это умом, куда денешься, но подспудно еще на что-то надеюсь, есть же милиция, над которой смеемся и изгаляемся, есть правительство, что спасет, защитит, поможет, выплатит компенсацию...

Из рассказов сэра Смита, да и самого короля я понял — здесь прошла не одна волна нашествий. Силы Тьмы накатывались и... не откатывались, словно просачивались в почву, зарывались, потому столько чудищ, странных птиц, необычных ящериц и даже насекомых, ранее невиданных.

Появились ядовитые цветы, но ядовитые не для всех, иначе все бы перемерли, а так бабочки и стрекозы охотно лакомятся их пылью. Опыляют. Зато если коза или олень съедает такой цветок, тут же мрут в жутких мучениях. Звери это поняли, такие цветы обходят стороной. Вроде бы безобидные лопухи и простые травы обзавелись жуткими шипами. Ни одна коза или корова не рискует сорвать хотя бы листок, зато местные колдуны тут же приспособили корешки таких трав для волшебных отваров, листья тоже идут на зелье.

Люди наловчились колючки срезать и обматывать, даже украшать ими изгороди, чтобы и чужая коза не забралась в огород, да и сама нечисть таких колючек побаивается, если не слишком оголодала. Но в этих местах, захваченных нечистью, откуда отступили все королевские войска, жизнь, как ни странно, теплится, а кое-где даже процветает.

Все поселения расположены в излучинах рек, и любая семья, что приходит на новые земли, оказывается в сравнительной безопасности, стоит прокопать широкий ров, чтобы не перепрыгнуть, и построить мостик, выложенный крестами и освященный местным священником. В ров запускают воду, а нечисть, как известно всем, водные преграды одолеть не в силах, через освященный и политый святой водой мостик могут пройти только те, кто ничего не имеет общего с нечистой силой. Иногда пускают паром, на который нельзя ступить, миновав освященные и окропленные святой водой доски.

Я вздрогнул, услышав впереди взволнованный голос Смита. Его могучая фигура маячила далеко впереди, высматривает дорогу и старается принять первый удар на себя, тем самым обращая внимание короля как на верного защитника.

— Волки! — услышал я его крик. — Господи, какие здоровенные...

Пес с поднятой шерстью стоит рядом с ним. Небольшой редкий лес, впереди на освещенном солнцем просторе десятка два серых зверей расположились, как в солончухе, двое лениво терзали свежепойманного оленя. Пес заворчал, обнажив клыки, посмотрел на меня вопросительно.

— Нельзя, — сказал я отечески.

Барбаросса поинтересовался хмуро:

— Хотя волки в самом деле здоровенные... но ваша собачка, думаю, одолеет. А там стоит двух-трех задрать, стая разбежится.

— Я не хочу, — сказал я твердо, — чтобы мой песик дрался!

— Почему? — удивился он.

Смит тоже посмотрел с великим недоумением.

— Может быть, — ответил я разозленно, — хочу из него скрипача вырастить! Или напротив — гуманиста.

Не слушая их больше, взял лук и наложил на тетиву стрелу. Смит сразу смерил взглядом расстояние до волков.

— Далеко?

— Нет, достать могу...

— Так стреляйте же, — сказал он кровожадно, — стреляйте, чтоб им...

Он оглянулся на Фриду и смолк. Я все еще не решился спустить тетиву: вдруг эта орава пугнется так, что ринется в нашу сторону. Я помню, что, если задумавшемуся медведю гаркнуть на ухо, он с перепугу ломанется в том направлении, куда смотрит. Может стоптать самого гавкателя, а потом через сотню шагов помрет от инфаркта, у медведей сердца слабые, на них никто никогда не кричит, вот и нет защиты от дурного гавка.

— Стреляйте, сэр Ричард, — посоветовал король.

— Эх, Ваше Величество, — сказал я грустно, — вы ж должны быть самым главным зеленым. Защитником природы, это ж тоже ваши подданные! Почти избиратели. Санитары леса. А вы так с электоратом...

Они умолкли, я повел стрелой. Щелчок, моментально наложил другую стрелу, другой щелчок, третий... Зверь подпрыгнул, второй просто застыл на месте, а третий даже перекувыркнулся. Четвертую стрелу я задержал на тетиве, остальные звери то ли не почуяли, то ли не обращают внимания на погибших собратьев, король сказал негромко:

— Уже пройдем!..

— Идите, — велел я, посмотрел на короля и добавил: — А вы, Ваше Величество, извольте любезно проследовать за моим простым и надежным другом.

Я поехал последним, волки какие-то заторможенные, половина стаи полегла от моих стрел, прежде чем догадались трусцой побежать в кусты и скрыться среди зелени. Я догнал короля и Смита, они ничего не говорили, и так видно, что стреляю как сам великий Август

стин Блаженный, поехали дальше. Я снова углубился в думы, словно казак-запорожец, затем ощутил себя так, словно попал в высокогорные джунгли: воздух все тяжелее, дышу с трудом, будто поднимаюсь по нескончаемой лестнице. Сэр Смит перестал так уж далеко вырываться вперед, мы с королем едем с мрачными лицами, зыркаем по сторонам настороженно, застывшие в напряженном ожидании беды. Все стало серым, даже трава потеряла цвет. Кони всхрапывают, морды покрылись пеной, бока лоснятся от пота, словно после долгой скачки.

Очень медленно каменистая почва сменилась подзолом, появилась трава, очень быстро перешла в такие жирные сочные стебли, что бывают только на болотах. Под копытами чавкало и плямкало, затем трава из болотной начала превращаться в обычную. Проступило подобие тропки, а дальше и вовсе наметилась отчетливо, только протоптали ее, похоже, не люди.

Ладно, будем считать, что именно здесь местные звери ходят на водопой. Правда, вода гнилая, но и среди людей есть же такие, что чистой воде предпочитают огненную, кто вместо цветов нюхает клей или носки после месячной носки. Так почему зверям не хлебать эту вот непростую, как уверяет сэр Смит, воду? Тем более что звери здесь особенные...

Кусты затрещали, к воде спустился, просто съехал на заднице, огромный человек, мне он показался великаном. Длинные седые волосы красиво падают на спину, на широченных плечах держит оленя, ветхая рубашка порвана на груди. Не останавливаясь, вошел в воду, бурное течение тут же попыталось сбить его с ног, унести, но он даже не замечал бурлящей воды, спокойно пересек реку, что только в самых глубоких местах доходила ему до пояса.

Так же легко вскарабкался, почти взбежал к нам на берег. Пес выбежал навстречу и смотрел на него с жи-

вейшим интересом. Я невольно подобрался, когда охотник вышел навстречу нашему отряду. Пожалуй, на голову, а то и на две выше любого из рослых людей, а значит, выше и меня. Это просто гигант, нормальные люди такими не бывают. Похоже, будет вровень мне сейчас, когда я в седле.

Думаю, нас заметил еще с того берега, глаза выглядят зоркими, сдержанно поклонился, не снимая оленя с плеч, настолько широких, что олень разместился там во всю длину.

— Желаю здравствовать, доблестные рыцари. И милая леди, конечно.

Голос его прозвучал грохочуще, мне показалось, что в тучах отозвалось эхо. Я просто чувствовал, как за моей спиной зарделась Фрида и заерзала, не зная, как сказать, что она вовсе не леди, а простая служанка. Пес вытянул голову и обнюхал оленя. Охотник не выказал перед ним страха, но посматривал с уважением, а когда снова скользнул взглядом по нас, особо выделил глазами меня, как хозяина этого Пса.

— И тебе того же, — отозвался я чуточку запоздало. — Как на той стороне, спокойно?

— Это смотря о чем, — ответил он уклончиво. — Я, к примеру, охотился на тех землях. А вон Жан и Левон вчера были у Яргов на свадьбе. И сегодня гулять туда пойдут...

— Слышно, — сказал я наугад, — там вроде набег замышляется?

Он ответил спокойно:

— Не слыхал. Но разве это свадьбе помеха? Молодое дело такое — надо размяться, кровь пустить, чтобы не одуреть.

— Ладно, — ответил я как можно нейтральнее, показывая, что я мыслями сейчас очень далек отсюда, прямо парю в облаках, — иди, а то олень вырвется и убежит.

Он ухмыльнулся, понимая шутку, быстро вскараб-

кался дальше по склону и пропал в зарослях. Наша тропка быстро превратилась в дорожку, а спустя несколько минут заметили проселочную дорогу с глубокой колеей. Дорожка пересекла ее и ускользнула в направлении леса, виляя всем телом, как змея хвостом, а мы выехали на широкую, продавленную колеей дорогу. Сэр Смит хотел ехать направо, как праведный христианин, меня же, как всякого мужчину, тянуло налево, а так как сеньор я, то мы двинулись в избранном мною направлении.

Барбаросса поглядывал на меня испытующе.

— Вы говорили с этим гигантом как со знакомым, сэр Ричард.

Я ухмыльнулся.

— Со всеми надо говорить о том, что люди понимают, как говорит великий Карнеги.

— Это святой?

— Да, который учил улыбаться. Правда, другой святой, Мерфи, дал понять, что это не поможет.

— Помогло же, — заметил Барбаросса.

— Это только с теми, — объяснил я, — кто не читал дальше. Или совсем не читал.

Фрида за моей спиной вскрикнула. Я взглянул в том направлении, куда она ткнула пальчиком, а попала в небо, зато очень точно: под облаками неспешно плывут, как мне сперва показалось, очень крупные птицы, похожие на серебристых рыб. Лишь приглядевшись, понял, что вижу очень бледных, просто до синевы бледных женщин с большими крыльями. Завидев нас, они начали резко снижаться. Я рассмотрел, что синюшный цвет скорее естественная окраска, как вон есть же краснокожие, есть желтая раса, белые, а еще есть, как теперь вижу, и синюшная...

Сэр Смит вскрикнул в тревоге:

— Вампириши!

— Днем? — рыкнул король.

— Ах да, — спохватился сэр Смит, — их бы солнце спалило, как мокриц...

Фрида вздрагивала за моей спиной, что-то шептала. Я чувствовал ее страх, ладонь опустил на рукоять молота. Хотя, конечно, жест глупый, зато успокаивающий. Вампириши, обнаженные, с развевающимися волосами, отчаянно кричащие, гримасничающие, подлетали неспешно, мне очень не понравились их хищно-красивые лица, дрожь пробежала по телу.

Пес зарычал, подпрыгнул. Смит охнул в удивлении: Пес взлетел выше султана на его шлеме, и чувствовалось, что прыгнуть может и выше.

Все самое красивое, что есть в человеке, воплощается в женщине, но и самое отвратительное — в ней же. Бывает чистая одухотворенная красота, я ее встречал не только в благочестивых семьях, но и в читальном зале Ленинки, в аудиториях институтов, в концертном зале, даже на выставке художников-пейзажистов. А есть вот такая, самая разнузданная и порочная. Мне приходилось видеть рано созревших девушек, что пошли по рукам сперва подростков по подъезду, потом братков района, затем ставших любовницами крупных мафиози. Они, как говорится, прошли Крым и Рим, абсолютно циничные, познавшие не только все утехы секса, наркотики, но и ту власть, которую дают деньги, грубая сила их покровителей... Так вот эти крылатые твари, — это те самые красотки, что пошли еще дальше по пути свободы, освобождения от норм, правил, заповедей, морали. Эти уже точно без комплексов. Они голые не потому, что жарко, мы ведь и в жару ходим одетыми, в то время как на улицах появляются абсолютно голые женщины из партии демократической оппозиции, но эти свободны во всех физиологических проявлениях, вплоть до дефекации в любом месте.

Они летели с оглушительными криками, гримасни-

чали, я чувствовал их похоть, что, однако, выльется в укусы и терзание жертвы, вон какие зубы и когти.

— Далеко зашла на Юге демократия, — процедил я сквозь зубы, — далеко...

Сэр Смит огляделся, вскрикнул:

— Вот здесь можно спрятаться!

Впереди тесная группка высоких деревьев с густыми кронами, мы поспешно пустили туда коней, я на скаку выхватил лук. Король не успел слова сказать, как я наложил стрелу и выстрелил, тут же выхватил другую, однако вампириши, если это вампириши, уже скрылись за пышными кронами. Я не успел проследить взглядом за стрелой, однако вскоре раздался треск, ветви закачались, посыпались сучья, и в ворохе зеленых листьев с тяжелым стуком на землю упало настолько бледное женское тело, что казалось голубовато-зеленым.

Глава 2

Сэр Смит выругался, помянув черта, за что сразу же начал спешно извиняться перед Господом, король без страха шагнул к сраженной. Одно из кожистых крыльев вяло трепыхнулось в воздухе и опало, а второе вампириша придавила всем телом. Стрела торчит в боку, кровь течет слабо, на теле куда больше царапин от сломанных веток, ободрали, как Рэмбо.

Пес оказался перед добычей раньше всех, обнюхал, сел и озадаченно оглянулся на меня. Черные как смоль волосы сраженной красиво растрепались, она слабо застонала, глаза раскрылись. Сэр Смит снова выругался, рука дернулась к мечу, и тут же начал умолять Господа простить его и за богохульство, и за то, что едва не обнажил меч на женщину. Глаза вампириши фиолетовые, крупные, с огромной радужкой, что неудивительно, понял я по-дарвиновски: живет в темноте, нужно улавливать больше света. Это у монголов и чукчей солнца из-

быток, а тут все путем: дитя ночи. У летучих мышей глаза тоже огромные, как у манговцев.

Пока мы таращились, она попыталась привстать, охнула. У меня мороз прокатился по коже от вида ее зубов: вообще-то белых и ровных, как у маркизы Помпадур, однако же клыки... Впрочем, у бобров, по слухам, зубы растут всю жизнь и к тому же самозатачиваются. Но бобры хоть дерево грызут, истирают зубешки, а на сладком человечесьем мясе хрен даже затупишь.

Король посмотрел на ее нагое тело с неодобрением. В самом деле, подумал я, чересчур для этих времен худая, как манекенщица, ребра выступают под тонкой кожей все до единого, живот запал, груди мелкие, хоть и хорошей формы, ноги длинные, как у подростка, нефункционально красивые, с аристократичными лодыжками... Да еще волосы просто чудо: длинные, пышные, блестящие, со здоровым блеском «хэденшолдэрс» и без всякой перхоти. Просто кукла Барби какая-то, уродище, в эти века в моде коровистые фламандки, кто не верит, пусть спросит у Рубенса.

Не выпуская лука из рук, я перебежал на другую сторону дуба. В голубом просвете мелькнули два крылатых тела, тут же скрылись.

— Ваше Величество! — предупредил я. — Будьте наготове! Могут пешком...

Король всхрипнул, лицо стало пунцовым.

— Чтобы я дрался с женщинами?

— Но если нападут?

Он ответил с негодованием:

— Женщин нужно насиловать... еще можно им дарить любовь, замки, выдавать замуж, если забеременели... но убивать — нет, это не по-мужски!

— А если вцепятся в горло?

— Так защищайте своего короля, — ответил он сурово.

Я пожал плечами, хотел напомнить, что он вовсе не мой король, я своим королем считаю Шарлегайла. Ну

да ладно, все младшие по чину должны козырять старшему, даже если тот в неприятельских рядах.

— Что с этой делать? — донесся голос сэра Смита.

Женщина шипела на него, как кошка, скалила зубы. Она уже сидела, опираясь на одну руку, вторая безжизненно висит вдоль тела, крылья похожи на обвисшие мокрые тряпки. Копна волос красиво струится по спине, маленькие упругие груди бесстыдно смотрят ярко-красными, словно раскаленные наконечники стрел, кончиками.

Я крикнул издали:

— Да убейте, всего-то делов!

— Но, сэр Ричард... это же... женщина!

— Тем более, — ответил я хладнокровно. — Убейте, пока еще у вас не на шее. Потом освободиться будет труднее, по судам затаскает. Верно, Ваше Величество?

— Верно, — ответил он. — Убивайте. Я отвернусь, на моих глазах женщин убивать нельзя, но за моей спиной — нужно.

Фрида наконец сказала тихо:

— Если для вас, сэр Смит, это трудно, то могу сделать я.

— Нет, — сказал я поспешно, — тебе нельзя. Ты будешь убивать человека, тебе будет гадко... и вы двое тоже станете терзаться муками совести...

Стрела сорвалась с тетивы, женщина опрокинулась от сильного толчка. Стрела, пробив левую грудь насквозь, пригвоздила ее к стволу. Я убрал лук и сказал хладнокровно:

— Поехали!

Только через четверть мили сэр Смит, что долго присматривался ко мне, спросил осторожно:

— А как вам... или паладины чувствуют иначе?

Я отмахнулся.

— В человека стрелять, тем более убивать, — боль-

шой грех. Но можно стрелять в дичь, в дерево, просто в мишень... В этом случае нет никакого греха.

Фрида завозилась, сказала мне в ухо:

— Впереди болото. Ваша милость, вы знаете?

— Нет, — ответил я честно. Прислушался, в самом деле в воздухе появился гниlostный запах болота, даже вроде бы донесся бычий рев, так обычно кричит болотная выпь. — Надо обойти?

Она подняла ладошку, подвигала пальцами.

— Нет, — сказала нерешительно, — вроде бы болото старое. Чудовищ уже нет, вы пройдете. Разве что коней придется в поводу...

Воздух стал тяжелее, жарче. Деревья стоят редко, даже от их стволов пышет, как от работающих печей. Когда лес кончился, я ощутил, как сильно парит, словно в ожидании большой грозы. Смит крикнул, что впереди болото, не лучше ли обойти, но ни справа, ни слева не видать края. Я первым слез, велел Фриде оставаться в седле. Она страшно конфузилась и порывалась соскочить в самую грязь, нельзя же, чтобы она сидела, как принцесса, а ее господин вел коня в поводу, как последний ее слуга, но я цыкнул, сделал страшное лицо, и она испуганно затихла.

Первые сотню шагов мы шли по сухому, лишь толстый слой мха мягко прогибался под сапогами, затем подошвы заскользили по студенистому дну. За щиколотки пытались цепляться водяные травы, в небольших сохранившихся лужицах плавают роскошные кувшинки, над болотом стаи комаров, воздух теплый и плотный, как парное молоко, свет солнца какой-то неуверенный, робкий, как будто пропущенный через очень тонкую кисею.

Пес ухитряется не только перескакивать с кочки на кочку, не замочив лап, но еще и выдернул слишком приблизившегося к поверхности крупного сома. Смит закричал, не зная, как отказаться, Пес тыкал ему добы-

чу настойчиво, но кое-как взял, сунув под жабры целиком ладонь. Сом извивался, колотил по шлему и бронированному туловищу хвостом так, что по всему болоту раздаются шлепающие удары, а обрадованный Пес бросился выискивать еще рыбу.

Я осматривался настороженно, вслушивался, но кроме кваканья и слюдяного шелеста сухих крыльев стрекоз пока никаких звуков. Если не считать, конечно, сопения сэра Смита за спиной, чавкающих звуков, с которым кони вытаскивают из мелкой топи копыта, и раздраженного бормотания низложенного короля.

Густой лесок на той стороне болота все приближался, наконец под ногами снова запружинил прогибающийся мох, пошли первые деревца, пока что редкие, ревматически покрученные, изогнутые от болотной воды, затем настоящие, что сумели дотянуться корнями до чистой воды, мы перевели дух и готовились взобраться в седла, как вдруг впереди затрещали кусты, вершинки деревьев затряслись.

Фрида вскрикнула тонким голоском:

— Берегитесь!.. Что-то мчится в нашу сторону!

Сэр Смит посмотрел на короля, выпятил грудь и прокричал воинственно:

— Защитим Его Величество!

Его меч с лязгом покинул ножны. Я тоже выхватил меч, отступил за самый толстый ствол, это оказался дуб в три обхвата. Простучали копыта, но выметнулся не конь, а исполинский кабан, близнец того, что нам удалось завалить с Тудором.

— Бобик! — велел я. — Не смей!.. Охраняй Фриду. Его Величество само отобьется...

Сэр Смит вскрикнул и отпрыгнул, отпихнув короля. Массивная туша пронеслась мимо, обдав сильным запахом могучего зверя. Я некстати подумал, что кабан — не кошечка, ему не надо прятать свой запах, сам не нападает, но и свою родную землю не отдаст...

— Отходим! — крикнул я. — Перебежками!

Кабан молниеносно развернулся и ринулся в атаку снова. Я выхватил молот, Барбаросса прижался к стволу дерева с мечом в руке, не соображая, что кабан проткнет его вместе с доспехами и деревом за его спиной. Сэр Смит глупо и отважно загородил короля своим телом, как будто кабану таких размеров не все равно: одна букашка или две.

Молот вырвался из моей ладони, как брошенная рукой великана наковальня. Клыки кабана были в дюйме от груди сэра Смита, когда молот ударил в массивную голову. Раздался истошный визг, словно кричал не огромный жуткий зверь, а придушенный поросенок размером с бронетранспортер. Дерево вздрогнуло, посыпались сучья и листья. Смит стоял бледный, с расширенными глазами, держа меч лезвием к земле. Кабана пронесло мимо, однако, к моему изумлению, он развернулся на дальнем конце поляны, постоял, дважды копнул копытом землю и снова ринулся в нашу сторону.

— Что за зверь... — вырвалось у меня. — Ваше Величество, надо убежать!

Вместо короля в великом сомнении ответил сэр Смит:

— Но не позорно ли...

— Да кому он похвалится? — крикнул я. — Леди Сесиль?

Сэр Смит, еще в сомнениях, начал отступать, укрываясь за деревьями. Барбаросса, насупившись, следил за мной маленькими и злыми глазами, я с удивлением заметил, что они с кабаном очень похожи. Я метнул молот, снова целясь в середину лба. Кабан налетал, как штурмовой танк, но мой молот, усиленный геммами и клапсами, ударил со страшной силой. Кабана не просто остановило, а отшвырнуло на десяток шагов. Я поймал молот и стал вешать на пояс, в полной уверенности, что опрокинутая туша уже не копыхнет, однако кабан, к

моему изумлению, начал дрыгать ногами, кое-как перевернулся и встал на ноги.

— Бежим! — заорал я. — У него... регенерация!

Барбаросса то ли счел мои слова наиболее разумными, то ли решил не подвергать опасности храброго дурака, что все время прыгает между ним и кабаном, тут же взял руки в ноги, что значит — не дурак, хоть и король, в состоянии в нужный момент отбросить свое величество и действовать, как бывалый воин. Он ринулся напрямую, а когда сзади начал нарастать топот и грозное хорканье, резко метнулся за дерево. Кабан пронесся мимо, как баллистическая ракета. Дерево затряслось, на высоте моего роста кору снесло, словно поработали дровосеки.

Кабан остановился, начал разворачиваться, молот пронесся с шумом, кабан успел сфокусировать на нем маленькие злобные глазки как раз в момент, как тот ударил прямо в середину лба. Кабана осадило на задницу и так отодвинуло на пять шагов. За ним осталась пропаханная канава. Смит, повинуясь моему окрику, ринулся за королем со всех ног.

Еще дважды я останавливал кабана сокрушающими ударами, что должны были расплескать не только его мозги, но и всего кабана на сотни ярдов вокруг, наконец он остановился на краю леса, изгнав нас под жаркое солнце степи, хрюкнул пару раз, что могло означать победный клич, вроде «За Плантагенетов!» или «Слава героям!», и неторопливо отступил в свои владения.

Сэр Смит без сил опустился прямо в траву. Правая рука провалилась в норку суслика, взметнулась сухая земля. Он с проклятиями выдернул руку, на пальце висел, вцепившись зубами, толстенький зверек, больше похожий на хомяка. Из норки тем временем выскакивали детеныши и, пока папа отважно сражался с напавшим на их жилище чудовищем, убегали и прятались среди поросших травой кочек.

Рыцарь наконец оторвал зверька и с отвращением отшвырнул. Тот перекувыркнулся пару раз, выплюнул клочок кожи с пальца чудовища и, хвастливо пикнув во славу своего сусликового Плантагенета, неспешно побежал к своим рассказывать о победе.

— Что за день, — простонал сэр Смит, разглядывая свой покусанный хомяком палец. — Что за день...

— Еще не вечер, — напомнил я.

— Спасибо, — ответил он ядовито. — Утешили. Кстати, кабаны могут быть паладинами?

Я огрызнулся:

— Вы на что намекаете?

Он выставил перед собой ладони.

— Что вы, сэр Ричард, я бы не позволил себе недостойный рыцаря способ говорить двусмысленности. Кабан — благороднейшее животное, недаром помещен на гербы многих великих королей. В вас, сэр Ричард, тоже есть нечто кабанистое. Особенно в исполненной изящества осанке. А этот кабан еще мог моментально заживлять свои раны! Значит, и ему даровано Всевышним...

Я буркнул:

— Думаю, ему не даровано. Некоторые сами берут, что плохо лежит.

Сэр Смит вскинул брови и произнес с глубоким уважением:

— Тем больше ему почет. Этот кабан — сеньор!.. Не так ли, Ваше Величество?

Барбаросса молча шаркал подошвами по траве: на сапоги налипло и не желало отваливаться по пуду грязи. Его взгляд не отрывался от моего молота. Я похлопал по рукояти, улыбнулся и покачал головой. Барбаросса поморщился и посмотрел на Фриду. Она робко улыбнулась ему, словно выглянувшее после дождя умытое солнышко.

Глава 3

Не давая коням отдохнуть, мы снова углубились в лес, на этот раз взбирающийся на холмы, даже ухитрившийся пустить корни на высоких скалах, где, кроме камня, вроде бы ничего нет. Копыта теперь стучали сухо, даже звонко цокали подковами по сплошной каменной плите.

Пес помнил мой наказ охранять Фриду, но она у меня за спиной, и он все чаще вырывался вперед со Смитом, я видел, как он вдруг затормозил всеми четырьмя, задрал голову.

Из низких, быстро бегущих туч вынырнула огромная, как лодка, и черная, как один из семи смертных грехов, птица. Через мгновение я понял, что это не птица, а не то дракон, не то нетопырь: крылья уродливые, без привычной закругленности, что указывает на длинные растопыренные пальцы передних лап с туго натянутой между ними перепонкой. На голых девок похожа, только не синяя и мордой не вышла.

Крылатое чудовище, раскинув крылья и слегка меняя угол, сделало полукруг, от брюха с механической точностью, как шасси дорогого лайнера, выдвинулись две мощные толстые лапы с блестящими, словно мокрыми, когтистыми пальцами. Я хватался то за молот, то за лук, однако чудовище уже опустилось по ту сторону камней, я видел только, как оно припало к земле, почти скрывшись из виду, опустило голову, отчего по обе стороны приподнялись мохнатые горбы плеч.

К моему изумлению, там поднялась человеческая фигура, словно неизвестный весь полет лежал на монстре плашмя, довольно ловко полез по мохнатому плечу вниз и пропал из виду.

— Только засады и не хватало, — вырывалось у меня.

Король буркнул:

— Что говорит по этому поводу военное искусство?

— Если все идет слишком хорошо, — ответил я горько, — значит, идешь в засаду.

Король взглянул остро, смолчал, а сэр Смит сказал утешающе:

— Когда знаешь, что засада, то она и не засада... в некотором роде.

— Спасибо, — ответил я, — но в этом правиле есть еще и следствие: если ваша атака проходит очень хорошо, вы уже в засаде.

Барбаросса буркнул:

— Вы слишком пугливы, сэр Ричард. Мы ехали под защитой деревьев, нас могли не заметить.

— С дракона?

— Здесь очень густые кроны. Мы ведь неба не видели?

Я сказал досадливо:

— Ваше Величество, основные законы войны и воинского искусства еще никто не отменял! Одно из них говорит, что если я увидел вас издали, то может увидеть и противник. Второе — если могу к вам подобраться на расстояние выстрела из лука, то и враг — тоже. Третий закон: промахнуться могут по вашему соседу, а вот в вас попадут.

Сэр Смит хрюкнул.

— Это верно. Сколько народу выстроилось перед битвой в лионской долине, а единственная ворона, что пролетела над полем, нагадила почему-то на меня.

Барбаросса впервые за долгое время улыбнулся.

— Это она вас отметила. Ведь это в лионской битве вы зарубили знаменосца Алариха и бросили его штандарт под копыта моего коня?... Теперь я вспоминаю, где еще видел эти пушистые усы.

Сэр Смит подкрутил ус и с достоинством поклонился.

Дорога пошла между каменистых холмов, Смит предложил срезать угол, но на крутом косогоре пришлось слезть с коней. Прошли самую малость, как из

расщелины в скале с жутким криком ринулось нечто огромное, мохнатое, жуткое. Страшный удар отбросил меня в сторону, небо и камни несколько раз поменялись местами. Я услышал тяжелый топот, с трудом привстал, выдернул из ножен меч, другой рукой ухватил молот.

Надо мной стоял Пес и старался лизнуть меня в нос. Король ржал, как глупый конь, да и сэр Смит лыбится, как самый натуральный скот. Только Фрида смотрит сочувствующе. Я глянул вслед исчезнувшему чудовищу.

— Что это было?

— Баран, — сказал Барбаросса.

— Сами вы, — ответил я зло, — Ваше Величество... чтобы не сказать больше!..

Король гнусно заржал, сэр Смит тоже заржал, еще громче, подхалим чертов, надеется на жирный кусок с королевского стола, только Фрида сказала участливым голосом:

— Это пещера, где жил баран. Он так испугался, так испугался...

Я сказал зло:

— А я так обрадовался, так обрадовался! Какой-то баран совсем тупой...

— Ага, — сказал сэр Смит, — настоящий баран!

— Горный баран, — пояснил король уже почти серьезно. — Они вырастают до размеров медведей. Благородные животные. Истинно королевские!

— Что в них благородного?

— Он выбрал для схватки вас, сэр Ричард, — пояснил король.

— И что? — спросил я с подозрением.

— Как равного, — пояснил король еще любезнее.

Я надулся, но на всякий случай уточнил:

— Это в каком смысле?

— Вы у нас сильнейший, — сказал король серьезно. — Разве баран поступил не рыцарственно?

— Лучше бы он выбрал вас, Ваше Величество, — ответил я.

Сэр Смит сказал угодливо:

— Видимо, это был не король баранов, а просто знатный баран-сеньор. Даже бараны должны чувствовать субординацию, сэр Ричард!

Я посмотрел с подозрением: что за намеки и какая может быть субординация во время бегства от превосходящих сил противника, хотя, конечно, мы не отступаем, а только заманиваем, но все же...

Фрида сказала вдруг:

— Сюда скачут на конях. Много коней... О боги!

Никто не уловил, что она призвала богов во множественном числе, я же смолчал, а сэр Смит спросил торопливо:

— Что еще?

— Они с собаками!

В ее голосе звучал ужас. Барбаросса бросил быстрый взгляд на ведьмочку, уж ей-то бояться нечего, обернется кем-нибудь и улетит, посмотрел на нас с сэром Смитом.

— От собак далеко не уйдем. Будем драться здесь?

Я покачал головой.

— Нет. В бегстве от превосходящих сил противника позора нет. Кто бежит, тот может и возвратиться. А вот без головы — не воин. По коням!

Они взлетели в седла, как птицы. Я махнул, чтобы шли вперед, теперь мне лучше двигаться замыкающим, никто не спорит, пустили сразу в мерный галоп, все еще сберегая силы коней, я достал лук, уши наконец уловили далекий лай.

Фрида прошептала над ухом:

— Напали на след!

— Как ты узнала?

— По лаю, конечно...

Мне почудилось в ее голосе удивление, подумал

сконфуженно, что, ну конечно же, по лаю узнать можно многое, это я привык встречать собак, что не лают вообще, лаять неприлично, а у кого собака лает, на того смотрят как на невежу, что не умеет воспитывать домашнее животное, лучше бы хомяка или черепашку завел.

Пес бежит рядом, я вспомнил вдруг, что не слышал еще его лая. Рычал — да, но лаять, похоже, отучили сразу в детстве. Лай становился громче, я смотрел вперед, но Фрида все время оглядывалась, однажды вскрикнула испуганно:

— Вот они!.. Какие страшные!

Я торопливо оглянулся, ухватил лук. Собаки выметнулись из чащи и несутся по нашему следу, растянувшись в длинную цепочку. Огромные, лохматые, похожие на кавказцев, если не крупнее. Я полагал, что они на поводке у загонщика, однако тот, видимо, отпустил, уверенный, что собаки нагонят и раздерут нас еще до того, как подъедут люди.

Пес порывался ринуться навстречу, я сказал строго:

— Понимаю твой рыцарский порыв, но... потерпи. Во-первых, вдруг да попадешь под стрелу, во-вторых, не драться же тебе, элитному и породистому, с бездомными дворнягами?

Я подпускал их ближе, мой конь всегда успеет сделать рывок и оторваться от нагоняющей стаи, Фрида попискивала, глаза огромные, я повел стрелой, держа взглядом вожака. Или не вожака, но бегущую первой. Глаза горят жадной убийства, блеснули желтые клики, с отвисших брылей срывается нечистая пена...

Вообще-то я куда охотнее убью человека, чем собаку, но это бегут не собаки, а хищные животные. Именно так нужно думать, понимать, чувствовать, тогда не будет никаких угрызений совести. Собаки — это те, которые машут хвостами и лезут лизаться, от которых приходится отбрыкиваться или отплевываться, от них

опасность только в том, что если не залижут, то затопчут, а это...

— Может быть, — спросила Фрида робко, — просто убежать?

— Закон военного искусства, — сказал я, — кто бежит, тот всего лишь умрет уставшим и взмыленным.

Стрела сорвалась с тетивы, тут же тетива звякнула снова, снова и снова. Фрида восторженно охнула, я сам не ожидал, что с такой скоростью смогу посылать стрелы, остановился, опешив, а первая собака подпрыгнула в прыжке и свалилась на бок, вторая рухнула мордой в землю и пропахла несколько шагов, третья и четвертая упали с диким визгом, что тут же оборвался, пятая получила стрелу прямо в пылающий ненавистью глаз...

— Держись, — предупредил я.

Фрида ухватила крепче, Зайчик сделал несколько быстрых прыжков, я снова развернулся по-скифски и выпустил с десятков стрел. На этот раз все собаки получили по стреле, последняя успела добежать и в прыжке вцепиться мне в икру. Я ощутил дикую боль, пес рычал, но челюсти в предсмертной судороге лишь сжимал все сильнее.

С проклятиями я ухватил за горячий влажный нос и нижнюю челюсть, кое-как раздвинул, как Самсон, что разрывал пасть писающему мальчику, с отвращением отшвырнул. Организм, не ожидая приказа от медлительного головного мозга, уже получил указание от спинного и поспешно заращивал рану.

Я провел ладонью по икре — раны нет, лишь лохматятся рваные штаны. Пес смотрит осуждающе, он бы перехватил ту жалкую дворнягу на полпути.

— Первый приступ, — сказал я, — отбили с небольшими потерями.

Фрида жаркодохнула мне в ухо:

— Ваша милость, как вы стреляли!.. Как вы стреляли!..

— Не совсем криворукий? — спросил я самодовольно. — Так что не обязательно в вегетарианцы.

Зайчик пошел ровным галопом, впереди двое скачущих всадников, но, прежде чем нагнали, Фрида произнесла изменившимся голосом:

— Теперь люди... Нет, ваша милость, там и похуже, чем люди...

Из леса выметнулись скачущие на быстрых конях люди, а из-за верхушек деревьев начали выползать медленные, как дирижабли, крылатые твари. Я не рассмотрел, что за существа, но, без сомнения, это один отряд, разделенный на воздушную и наземную части.

Завидев нас, крылатые твари сориентировались и пошли в нашу сторону, что мне очень не понравилось, их скорость возрастает с каждой минутой. Я послал Зайчика вдогонку за Барбароссой и сэром Смитом, догнал. Они даже не оглядывались: дорога плохая, не поломали бы кони ноги.

Я прокричал:

— Будет по дороге хорошая роща, дуйте под ее защиту! Уже вечереет, а в темноте они ни хрена не видят!

— Мы тоже, — проворчал Смит, а Барбаросса крикнул:

— Опять что-то крылатое?

— Верно сказано, Ваше Величество, — прокричал я на ходу, — что значит государственный человек!

Он мельком глянул в мою сторону, рыкнул:

— Фридрих!

— Что? — переспросил я.

— Фридрих, говорю! Меня зовут Фридрих, это короче, чем «Ваше Величество».

— Я не осмелюсь, Ваше Величество!

Он гаркнул:

— Это приказ!

— В задницу ваши приказы, — ответил я обрадованно. — Я не ваш подданный!

Он зыркнул в мою сторону по-волчьи.

— Сэр Ричард, вам королем даровано право обращаться к нему по имени. Это большая привилегия! Хотите, закрепим в вашем наследстве, чтобы и ваши потомки имели то же право, кроме того — не снимать шляпу, не вставать, ковырять в зубах в моем присутствии...

— Нет уж, нет уж, — крикнул я поспешно, — ни в коем случае! Ладно, принимаю такой щедрый дар. Хорошо быть королем: вроде бы ничего не дали, а вишь, как благодетельствовали...

Сэр Смит, что приотстал, закричал в ужасе:

— Гарпии!

Я наложил стрелу, развернулся. Над нами уже с десятков отвратительных грифов с лицами злобных старух, резко снижаются. Мои стрелы ушли одна за другой, почти незаметные в сгущающейся синеве. Первая же тварь закричала жутко, ее крик подхватили другие. Некоторые начали метаться в небе, стремясь избежать стрел, в их поведении было столько человеческого, что я опустил лук, оглянулся. Барбаросса и сэр Смит скачут во все лопатки, Фрида жарко дышит мне в ухо, Зайчик все понял и бодро пошел вдогонку. Пес бежит рядом, хороший пес.

Фрида постоянно оглядывалась, я велел присматривать и за небом, хотя она и так следит, как испуганный суслик за ястребом. Барбаросса и сэр Смит высматривают дорогу, не оглядываются, копыта стучат сухо и часто.

— Ох, — раздалось за ухом обреченное, — ваша милость! Их слишком много...

Справа из-за леса на легких конях выметнулся отряд голов в двадцать, почти одновременно слева не меньше тридцати, а в том, что идет за ними упорно из середины леса, вообще не меньше сорока всадников, рассвирепевших, обозленных потерей дорогих собак. Передние в доспехах, что значит — мои стрелы не посшибают их с

такой же легкостью, как этих ворон в небе. В этих достаточном просто попасть, а спрятавшегося за доспехами нужно поразить в щель...

— Сверху, — сказала Фрида напряженно. — Все-таки они хотят броситься...

Гарпии летят высоко, но постепенно снижаются, я видел их жуткие гримасы. Им и страшно, и что-то их гонит с неудержимой силой, хотят броситься явно в тот момент, когда остальные нас почти настигнут, чтобы мы не знали, от кого отбиваться в первую очередь.

— Пусть попробуют, — ответил я мстительно.

Зайчик как чувствует: когда отпускаю тетиву, идет так ровно, словно утица плывет по тихому озеру. Я сшиб троих, остальные поднялись выше, последняя стрела блеснула в небе, описала крутую дугу и понеслась вниз. Гарпии кричали визгливо и раздраженно.

Скакавший впереди Барбаросса вдруг начал придерживать коня. Я понесся к нему, но не успел спросить, что случилось: далеко впереди из оврага выехали и встали цепью не меньше десятка всадников. Трое из них тут же спешились, согнувшись, натягивая стальные дуги арбалетов.

— Там не пройти! — вскричал сэр Смит запоздало.

Я сам ощутил, что вряд ли прорвемся, одно дело — десяток всадников, другое дело — арбалеты, в беспокойстве поерзал, вдруг заметил далеко среди высокой зелени серую крышу, прокричал:

— Там церковь!.. Скорее туда!

Барбаросса и сэр Смит разом развернули коней. Грохоча копытами, мы взлетели на небольшой зеленый холм, взору открылась низина с десятком домов, сгрудившихся вокруг церкви. Рядом с церковью высится каменная колокольня, такая величественная на фоне закатных облаков. Река делает в этом месте петлю, самое удобное место для поселения, скот мирно пасется на лугу, в реке плещутся утки и гуси.

Весь отряд летел, как на крыльях, рядом со мной хрипит конь сэра Смита, то ли силы на исходе, то ли вот-вот в обморок, как трепетная лань Анжелика — маркиза ангелов. Я придержал Зайчика, мимо прогрозился могучий конь Барбароссы.

Мне показалось, что король начинает придерживать коня, я заорал:

— Я вам, Ваше Величество, отстану!.. Так отстану, что сам взбунтую народ на такого идиота в короне!.. Ишь, шляпу в его присутствии... Законотворец хренов!

Глава 4

Он бросил в мою сторону бешеный взгляд. Конь начал сбавлять ход, затем снова пошел вскачь. Я остановил Зайчика, развернул в сторону преследователей и схватил лук. Быстрый взгляд в небо показал, что гарпии кружатся достаточно далеко, вот одна попыталась броситься за нами, крылья и все тело вспыхнули огнем, ее с диким криком понесло к земле.

— Они сейчас не опасны, — прошептала Фрида. — Церковь охраняет...

— А от людей?

Ответа ждать не стал, пальцы быстро доставали стрелу, так же молниеносно накладывали на тетиву, рывок к уху, разжимаю пальцы и тут же хватаю следующую, следующую, следующую...

Одни сползали с коней, другие только склонялись к гривам, некоторые ухитрились закрываться щитами, я стрелял и стрелял, пока звенящий голосок Фриды не предупредил, что уже не успеваю: справа и слева с поднятыми мечами летят сразу по несколько всадников. Я прижал Зайчика в бока каблуками, он сделал прыжок, спустя мгновение за нашими с Фридой спинами послышались тяжелые удары, крик, дикое ржание.

Сэр Смит и Барбаросса, пригнувшись, настегивали

коней, я видел, как они проскакали между первыми домиками по направлению к церкви. Пес мчался рядом с моим конем, шерсть дыбом, грозно рычал, но без команды отойти не осмеливался.

— Торопитесь, — шептала Фрида испуганно, — они не останавливаются!

У церкви Барбаросса и сэр Смит соскочили на землю, доброхоты тут же подхватили коней под уздцы и увели. Мой Зайчик пронесся как ветер, у церкви Барбароссу и сэра Смита уже окружили вооруженные люди, все выглядят суровыми и решительными, даже подростки с оружием.

Церковь, как я понял, защищает от нечисти приличный участок земли, включая дома, пашни, пастбища и кусок леса, что клином подошел к деревне. У каждого, даже у малых детей, на шее серебряные крестики, но, судя по тому, как детские кулачки сжимают кинжалы, порой уже не игрушечные, видно, что полагаются не только на молитвы.

Я прокричал:

— Расходитесь!.. Все расходитесь! За нами погоня, вам незачем стоять на их пути.

Я спрыгнул, шлепнул Зайчика по крупу и кивнул на отдаленный лес. Зайчик сразу же пошел карьером, превратился в черную точку и пропал раньше, чем между домами показались скачущие всадники. Мы вбежали в церковь, король и Смит поспешно закрыли двери и задвинули толстый засов. Пес сделал круг по церкви и подбежал ко мне с вопросом в глазах.

Я ринулся к окну и выпустил несколько стрел. Снаружи быстро темнеет, но все равно седла трех коней опустели, еще двое, тяжело раненные, сумели повернуть коней и скрыться за домами и деревьями. Я торопливо оглядел церковь: небольшая, из тяжелых массивных глыб, обработанных грубо, с выступающими краями. От всего здания веет грубостью, первобытностью,

однако внутри, к моему удивлению, книжные полки от пола и почти до свода. Это ж какие лестницы нужны! Особенно восхитили цветные витражи с изображениями Христа, Девы Марии, различных святых, аскетов, подвижников.

Присмотревшись, в одном узнал знакомые черты Тертуллиана. Его трудно не узнать или спутать: могучая фигура, квадратное лицо, широкие плечи и руки кулачного бойца. И только из глаз бьет свет, который так потряс меня в первый раз и всякий раз заставляет вздрагивать вновь.

В центре — Дева Мария, на руках упитанный ребенок, пальцы правой руки уже сложены в благословляющем жесте, по бокам фигуры святых, стеклянная мозаика, в основном красных тонов. Красный придает торжественность и приподнятость изображению, коричневых цветов меньше, и совсем мало зеленого, остальные краски отсутствуют.

Сэр Смит прошептал вздрагивающим голосом:

— Сэр Ричард... а что с этими окнами?

Я быстро взглянул, переспросил:

— А что не так?

— Но это же... не окна!

Разноцветные витражи, которые я привык видеть вместо окон, потому они всегда и светятся так чисто и радостно, здесь просто вделаны в стены. Кажется, с той стороны, несмотря на поздний вечер, вовнутрь падает ясный солнечный свет. Стекла горят ярко, фигуры святых выглядят пугающе рельефно.

Додумать я не успел, в дверь грубо грохнули тяжелым, свирепый голос прокричал с угрозой:

— Открывайте! Хуже будет!

— Сейчас, — пробормотал я вполголоса, — только шнуры завяжу...

С луком наготове я посматривал на два окна, которые настоящие, в них врывается ветерок, на фоне звезд

видны верхушки колыхающихся деревьев. Возле одного окна встал с мечом наготове сэр Смит, увидел лук в моих руках и кивнул понимающе, мол, все вижу, под стрелу не полезу, спиной супостата не закрою.

Барбаросса с мечом наголо повернулся ко мне, лицо усталое, но привычно хмурое и раздраженное.

— По-моему, мы свалили редкостного дурака.

— Вы очень самокритичны, Ваше Величество, — заметил я. — Но нечего примазываться к чужим ошибкам. Если свалил кто, то это я. Но я не думаю, что это такая уж дурость.

Он поморщился, я упорно называю Его Величеством, хотя дураку была предложена такая честь — называть короля по имени, все придворные за такое отдадут полжизни, спросил хмуро:

— Там у нас был хоть слабенький, но шанс уйти... или погибнуть красиво. А здесь... почему не дурость?

— Сто сороковой закон военного искусства, — сказал я, — гласит: если это дурость, но работает, то это не дурость.

— А сработает?

— Наполеон говорил, что рассчитывать битву нужно на десять процентов, остальное предоставить удаче.

Сэр Смит крикнул от своего окна жизнерадостно:

— А удача приходит к смелым!

Барбаросса покачал головой.

— Они нас обложили. Отсюда не уйти, их слишком много. Вот уж не думал, что мой брат сумеет привлечь столько народу на свою сторону! Сожалею, сэр Ричард, но на этот раз действительно не уйти. Когда схватят, скажите, что вы по моему приказу...

Я отмахнулся.

— Верите, что это спасет мою шкуру?

— Надо попытаться, — возразил он.

— Спасибо, Ваше Величество, — поблагодарил я.

Он уловил сарказм, спросил настороженно:

— За что?

— Все-таки хоть малость, но обеспокоились не только своей драгоценной шкурой. Для Вашего Величества это, говорят, неслыханно.

Он нахмурился, возразил с неудовольствием:

— Я — король! Всегда помню о нуждах страны. Я и себя не щадил. Кто скажет, что пировал да баб таскал? Нет, спал на земле, под головой седло, ел из одного котла с солдатами, с ними получал раны и рисковал жизнью... Но зато мое королевство самое благополучное на кордоне!

Я ощутил неловкость, развел руками.

— Ладно, это я устал, видно. Обшарим хорошенько везде полы! Не может быть, чтобы церковь да не имела подвала.

Король сказал раздраженно:

— Любая церковь строится с подвала. В военное время народ прячется в церкви, а если ее вдруг подожгут, то все перебираются в подвал. Даже если свод и стены рухнут, иногда удастся дождаться своих, что руины растащат, а их освободят. Однако, сэр Ричард, сейчас не тот случай.

— Тот, — заверил я, — тот!

От двери раздался крик, затем удивленный голос сэра Смита:

— Какие дивные люди!.. Ползком пробовали... Что за существа, как не стыдно?.. Это даже не то что не по-рыцарски, а вообще не по-мужски... Представляете, ползет, как змея, на брюхе! Ну я его и пригвоздил к земле, чтоб посмотреть, кто дольше поизвивается: змея или такой вот... змеиный выплодок. Может, это вовсе не люди, а только прикидываются?

Осадившие церковь люди держались на почтительном расстоянии, прятались за камнями и стволами деревьев. Я заметил, что многие поглядывают наверх, сам

высунул голову в окно, благо у нападающих нет луков, вздрогнул.

В звездном небе плавает, как рыба в воде, огромная темная тень. Иногда делает резкие рывки, тогда буквально прыгает на десятки метров. Я создал и запустил вверх яркий луч, тень чуть отодвинулась, даже выгнулась в середине темным куполом, где клин света поднимается ввысь, будто прижигает ее снизу.

Я пробормотал озадаченно:

— Что за тварь?

— Не знаю, — ответил Барбаросса, он выглядывал в другое окно.

— Что за король, — буркнул я с отвращением, — как это не знать подданных?.. Оторвались вы от народа, Ваше Величество.

Сэр Смит с металлическим лязгом загремел по камням, не то споткнувшись в полумраке, не то засмотревшись на нас. Фрида испуганно озиралась по сторонам, ее всю трясет, святость места действует как жгучая кислота. Я сосредоточился, постарался смотреть тепловым зрением, однако видел только слабое свечение в небе, словно от гниющей древесины, да мелкие колючие звезды.

— Что это за зверь? — повторял сэр Смит. — Что за зверь?

Я посматривал наверх, в то же время стараясь не упускать взглядом спрятавшихся нападающих. Тень скользит чересчур легко, словно дирижабль, который ничего не весит, точнее, в равновесии. Но в то же время чувствуется, что эта тень, это призрачное существо в состоянии действовать и в материальном мире. Я почти физически ощущал огромную массу, не понимая, как все это держится в воздухе, не рушится, вбивая валуны в землю.

— Я слышал о таких, — бросил король. Лицо его в лунном свете казалось бледным, похудевшим. — Только

раньше они встречались в дальних землях... Эти твари не из плоти и крови, убить их простым оружием нельзя. Разве что колдун сможет, но такие колдуны остались в тех землях...

— А если не убить, — спросил я, — а просто отогнать? Вдруг оно редкое?

— Так это ж хорошо, что редкое, — удивился сэр Смит. — Извести последнее, чтобы уже никогда...

Король посмотрел на меня пристально, с заметной неприязнью, как будто уловил нечто такое, что ставит меня в чем-то выше его, венценосного монарха. Считая ниже своего достоинства осматривать пол, он занял место слева у входа, обнаженный меч наготове. Я и Фрида поспешно бегали по всей церкви, пробовали поддевать плиты, все как вмерзли.

Пес в одном месте, у стены, остановился, начал скрести камень лапами. На гранитной глыбе сразу же появились глубокие царапины. За спиной охнуло:

— Ну и собачка у вас, сэр Ричард!.. Сколько за нее хотите?

— Потом помечтаете, — огрызнулся я. — Давайте эту глыбу сдвинем.

За этой глыбой пришлось сдвинуть еще две, потом долго выбирали булыжники, крупный гравий. Пес суетился и тоже пытался грести лапами, но его камешки сыпались обратно.

Фрида вскрикнула:

— Вот она!..

Под грудой гравия выглянула отполированная плита. Черная от древности и вытертая подошвами до блеска, но Фрида уже упала на колени и пыталась подцепить край. Я вставил лезвие своего суперузкого меча, покачал осторожно. Плита приподнялась, мы ухватили за край и еще более подняли.

Снизу пахнуло холодом и сыростью. Я создал светящийся шарик и запустил его вниз. Фрида испуганно

вскрикнула, я прижал палец к губам и глазами указал в сторону короля и сэра Смита. Лаз достаточно широк, чтобы пролез даже тучный человек или рыцарь в доспехах.

Я сказал громко:

— Молодец, Фрида!.. И свет сделала... молодец. Ваше Величество!.. Сэр Смит! Почетный путь к победному отступлению подан!

Пес прыгнул первым. В церковь влетел дротик, а следом тяжелый метательный нож, и тут же блеснул меч Барбароссы. Раздался скрежет, лезвие разрубило влетающего в окно надвое. Король быстро выдернул меч, принял удар топора на щит и вторым ударом поверг еще одного на той стороне.

— Ваше Величество! — прокричал я. — Я вас возьму правой рукой в свой отряд на турнире!

Он что-то хрюкнул, лица в темноте не видно, я встал рядом, наши мечи сразили еще троих. На миг наступило затишье, я прокричал:

— Быстро в подземелье!

— Отыщут сразу же, — огрызнулся король. — Лучше бы в лес...

— Там шансов нет, — возразил я. — Разве это лес? Прочешут, у них людей хватит. Если честно, почти все ваши люди уже служат герцогу. И будут по его приказу искать вас, проклятого узурпатора.

— Узурпатора?

— Теперь все припомнят!

Он нахмурился, я видел, как проступили рифленые желваки. Сэр Смит время от времени показывал острие меча в окошко, бросая солнечные зайчики.

— А что в подвале? — спросил король непонимающе. — Нас же возьмут, как крыс!

— Обещаю, — сказал я, — не возьмут. Слово паладина!

Он хмыкнул, вложил меч в ножны. Я не думал, что слово паладина в самом деле настолько весомо, однако

король прыгнул в дыру, удержавшись только на руках, исчез. Сэр Смит, повинуясь моего жесту, последовал за королем, следом шмыгнула Фрида, она все еще смотрела на меня расширенными глазами, полными изумления и восторга.

Я не стал ждать, когда начнут приближаться осмелевшие, снял лук и очень быстро выпустил в окно с десятков стрел. Не все нашли цели, но ужас от них был столь велик, что уцелевшие затаились в кустах и за камнями, не смели и дышать.

В огромном подвальном помещении Пес скулил, показывая дорогу, я тщательно задвинул плиту, стараюсь, чтобы не было и намека на свет.

Король проворчал:

— Все равно отыщут!.. Вы же отыскиали?

Сэр Смит опасливо посматривал на светящийся шарик, на Фриду. Я быстро осмотрел подвал, хорошо бы забраться еще глубже, Фрида все поняла, быстро обследовала подвал. Вскрикнула радостно:

— Нашла!

Этот лаз был упрятан особенно тщательно. Как я понял, это последняя попытка спасти самое ценное: глубокий ход, а там небольшая комната, куда спрятавшиеся в церкви могли спустить детей, чтобы спаслись хотя бы они.

С огромным трудом приподняли плиту, я рассмотрел грубо вырубленные ступеньки. Король заколебался, но Фрида заявила, что уже слышит, как выбили тараном церковные ворота, вот уже звенят подковы коней, на которых враги ворвались прямо в церковь.

Я опустил следом за королем, позвал Пса, он ликуя прыгнул сверху мне на грудь, я едва удержался, прижавшись спиной к стене.

— Ваше Величество, дверь закрывать вам.

— Сэр Ричард, я вам это припомню!

— Тогда подержите собачку.

— Нет уж, лучше поприхватничаю, я не удержу этого верблюда с клыками... Так сколько за него хотите?

— На щенках заработать мечтаете? — поинтересовался я, пока нашупывал подошвой ступеньку. — Хорошая идея пополнить королевскую казну.

Появился комок света, видно всего на пару шагов, но хотя бы понятно, куда ставим ноги. Ход довольно долго шел вниз почти вертикально, затем изогнулся по дуге, я отпустил Пса и велел далеко не отходить. Он тут же исчез впереди. Король шел сзади, сказал саркастически:

— Думаете, нас не отыщут? С собаками?.. С колдунами?

— Рыцари не думают, — ответил я гордо.

— Как и женщины? — спросил король.

— Как и священники, — ответил я кротно. — Мы, паладины, знаем... Я сейчас обращусь к подземному ангелу... Подземный ангел, явись, ты нужен... ах да, во имя Господа!

Все застыли, глядя на меня выпученными глазами. Фрида мелко дрожала и пряталась за мою спину. Я щелкнул пальцами, в двух шагах из пола поднялся бесшумно вращающийся черный смерч, Пес отступил к стене и глухо заворчал. Сэр Смит охнул и начал быстро-быстро креститься, с королевских уст сорвалось что-то мало похожее на молитву, а Фрида вспикнула и ухватилась за мою руку.

Смерч для всех выглядит абсолютно бесшумным, только у меня в голове ясно и отчетливо прозвучал ровный голос:

— Слушаю и повинуюсь.

— Отлично, — сказал я вслух. — Пожалуй... перенеси нас в подвалы гостиницы.

Черный смерч слегка колыхнулся, я услышал четкий голос:

— Гостиницы? Что это?

Король охнул, теперь и я услышал, как совсем недалеко сверху донесся сильный треск, словно бы по камню тащили другую глыбу камня.

— Гостиница... ну, постоянный двор... — повторил я медленно. — Ах да, для тебя не существует Верхнего Мира! Ваше Величество, не припомните координаты... ах, извините, короли не утруждают себя даже грамотностью. Бог мой, как же тогда... Бобик, где наша комната? На постоялом дворе! Ищи, ищи!..

Пес посмотрел с недоумением. Подбежал к стене и поскреб лапой. Оглянулся на меня, снова поскреб.

— Молодец, — сказал я громко, стараясь, чтобы звучало убедительно. — Подземный ангел, неси нас троих в гостиницу. Ориентируйся на рецепторы и чувство направления Пса. Там просторные винные подвалы, постарайся доставить нас туда...

Все это говорил больше для Барбароссы и сэра Смита, для специализированного робота из силового поля вряд ли существует такое понятие, как винные подвалы, да и вообще сейчас главное убраться хоть куда-нибудь. Там, наверху, уже отвратительно скрежещут железом по плитам, догадались, сволочи, пробуют поднимать то одну, то другую, а что там искать, видно же, какая только что сдвигалась с места...

Фрида испуганно прижалась ко мне, хоть я и сеньор, но все-таки самец, у которого женщина инстинктивно ищет защиты. Барбаросса и сэр Смит с огромным трудом заставили себя вложить мечи в ножны. Вокруг нас взвихрилось, возникли полупрозрачные стенки. Я видел по вытаращенным безумно глазам Барбароссы и Смита, как им страшно и жутко, затем все провалилось, мы зависли в жуткой космической черноте, исчезло время и пространство, в голове ни одной мысли, затем толчок, мои подошвы ощутили твердь, пленка исчезла. Я зажег огонек, и все мы увидели грубую каменную кладку.

— Хорошо, — произнес я сдавленно. — Возвращайся к дежурству, благодарю за службу.

Черный смерч беззвучно исчез, я заставил себя сдвинуться с места, обошел подвал, нигде никаких винных бочек, помещение совсем тесное, а голова задевает низкий свод.

Пес начал скулить нетерпеливо, нюхал и пробовал царапать стену. Я воспрянул духом, король и сэр Смит стоят как истуканы, все еще оцепенев. Только Фрида ходит за мной неотвязно, как щенок за мамой, глаза как блюда, смотрит со страхом и надеждой.

— Ну, — произнес я, стараясь, чтобы мой дрожащий голос звучал обыденно, — Ваше Величество, вы у нас здоровый лось, без вас просто никак! И вы, сэр Смит, не стойте, раз уж Его Величество вон уже совсем собрался засучить рукава...

Глава 5

Сэр Смит наконец опомнился и бросился ко мне, стараясь опередить короля. Совместными усилиями вытащили плиту, открылся темный туннель, по которому можно двигаться только на четвереньках.

— Я первый, — предупредил я, — потом, простите, Ваше Величество. Нет, сперва мой Пес, а потом вы. Надеюсь, это не сильно ущемит ваше королевское достоинство?

Барбаросса прорычал:

— Ох и повезло же вам, сэр Ричард, что вы не мой подданный... Я бы на вас все казни перепробовал.

Сэр Смит открыл и закрыл рот, не зная, как вступить за короля, но ведь в самом деле первым лучше лезть мне, а потом собаке...

Ход повел резко вверх, я нащупал крутые ступеньки. Через минуту уперся головой еще в одну плиту. На-

тужился, приподнял и сдвинул в сторону. В лицо пахнуло мощными запахами вина.

— Ура, — сказал я вполголоса. — Ребята, мы на месте.

Следом за Псом выбрался король, метнул на меня злой взгляд, но еще я увидел в нем и то, что мне в самом деле не понравилось. Король, хоть и здоровый как два лося, все же не совсем дурак, все же понял, что такие шуточки вовсе не для того, чтобы задеть, зато никто из них не успел испугаться. Вон даже сэр Смит больше думает про то, как «помирить» и «смягчить», а не про ту жуткую чертовщину, что непостижимым образом перенесла во мгновение ока из одного места в другое.

По обе стороны — стоведерные бочки в три ряда, четвертый ряд не поместился, так затолкали ряд сорокаведерных. Подвал вытянут в длину на пару сот шагов. Настоящий мужской рай, даже бабс не требуется. Когда столько хорошего вина, только помешают визгом, капризами и странными требованиями.

Они все тесной группкой двигались за мной, только Пес исчез в темноте, слышно было, как не то гоняет крыс, не то ищет их норы. Наконец впереди показались каменные ступени, что вели к железной двери.

— Там выход во двор, — определил я. — Хорошо... Но вам, Ваше Величество, придется какое-то время посидеть здесь. Мы трое можем втихую вылезти, нас на постоялом дворе знают, а вот вас... гм... боюсь, тоже узнают.

— И долго мне здесь ждать? — осведомился король с подозрением. — За вином могут спуститься в любой момент. Вы ведь лакаете в три горла?

— Мы добудем монашеский балахон, — решил я, — по вашей фигуре. С капюшоном, чтобы вашего королевского лица не узрели. Небось, за вашу голову награду объявили... Надо узнать, сколько.

Сэр Смит воскликнул с подчеркнутым негодованием:

— Сэр Ричард, как можно!

— Миром правит экономика, — сказал я, оправдываясь, — а деньги можно и отмыть... Мы, Ваше Величество, оставим с вами собачку, чтобы вы не скучали.

— Опять собака? — буркнул он. — Придется ее в дворянское достоинство, чтобы мне общаться не зазорно. Пожалуй, дам я ей графский титул! Для начала.

— Ну, мы пошли, — сказал я.

Король сказал неожиданно:

— Сэр Ричард, у меня к вам вопрос.

У меня внутри сжалось, но ответил я с подчеркнутой теплотой и любезностью:

— Все, что могу, Ваше Величество. И даже больше!

— «Больше» — это значит соврете?.. Понятно. У меня вопрос, почему вы это... это создание, хотя, наверное, точнее бы назвать исчадием, назвали подземным ангелом?

— Потому что это подземный, — ответил я твердо и посмотрел ему в глаза прямо и честно, — ангел.

Он ответил мне взглядом, что в искусстве врать, глядя прямо в глаза, с королями никто не сравнится, так что не надо, сказал еще настойчивее:

— Сэр Ричард, насколько я знаю, Господь низверг взбунтовавшихся против своего Верховного Сюзерена, да так низверг, что они пробили земную твердь и теперь навеки обитают там... в глубинах... именуемых адом! И с тех пор те светлые ангелы стали... темными. И называются уже вовсе не ангелами!

Я покачал головой.

— Ах, Ваше Величество, какой же вы мудрый в управлении страной и какой наивный в таких сложных философских вопросах!.. Вы сейчас озвучили упрощенную версию для печати, то есть для простого народа. Но вы-то не простой?

Он подумал, сказал с подозрением:

— Ну?

— И я не простой, — подсказал я. — Мы знаем боль-

ше. Все было намного сложнее, но как — знают только достигшие более высоких уровней.

— А почему наши отцы церкви ничего о таких... ни слова?

— Потому что ваши, — ответил я отечески, подчеркивая последнее слово, — отцы! Все отцы с детьми говорят иначе, чем друг с другом. Не объяснять же детям, откуда они берутся?.. Кого в капусте нашли, кого аисты приволокли, и никому не приходит в голову спросить: какие такие аисты в январе?.. Так и учение церкви. Простому народу излагаем как можно проще, а вот продвинутым пользователям... Простите, Ваше Величество, но вы даже ни разу не грамотный, так куда уж вам наши церковные тайны излагать всерьез?

Он пробурчал подозрительно:

— Архиепископ знает?

— Знает, конечно, — ответил я уверенно. — Но никому не скажет. Это есть наша великая жидомасонская тайна! Для малограмотных, а уж для совсем ни разу не грамотных — версия попроще...

Я умолк и посмотрел на него с умилением и христианской любовью, ну как смотрим на самых любимых чад Господа: дурачков и прибитеньких. Король буркнул в неловкости:

— Ладно, чего с герцогом? Если появлюсь неожиданно и всем все расскажу...

— Вы король или дурак? — спросил я. — Странные речи ведете, Ваше Величество! Это потом королю можно быть круглым дураком, когда укрепится престолонаследование и прочие вырождения, что приведут к «Марсельезе», но сейчас вам в дураки пока рано. Для ваших подданных, как видите, герцог ничуть не хуже короля. Пока вы воевали, укрепляя пределы, он тайком вербовал сторонников, раздавал обещания, титулы, звания. Верные вам теперь в меньшинстве, да и те затихли. Понимают, что либо герцог начнет отнимать у

них владения, либо надо начинать с ним затяжные войны... А вот тех, кто присягает любому правителю, при котором налоги меньше, а вольностей больше, — тех всегда большинство!

Он скрипнул зубами.

— Подлый народ!

— Народ будущего, — заверил я. — Грядущая раса.

— Видение было? — спросил он саркастически. — Сплюньте. Это гадость, а не видение. Послано дьяволом! Никогда люди не забудут про честь, верность, доблесть... У меня мало верных людей? Тем ценнее будет победа. Мы победим, сэра Ричард!

— А как же иначе, — пробормотал я. — Тонешь, а планы на женитьбу строй. Ваше Величество, опасно нам заниматься сотрясением воздуха, именуемым галантно-светской беседой. Пусть другие интеллигентничают, а мы — люди действия. Ждите, мы скоро!

Я некоторое время выжидал у двери, прислушивался, затем подозвал Пса, тихонько застонал, заскулил, посмотрел на него выразительно. Пес взглянул с недоумением, скукнул неуверенно.

— Молодец, — прошептал я. — Давай еще! Громче.

И сам заскулил. Пес обрадованно подхватил, взвыл чуть ли не во весь голос. За моей спиной испуганно вскрикнула Фрида, чертыхнулся, а затем забормотал покаянную молитву сэра Смит, а король буркнул вполголоса, что не станет покупать такую воющую собаку, даже даром не возьмет.

Через некоторое время с той стороны слышались шаги, донеслись голоса:

— Собака воеет...

— Сам слышу! Откуда ночью в подвале собака?

— Наверное, за Джоном увязалась...

— Но она вроде бы во дворе бегала...

— Наверное, то другая.

Пес взвыл снова. Я прислушался, один мужик сказал раздраженно другому:

— Позови Антиса.

— Он спит. Да это и не его собака...

— Но ключ у него? А там разберутся, чья. Я с ума сойду от этого воя!

— Скажи честно, не сможешь спать на посту.

Шаги удалились, мы выжидали, король и сэр Смит потихоньку обнажили мечи. После долгого ожидания снова затопало, на этот раз с той стороны к двери приблизился только один человек. Пес посмотрел на меня и по моему знаку скульнул снова. Загремел висячий замок, с грохотом отодвинулся железный засов.

Я сделал знак Псу оставаться на месте. Дверь приоткрылась, показалось звездное небо с огрызком луны, сонный голос позвал:

— Ну, где ты там? Вылезай.

Пес по моему знаку заскулил громче, жалобнее. Человек за дверью выругался:

— Ты что, в капкан попал, что ли? Так нет там капканов...

В темном проеме появилась грузная фигура, человек тупо всматривался в черноту. Я сбоку протянул руку, схватил за волосы и сильно дернул. Сэр Смит подхватил падающее со ступенек тело, стукнул мечом плашмя.

— Свяжите, — велел я, — нельзя подданных короля убивать ни за что ни про что, да еще на его глазах. Мы быстренько... Фрида, пройдишь по городу и послушай новости. Не все же спят? Когда турнир, народ на улицах все ночи... Если получится, можешь купить для Его Величества плащ с капюшоном. Лучше всего — монашеский, на них внимания не обращают. И полно их что-то... Сэр Смит, вам надлежит купить самых лучших коней... Понимаю, лучшие остались там, около церкви, но когда-то и тех вернем. Его Величеству негоже ходить

пешком, у него зад тяжеловат. Хорошо бы найти Кадфаэля...

— А вы, сэр Ричард? — спросил Смит.

— Я, типа, менеджер, — ответил я туманно.

Небо в звездах, но после подвала даже лунный свет кажется ярким, я вышел, нагибая голову и посматривая по сторонам бегло, не привлекая ли внимание. В нашу сторону никто не смотрит, я подал знак в подвал, сэр Смит и Фрида быстро выскользнули и сделали вид, что они прямо живут там, во дворе, неспешно направились в сторону крыльца.

Я прикрыл дверь и навесил замок. С той стороны Пес попробовал скрести дверь, я услышал жуткий звук, словно обшивку космического корабля царапает ковш шагающего экскаватора, затем донесся успокаивающий голос короля, и скрежет оборвался.

Глава 6

Во дворе при свете факелов кучер разворачивает повозку, ворота уже распахнуты. Я заметил, как сдвинулась занавеска. Сердце мое стукнуло прежде, чем увидел мелькнувшую белую руку. Не помня себя, бросился к повозке, с разбегу запрыгнул на подножку. Повозка ощутимо колыхнулась, кучер оглянулся, заворчал.

— Езжай! — крикнул я. Отодвинул занавеску. — Леди Лавиния...

Она вжалась спиной в мягкое сиденье, в глазах страх и безмерная тревога.

— Сэр Ричард! — прошептали ее губы. — Нам нельзя...

— Да, — ответил я, не отрывая взгляда от ее нежного лица. — А где барон Гендельсон?

— Остался с герцогом, — сказала она тихо. — В последний раз пытается уговорить прислать помощь. Мы заберем его у ворот... Сэр Ричард, пощадите меня!

— Я и себя не шажу, — вырвалось у меня. — Я изо всех сил старался вас забыть, и, когда уже начало что-то получаться, прибыла от вас кольчуга, и снова такая буря во мне, что не знаю, как уцелел Амальфи, как не смело всю землю к той самой черепахе!

Я жадно всматривался в ее бесконечно милое лицо, чистые прекрасные глаза, что медленно расширились в недоумении.

— Кольчуга? — переспросила она. — Какая кольчуга?

— Мне ее передали еще там, в Амальфи, — напомнил я. — Я сразу понял, от кого... по гербу на вязаной рубашке, в которую кольчуга была завернута!

Она покачала головой, не отрывая от меня тоскующего взгляда любящих глаз.

— Я не передавала никакой кольчуги. Это было бы... было бы неуместно.

— Что за глупый шутник, — пробормотал я. Повозку потряхивало, я держался обеими руками, сунув голову в окошко, губы тянулись к ее лицу. Лавиния протянула мне руку, я жадно припал губами к бледным тонким пальцам. — Ох, Лавиния...

— Сэр Ричард, — ответила она, вся дрожа, бледная как смерть. — Уходите, умоляю вас... уходите, иначе я сейчас умру!

Повозку тряхнуло так, что я стукнулся затылком и прикусил язык. Пальцы разжались, я поспешно прыгнул, повозка покатила в ночь, быстро набирая скорость. Некоторое время я смотрел вслед остановившимися глазами, внутри меня чей-то голос монотонно твердил: «Жизнь не кончается, жизнь не кончается, жизнь не кончается...»

— Да, — прошептал я, — да... Жизнь не кончается! Зайчик!.. Зайчик!

Я свистнул, громко не получилось, губы сводит горькой судорогой, это я пытаюсь через силу зачем-то улыбнуться. У ворот, облитый призрачным лунным све-

том, маячит обеспокоенный Смит. Я кивнул: все в порядке, жизнь продолжается. Нам нужны быстрые кони, не задерживайся.

Через полчаса в нашу комнату поскреблось, я отворил дверь, Фрида проскользнула неслышно, как мышка. Щеки покраснелись, в мешке огромный монашеский плащ с капюшоном. Я отослал ее в подвал к королю, сам продолжал обыскивать комнату. Смит явился следом за королем, даже я не сразу узнал Барбароссу в огромном монахе, что ну никак не может заставить себя сгорбить смиренно спину. Капюшон скрывает лицо до подбородка, но подол коротковат, хотя Фрида уверяет, что купила самый-самый огромный.

Пес помахал хвостом, сообщая, что бдил и стерег. Барбаросса проворчал с презрением:

— Что за мелкий народец эти монахи... И зачем они вообще?

Смит доложил с порога восторженно:

— Вы не поверите, но купил четырех великолепнейших коней! Просто великолепных. Ничуть не уступают тем брошенным, никогда бы не подумал!

Барбаросса спросил с подозрением:

— А деньги откуда?

Смит кивнул в мою сторону.

— Все благодаря щедротам сэра Ричарда.

Я отмахнулся.

— Не благодарите, Ваше Величество. Чтобы вы не считали себя чересчур уж обязанным, я могу ссудить в долг.

Он проворчал:

— Да уж, к вам попади. По глазам вижу, и королевство уйдет за проценты. Что удалось узнать?... И переверните переворачивать мебель! Что ищете, шпионов?

Я ответил раздраженно:

— Кольчугу, Ваше Величество. Не знаю, кто ее ко-

вал, но вроде бы ее вообще ничем нельзя пробить или повредить. Мне подарили, сейчас что-то очень захотелось рассмотреть подарок...

Смит сказал с осторожностью:

— Я слышал во дворе, что пошли нехорошие слухи насчет *mêlée*. Вроде бы сэр Ричард сбежал, а именно его намеревались избрать предводителем отряда. На стороне южан отряд уже почти сформирован. Во главе, конечно же, герцог Валленштейн.

Барбаросса рыкнул:

— Ищите кольчугу получше, она вам понадобится. Похоже, южане собрали под знамя Валленштейна лучших рыцарей, а вам собирать придется уже и не знаю из кого... Кроме того, боюсь, сообщу вам неприятнейшую новость.

— Еще? — спросил я убито. — Что может быть еще неприятнее?

Он не понял, о чем я, кивнул в сторону. Одна из половинок окна болтается, хотя, как мне кажется, эти окна вообще никогда не открывались. Есть такие окна, неоткрываемые, как в поездах дальнего следования или в кабинете президента.

— Мы с Фридой видели, — сказал он, — как из окон гостиницы вылез человечек и прыгнул на землю. У него был сверток, из которого выглядывал рукав кольчужной рубашки. Не думаю, что это совпадение... Через окна даже днем не лазают.

Я со злостью ударил кулаком на спинке кровати.

— Черт!.. Как раз, когда я... Впрочем, неважно! Насчет *mêlée* герольды протрубили, что заявки на участие надо подать с утра. Я должен успеть, иначе... Кстати, зачем четверых коней? Кадфаэлю, как известно, конь не по чину, мой Зайчик уже в конюшне...

Смит ахнул:

— Прибежал? Услышал?

— Прибежал, — согласился я, — услышал. У него музыкальный слух, как у Робертино Лоретти.

Барбаросса сказал повелевающе:

— На третьем коне поедет Фрида. Это лучше, чем...

Он удержался и не уточнил, что лучше: то ли на метеле, то ли за моей спиной. Так и вышли во двор, где у конюязи ждут четыре коня. Смит быстренько одного отвел в конюшню, я вывел Зайчика, уже оседлан, Барбаросса, все так же скрывая лицо, взобрался на самого рослого коня.

Жизнь в палаточном городке, выросшем вокруг турнирного поля, не затихает и ночью. Еще издали мы слышали звуки музыки, песни в разных концах лагеря, вопли. При свете костров плясали, пели, играли и бахвалились победами то ли в турнирах, то ли в игре в кости как рыцари, так и оруженосцы, слуги, торговцы. Смит обратил мое внимание на множество веселых женщин, отметил с негодованием, что ни одна поряточная не придет сюда ночью, однако длинные тараканьи усы приподнялись, как у богомола, завидевшего половозрелую самку, глаза жадно заблестели.

Рассветает на диво медленно, по низине клубится сизый туман, народу в ожидании массового кровопролития собралось у турнирного поля настолько много, что отряды пеших воинов выстроились по всему периметру, сдерживая зевак. Прибавилось лавок и навесов, где торгуют едой и вином, а также всем, что может потребоваться в дороге. На огромных жаровнях накаляются громадные сковороды, туда бросают очищенную рыбу и щедро плещут масло, рядом жарится мясо, а также продают ветчину и колбасы.

Толпа заревела восторженно, со стороны города в алых лучах восходящего солнца показались блестящие всадники на убранных яркими цветными попонами конях. Я сжал кулаки: едут южане, все в элитных доспехах,

все на одинаково рослых и могучих конях, что тоже несут на себе тяжелые кольчуги, а конские головы и груди защищены стальными латами. Без всякой нужды рыцари выстроили коней в боевой порядок и двигались так до самого турнирного городка, вызывая ликующие крики безупречной выучкой и точностью движений.

Стражи с трудом оттеснили народ от границы поля, иногда били тупыми концами копий не только по ногам, но и по головам самых тупых или упрямых. Вместо отряда, который им должен противостоять, я увидел совсем небольшую группу рыцарей. Все держатся обособленно, вид у всех довольно растерянный и подавленный.

Оставив в дубовой роще Барбароссу под присмотром Смита и Фриды, я промчался к рыцарям с грохотом, они оборачивались, я не поверил глазам: лица светлеют, кое-кто начинает улыбаться. Первым вскочил с земли и подошел высокий и крепкий мужчина с рыжими волосами, глаза зеленые, лицо мужественное, загорелое.

— Сэр Ричард, — поприветствовал он меня. — Я — Стефэн из Тенеброка. Мы с вами виделись на пиру у короля Барбароссы. Вы как никогда вовремя!

— Что случилось? — поинтересовался я.

— Нужно собирать отряд, — сказал он твердо, — но у нас жоака нет, а все, кого предлагаем, отвергаются... Все сошлись во мнении, что вы — лучшая кандидатура. Во-первых, победитель турнира, во-вторых...

Стефэн чуть замялся, я сказал:

— Во-вторых, я ничей, так что вполне компромиссная кандидатура. И таким образом другие знатные и благородные рыцари не почувствуют себя ущемленными. Я прав? Но разве в отряде противника одни рыцари с юга? По-моему, для *mêlée* должно быть хотя бы полсотни с каждой стороны...

Нас обступили другие рыцари, прислушивались.

Похоже, я польстил всем насчет знатных и благородных, на меня смотрели без враждебности, слушают, некоторые уже кивают. Стефэн тоже кивнул.

— Южане — ударное ядро. Они настолько сильны, что очень многие из рыцарей королевства и гостей поспешили записаться в их отряд.

Я оглядел всех с высоты седла.

— Значит, здесь собрались отвергнутые?

Рыцари недовольно загудели, кто-то метнул в мою сторону злой взгляд, кто-то схватился за рукоять меча. Стефэн ответил чуть громче обычного:

— Сэр Ричард, это близко к оскорблению! Я, к примеру, не спешил записываться в их отряд. Ненавижу, когда вот так стараются примкнуть к сильным. Настоящий рыцарь так поступать не должен!

Несколько голосов выкрикнули в его поддержку. Я вскинул руку и сам возвысил голос:

— Ну и хорошо, что эти бесчестные... или не совсем шепетильные в вопросах чести люди сами отсеялись! В нашем отряде останутся только настоящие рыцари, у которых есть не только мечи, но и честь, доблесть, достоинство. Мы покажем им настоящий бой... братья!

Их хоть и удивило такое нерыцарское обращение, но и несказанно воодушевило, как начало речи одного великого человека при объявлении войны. Сразу несколько голосов провозгласили меня вожаком отряда, я тут же назначил Стефэна правой рукой и поручил ему формировать отряд.

Мы с герцогом вышли навстречу друг другу и, оба положив руки на Библию, поклялись, что будем сражаться честно, правила не нарушать, к чарам не прибегать, волшебным оружием не пользоваться, а буде нам предложат помощь колдуны — с негодованием отринуть. Я произнес четко и твердо, герцог тоже повторил клятву легко и с той небрежностью, что яснее ясного говорила: вы там как хотите, а мы будем сражаться тем

оружием, каким изволим, и никакие дурацкие клятвы перед тупыми дикарями нам не указ...

После того как составы отрядов были утверждены, все имена занесены в книгу, я заметил сочувствующий взгляд Уильяма Маршалла, он по-прежнему главный судья. Герольд вывел звонкую ноту, привлекая внимание. Один из помощников Маршалла прокричал, что на подготовку отрядов к схватке дается время до полудня. Затем начнется *mêlée*, и тот из отрядов, кто не придет вовремя или не придет вовсе, покроет себя бесчестьем. Если не придет кто-то из занесенных в книгу рыцарей, имя его будет покрыто позором, щит перевернут, а затем брошен у входа на ристалище, дабы всяк прошел по нему, попирая ногами.

Я подтвердил, что не посраим, после чего извинился перед рыцарями своего отряда, из дубовой рощи уже машут руками три монаха, один просто огромный, ну просто Ричард Львиное Сердце, возвращающийся из французского плена, второй... Кадфаэль, третьего не припоминаю.

Помахав в ответ, мол, вижу, иду, я еще раз пообещал быть на этом месте вовремя, пусть все рыцари изготовятся, ибо это не простой турнир, нас унизили, мы должны показать этим сволочам... и мы покажем!

По дороге к дубовой роще я чуточку остыл, мысли пошли трезвые, здравые, порой даже политкорректные, в смысле — а оно мне надо драться в коллективе? я же совсем не за этим сюда перся. Мне нужно было установить контакты с южанами, хоть с кем-то из них, а обмен ударами не очень-то похож на удачное контактирование.

Но *mêlée* теперь не избежать, если не случится ничего экстраординарного. А тут еще тоска не уходит после разговора с Лавинией. Говорю и двигаюсь как прекрасно сделанная механическая кукла, которую не сразу и отличишь от человека, или же как многозадачная опе-

рациональная система, что работает вроде бы как обычно, но только медленно, что-то скрытое отжирает большую часть ресурсов...

С кольчугой что-то непонятное, но разобраться не успел, сперли, прослышав про ее уникальные свойства. А теперь вот это обязательное *mêlée*...

Жаль, конечно, что отряды не выступают под знаменами «Добро» и «Зло» или «Тьма» и «Свет», тогда бы я знал, под чье знамя встать, хотя всякого рода сволочи всячески стараются стереть грань между добром и злом, с пеной у рта доказывая, что нет добра и нет зла, а есть только экономика и фрейдизм, и вполне можно срать в лифте, это вроде бы протест против слишком большой власти Добра.

В общей схватке я не только никогда не участвовал, но даже, честно говоря, рыцарскую драку отряд на отряд и не видел. Представляю только, что два войска выстраиваются друг против друга, а затем с опущенными копьями прут на полной скорости друг на друга. В этом месте надо будет придержать Зайчика, а то ломанется в бой со всей прыти, а мне это надо? Интересно, будет ли повторная сшибка с новыми копьями, или нужно сразу же, отбросив сломанное копье, хвататься за меч?

Сэр Смит выбежал навстречу, ему таиться нечего, сразу же заговорил горячо, с жаром:

— Завтра мы им влоим! И южанам, и этим трусливым псам, что набились к ним в отряд. Только, сэр Ричард, здесь многие захотят повторить метод Уильяма Маршалла... Это опасный трюк, но приносит богатую добычу!

— Что за трюк? — спросил я вяло, спросить нужно, иначе усач смертельно обидится.

— Сэр Уильям во время схватки хватал за повод коня противника, а затем дергал с такой силой, что дальше тащил, держа повод в вытянутой руке, а мечом в этом случае, как вы понимаете, его не достать. Однажды

граф Йенсон устроил на него засаду с двумя дюжинами ратников и десятком рыцарей в одной деревушке, так сэр Уильям выдернул у него поводья и скакал, топчя ратников, волоча коня с беспомощным всадником!..

Я вспомнил сэра Уильяма, пробормотал:

— Могучий прием.

— Еще бы! Так он многих взял в плен. Правда, графа Йенсона в тот раз захватить не смог, тот на полном скаку успел ухватиться за трубу на крыше дома, и сэр Уильям прискакал к своим рыцарям и крикнул: «Посторожите пленника!», на что те ответили: «Какого пленника?» Лишь тогда сэр Уильям оглянулся и увидел, что тащит коня с пустым седлом. Но он весело рассмеялся и сказал, что этот конь стоит дороже, чем сэр Йенсон.

— Понятно, — пробормотал я обеспокоенно. — Значит, турнир может выходить за пределы турнирного поля?

Сэр Смит изумился.

— Ну конечно!.. Когда такая ярость схваток, какое поле удержит сотню рыцарей? А если их больше? Бывает, что гоняются друг за другом от города до города!

За деревьями Барбаросса о чем-то расспрашивал Фриду, а она, сильно робея, объясняла ему скороговоркой, помогая жестикуляцией. Рядом с Кадфаэлем незнакомый монах, Кадфаэль всмотрелся в меня обеспокоенными глазами.

— Брат паладин, с тобой все в порядке?.. Чело твое в тревоге, глаза мечут темные молнии. Нехорошо... Отринь злые мысли. Брат паладин, к нам с вестью брат Мартелий. Бенедиктинцы проследили, где устроил себе капище могучий колдун, который насылает на собравшихся вокруг турнирного поля зло и порчу. Он настолько силен, что даже святость архиепископа Кентерберийского не останавливает его чары, а только ослабляет... Настоятель встревожен!

Я подумал, кивнул.

— Хорошо, у нас еще есть время. Если твой брат

Мартелий покажет дорогу, то... с нами, кстати, пойдут еще два головореза, вот они... одного ты знаешь, это сэра Смит, второй прячет лицо, ибо его облик столь страшен, что враги падают от одного его взгляда.

Брат Мартелий с уважением и опаской покосился на огромную фигуру в плаще.

— Это недалеко. Если вы готовы...

По дороге, правда, брат Кадфаэль и брат Мартелий все же ухитрились рассмотреть, что за головорез скрывается под монашеской рясой, весьма удивились и всю дорогу к лесу поглядывали на меня с укором, словно юмор начисто запрещен в монастырях как орудие Сатаны. Надо как-нибудь переговорить с иерархами, нельзя отдавать такое мощное оружие разрушения в руки противнику без боя.

Брат Мартелий вел такой богом забытой лесной тропкой, что и звери погнушались бы, но в конце концов деревья расступились. Впереди приземистая лесная избушка, убежище-склад для охотников, где могут переждать непогоду, сложить на время добычу и ценные шкуры, чтобы не добралось зверье.

Король сказал отрывисто:

— Брат Мартелий, ты молодец, вывел к глухой стене. Вы ждите здесь, а мы с сэром Ричардом обойдем дом и блокируем вход.

Кадфаэль вздохнул.

— Но... осторожнее. Все-таки колдун.

Король быстро взглянул на меня.

— Это правда, что паладины не чувствуют магию?

— Чувствуем, — ответил я, — но благодаря заступничеству святой Церкви и, будь она благословенна во веки веков, святейшей инквизиции я в немалой мере защищен...

Он посмотрел как-то странно, буркнул вроде бы уважительно, но мне послышалась издевка:

— Да вы святой человек, сэр Ричард.

— Это аванс, — сказал я скромно. — Святая Церковь чувствует мои благородные фибры.

— Жабры?

— Нет, фибры.

— А что это?

— Это... да ладно, жабры.

Мы спешили, с конями осталась Фрида, а мы трое обнажили оружие и крались как можно тише, пригнувшись, хоть и глухая стена, но кто знает чувствительность этого колдуна. Говорят, что иные могут видеть и слышать сквозь стены. Король двигался как огромная медведистая рысь, глаза налились кровью, у самой стены остановился, знаками показал мне, что, будучи благочестивым сыном церкви и вообще достойным человеком, обойдет справа, а я, как что-то непонятное, слева.

Я кивнул, все мы, мужчины, инстинктивно предпочитаем греховную сторону, оба одновременно пробежали, пригибаясь. С моей стороны одно окошко, так же разом оказались у двери. Король указал глазами на дверь, я кивнул, он могучим пинком выбил ее вовнутрь, а я ворвался с оголенным мечом наготове.

Король тут же возник следом.

В тесной комнатке, в самом деле завешанной вдоль стен звериными шкурками, на единственном столе распластанное тельце небольшого животного. Я отказывался даже думать, что это ребенок, так спокойнее, кровь залила столешницу и щедро стекает на пол. Человек в темном плаще с надвинутым на глаза капюшоном мерно взмахивает ножом, с лезвия стекает кровь.

Со всех четырех концов стола поднимаются черные струйки дыма. Монах даже не обернулся, только заговорил громче, а нож вошел в залитое кровью тело и остался там. На моих глазах черная рукоять моментально оплыла, превратившись в студень, а из узкого металли-

ческого стержня в потолок ударил тонкий лучик тьмы, похожий на черный шнурок.

Король прокричал страшным голосом:

— Замолчи, еретик!.. На колени!

Я шагнул было к колдуну, король остановил меня жестом. Колдун обернулся, поднял голову. Я вздрогнул, увидев мертвенно-бледное лицо, до бровей скрытое капюшоном. Тот соскользнул на затылок, мы невольно остановились. Лицо нечеловеческое, хотя все на месте: брови, глаза, прямой нос, губы, скулы, узкая нижняя челюсть, однако легкая диспропорция делает его жутким. Смертельно бледная кожа натянулась на острых, как шипы, скулах, в глазах желтое пламя.

— На колени! — крикнул Барбаросса громче, но голос его дрогнул. — Иначе...

Колдун сказал громовым голосом:

— Вы еще не поняли, что, несмотря на все ваши монастыри, церкви, школы... хозяева этого мира — мы?

Барбаросса прохрипел:

— Что? Хозяева моего королевства...

Колдун захохотал, запрокидывая голову.

— Королевства? Жалкий червяк... Что такое королевство? Мы — хозяева всего мира. Но ты даже не понимаешь, что это... Мы уже хозяева, а вы — то прошлое, которое нас пока что забавляет... и потому лишь существует! Но если захотим, сметем ваши королевства, как горстку сухих листьев.

Я ухватил колдуна за плечо, тот злобно искривил лицо, искривил намного больше, чем сделал бы человек. Нижняя половина вообще уплыла в сторону, словно кости черепа стали резиновыми, ноздри раздулись, оттуда хлынул черный дым. Почти сразу же дым пошел из одежды, через мгновение сам плащ превратился в густой черный дым.

Мои пальцы погрузились будто в кисель, ладонь за-

щипало. Король отпрыгнул, держась подальше от дыма, обнаженный меч в руке.

— Запереть двери!.. Запереть двери!.. Сэр Смит, стой там и руби всякого, кто попытается выйти!

Глава 7

Дым расползлся по всей комнате, сэр Смит застыл в дверном проеме, кашлял, ругался, наконец, сел прямо на пороге, ухватившись за горло, но меч держал перед собой, и всякий, кто попытался бы выскочить, напоролся бы на острие. Король, пригнувшись к полу, старался хоть что-то рассмотреть в дыму.

Через несколько минут дым рассеялся. На пороге — сэр Смит с синим лицом и выпученными глазами, через голову в комнату заглядывает брат Кадфаэль. Барбароса прокричал зло:

— Он с дымом вылетел в окно!..

Я проследил за его взглядом. Через зарешеченное окно и кошка не протиснется, но для дыма, конечно, это не препятствие.

— И что теперь? — спросил я зло. На короля старался не смотреть, это он со своим дурацким «На колени!» помешал захвату колдуна. — Все нити потеряны?

Король проворчал нечто неразборчивое, брат Мартейлий сказал с неуверенностью:

— Вообще-то мы знаем, куда он ушел. Но туда не дотянуться.

— На Юг?

— Нет, туда ему не долететь. Сил не хватит... Магия требует больше мощи, чем в тысяче коней. Потому колдуны в основном сжигают себя быстро... А ушел он в Темное Пятно, что не так уж далеко от Каталауна.

Король нахмурился, снова что-то проворчал. Сэр Смит уточнил:

— Это которое с другой стороны леса, что примыкает к турнирному полю?

— Увы, это так.

Кадфаэль спросил с болью в голосе:

— Неужели это правда, что черные монахи научились проникать в Темные Пятна?

Лицо брата Мартелия стало суровым, как будто его отлили из бронзы во времена расцвета Египта.

— Научились, — ответил он жестко.

— Но как?

Брат Мартелий помрачнел еще больше, развел руками, только глаза загорелись яростным огнем.

— Мы идем по путям, — сказал он жестко, — указанным нам Господом, а колдовскими тропками брезгаем, брат Кадфаэль. От братства доминиканцев мы узнали недавно, что Темные Пятна были созданы Эсфиальтом. Это один из столпов сатанизма во времена между Великими Войнами. Темные Пятна уцелели, что дало возможность сатанистам утверждать, будто их церковь первичнее и вообще главнее. А теперь сатанисты, перерывая архивы своих предшественников, сравнительно недавно открыли путь в Темные Пятна.

Я прислушался, сказал почтительно:

— Прошу прощения, но в Темные Пятна можно заходить и выходить любому. Я это проверил сам. Скажу скромно, одно даже сумел уничтожить... не самое крупное, правда, но все же за это деяние по милости Господа получил уровень святости.

Они воззрились на меня с неимоверным изумлением. Брат Мартелий первым справился с изумлением.

— Вы были в старых Пятнах? Или в молодых?

Я пожал плечами.

— А что, у них кольца, как на спиленных деревьях?

— Темные Пятна, — пояснил он, — вбирают мощь Солнца и создают запасы... нечистой силы. В смысле, колдовской мощи. Если установить в одном Пятне осо-

бым образом устроенное магическое зеркало, а в другом — другое, то через несколько лет через эти зеркала можно будет перебрасывать людей из одного места в другое.

— Ого, — вырвалось у меня. — Несмотря на расстояние?

— Да.

— Целые армии?

— Целые армии, — подтвердил он тяжело. — Сперва по человеку в неделю, потом в день, затем в час... А потом можно одного за одним. Все дело в том, что Темное Пятно несколько лет расширяется, меняет структуру. Оно растет, как будто растение или животное. А потом, когда созреет, начинает вбирать и запасать ту самую мощь, которую пользуют и маги. Собственно, только для того маги его и создали. Это потом докопались, что если в двух Темных Пятнах поставить особые зеркала, то можно в одно войти, а из другого выйти!

Я напряженно раздумывал.

— Значит... Сперва все эти Темные Пятна, так сказать, дикие... В смысле, пустые. Потом в какое-нибудь проникают сатанисты, устанавливают свои нуль-переходы... в смысле колдовские зеркала, и ждут, когда те накопят достаточно мощи, чтобы начали принимать шпионов и диверсантов уже напрямую?

Брат Мартелий смотрел на меня очень пристально, мне не понравился его испытующий взгляд.

— Вы излагаете суть очень точно, сэр...

— Сэр Ричард, — подсказал я с поклоном. — Сэр Ричард Длинные Руки.

— Сэр Ричард — паладин, — добавил брат Кадфаэль суетливо.

— Значит, — продолжил я, — в старых Пятнах может помимо зеркал оказаться еще и хренова куча народу. Очень ненашего. Кроме того, там будут бараки или хотя бы шатры, жить-то где-то надо, пока накапливаются

силы! И вообще вокруг Пятен должна быть какая-то деятельность... Я имею в виду, жратаньки им тоже нужно, а в Пятнах хрен что вырастишь... Так что придется покупать в деревнях хлеб, мясо, рыбу, сыр...

Сэр Смит смотрел на меня расширенными глазами.

— А ведь это, оказывается, так просто! Надо только проехать по ближайшим к Пятнам деревням.

— Или установить наблюдение, — сказал я. — Ну, этим займется Его Величество. Ему все равно делать будет нечего, когда сокрушим последних врагов и вернем ему корону. А повоевать он любит, вот и займется вылавливанием всяких демократов по всему королевству. И с соседними сатрапами поделится опытом.

Я говорил бодро, но все помрачнели. До сокрушения врагов еще ох как далеко, тут одного врага и то позорно упустили.

— По коням, — сказал я. — Простите, Ваше Величество, что это сказал я, но я видел ваше желание отдать это повеление, однако вы настолько увязли в глубоких раздумьях крупного государственного деятеля...

— Я вас когда-нибудь прибую, — ответил Барбаросса раздраженно. — Это вы нам так дух поднимаете или что? Не пойму я вас, сэр Ричард! Иногда мне хочется возвести вас в герцогство и тут же повесить. Увязают в болоте, а я был погружен!

— Простите, — сказал я смиренно, — не увидел разницы.

Он метнул лютый взгляд.

Брат Кадфаэль и брат Мартелий тоже оседлали своих мулов, хотя моя команда касалась только коней, так что их можно считать добровольцами.

Всего через четверть часа я уже привстал в стремених и всматривался в так называемое Темное Пятно, что на самом деле уже не темное, а черное. Нет, само по себе темное, как и было, но в середине как будто просту-

пает настоящая чернота. Н а с т о я щ а я. Абсолютная, космическая, при одном взгляде плечи передернулись сами по себе, как при сильнейшем морозе. А что там на самом деле, мелькнула мысль, неужели абсолютный нуль? И кислород, превращенный в жидкость... Нет, при нуле он должен стать твердым куском...

Я неотрывно смотрел, как по краям Темного Пятна колышется, не отрываясь, грязно-серая бахрома.

— По крайней мере, — сказал кто-то хриплым голосом, я удивился, ощутив, что это говорю я сам, — сразу не замерзну... Если что, можно тут же взад...

Брат Кадфаэль спросил встревоженно:

— Брат паладин, может быть, мне тоже с тобой?

Я поколебался, монах обладает дивной мощью святости, до сих пор мурашки по телу, когда вспомню, как он остановил речные воды, однако Кадфаэль честен и прямолинеен, а вот я вроде бы тоже честен... по большей части, но когда можно на кривой козе, то я лучше на ней, так как обычно кривая вообще-то прямее. Ну, если кто не понял, то быстрее привозит к цели.

— Ждите здесь, — ответил я тяжелым голосом.

— Как долго? — спросил король хмуро.

Он поглядывал с вопросом в глазах, словно тоже хотел предложить свою помощь, но не решался.

— Вам будет знамение, — ответил я значительно.

— Какое?

Я покачал головой.

— Неисповедимы пути Господни. Но знамение будет! Нужно его только увидеть. Бобик, ты тоже жди! Никуда не ходи, не бегай. Никакой охоты. Если жаждется посторожить, то сторожи Фриду. За женщинами, как ты понимаешь, всегда нужен глаз да глаз.

Я пустил Зайчика вперед, он тревожно прядал ушами, иногда поворачивал голову и смотрел на меня очень уж умными, хоть и не человеческими глазами. Сердце отчаянно колотилось. Это, конечно, безумие, но, с дру-

гой стороны, если эти темные люди, хотя это совсем не люди, появляются вот из таких Пятен, то в первую очередь и надо заняться этими Пятнами. Либо поставить вокруг них стражу и уничтожать всех, кто выходит, либо постараться уничтожить сами Пятна, раз уж они не столь безобидны, как выглядят, либо...

Я поежился, заранее чувствуя озноб по всему телу. Поставить вокруг стражу не в моих силах, я пока что не король, уничтожить сами Пятна — это вряд ли сумеет даже папа римский, остается третье...

Я глубоко вздохнул, тронул Зайчика.

— Давай прямо.

Темное Пятно похоже на грозовое облачко, что случайно зацепилось за крайние деревья небольшого леса. Брело себе, брело, подгоняемое ветром, а тут вот большие злые деревья загородили дорогу, ухватили колючими ветками...

Само по себе облачко много меньше того, через краешек которого я однажды проехал, чуть не превратившись в сосульку. И остановилось над краем болота, так что никому особенно не мешает, дорогу не загроживает.

Зайчик порывался пойти вскачь, я придерживал, всматривался. Лес хоть и густой, но невелик, эдакая дремучая роща посреди зеленого травяного поля. Уши Зайчика дрогнули, сдвинулись и чуть повернулись, как локаторы. Я посмотрел в ту сторону, кровь пошла тугими волнами к моим ушным раковинам, повышая их чувствительность. Вроде бы донесся неясный шум, но так могут и ветви шумнуть под порывом ветра, а то и подгнившее дерево рухнуть...

Когда до стены леса осталось не больше сотни шагов, я услышал как будто дальний стон, на ум сразу пришла дурацкая фраза насчет не то запора, не то оргазма дровосека, донесся приглушенный расстоянием треск,

среди далеких вершинок одна качнулась и пошла по ко-
сой вниз, ломая ветки соседям.

Я придержал коня, у подгнивших деревьев зеленых
ветвей на верхушке не бывает. Наверное, не бывает. Так
что там орудуют ребята с топорами. Странно, что в глуби-
не леса, обычно любая вырубка начинается с опушки.

— Ладно, — произнес я сердито, — мауглей бояться
— в лес не ходить. Зайчик, жди меня здесь!

Зайчик лишь проводил меня понимающим взгля-
дом, когда я, оставив седло, начал пробираться между
деревьями в глубь леса. Пахнуло сыростью, от толстых
стволов веет холодом, там под корой из дальних глубин
поднимается холоднящая родниковая вода, охлаждая
по пути стволы, а затем спасая ветви и листья от пере-
грева. Зеленый мох на стволах остался недвижим, а ко-
ричневый тут же начал сдвигаться в надежде, что я при-
тронусь, задену хотя бы локтем.

Чаша неимоверная, я продирался через зеленые за-
росли кустов, подныривал под ветви деревьев, что опус-
каются до самой земли, а ветви елей так и вовсе лежат
на земле. Десятка через два шагов увидел просвет, дере-
вья расступились, я затаился за толстым стволом.

Да, отговорила роща золотая, дальше только пни,
образовавшие огромную поляну. На той стороне мужи-
ки тюкают топорами, толстая гордая лиственница
вздрагивает, но, увы, не убежать. Двое мужиков рубят,
третий оперся о топор с длинным топорищем, нога за
ногу, отдыхает и что-то рассказывает. Я напряг слух, у
паладинов он получше, чем у ведущих разгульный образ
жизни, постепенно начали доноситься слова:

— ...не бойсь... Хозяин знает...

— Да я за другое... Лес скоро кончится, вон как мы
его!..

— Не бойсь, — повторил первый голос, я понял, что
успокаивает мужик на отдыхе, у него голос ровнее, не
хакающий. — Это надолго...

— Как надолго, — если по десять деревьев каждый день?.. А нам сказали рубить тайно.

Раздался страшный скрип, я отпрянул, зажал уши. Проклятый жук в полуметре от меня приподнял металлические надкрылья и провел по ним такой же металлической когтистой лапой. Дотянувшись, я щелчком сшиб его на землю, снова нацелился на дровосеков, но там треск, лиственница накренилась и величаво рухнула, цепляясь ветвями за более удачливых подруг.

Дровосеки принялись обрубать ветки, я пошел вбок, пригибаясь за стволами. Чем дальше в лес, тем ближе вылез, так и есть, дальше стволы распиливают, грузят на телегу и увозят... сердце тукнуло, сбившись с ритма: увозят прямо в темную стену тумана. Я видел, как исчезла лошадь, телега продолжала двигаться, пока и ее не втянуло в черноту, что значит конь продолжает двигаться.

Я подошел к туману. Он выглядит как живое существо наподобие медузы: края колыхнутся, внутри двигаются сгустки, уплотнения, но с землей не соприкасается: висит в сантиметре, трава обледенела, земля покрыта инеем.

Я протянул руку — ушла по локоть в черноту, пальцы я вижу совсем смутно. Сделал шаг, чернота сомкнулась, леденящий холод ожег кожу. Пальцами коснулся лица, потрогал нос, не вижу даже силуэта руки. Ноги вздрагивают, но заставил себя сделать несколько шагов, тьма начала рассеиваться.

В прошлый раз я видел в Темном Пятне бескрайнюю и безрадостную равнину, полностью замороженную и лишенную всякой жизни, словно попал на поверхность Урана, сейчас в полумиле впереди начали проступать призрачные башни, зубчатые стены. Сделал еще несколько торопливых шагов, и замок стал виден целиком.

Лютый холод пробрался под одежду, начал щипать

за уши. Что делать, красной шапочки здесь нет, а холод вообще-то обычное тепло, только в обратную сторону...

Замок невелик, однако высок, как Кельнский собор, но если там строгая одухотворенная красота, то здесь нечто злобно-казарменное, рациональное, бездушное. От стен дохнуло угрозой и надменным величием, мол, пади, червь, на брюхо и ползи поклониться, так что я сразу, как сын своего века, ошетинился и внутри меня нечто громко и отчетливо сказало: а вот хрен тебе, такому примитивному зомбированию не поддаемся, мы уже битые-перебитые, я от бабушки ушел и от дедушки ушел, а у вас, козлы, всю посуду по-бью...

На купол водружен крест, я не сразу сообразил, что царапнуло, пока не понял, что крест водружен «вверх ногами». По коже прокатился холодок страха, но сразу ощутил и некоторое облегчение: понятно, не простая церковь, а черная, и мессы здесь служат именно черные. Что такое черные мессы, не знает только младенец: всякие там изуверы, желая получить власть от Сатаны, собираются в общества и служат свои мессы, когда вместо алтаря — живот обнаженной женщины, чаша с причастием ставится у нее между ног, а во время богослужения... тьфу, чертослужения закалывают христианского младенца или девственницу, кровь сливают в чашу, из нее пьют все, начиная со священника, а потом начинается оргия.

Мало кто не знает про маркиза де Сада или про Синюю Бороду, что занимались алхимией, пытаясь открыть секрет производства золота. Каждый из них с целью получения помощи от дьявола принес в жертву по две-три сотни младенцев, после их ареста в подземельях нашли массу детских черепов. Я могу не знать, как работает Интернет, но нет таких людей, кто во всех подробностях не рассказал бы, как проходят черные мессы...

Глава 8

Я задержал дыхание, пригнулся за огромным валуном. В темном небе совершенно бесшумно промелькнули огромные тени. Я видел только, как гасли звезды, затем лунный свет выхватил трех гигантских летучих мышей. Нетопыри выпустили из-под брюха лапы и легко обрушились на землю. С каждого чудовища слезло по темной фигуре.

— Вы готовы, мастер? — донесся мягкий голос.

— Да, — ответил другой голос, властный и раздраженный. — А нельзя их оставить?

— Увы, — ответил прежний голос, — заклятие уже слабеет, надо уходить!

— Но при Коклепсе мы на них же вернулись обратно!

— Коклепс всего в трех милях, ваша милость... А здесь сорок миль в одну сторону.

— Черт бы вас побрал...

Третий, который дотоле молчал, сказал раздраженно:

— Убиларк, не ной!.. Нам все равно здесь оставаться, пока все королевство не станет частью империи.

Все трое один за другим скрылись в черном храме, а я затаился, старался даже не дышать. Господи, к альбигойцам еще и имперцы. Сколько же вас на крохотное королевство Барбароссы?

Оставшись без седоков, нетопыри начали поводить ушастыми головами, я видел, как жутко сверкают огромные глаза и блестят длинные зубы. Но хуже всего, что как будто приходят в себя после сна: вздрагивают, внезапно взмахивают крыльями, не двигаясь с места, шелкают друг на друга жуткими пастями.

Один насторожился и повернул голову в мою сторону. Я постарался опуститься пониже. Нетопыри видят еще и ультразвук, как бы не решили, что я добыча, но вряд ли, они ж только майских жуков хватают на лету, тем и кормятся, а я еще тот жук...

С той стороны камня послышался скрип, словно ва-

лун режут циркулярной пилой. Я пожалел, что не наложил стрелу на тетиву, можно бы успеть всех троих, но теперь поздно, выхватил меч и успел обрушить на округлую голову с острыми ушами как раз в момент, когда она поднялась из-за камня, а глаза увидели меня.

Лезвие рассекло монстра до самого камня. Держа меч одной рукой, я торопливо схватил молот и швырнул в двух оставшихся тварей, что уже повернулись в мою сторону и, растопырив крылья, намеревались то ли взлететь и обрушиться сверху, то ли прыгнуть оттуда.

Шмякнуло, послышался легкий хруст, словно ломались тонкие прутьики. Затем тяжелый удар, от которого дрогнула земля. Я выставил ладонь, поймал молот и пригнулся, успев увидеть, как от удара молота о стену храма сверху посыпались огромные камни.

Ни на что не надеясь, а скорее уже по привычке, я торопливо повернул кольцо на пальце. Еще, еще чуть... Мои руки стали прозрачными, а когда повернул так, что камешек оказался на внутренней стороне, мое тело словно растворилось. Пальцы жадно ощупали грудь, лицо.

— Получилось!.. Получилось!

Какой же я умница, сообразил, что такое кольцо срабатывает только там, где все пропитано магией. Это как мобильник, что работает только в определенном радиусе. Может быть, даже как Wi-Fi: радиус еще меньше, зато какой доступ, какой доступ...

Уже не скрываясь, я побежал к замку. Из рта вырывается пар, под невидимыми сапогами хрустит корочка льда, стебли травы рассыпаются со стеклянным пощелкиванием.

У ворот замка двое стражей в тяжелых меховых шубах, в толстых шапках из заячьих шкур. Ворота закрыты, зубы начинают выбивать дробь, обхватил себя руками за плечи и напрягся, удерживая тепло. За спиной приближающийся стук копыт, скрип телеги. Отставшая

телега тяжело поползла к воротам, стражники молча открыли, я успел вскочить на задник телеги. Круглые поленья под моим весом раздвинулись, но, к счастью, хмурый возчик не заметил, а озябшие стражи тоже не обратили внимания.

Телегу уже встречали трое задубевших мужиков, один закричал сорванным голосом:

- Чего так долго?.. Там догорает последнее полено!
- Возить все дальше, — огрызнулся возчик.
- Это не продлится долго!
- Ты это лошади скажи...

Он бросил поводья одному, подул на озябшие пальцы. Я осторожно слез, заглянул в распахнутые двери. Похоже, кухня, там пробраться между котлов и снующих людей будет непросто, однако ворота донжона закрыты вовсе, а я уже задубел.

На кухне жарко, только в распахнутые двери тянет жутким холодом. Поленья быстро забросали вовнутрь, двери закрыли. Я медленно продвигался вдоль стены, дважды нечаянно толкнул работающих. К счастью, все в тесноте толкаются, ворчат, работают в спешке, как будто и в самом деле последний день, а завтра выйдут отсюда хозяевами этого мира, даже слуги назовутся баронами и отхватят себе поместья...

Хреновая из меня балерина, бежать вверх по лестнице на цыпочках куда хуже, чем явиться во фраке на дискотеку. Справа из стены выступают красиво вылепленные львиные головы. Так я их называл за неимением лучшего слова, на самом деле эти хищные звери с вытянутыми мордами мало похожи на львов, разве что такого же калибра. Их так много, что я сразу перестал замечать их, однако сейчас вдруг у каждого из пасти полилась прозрачная струйка.

Внизу аккуратный каменный бассейнчик, размером с тазик, вода не разбрызгивается, мирно уходит, но холодок страха пробежал по спине... и там остался.

Я заставил подгибающиеся ноги переступить дальше, на высоте третьего этажа открылись дивной красоты каменные аллеи. Окружают двор с четырех сторон, отделены каменным забором мне до пояса, а колонны толщиной со столетний дуб поддерживают свод через каждые два шага. Все добротно, тяжело, массивно.

В лунном свете выглядят зеленоватыми, благородная такая зеленоватость, печать веков, но что-то мне подсказывает, что храм намного старше, чем я думаю.

На ровной стене начало медленно проступать гигантское лицо. Сперва как будто нарисованное грубым углем, затем помимо толстых линий начали появляться и тонкие, лицо заштриховалось, стало выпуклым. Дрогнули и медленно стали подниматься тяжелые набрякшие веки.

Я ощутил, что, если эти глаза увидят меня, будет худо. Поспешно отступил за колонну, а затем вообще попятился, стараясь ступать как можно тише. Веки поднялись, открывая самые ужасные глаза, какие я только видел. Из желтых зрачков блеснул красный, как лазер, свет.

Дрожь прошла по телу. Я оглянулся: за спиной показались фигуры в темных плащах, капюшоны надвинуты на лица. Слева — закрытая дверь, возле нее воин в доспехах. Убить или оглушить нетрудно, но глупо, потом и завеса невидимости не поможет в поднявшейся толкотне.

Нечеловеческий голос спросил гулко:

— Кто ты, скрытый от глаз людских?

Меня тряхнуло, будто попал под удар неслабой молнии.

— Тихо, командор, — вырвалось у меня свистящим шепотом.

— Кто ты? — повторил каменный голос.

— Тихо, — сказал я умоляюще. — Да, я тот самый, ты угадал! А сейчас замолчи, повелеваю.

Голос затих, каменное лицо застыло. Вот так, на-

глость — второе счастье. Главное — как себя поставишь. Вот потому подлый кот живет в тепле и уюте, а верный пес сидит на цепи в будке. С сильно бьющимся сердцем я попятился, на звук голоса уже бегут люди с оружием, попытался отыскать нишу, но ничего похожего, подпрыгнул и с усилием подтянулся. Руки, еще замерзшие, дрожат, кое-как залез на галерею выше, отдышался и побежал на цыпочках.

По ту сторону перил внизу круглый зал, щедро освещенный множеством черных свечей, в самом центре — дьявольская пентаграмма, нарисованная красным, а в центре пентаграммы широкий камень. На камне распростерта обнаженная женщина. Тело неестественно белеет среди темных красок, как будто на алтарь бросили гигантского сома. Или тритона из пещер, не знавшего солнечных лучей и вообще не видевшего света. Вокруг камня ходят, читая свои сатанинские молитвы, двое монахов, время от времени то поправляя женщине руку или волосы, то зажигая затухающие свечи.

Я тупо уставился на обнаженную, в черепе замелькали сотни картинок, интуиция ведет молниеносный отбор, ага, вон в каждой из протянутых рук по черной свече, приготовлены из жира некрещеных детей, это понятно. Сейчас эти двое пока только готовят к церемонии. Таинство состоится позже, когда явятся главные жрецы. Тогда и зазвучат призывы к Сатане и различным демонам, затем — набор молитв и псалмов, читаемых задом наперед и пересыпанных непристойностями, все это будет исполняться в пентаграмме, нарисованной на полу.

Сатана явно предстанет в виде мужчины с головой черного козла на плечах. Дальше — самобичевание, сжигание молитвенников, куннилингус, фелляцию и поцелуи в срамные части тела, все это под аккомпанемент сквернословных цитат из Библии, знаем, проходили, ничего нового, подумаешь — черная месса! Не видели вы, как развлекаются в общагах...

Я быстрее трепетной лани пробегал по переходам, мостикам. Иногда встречая закапюшоненные фигуры, застывал, чтобы не почуяли невидимку по топоту, шарканью или сопению. В самом дальнем зале, даже не зале, а зальчике, алькове, увидел каменное изображение рогатого мужика. Место чистое, ухоженное, но когда я стал подходить, по коже сыпануло даже не морозом, а как будто стегнули ледяными иглами.

Я стиснул зубы, кожу жжет, но стерплю, надо не обращать внимания. Мои ладони легли на плечи каменного монстра, там вроде вытерто больше, нажал... статуя начала медленно поворачиваться. Послышался тяжелый скрип, все эти глыбы камня весят чудовишно много, но не видно механизмов, что вот так легко запустили процесс открывания ворот, по тяжести сравнимых разве что с крепостными.

Открылась просторная ниша, я поспешно скользнул в нее, дальше узкий проход, еле протиснулся, царапая макушку и плечи. Ощущение ледяных игл исчезло, как будто уже миновал защитную полосу. Небольшая комната, абсолютно пустые стены, а в центре — зеркало.

Крупное, в полный рост, хотя мне придется нагнуться, чтобы рассмотреть себя целиком. Я приблизился, по коже побежали мурашки. Я почему-то отразился в зеркале, хотя вообще-то не должен, или же зеркало плевало с высокой колокольни на волшебное колечко, что на моем пальце.

Овальная рама поблескивает, как мне показалось, приглашающе. Я осторожно тронул пальцами поверхность зеркала, подушечки обожгло, но вместе с тем вроде бы подалось, как будто трогаю слабо натянутую пленку. Надавил сильнее, пальцы прошли, словно в воду вставшего боком озера.

Я сцепил челюсти, протянул руку, страшно. Ощущение такое, что там, в неведомом мире, вот прямо шас в нее вцепится что-то зубастое и отгрызет, и потому, вместо того чтобы отдернуть руку, я торопливо вдви-

нулся туда весь. Ощущение при переходе то же, что и когда вышел из зачарованной комнаты гостиницы в многомерные или скрытые помещения, что значит, работает тот же принцип. Мгла ушла, я шагнул в богато обставленную комнату, в которой сразу ощутил век других технологий, более высоких, как если бы из Академии в древней Элладѣ шагнул в лабораторию средневекового алхимика.

Глаза стреляли по сторонам, как у багдадского вора, попавшего в пещеру Аладдина, где нужно успѣть схватить самое ценное и скрыться, но сперва ухитриться понять, что же здесь ценное.

Совсем близко раздались голоса, я заметался из стороны в сторону, юркнул в какое-то подобие ниши, застыл, стараясь даже не дышать. В комнату вошли двое в черных плащах, у одного длинный посох из блестящего черного дерева, больше похожий на мокрую змею.

— Девственницу... — услышал я приглушенный капюшоном голос, — сам Янош велел...

— А Баллард? — спросил второй.

— Не будет...

— Он там?

— Да. Они ждут... Вы проведете весь ритуал от начала и до конца...

— Хорошо. Все сегодня...

Болтун — находка для врага. Раскинем индукцией и дедукцией, получается стандартная картина принесения в жертву девственницы. Этот ритуал вызовет какие-то силы, что-то даст, нечто произойдет. Словом, все понятное и даже в чем-то привычное мне, но абсолютно новое для этих людей.

Один ушел направо, другой, по-мужски, налево. Я прокрался за тем, кто по-мужски, налево, на цыпочках, оглянулся, как вор, вроде бы никто нас не видит. Монах слышал за спиной топот, голова начала мед-

ленно поворачиваться. Я с силой ударил кулаком в латной рукавице.

Вместо затылка угодил в висок. Хрустнуло, хотя я хотел только оглушить. Монах начал опускаться на пол. Я подхватил, тело легкое, словно кости пустотелые, быстро затащил в нишу. Поколебавшись, повернул кольцо, ставши видимым, дрожащими руками содрал плащ, чувствуя себя как никогда уязвимым. Плащ тесен в плечах и коротковат, но это я на будущее, сейчас же опустил на лоб капюшон, быстренько повернул кольцо обратно и с великим облегчением вздохнул, когда все тело мое, в том числе и плащ, стало невидимо.

По соседнему проходу двигается процессия, загородив его от стены до стены. Я дождался, когда прошли последние, втихую выскользнул и поспешно пристроился сзади. Идут, к счастью, не строем, когда всем известно, сколько в ряду, так что никто не обратил бы на меня внимания, даже если стал бы видимым, но я человек осторожный, а рыцарство меня не видит и не упрекнет в трусости.

Так прошли по длинному залу, я начал опасаться, что в конце будет перекличка, как можно незаметнее скользя в одну из комнат, показавшуюся особенно значительной.

Великолепие ошеломило: пухлые старинные тома вдоль стен поднимаются от пола и тают в сумраке свода, а вдоль стен тянутся тоже в бесконечность. На широком столе кипа книг и темные старинные карты. Куда более старинные, чем я мог представить, от них пахнет тысячами. И изготовлены не на пергаменте или бумаге, а на чем-то совершенно неведомом, я просто вообразить не могу... Карта в две краски, нарисована грубо и схематично, однако обладает гипнотизирующей силой. Рисовал либо сверхгений, либо могучий маг, сумевший частицу своей мощи воплотить в рисунки.

Я торопливо повернул кольцо, схватил, свернул в

рулон. Пальцы дрожат, я страшился, что хрупкий материал рассыплется от моего прикосновения, но обошлось, сунул за пазуху и попятился, как вдруг заметил книгу в солидной толстой обложке, старинной, с тиснением золотом, с вензелями и гербами.

Пальцы осторожно приподняли край, там всего одна страница, дальше переплет. Странная книга. Очень странная. Впервые вижу, чтобы в такой солидный переплет заключили всего одну страницу.

Я всмотрелся в текст, странные знаки, их обычно называют каббалистическими, попробовал бумагу на ощупь... вздрогнул.

Глава 9

Едва коснулся пальцем края страницы, буквы тут же исчезли, взамен выступили другие. Я прикоснулся еще, еще, но, сколько бы ни пробовал, всякий раз возникают разные страницы. Сколько таких страниц, так и не понял, да и надо уходить, а то уже слышны голоса и приближающиеся шаги. Видимо, древний маг пытался, как мог, воссоздать эффект смены страниц на экране. На своем уровне, понятно. В своем понимании.

Я ухватил книгу, сунул и ее за пазуху, снова повернул кольцо в режим невидимости, отступил и встал, спрятавшись в нишу.

— ...пусть вырежут вельмож, — донесся приближающийся голос, — и как можно больше местного быдла... своенравного и непокорного...

— Да, — ответил другой голос, — мы заселим более послушными...

В комнату вошли двое, от обоих повеяло силой и властью. Один в черной, как ночь, сутане, другой в епископском одеянии, но ряса разрисована наглыми козьими мордами, перевернутыми распятиями и голыми бабами с гипертрофированными вторичными половыми признаками. Я почему-то не упал в обморок от та-

кого кошуинства. Наверное, потому, что сам такие рисовал где-то в пятом классе.

У того, что в епископской рясе, еще и длинные козлиные рога на митре, из-за чего голову приходится держать только прямо, чтобы тяжелые рога не перевесили, черная маска скрывает лицо.

— Что с альбигойцами потом?.. — спросил в черном. — Похоже, их набирается больше, чем планировалось.

Сатанинский епископ сделал нетерпеливый жест.

— Ереси — не выживают! Еретики не понимают мира, в котором живут. Победив, сразу же начнут резать друг друга. Как же, надо добиться еще большей чистоты в своих рядах! Народ возмутится, тут мы и возьмем полноту власти в свои руки...

Один вдруг повернулся в мою сторону. На лице начало проступать изумление. Я понял, что маг видит меня, пусть и смутно. Лезвие моего меча воткнулось ему в горло в тот миг, когда губы изогнулись для заклания, что то ли убило бы меня, то ли связало бы.

Кровь ударила почти черной струей, я выдернул меч и нанес удар в спину второго мага. Он даже не понял, что случилось, а я не чувствовал угрызений совести, что не совсем по-рыцарски. Тут уж как аукнется: они тоже не пожертвования в пользу голодающих негров собирают.

Даже у самого плохого человека можно найти что-то хорошее, если тщательно обыскать, а здесь и обыскивать нечего: я сорвал с первого сатанинский плащ, как раз мне по фигуре, разве что не висит складками и не волочится по полу, рогатая митра села достаточно плотно.

Я торопливо вспоминал все, что мог вспомнить о черной мессе. Единого ритуала, насколько помню, нет и не было. Черная месса возникла как пародия на католическую мессу, дожила до моих дней в виде сексуальных шалостей со всякого рода разрисовкой тел непри-

стойными рисунками, которая называется теперь боди-артом.

Черная месса — все та же месса, только задом наперед, крест вешается вниз головой, на него рекомендуется плевать, мочиться и вообще... чем непристойнее, тем лучше. Вместо святой воды — моча, вместо вина — тоже моча или гнилая вода, белые свечи заменяются черными с примесью нечистот. Службу проводит лишенный сана священник, ряса у него цвета запекшейся крови, расшитая козлиными головами, перевернутыми крестами.

Назад пробираться куда труднее: во-первых, уже не пытаюсь прикидываться невидимым, кольцо повернул, естественно, во-вторых, за пазухой старинная книга и волшебная карта. К тому же на мне сатанинский плащ, а на голове рогатая митра. Дважды повстречались фигуры в черных балахонах, я прошел мимо величаво и надменно, они же, напротив, кланялись так, что едва не стукались о пол лбами.

Вот и та комната с зеркалом, я перевел дыхание, прошептал:

— Ну, давай, Ваше Сатанинское Преосвященство...

О зеркало ударился, как о стену. Холод прошиб от страха до пят, я набрал в грудь воздуха и уперся плечом, начал продавливать, поверхность поддается, как застывающая смола. С огромным трудом сумел прорвать пленку поверхностного натяжения и ощутил себя мухой, попавшей в густой клей. Воздуха не хватает, сердце колотится уже у самого подбородка, жар разламывает череп. Я ломился, закрыв глаза и стиснув зубы, начал задыхаться, грудь заходила ходуном, в ушах зазвенело... Внезапно поток свежего воздуха хлынул с такой силой, что я едва не захлебнулся, как «Титаник», выдрался из зеркала, в комнате у стены — пять фигур в черных плащах.

Я приготовился ухватить рукоять меча под плащом,

но фигуры одновременно склонили головы в поклоне. Я прохрипел:

— Я спешил к вам, чада мои... дети Дьявола!

Они проговорили вразнобой:

— Слушаем и повинемся, отец наш Сатаниал.

— Ага, — сказал я, — ну пошли. Там вы будете целовать меня в разные срамные места... ну вы ритуал знаете, а потом извлечем такую силу, что Вселенная содрогнется, а все народы станут нашими рабами!

Последние слова я прорычал, получилось неплохо, да и акустика в порядке. Они пошли за мной нестройной толпой, а я лихорадочно вспоминал, что во время дьявольской мессы на теле обнаженной девственницы рисуются колдовские знаки. Затем первосвященник, изображающий Сатану, совокупляется с нею в присутствии многих посвящаемых и адептов, тоже неплохо, хотя, конечно, девственница... это крику много, шерсти мало.

В костюме Сатаны, то есть чудовищного козла, сейчас выступаю я, так что у меня впереди интересная перспектива. Даже очень. Костюм, если честно, дурацкий: сразу теряется половина всего ужаса — рогатые звери, как известно, травоядные. Правда, вон каменная статуя такого вот Сатаны, в пасти этого козла блестят длинные острые зубы, шкура на нем зеленая, за спиной крылья, как у летучей мыши, только тоже зеленые, как если бы жаба обзавелась крыльями.

Мы вышли в зал, я все это безобразие с пентаграммой и обнаженной женщиной на каменном алтаре видел сверху, а сейчас вот придвигаюсь непослушными ногами, стараюсь сориентироваться побыстрее.

На широкой каменной плите смиренно лежит, лицом вверх и опустив руки вдоль бедер, обнаженная девушка-подросток. Я на мгновение ощутил даже замешательство: должен быть либо невинный христианский младенец, замучиваемый жидомасонами, либо роскошная

юная красавица с торчащей грудью, плоским животом и длинными ногами изумительной формы. А не менее длинные золотые волосы должны в красивом беспорядке разметаться по каменному ложу, чуть-чуть прикрывая срамные места.

Наклонив голову как можно ниже, я продвигался вперед. Да, в самом деле девчушка лет двенадцати. Впрочем, возможно, здесь не удастся отыскать девственницу старше. Все как в моем мире. Правда, грудь у нее развита не по годам, но все остальное — тьфу, еще далеко до женщины, что привлекает взгляды.

Я ожидал, что гостия, освященный хлеб, который положили ей между раздвинутых ног, будет черного цвета или темно-красным, а также форма должна быть треугольной или в форме звезды Давида, но увидел обычный опресненный хлеб, явно украденный из обычной церкви. Тоже не ново: сатанисты крадут прямо в церквях, чтобы осквернить на своих сходках. Украсть нетрудно: когда подходят к алтарю для причастия, сохраняют хлеб во рту, а потом втихую кладут в платок или барсетку. Причем крадут не обязательно сатанисты, а обычные воры, которым за такой хлеб платят немалые суммы.

Кража освещенного хлеба достигла таких размеров, что инквизитор Португалии Мануэл Балле де Моура издал особый указ по защите дарохранительниц. В июле тридцать восьмого года... чтоб было понятнее, тысяча девятьсот тридцать восьмого, когда уже полыхала Гражданская война в Испании и потихоньку начиналась Вторая мировая, Ватикан издал новые правила, по которым дарохранительница должна быть закреплена стационарно и заперта со всех сторон, как будто там ружье, которое положено хранить подобным образом. Дарохранительница должна быть из лучшей стали, ключ нельзя оставлять на виду или в замке, словом, обычные инструкции по хранению огнестрельного оружия дома.

И, конечно же, рекомендуется всюду оборудовать новейшую систему сигнализации.

Все это промелькнуло быстро, но, к счастью, Сатаниал не должен суетиться: должностные лица высшего ранга все двигаются медленно и величаво, и неважно, кто из них сатанисты, кто демократы, а кто — администрация Президента. Я двигался, стараясь не шевелить головой в рогатой митре, прорези для глаз дают возможность оценить спартанскую обстановку. Понятно, ведь сатанисты, как и все еретики, хотят достичь цели одним Большим скачком, им подай коммунизм сразу.

— Не так страшен черт, — заявил я молчаливым слушателям, — как состояние современного изобразительного искусства. И сейчас я вам это докажу...

Я взял кисть с краской, сейчас посмотрим, какой из меня татуировщик, прицелился, стараясь держаться как художник в наплыве вдохновения, поставил жирную точку между крупными, вполне женскими грудями. Девчушка вздрогнула, в глазах заметался страх.

— Это не татуаж, — сказал я успокаивающе, — это боди-арт.

Похоже, дура не понимает разницу между болезненным татуажем, когда краску вгоняют под кожу, и безобидной разрисовкой тела, дрожит так, что подрагивает массивная плита. Я нанес несколько небрежных знаков, что-то типа «Аллах Акбар!» на арабском, насмотрелся, во сне могу написать, а здесь этот шрифт пройдет за каббалистический, равно как иудейский или какой-нибудь грузинский.

— Эротика — это искусство, — пояснил я, — порнография — жизнь. Мы докажем, что массовость на нашей стороне!

Двенадцать человек стоят вокруг молча, всматриваются со священным трепетом. Я попытался вспомнить, что же еще в ритуалах, но ничего, кроме кто кого сгреб и еще целования срамных мест у Сатаниала, посрамле-

ния всякой стыдливости и благопристойности. Ну это я могу, ибо кто кого сгреб в нашей общаге было делом обычным, какое там кошунство, да и срамные места охотно дам целовать всем двенадцати...

— В женщине все должно быть прекрасно, — сказал я с удовлетворением. — Искусство — страшная сила!

Разрисовав девушку так, что самому стало жутко, ну вылитый Малевич в детстве, даже Пикассо, я рывком поднял ее с плиты и прорычал зверским голосом:

— Сосуд нечистот и похоти, как сказал мудрый Соломон, а он знал в этих делах толк, ты уже осквернена так, как никто и никогда еще не был осквернен!.. Повелеваю тебе вот так выйти отсюда голой и бежать до тех пор, пока несут ноги, а сердце бьется в груди... Поняла, бикса?

Она очумело потрясла головой, я дал ей здоровенного пинка в голый зад, девчушка едва удержалась на ногах, но послушно побежала к выходу. Я заговорил громко и властно, заставив всех смотреть только на меня:

— Члены нашего кружка и кружки наших членов!.. Мы щас получим неимоверную магическую мощь, что снесем на фиг с лица Земли этих... так называемых Светлых... ха-ха, меня тошнит от их хороших манер... Это как же здорово — срать на пороге, расписывать стены непотребствами, бить лампочки в лифте... Словом, будем скотами, будем дерьмом, и пусть каждый отныне говорит с гордостью: вот такое я говно!

— Макавка, — пронеслось по рядам радостное, — макавка, макавка!

— Щас разрешаю целовать меня в задницу, — сказал я громко, — и прочие срамные места!.. Сперва в задницу. Прочие срамные — на десерт. Лучшим, в награду за лучший поцелуй в задницу. Подходите по одному, не толкайтесь, всем этого щастя хватит!

Они сгрудились было в кучу, но тут же начали тол-

каться, пихаться, слышались тихие угрозы, а я снова сказал громко и зловеще:

— Любовь зла... Ну, вы поняли!

Я без спешки снял с пояса и вытащил из-под сутаны молот. Никто ничего не понял, а молот вырвался из ладони, как летающий танк, с шумом разорвал воздух и с сухим стуком ударил в массивную плиту над входом. Раздался страшный треск, плита раскрошилась, другие глыбы начали двигаться, стараясь занять место поудобнее, треск и грохот нарастали.

Все в ужасе смотрели, как начинает рушиться потолок, я выхватил меч и заорал:

— Есть упоение в бою и бездны сладкой на краю!

Из двенадцати трое пали раньше, чем остальные начали оборачиваться. Одни застыли, как замороженные, другие бросились врассыпную и попали под рушащиеся глыбы. Я сразил двоих ближайших и торопливо отступил в нишу, повернул рычаг. Плита отодвинулась, я шмыгнул в щель и тут же задвинул плиту обратно.

Некоторое время в нее стучали, затем тяжелые удары падающих глыб стали чаще, весомее, по ту сторону затихло. А чуть позже затих и тяжелый гул.

Я попробовал отодвинуть плиту обратно, но она не поддавалась, явно с той стороны придавлена рухнувшей кровлей. Может быть, и стенами. С другой стороны сплошная стена.

— Выручай, — сказал я молоту умоляюще.

Швырнул, тут же зажмурившись, но острые осколки крошащегося камня больно ударили по всему телу. Крохотный обломок рассек щеку. Открыл глаза, заметил место, где плита треснула, бросил снова, на этот раз не только зажмурившись, но и прикрыв глаза локтем. Вовремя, сразу в трех местах руку пробило кусочками гранита. Если бы не закрылся, то, не знаю, смог бы регенерировать глаза, это ж не простые мышцы. Во всяком случае, пробовать не хочу.

С третьего удара молот вылетел в дыру. Обдирая руку, я выполз, оглянулся. От всего сатанинского храма только и осталось, что эта часть стены, где я чуть было не замуровался, остальное в руинах. Не думаю, что хоть один уцелел.

— Вот так, — сказал я, — Ваше Сатанинское Величество...

Пустился было через заснеженный мир, но вовремя вспомнил, что таиться больше не надо, свистнул, выждал малость, вскоре послышался частый топот. Мой Зайчик несется ко мне, как поезд-экспресс, ноги выбрасывает в сторону, грива и хвост вытянулись в струнку, а ему нипочем встречный ветер Заполярья...

Я не успел поймать повод, как вдали показалась темная точка, мгновенно выросла, я прижался спиной к боку Зайчика, отбиваясь от Пса, что норовил излизать лицо и уши.

— Я вас тоже люблю... Да обоих люблю!.. И тебя, и тебя люблю!..

Наконец ухватил повод, еще теплый, вот что значит Зайчик, вскочил в седло. Пес отбежал, оглянулся, в карих глазах вопрос.

— Обратно, — велел я. — К королю, Фриде, сэру Смиту...

Глава 10

Они завопили и бросились навстречу, когда я вынырнул из Пятна. Я соскочил с Зайчика, ко мне подбежала Фрида, в глазах — счастье ярче, чем свет от налетающей электрички. Я погладил ее по голове, сэр Смит лупит меня по плечам и спине, а Барбаросса сказал сварливо:

— Сэр Ричард, ну и шуточки у вас!

Я насторожился.

— А что не так?

— Да вы со своим знамением... Вон оба наших мона-

ха до сих пор крестятся, отплеиваются и молитвы читают!.. Когда ваше знамение выбежало совсем голое, тряся выменем, разрисованное, как... ну и вкусы у вас! И что это на вас за такая роскошная хламида?

Я вскинул руки к голове.

— А где митра?.. Ах да, ее сбило, когда через дырку лез. Знаете, Ваше Величество, я на Малевича не учился. Рисовал, как умел, в духе Веласкеса. Я так вижу!.. А где то знамение?

— Лепетало что-то про Сатаниала, который... ладно, это опустим, все равно будете все отрицать, и умоляла отпустить, ей нужно бежать, пока не упадет... Пробовали удержать, но она кусалась, царапалась, лягалась...

Фрида сияла, как молодой месяц.

— Ах, хозяин, — сказала она мечтательно, — так это вы являлись нам в прошлый раз в разгар Вальпургиевой ночи?

Король насторожился, лицо брата Кадфаэля вытянулось, даже сэра Смит заметно померк. Я фыркнул.

— Фрида, как ты могла подумать? Я детскими утрениками не занимаюсь!.. Я берусь только за серьезное. Итак, господа, диверсионная база черных монахов, она же элитная часть имперского спецназа, уничтожена. Так что остаются только альбигойцы...

Король прорычал:

— Только? Их в сто раз больше, чем ваших черных монахов.

— Это простая пехота, — возразил я, — даже волонтеры, а мне удалось раздербанить самую круть! Давайте разработаем план, как сохранить Каталаунскую Деву... Кадфаэль! Кончай креститься. Я захватил кое-что ценное. Вот карта, а вот книга. Чует мое сердце — очень непростые вещи... Возьми, разберись, доложишь об исполнении, как младший жидомасон старшему.

Сэр Смит посмотрел на короля и сказал громко:

— Сейчас самое главное — вернуть трон Его Величе-

ству, да пребудут годы правления короля Барбароссы долгими и счастливыми!

Я посмотрел на солнце.

— Вернемся в монастырь. Мы все проголодались, устали. Вместе с отцом настоятелем и придумаем, как поступить.

Кадфаэль сказал восторженно:

— Сэр Ричард, вы дрались... вы дрались как Иоанн Златоуст и Василий Кесарийский!..

— Иоанн... Василий... — пробормотал я в недоумении, — святые отцы церкви? Ее создатели?

Он отмахнулся.

— Златоуст в молодости был лучшим в империи бойцом на мечях, а святой Василий из Кесарии — непревзойденным конным воином. Он однажды дрался с двенадцатью варварами и победил...

Я спросил с удивлением:

— И это святые?.. Ну отцы церкви, ну ребята...

Кадфаэль сказал торопливо, оправдываясь:

— Брат паладин; то была одна жизнь, а потом другая. Они порвали с прошлым, стали жить смиренно и благочестиво!

— Когда черт постарел, — пробормотал я, — он в монастырь пошел... А когда монастырей еще не было, то эти чер... в смысле удалые бойцы, создали сперва саму Церковь, потом монастыри, придумали Программу и Устав... боюсь, им не осталось времени на замаливание грехов. Впрочем, Господь наш знает, что замаливать свое бурное прошлое лучше всего делом. Он же сказал, что ему одна раскаявшаяся блудница дороже ста девственниц...

Кадфаэль смотрел на меня с благодарностью, у брата паладина так хорошо подвешен язык, что хоть сейчас в кардиналы, а Барбаросса в задумчивости покачивал головой. Похоже, его мнение о Церкви, которую создавали такие святые отцы, резко улучшилось.

В монастыре настоятель исхудал еще больше, скулы заострились, нос загнулся крючком, как у хищной птицы. На мой вопросительный взгляд ответил со вздохом:

— Мы собрали в монастырь под видом празднования Дня святого Иоргена около тысячи окрестных крестьян. Женщин отправили по домам, мужчин задержали на сутки.

— Прекрасно, — вырвалось у меня. — Церковь и партия всегда отличались крепкой организацией. Вам, отец настоятель, крепкое рукопожатие перед строем, остальным устная благодарность от командования!

— Оружие раздали, — сообщил он, — выскребли все кельи и подвалы. Вы уверены...

— Уверен, — ответил я как можно бодрее, хотя внутри тревожно екнуло, — альбигойцы не откажутся от своих планов. Их направляет опытная рука. Советую всем нашим сделать какие-то опознавательные знаки. Ведь всякий, кто не заснет, — враг! Я не хотел бы, чтобы убивали друг друга.

Настоятель побледнел, сделал знак молчаливому служителю. Тот поклонился, исчез. Настоятель спросил:

— Но зачем нам ждать сигнала? Если люди начнут засыпать...

Я сказал терпеливо:

— Мы ведь не можем просто так наброситься на тех, кто не заснул? А вдруг у них иммунитет после перенесенной в детстве свинки? Нужно дождаться, когда гады войдут в храм и начнут выламывать Каталаунскую Деву, тем самым доказывая свои преступные намерения...

Он вскрикнул:

— Надо вмешаться раньше!

— Нет, — отрезал я. — Нельзя. Отец настоятель, мы договорились, что операцией руковожу я. У меня ранг паладина, мне доверено больше жидомасонских тайн. Я знаю, что делаю! Во всяком случае, догадываюсь. По

стратегическому плану альбигойцы должны сделать еще одну вещь... но это пока тайна.

Он зыркнул сердито, но я держался твердо. Не могу же сказать, что нужно дать альбигойцам время перерезать глотки герцогу Ланкастерскому и его свите, а также всем прихлебателям у трона. Чистые души монахов ужаснутся от такого деяния... в смысле, не от резни, а что я знал или предполагал, но не остановил, не предотвратил, дал пролиться крови, хоть и грешной, однако же людской. Ведь все человеки должны иметь шанс успеть исповедаться, покаяться и получить прощение...

Я выглянул в окно, солнце только-только покидает зенит и склоняется на западную сторону.

— Все, — сказал я твердо. — Ваше Величество и вы, сэр Смит, руководите операцией. Я же отправлюсь на турнир, а то полдень уже близок!

Сэр Смит завистливо вздохнул, король сказал с подозрением в голосе:

— Что-то не замечал в вас особой драчливости, сэр Ричард.

— Я такой, — сказал я скромно. — Ваше Величество, там остались герцог Ланкастерский, отряд южан во главе с герцогом Валленштейном. За ними нужен глаз да глаз. Как за Фридой.

Фрида воскликнула виновато:

— Ваша милость!

Король взглянул на сэра Смита, на меня, снова на Смита.

— Понятно. Вот что, езжайте оба.

— Ваше Величество, — протестовал сэр Смит.

— Оба, — рявкнул король. Глаза засверкали гневом. — Я обойдусь без нянек. Не думаю, что у нас будут трудности, а вот у вас... Впрочем, если оставите со мной Пса, а также Фриду и монаха, чтобы уравнивали друг друга...

— Договорились, — быстро ответил я. — Фрида,

присматривай за собачкой. И за Его Величеством заодно уж. Кадфаэль, половина операции будет провалена, если гады короля все-таки прибудут. Охраняй, ты это сможешь!

Обратно мы с Зайчиком неслись так, что гепарды показались бы замерзающими черепахами. Я не видел конских ног, только сильный жар начал жечь, конское тело разогрелось, как железо в горне, встречный ветер не успевал остужать. Я начал подвывать, но, к счастью, мы в охоте на колдуна забрались не так уж и далеко, вон уже знакомый холм, а за ним будет турнирное поле.

Смит сразу же отстал, но если я поспею, то сумею отсрочить начало схватки, чтобы он успел принять участие. Отвращение Барбароссы к турниру понятно, настоящие короли турниры либо запрещали, либо сильно ограничивали. Любое большое сборище вооруженных и жаждущих схваток людей опасно для правопорядка, для самого короля. Например, в 1170-м турнир между отрядами Baldwin of Hainault и Godfrey of Louvain плавно перерос в жестокое побоище, а затем и резню.

Бывали случаи, когда такие турниры сразу переходили в кровавую резню, а то и в малые гражданские войны. Не говоря уже о таких постоянных потерях, как убитые рыцари. Ведь каждый правитель предпочитает, чтобы как рыцари, так и вообще воины погибали за страну и Отечество, то есть за короля, а не в бесполезных драках.

Зайчик стремительно несся по прямой, холмы не огибал, турнирное поле уже близко. Я начал сбрасывать скорость, на вершине самого высокого холма успел заметить сидящего в позе роденовского мыслителя человека в очень не рыцарской и даже не простолюдинной одежде.

Он сидит на древнем, наполовину погрузившемся в землю камне, сглаженном сверху, как череп великана. Я пригляделся, вздрогнул, поспешно остановил Зайчика с ним рядом. Далеко в низине ярко цветет множеством шат-

ров, как исполинское поле с диковинными цветами, Каталаунская долина. Вон прямоугольник турнирного поля, справа и слева пологие холмы, на которых устроены скамьи, огороженный загон, где уже горячат накрытых броней и цветными попонами коней рыцари...

— *Panem at cirzenzes*, — раздался знакомый, чуть ироничный голос. — Люди не меняются.

Смеющиеся глаза на умном продолговатом лице внимательно разглядывают меня, одной рукой упирается в камень, другой красиво уперся в бок. Поза вроде бы и не горделивая, не заносчивая, как обычно стараются выглядеть рыцари, но все равно исполненная сдержанного достоинства.

— Меняются, — возразил я почти автоматически. — Только медленно.

— Да? — спросил он с сомнением. Левая бровь приподнялась, придавая лицу совсем уж дьявольское выражение. — Больше всего знают о римских гладиаторах, но дрались и в просвещенной и гуманной Элладе, и в Древнем Египте, и в Аккадии... Будут драться и потом, будут драться всегда...

— Не думаю, — повторил я, но тут же вспомнил все футболы, хоккеи, бои без правил, чемпионаты по боксу, реслингу, которые жадно смотрит весь мир. — Ну, это будет не так уж и...

Он уловил изменение в моем голосе, чуть-чуть улыбнулся, но не стал дожимать, а в глазах вроде бы появилась некоторая вселенская грусть.

— Увы, — сказал он сочувствующе, — вам легче, вы — верующий. Вам неважно, что и как на самом деле. Я бы тоже хотел, чтобы зверя в человеке можно было удушить в одно прикосновение. Но вы же видите, сэр Ричард: законного короля сместили грубо, силой, несправедливо. Сместил мелкий интриган, а подлый народ волнуется только о зрелищах, не отменили бы!

Я посматривал с подозрением, когда же заговорит о Темных Пятнах, не выдержал, спросил напрямик:

— Думаю, хотите сказать что-то насчет Темных Пятен? Он вскинул и вторую бровь, лицо вытянулось еще больше.

— Почему вдруг?

— Да я одно малость распотрошил, — объяснил я со злорадством. — Разрушил Темную Церковь сатанистов, а без нее и само Пятно уже и не Пятно вовсе...

Сатана поморщился.

— Дорогой Ричард, я как-то уже говорил вам, что к Темным Пятнам я не имею никакого отношения. А теперь, раз уж вы меня подозреваете в связях, как вы деликатно намекнули, с Темной Церковью, то скажу честно и откровенно: даже смешно думать, будто меня такие глупости интересуют.

Я сказал обвиняюще:

— Но ведь Темные клянутся вашим именем!

— И что? — спросил он с интересом. — Если кто-то где-то зарежет ребенка и скажет, что действовал в интересах сэра Ричарда Длинные Руки, судья должен сразу же тащить вас в тюрьму?.. Дорогой Ричард, меня абсолютно не интересует та церковь. Темная, как они называют, или Светлая. Или в полосочку. И всякие там сатанисты, как они себя зовут. Вы же знаете, я за развитие наук и за просвещение, а церкви... неважно, белые или темные, — за слепую веру. Тут уж неважно, за кого они. Более того, скажу самую крамольную вещь...

Он взглянул испытующе. Я кивнул.

— Не решаетесь?

Улыбка пробежала по его красиво очерченным губам.

— Боюсь, вас шокирует.

— Меня? — удивился я. — Я видывал такое, что даже вас бы обшокировало с головы до копыт. Несмотря на весь ваш сатанизм. А я продолжал пить чай с вареньем.

Он покачал головой.

— Снова удивляете? Так вот, даже мой основной оппонент, который все построил на краеугольном камне

слепой веры, даже он вряд ли слушает, что говорят о нем в церквях! В «его» церквях. И вряд ли принимает их как «свои».

Улыбочка ехидная, как же иначе, вот шас либо грохнусь на пол и помру от кошунства, а если организмом покрепче, то с пеной у рта буду доказывать, что Господь — свят, что церковь — его детище, что у него нет других забот, как только говорить с народом через попов.

— Ну, — сказал я туповато, — дальше. Или это все?

Он всмотрелся так, словно не верил, что я все понял, а когда убедился, что мне как с гуся вода, вздрогнул, глаза расширились.

— Вам мало?

— Ну и что, — повторил я, — что с того? Да, церковь — инструментарий людей, а не Бога. И в то же время — это путь к Богу. Путь через раздувание в огонек той искры, что заложил Бог. Или эволюция, какая на хрен разница? В смысле какая разница, как назовем? Я не то что предполагаю, я даже уверен, что Бог совсем не то нам уготовил, что думаем сами, и даже совсем не то, о чем распинается церковь. Мало ли что она говорит... в данный исторический момент мракобесия. Говорить нужно то, к чему существо готово. Что может воспринять. Говорить как детям, что мечтают стать, глядя на отца, плотниками или сапожниками, а отец для них уже отковал мечи, а для девочек загодя шьют свадебные платья... но пока помалкивают. Девочки не знают, что такое месячный цикл, а мальчики не знают, что однажды наступит период половой зрелости и весь мир изменится.

Он слушал внимательно, очень серьезно. Мне показалось, что в глубоко запавших глазах мелькнуло такое же глубокое уважение.

— Очень мудро. Как вы можете быть рыцарем, сэра Ричард? Вы же понимаете, что человек — тупой и грязный скот. Даже в рыцарских схватках побеждает тот, у кого больше боевых приемов, в том числе и удары ниже

пояса, удары в спину, удары по лежащему, по сдавшемуся... если это предпочтительнее, чем брать в плен. А такое почти неизвестное на Севере оружие, как грязный слушок? Оболгать, опорочить? Поставить противника в положение, когда вынужден постоянно оправдываться? Это страшнее удара двуручным мечом!

Я невольно передернул плечами.

— Не спорю, рост грязных приемов находится в прямой зависимости от уровня цивилизации. Все понимаю. В рыцарском мире почти не понимают, что и это оружие. А если кто и пытается применить, того топят в нужнике общественного презрения... Но мне больше нравится мир, где правит слово чести, чем мир, заполненный адвокатами. Я верю в Бога, и, надеюсь, он верит в меня.

Он грустно улыбнулся, левая бровь вновь приподнялась, образовав острую арку, из-за чего лицо приняло совсем уж сатанинское выражение... если можно такое брякнуть в отношении Сатаны.

— Потому вы не утерпели и ввязались в нечто помимо турнира? Как говорится, к концу сказки добро победило разум?

— Догадываюсь, — сказал я осторожно, — что на Юге... не так. Полагаю, что там слово ничего не стоит, а в цене адвокаты... верно? Там нет таких понятий, как верность... хоть королю, хоть идеалам, хоть слову или женщине... а есть только личные интересы. Я не скажу, что у вас там одна мерзость, однако... я люблю и понимаю этот мир. И я верен слову, потому что здесь слово держат даже злодеи, я добровольно не выхожу за рамки правил и ограничений, потому что...

Я беспомощно умолк, слова не шли, забрался слишком в дебри этики, а я ведь из поколения, которому на все насрать, я сам высмеивал тех старых пердунов, что пытались с нами говорить вот таким языком, и сейчас застыл враскорячку с ногами на краях раздвигающейся в земле пропасти.

Он смотрел с сочувствием, как великий мудрец, все познавший и уже понявший, что все дерьмо, кроме пчел, да и пчелы вообще-то тоже, а я открывал и закрывал рот, как рыба на разделочном столе.

— Сегодня последний день турнира, — напомнил он. — Разыгрывается Золотой Шлем. Желаю удачи!

На этот раз на камне слегка завихрилась пыль, я даже успел заметить, как дрогнул воздух. Зайчик ударил в землю копытом, я вздохнул и пустил вскачь, но он понесся с холма таким неистовым аллюром, что я сразу начал придерживать, переводя на обычный галоп. У меня конь, просто крупный конь.

Глава 11

Он поможет, стучало в голове тягостное, завоевать Золотой Шлем. Я сам стремлюсь получить этот самый пропуск на Юг, в резиденцию самого императора, но уж очень не хочется получать его с помощью Сатаны... Однако и сам не вижу, как обойти, Золотой Шлем мне нужнее, чем любому из этих рыцарей...

С первого взгляда показалось, что опоздал: в правом загоне держатся слитно на рослых конях закованные в сталь рыцари, такой же примерно отряд в левом. Старые заборы убрали, теперь загоны впятеро шире с каждой из сторон, но рыцарей набито, как селедок в бочку. Я с ходу попытался определить, сколько же человек примет участие в схватке, мороз прошел по коже: что-то человек по семьдесят с каждой стороны.

Ворота закрыты как на турнирное поле, так и на сами lices, нейтральную территорию, эдакое огороженное частоколом место, где должны находиться пленные и куда стараются ускользнуть раненые или изнуренные рыцари, пока их не захватили в плен. По теории, турнир — дружеская битва, но, судя по лицам собравшихся, уже пахнет близкой кровью.

Впереди отряда южан на огромном вороном коне герцог Валленштейн, весь в броне, только шлем на сгибе левой руки, тронутые сединой волосы искрятся под солнцем, взгляд суровых запавших глаз устремлен на сборный отряд северян, так их называли в противовес южанам, хотя самих южан там не больше десятка.

Смолкали разговоры, даже толпа замерла, тишину нарушали только позвякивание удила да конское ржание. Боевые кони сами рвутся в бой, грызут удила, иные даже под тяжестью закованных в турнирные доспехи рыцарей легко поднимаются на дыбы и страшно храпят, раздувая ноздри и колотя копытами по воздуху.

Все в отряде южан, за исключением Валленштейна, опустили забрала, каждый щитом прикрывает грудь, копьё у бедра. Кони защищены стальными доспехами, голова не только в металлическом шлеме с прорезями для глаз, на лбу торчит длинный шип, больше похожий на острый нож. Вообще кони для схватки в *mêlée* защищены доспехами так, что оставлен один-единственный участок, даже не участок, а крохотное отверстие в доспехах для прищипивания.

И еще одно явное отличие южан от рыцарей из моего отряда — пышность. К герцогу Валленштейну поспешили примкнуть в первую очередь те, кто держит нос по ветру, кто всегда старается упасть по нужную сторону забора. В глазах рябит от развевающихся султанов из павлиньих хвостов на гребнях шлемов, у многих причудливые *lambrequins*, проще говоря — фестоны, кто-то прицепил на шлем позолоченные крылышки. Увидел я и знакомые по старинным картинкам рога на ведроподобных шлемах.

Почти у всех поверх панцирей роскошные камзолы, хотя в первую минуту схватки будут изрублены и порваны, у коней между ушами тоже торчат султаны из разноцветных перьев. Широкие поводья отделаны серебром и золотом, в то время как панцири моих рыцарей

ничем не прикрыты, кони без украшений, а шлемы без султанов.

Огромный рыцарь в черных доспехах, я узнал сэра Блэргарта, повернулся в сторону судей и крикнул громко:

— Долго будем ждать, пока та чернь подберет сопли?

По железным рядам южан прокатился довольный хохот. Другой рыцарь, герб я не рассмотрел, крикнул весело:

— Они собираются слаться без боя!

Зайчик простучал копытами, нас заметили, в толпе кто-то закричал довольно. Я поспешно направил коня к трибуне, где во главе судей восседает Уильям Маршалл.

— Прошу простить! — прокричал я, запыхавшись. — Неотложные дела задержали!.. Могу ли присоединиться к своему отряду?

Он наклонил голову, глаза его метнули быстрый взгляд на мою запыленную одежду, забрызганные грязью по самое брюхо ноги коня.

— Уверены, что сможете драться? — спросил он. — Судя по вашему виду, едва держитесь в седле...

— Я буду драться, — ответил я. — Да здоровствует рыцарство! Да не умрет его дух. Мне можно к своим?

— Да, — ответил он и добавил строго: — Но помните, что и на той стороне турнирного поля — тоже свои. Все рыцари — одна семья.

— Спасибо, — поблагодарил я и повернул коня.

Оруженосцы поспешно открыли ворота, я ворвался галопом, рыцари приветствовали радостными криками. Сэр Стефэн широко улыбнулся.

— Мы уже и не надеялись вас увидеть!

— Дела, дела, — ответил я неопределенно. — Рад, что успел... Что не открывают ворота?

На поле выехали конные герольды, солнце ярко блестит на трубах, вспыхивают разноцветными искрами украшения на всадниках и конской сбруе. Разом вскинули к небу длинные серебристые трубы, прогре-

мел знакомый призыв, красивый и торжественный. Вперед выехал старший герольд и громко прокричал что-то типа: победителем будет объявлен тот, кто последним останется стоять на турнирном поле.

Я не расслышал за топотом копыт, звяканьем доспехов и возбужденными голосами справа и слева, спросил у Стефэна:

— Что они все трубят? Разве не все готово?

— Дают последний шанс, — объяснил Стефэн. — Всегда кто-нибудь опаздывает. Или нарочито приезжает в последнюю минуту, чтоб больше внимания.

— Знакомо, — проворчал я.

Мимо нас медленно и величаво проехал герольд, за ним два трубача немилосердно дули в длиннющие трубы, герольд что-то выкрикивал, так громко, но я снова ничего не понял. К счастью, следом на смирном старом боевом коне двигался помощник маршала, сэра Уильфред, тоже в прошлом прославленный турнирный боец, седой и величавый, я спросил вежливо:

— Осмелюсь спросить, достопочтимый сэра, кого ждем-с?

Он придержал коня, на лице промелькнула слабая усмешка.

— За месяц до турнира были присланы заявки на участие в *mêlée* от ряда знатнейших рыцарей... но что-то их до сих пор нет. К примеру, барон фон Геккерен, победитель турнира в Лозанне... или славнейший граф Отар... Они не пропускают ни одного турнира, славные бойцы!

Что-то шелкнуло в моем мозгу, я подумал, спросил:

— И сколько придется ждать?

— Как и объявлено, ровно до полудня. Но если они появятся раньше, турнир начнем сразу же, ибо новых задержек не предвидится...

Я посмотрел на солнце.

— Мне кажется, я смогу ускорить процесс. Вернусь скоро!

Я выехал из загона, пустил Зайчика в карьер. Замелькала трава под конскими копытами. Мы неслись не по дороге, чтобы никого не стоптать, замедлились только перед городскими воротами, по улице промчался галопом, спрыгнул во дворе гостиницы и вбежал в свою комнату.

На турнирном поле ничего не изменилось, здесь вообще медлительный мир и неспешное время, я промчался вихрем, на середину арены выехал, впрочем, шагом, в руках — мешок, в который я собирал добычу по дороге, а в гостинице он лежал у изголовья, nepотре-
воженный.

Герольды поглядывали на меня заинтересованно, трубы оттрубили прелюдию, один из герольдов прокричал:

— Барон Сигурд дэ Фоссэ!.. Последний раз предлагаем вам появиться, иначе...

Я заставил коня сделать пару шагов вперед, привлекая внимание, вытащил из мешка и бросил на землю меч в красиво разрисованных ножнах.

— Это меч человека, — сказал я громко в наступившей тишине, — который полагал себя великим воином.

После паузы несколько помощников судей бросились к мечу, один сразу же вскрикнул:

— Меч Сигурда!.. Я узнаю его из тысячи!

Меч унесли к столу Уильяма Маршалла, тот посоветовался еще с двоими, такими же знатными и удостоенными, что-то вычеркнули в списке.

Герольд прокричал снова:

— Призываем появиться славнейшего и доблестнейшего барона фон Геккерена...

Я вытащил из мешка и бросил на землю второй меч.

— Не такой уж и славнейший. Насчет доблести тоже один пиар. Передайте наследникам.

Меч опознали, унесли, Уильям Маршалл посматривал на меня с великим интересом. Его помощники су-

ды черкнули в списке. Трубы протрубили звонко и пронзительно, а когда затихли, герольд прокричал:

— Благороднейший сэр Людвиг фон Лихтенберг...

Он запнулся и посмотрел на меня. Я кивнул.

— А еще барон Прованса, граф Корнуэла и чего-то герцог. И этот не придет. Я его засыпал руинами замка хозяина, которому он служил.

На трибунах — мертвейшая тишина, везде вытаращенные глаза и черные дыры разинутых ртов. Среди южных рыцарей произошло движение, несколько человек подались вперед, жадно вслушивались. Судьи, уже не удивившись, укоротили список, подали знак герольду. Тот прокричал, одним глазом не выпуская меня из поля зрения:

— Герцог Клондерг, гранд Кастилии, великий и сиятельный князь Нортляндии...

Я вскинул руку, прерывая перечень чинов и званий, сказал громко:

— Этого я вообще разжаловал из рыцарства за недостойное поведение. Да-да, от имени рыцарства, в присутствии множества благородных рыцарей и знатнейших вельмож и прочего народа, что горячо одобрили мое решение.

Герольд спросил довольно глупо:

— Как... как это разжаловали?

— Зарезал, — объяснил я любезно, — как барана. На поединке. Хреновый из него боец! Все прятался за спину своего питекантропа графа Отарка...

Герольд спросил:

— А где, кстати... могучий Отарк? Он тоже обещал быть...

Я отмахнулся, как от комара.

— Этого я всмятку. Как жабу. Чтоб не умничал. Вы же знаете, какой из него умник? Вот его меч. А вот меч этого Клондерга...

Я швырнул на землю мечи. На этот раз на арену вы-

шли Оливер Дензел и кто-то еще из помощников Уильяма Маршалла, которой смотрел на меня с высоты судейской платформы веселыми, совсем помолодевшими глазами. Оливер посмотрел с опаской на мой мешок, его коллега поднял мечи, оглядел задумчиво.

— Да, узнаю. Здесь вот характерная зазубрина, она осталась на мече Отарка, когда он разрубил каменный череп горного великана, тот выступил в отряде сэра Честонха. А это меч герцога Клондерга, лезвие выковано горными гномами в Улиссии, только там такая синеватая сталь...

Из отряда южан несколько пышно одетых рыцарей заставили коней попятиться, обогнули загон и, покинув отряд, стыдливо устроились среди зрителей. Из толпы кто-то улюлюкнул, кто-то свистнул, но стыд на воротах не виснет, а с таким убийцем, как этот Ричард Длинные Руки, лучше не встречаться даже на турнирном поле. Я снова перехватил взгляд Маршалла, старый боец явно наслаждается этой сценой и смакует ее, как дорогое вино, чтобы рассказать дома со всеми подробностями.

Оливер мягко улыбнулся.

— Сэр...

— Да? — ответил я любезно.

— Сэр Ричард, — произнес он в нерешительности, — похоже, нам больше некого ждать.

На трибунах послышались одобрительные крики, всем не терпится увидеть пролитую кровь, на скамьях и склонах холмов расположились будущие демократы, которые сами и пальчик не прищемят, но обожают смотреть, как бьют других.

Я улыбнулся.

— Рад помочь сократить ожидание.

Оливер кивнул, второй помощник смотрел на меня с опаской, но вместе с тем и с некоторой жалостью. Оливер сказал негромко:

— Возможно, рыцари, чьи мечи вы любезно привез-

ли, вели себя недостаточно достойно, сэр Ричард... Но не могу не заметить, что вы сильно ослабили отряд, в котором придется обнажить мечи! Все эти воины традиционно сражались на стороне нашего королевства, а в стане противника — южане и те, кто считает, что их воины лучше, чем наши.

Я ощутил себя несколько неуютно, чудовишный Отарк был бы хорош рядом, это же целая гора, закованная в стальные пластины, толщиной с танковую броню, я его сумел... остановить только молотом, которым крушил и башни замка. Да и остальные, гм...

— Все, — сказал я как можно тверже, — что Господь делает, делает к лучшему. Он знает, что надо, а мы лишь блуждаем впотьмах даже при ярком свете. Еще Господь сказал: лучше с умным потерять, чем с дурнем найти... Так что давайте сигнал. Постараемся не посрамить... и костями, как говорится в песне, положить всех недругов...

С высоты судейского кресла сэр Уильям Маршалл напомнил царственным басом:

— Это лишь турнир, сэр Ричард! Недругов здесь нет. И вообще нехорошо быть таким кровожадным. Это запрещено церковью.

Глава 12

Победа достанется легче, если в самом начале спора показать слабому, что ты много сильнее, чем есть, а сильному, что много слабее. Я распускал перья, выдвигал нижнюю челюсть, старался смотреть орлом, однако, когда из нашего отряда ко мне протолкался барон де Бражеллен, я инстинктивно сгорбился, сделал несчастное лицо.

Он вскричал натужно радостным голосом:

— Мы уж не надеялись, что вы возглавите наш отряд, сэр Ричард!

— Почему?

— Да слухи всякие, — сказал он уклончиво. Посмотрел на мою посадку, брови поползли вверх. — Что-то случилось, сэр Ричард? Где ваш щит?

Я поморщился, сказал надтреснутым голосом:

— К сожалению, левая рука отказала.

Он воскликнул:

— Как так?.. Неужели та пустяковая рана столь серьезна для такого героя...

— Пустяковая? — спросил я зло. — Едва-едва не склеил ласты. В смысле, чуть не сдвинул шпоры. Но хоть и выкарабкался, но рука как деревянная... пальцы могу сгибать-разгибать, но даже фигу не сверну, а куда уж удержат щит...

Он приятно удивился:

— Неужто станете сражаться одной рукой?

— Конечно, — ответил я убежденно. — Разве есть что красивше, чем погибнуть во цвете лет, будучи продырявленным здоровенным копьём?..

— Да, — ответил он неуверенно, — да, конечно. Тогда о вас сложат баллады.

— Этого и добиваюсь, — заверил я. — К этому и стремлюсь! Иначе зачем и жить?

Он покачал головой, сочувствующе поцокал языком, но на лице я не заметил особого горя, что предводитель их отряда падет наверняка еще в начале схватки. Турнир есть турнир, пусть больше соперников выбывает, а причины неважны. Пусть даже мы в одном отряде, но в конце *mêlée* венком героя будет увенчан кто-то один.

Сэр Стефэн взглянул на меня убито.

— Сэр Ричард... Неужели на что-то надеетесь? Как вы будете сражаться одной рукой?

— С Божьей помощью, — ответил я. — С Божьей помощью!

Внезапно раздался крик, народ качнулся, как море, в которое обрушился огромный метеорит. Я оглянулся, через толпу, как через стадо овец, продвигаются семеро

конных рыцарей на огромных, как слоны, боевых конях. Доспехи сияют небесно-голубым светом, плащи ниспадают с широких плеч и накрывают конские крупы, а наконечники длинных копий, поставленных тупым концом в стремя, обращены в небо и блестят расплавленным золотом, словно окунули в солнце.

Сэр Стефэн ахнул в страхе:

— Пополнение к южанам!.. Это нечестно!

Я быстро взглянул в сторону судей, те привстали и смотрели на приближающийся отряд.

— Может быть... запретят?

Сэр Стефэн горестно покачал головой.

— Правилами не запрещено, это запрещено рыцарской честью.

— Тогда все глухо, — буркнул я. — Какая честь, когда там в цене адвокаты?

Он не понял, но переспрашивать не стал, с отчаянием всматривался в закованных в доспехи из голубой стали всадников. Мимо нас проехал гигант, с поднятым забралом он походил на закованного в железо жука-носорога. И даже в пропорциях тот же жук: массивный, округлый, голова сильно вплюснута в покатые плечи, шлем как врос в цельнолитой панцирь, а руки и ноги кажутся жучьими из-за множества шипов с острыми, как у стерляди, концами.

Сэр Стефэн прерывисто вздохнул.

— Сэр Ричард... здесь не поможет даже паладинность.

— Увы, — ответил я. — А вам не нахватать пленных.

— Пленных? — воскликнул он в ужасе. — Самому бы уцелеть!.. да и то не получится.

— Разве нельзя самому выпрыгнуть из боя?

Он взглянул коротко, отвел взгляд.

— Можно-то можно... Но ведь вы, сэр Ричард, останетесь?

Я промолчал, сэр Стефэн хоть и неуклюже, но хранит

мне верность, ведь он молча присягнул мне как сюзерену хотя бы на время схватки слушаться моих приказов. По рыцарскому долгу он обязан повиноваться. А когда обязан, то лишь адвокат прикинет: насколько и как можно отбояриться, а для рыцарской верности границ нет.

Расталкивая наших, вперед продвигался невероятно широкий и могучий рыцарь, такими могучими бывают только дикие народы, не растратившие заряд звериной силы, загорелый, с веселым лицом, в длинной кольчуге, поверх которой латы, меч по варварской моде за спиной, перевязь украшена золотыми нитями. Судя по рукояти, таким мечом можно раскроить всадника вместе с конем.

Следом за ним еще один: с головы до ног в доспехах, а роста такого, что я смерил его невольно ревнивым взглядом: вдруг выше, обидно, я так привык, что акселерация поработала на меня, что начал воспринимать малый рост рыцарей как уже привычное. Широкую, как теннисный корт, грудь великана закрывает стальная кираса, я готов поспорить, что она не тоньше чем в три пальца, на поясе два ножа, широкий и узкий, а в руке настолько исполинский топор, что я задержал дыхание. Если этот великан способен просто поднимать его над головой, он уже богатырь.

Сэр Стефэн ахнул в отчаянии:

— Что? Неустршимый сэр Грюнвальд, прославленный великими подвигами, все-таки решил сражаться на стороне южан?

Я смолчал, не знаю, как комментировать, за нашими спинами кто-то вскрикнул в недоумении:

— А что случилось? Неужели из-за сэра Вальдемара? Трудно поверить, они ж были такими друзьями!

Рыцари обеспокоенно переговаривались, в то время как эти двое гигантов, сэр Грюнвальд со своим могучим вассалом Вальтером де Греем, неспешно пересекли поле и подъехали к южанам. Те радостно приветствовали их, дали место в своих рядах.

— А что случилось? — поинтересовался я.

Сэр Стефэн сказал горестно:

— Сэр Грюнвальд отбил у сэра Вальдёмара прелестную дочь сэра Цварга. За это сэр Вальдемар отбил у сэра Грюнвальда печень, почки, гениталии и охоту отбивать у сэра Вальдемара молоденьких женщин.

— Да, это серьезная причина, чтобы предать Родину.

Он взглянул непонимающе, я ругнулся про себя, ведь у рыцарей нет такого понятия: для них весь христианский мир — Родина. А то, что короли постоянно перекраивают свои владения, то завоеывая, то теряя, то приобретая при женитьбе или в наследство, рыцарей не колышет. И ради такой ерунды не станут ссориться с добрыми соседями, чьи земли оказываются то в одном королевстве, то в другом, а то и вовсе объявляются несуществующими.

— Сэр Вальдемар, — спросил я, — надеюсь, в наших рядах?

Сэр Стефэн воздел очи к нему.

— Увы! Король Кольдер не отпустил его на турнир, считая небогоугодным делом и даже противным церкви. Сейчас я, глядя на ряды южан, начинаю верить в мудрость церкви.

Я оглядел ряды своего отряда, с удивлением и замешательством увидел, что все с ожиданием смотрят на меня. В переднем ряду, держа длинные копья пока что остриями к небу, выравнивают коней в линию доблестные рыцари, из них я знаю разве что Стефэна.

Вдали поднялось пыльное облачко, блеснули искры, выдавая не то доспехи, не то блеск обнаженного оружия. Ветерок подул сбоку, пыль снесло в сторону, стало видно, что в нашу сторону мчится на взмыленном коне сэр Смит.

Он остановился, коня шатало так, что тронь пальцем — рухнет. Бедное животное расставило все четыре ноги и старается удержаться на ногах. Смит соскочил на землю, вскричал в сильнейшем беспокойстве:

— Я опоздал?

— Вы в списках, — заверил я, широко улыбаясь. — Коня сэру Смиту!.. Посвежее, ибо драться он будет со всей христианской яростью.

— Спасибо! — воскликнул Смит с таким чувством, что некоторые из рыцарей прослезились от такой жажды отважного усаца поскорее скрестить оружие с врагами и, возможно, первым пасть под их ударами.

Я указал на неподвижное войско южан и сказал с яростью:

— Смотрите на них! Они подло оскорбили нас, но этим освободили нас от клятвы драться честно и с соблюдением всех правил. Они первыми нарушили, так что Господь в моем лице освобождает вас от всех турнирных запретов. Помните: они уже показали, что плюют на все правила. Они будут убивать вас без жалости, не считая себе равными. Не сдерживайте своих разящих ударов!.. Я уже не говорю, что кони и доспехи все равно будут вашими.

Они смотрели горящими глазами, я подумал, что речь насчет отнять и поделить вообще-то удалась. В каждом из нас есть это нехорошее стремление ударить больнее, но цивилизованность сдерживает, а христианская культура придает лоск и обоснование, почему бить нельзя вообще. Я же высвободил в каждом дедушку Фрейда, велел отбросить эту самую химеру, как-то странно называемую, и заранее простил от имени Господа все возможные перегибы и эксцессы.

Сэр Смит проревел густым голосом:

— Не посраим!.. Мы им покажем, кто здесь бастарды!

Я окинул взглядом свой отряд, сэр Смит, Стефэн и еще двое рыцарей слезли с коней и в последний раз придирчиво проверяют, чтобы у всех помимо копья, меча и кинжала был под рукой боевой топор или булава.

Южане все опустили забрала, выглядят стальными чудовищами, киборгами, бездушными терминаторами.

Я ощутил, как ярость разгорается сильнее и сильнее, с лязгом вытащил меч и, указав острием на врага, сказал с чувством:

— Братья! Сейчас все мы — братья, ибо вышли со всей решимостью против Зла. На той стороне не рыцари, как вам кажется, там — Зло!.. разве рыцари не погнушались бы пользоваться численным превосходством? Или принять в ряды перебежчиков, которые отбросили высокие рыцарские мотивы, а руководствуются такими низменными, кто кому отбил гениталии?.. Помните, это начиналось как турнир, но сейчас это уже не турнир. Это битва со Злом, с прагматизмом, с превосходящими силами... не противника, а Врага!.. Но это им для победы необходимо пятикратное превосходство сил, а мы, как моджахеды и шахиды, и в малом числе не страшимся этой заокеанской чумы! Ударим же со всей яростью, со всем священным безумием...

Судьи уже поглядывали нетерпеливо, в нашу сторону поскакал герольд, крикнул еще издали:

— Сэр Ричард, ваш отряд готов?

— Готов, — ответил я и закончил, обращаясь к рыцарям, глаза которых уже горят огнем жертвенности, из-под железных шлемов слышны всхлипывания, а пальцы на древках копий побелели от жажды ударить по Врагу. — Помните, эта победа будет воспета всеми бардами и войдет в историю, как победа над Врагом!.. Вы сейчас защищаете весь рыцарский мир от адвокатов! С нами Бог, так кто же против нас?.. И все эти великолепные кони и доспехи будут вашими.

Вряд ли они поняли, о каких чудищах я говорю, только чувствовали по моему отвращению, что это невообразимо мерзкое, однако громко и требовательно пропела труба, я крикнул страшно:

— В атаку!.. Сокрушим!.. С нами — Бог!

Стальная масса железных людей на укрытых железом конях двинулась сперва шагом, затем перешла на

рысь, потом земля задрожала под тяжелым галопом трех сотен могучих коней. Копья уже опустились, перед мчащимися во весь опор всадниками движется защищающая их стальная щетина длинных толстых жал. С той стороны, навстречу, с грохотом, от которого стонет земля, несется такой же стальной вал, что грозит смести с лица земли все живое...

Я старался не вырываться вперед, лучше в общей линии, тогда с боков не всадят копья, но острое чувство тревоги холодило сердце: именно сейчас самый удобный момент для герцога Валленштейна сквитаться за маркграфа...

Грохот копыт стал оглушительным, это добавился грохот от копыт коней противника, они выглядят страшной всеуничтожающей силой, но не надо забывать, что и мы тоже выглядим так же...

Громовой удар, словно столкнулись две стальные лавины. На трибунах и холмах вскрикнули оглушенные зрители, хватаясь за уши. Бронированные кони ударились, подобно носорогам, головами, везде треск разлетающихся в щепки копий, лязг металла, топот, дикое ржание коней и первые крики раненых.

Я держал рукоять копья в левой руке, прицелился взглядом в забрало блестящего рыцаря с пышным плюмажем на гребне конического шлема. Сотрясающий удар, руку тряхнуло, почти тут же я, перенацелившись, успел ударить второго, а затем и третьего. Дальше впереди только стремительно приближающийся деревянный забор, поверх которого выглядывают испуганновосторженные лица, а в моей руке обломок копья.

Развернув коня, я нащупал рукоять меча. Южане тоже прошли поле по всей длине, выбив из седел несколько наших, а теперь у края той ограды спешно разворачивают коней. Я не успел ничего крикнуть своему потрепанному отряду, как барон де Бражеллен повернул коня, копьё нацелилось в мою сторону. Я еще не понял,

что случилось, но, так как подсознательно ждал чего-то подобного, в последний момент резко подал коня в сторону. Зайчик моментально скакнул вбок, барон с копьем наперевес промчался мимо.

Я крикнул сэру Смиту, чтобы он был рядом, а когда барон круто повернул коня, спросил громко, перекрывая шум и лязг металла:

— Что случилось? Барон, вы не обознались?

Его лица под шлемом не видно, но в узкой щели забрала глаза горят, как уголья, раздуваемые ветром. Изпод стальной маски донесся сдавленный от ненависти голос:

— Ты... сволочь... ты... убил сэра Зингерлефта фон Браун де Хельге!

— Да, — крикнул я. — Это ваша родня?

— Он мог бы стать ею!.. Он готовился обручиться с моей дочерью!

— Значит, — крикнул я, — это ты подослал убийцу, что всадил в меня отравленную стрелу?

Он гулко захохотал.

— Да!.. Он не сумел тебя отправить в ад, но это делаю я!

Я дотянулся к опешившему сэру Смиту и выхватил у него из рук копье. Стефэн и еще двое рыцарей держатся от нас вблизи, готовые прийти на помощь вожаку отряда, на которого сейчас будут бросаться в первую очередь. Рядом с треском раскалываются о щиты и панцири копья, частый и звонкий стук металла о металл на миг создал сумасшедшую иллюзию, будто вокруг меня работают сотни мирных кузнецов, но мимо пронесся обезумевший конь с вцепившимся в гриву всадником, шлем разрублен, кровь стекает по плечу и руке, и я с беспощадной ясностью видел, что турнир без всякого плавного перехода превратился в сечу.

— Не кажи «гоп», — посоветовал я мрачно барону, — поперед батька. С нами Бог... но не со всеми!

Я чувствовал, как они оба обомлели, увидев, что я легко ухватил копьё правой рукой, но конь барона уже набирал скорость, тот поневоле опустил копьё, нацелившись мне снова в правое плечо, ещё одно подтверждение. Я пустил Зайчика втрое быстрее, чем может развить скорость рыцарский конь в полном вооружении, барон опешил ещё больше, не успевает собраться для удара. Мы налетели, как гроза, острие моего копьё, с хрустом проломив стальной панцирь, углубилось, словно скальпель в плотную скорлупу рака. Ещё раз треснуло, словно молодой лёд. Окровавленный наколеник высунулся с той стороны. Я в бешенстве налег на древко, всаживая все дальше и дальше, пока де Бражеллен не оказался от меня на расстоянии вытянутой руки. Но он не воспользовался тем стандартным приёмом из арсенала героев, каким Артур зарубил Мордреда, а русские витязи в Ледовом побоище в массовом порядке поражали длиннокопёйных псов-рыцарей, только всхлипывал в смертельном ужасе, открыл рот для истошного вопля, но оттуда хлынула кровь. Он забулькал, словно тонущий в болоте, бледное лицо на глазах вытягивалось, словно воск под горячим солнцем.

Я с ненавистью смотрел в маленькие, свинячьи глазки, что вдруг стали как блюда.

— Ты... — пробулькал он, — ты... обманул...

— Жалуйся в аду, — ответил я.

Уперев древко в опору в седле, Зайчик, не подведи, я напрягся изо всех сил, с усилием приподнял копьё с наколотым на него бароном, тот задрыгал ногами в воздухе, Зайчик быстро пронёс меня к трибуне. Я опустил копьё, ослабевшие руки больше не держат, тело барона медленно соскользнуло по древку на землю.

С трибун на меня смотрят молча и с ужасом. Я сказал громко:

— На мое копьё прилипла какая-то грязь. Прошу почистить... или дать новое.

В ответ ошарашенное молчание, на меня смотрят лица почти такие же бледные, как и у слившего кровь барона, что все еще вяло дергает конечностями. Уильям хмыкнул, в глазах — грозное веселье, старый боец многое понимает, остальное чувствует, сказал властно:

— Сэр Ричард, это не грязь. Это вы кусок дерьма подцепили... Заменить копьё сэру Ричарду!

Оруженосцы ринулись с двух сторон, на плечах — исполинские копья. Я подхватил первое же «неработающей» рукой, гикнул и ринулся в схватку.

Второй удар столкнувшихся отрядов оказался еще страшнее. Треть наших сброшена с седел, среди южан особенно неистовствовали несокрушимые Валленштейн, Блэкгарт, Клаузенц, еще двое прибывших гигантов — сэр Грюнвальд со своим могучим вассалом Вальтером де Греем, а также прибывшие в последнюю минуту семеро конных рыцарей на огромных, как слоны, боевых конях. Их доспехи все так же сияют небесно-голубым светом, плащи ниспадают с широких плеч и накрывают конские крупы, словно и нет жестокой сечи, разве что наконечники длинных копий уже не блещут расплавленным золотом: одни обагрены алым, другие срублены и втоптаны копытами в землю.

Со сторон южан только один вылетел из седла, да и то лишь потому, что нога выскользнула из стремени. К счастью, один из моих рыцарей тут же бросил копьё и, схватив булаву, с такой силой ударил противника по шлему, что от железного звона даже у меня заныли зубы.

Вот оно, мелькнуло у меня. Рыцари всегда дрались каждый за себя, не обращая внимания на военачальников. Это было самым слабым местом, потому их победили спаянные дисциплиной простолюдины, но сейчас наши ощутили общность против южан! А это уже заставляет действовать сообща...

Южане намеревались снова разъехаться и продолжать схватку на копьях, ведь тем, у кого копьё сломано,

тут же оруженосцы подают новые, но наши по моему сигналу выронили копья и, выхватив боевые топоры, булавы, мечи, принялись нещадно рубить гадов, продавшихся Сатане, ибо ни один рыцарь не воспользуется так подло численным преимуществом... да еще на глазах у зрителей, прекрасных дам!

На турнирном поле грохот и неумолчный звон, словно тысяча кузнецов торопливо чинит рыцарские доспехи. Страшно кричали кони, поднялась пыль, под копыта летят пышные плюмажи, пучки редких перьев, с треском раскалывались последние копья, блестящие панцири покрываются кровью и грязью, раскалываются, как прочные скорлупы устриц под натиском неумолимого железа.

Мое копьё разлетелось вдребезги на четвертом всаднике. Я едва успел избежать стального острия, чиркнуло слева по шлему, сам взмахнул кулаком в латной рукавице, послышался гулкий звон, словно ударил в пустотелый колокол, а моя рука занемела по локоть. Зайчик быстро понял, что от него требуется, сбивал корпусом коней вместе со всадниками, некоторые оставались лежать, оглушенные падением, другие вскакивали довольно резво, но один удар по шлему опрокидывал их в пыль. Несколько рыцарей двигались за мной, быстро выхватывая коней с опустевшими седлами, а кому не доставалось коня, тот захватывал в плен кувыркающегося рыцаря.

На стороне южан, так называли отряд герцога Валленштейна, во главе клина свирепствовал сам герцог, а также Блэкгарт и неустрашимый Грюнвальд. Его могучий вассал Вальтер не отставал от него ни на шаг, больше похожий на огра, чем на человека. Кто-то из наших, чертыхаясь, называл их заговоренными, я же — мутантами. От их ударов всадники вылетали из седел, как будто выбитые гигантской битой. Грюнвальд и Вальтер опрокидывали коней со всадниками точно так же, как делал я, и, когда я увидел их вблизи, дрожь пробрала до мозга костей, противная слабость едва не заставила выронить меч.

Все наши обнажили мечи или быются боевыми то-

порами, которыми куда удобнее раскалывать шлемы и панцири, чем мечами, в то время как растерявшиеся южане все еще не выпускают из рук непригодные в ближнем бою длинные копыя, которыми рассчитывали сбросить на землю противников, не входя с ними в ближний бой.

— Даешь полный контакт! — прорычал я. — Это вам не крылатыми ракетами с авианосцев... рубите их! С нами Бог! Все получают по сто тысяч гурий!.. Нет пощады врагу!.. Кони и доспехи — ваши!

Глава 13

Схватка кипела по всему полю, много южан пало под топорами, силы выровнялись, я с гордостью заметил, что ни один из наших спешенных воинов не покинул поля: дерутся мечами, топорами, кинжалами, хватают голыми руками, вцепляются зубами в горло. На этих сытых раскормленных рожках южан впервые появился страх, паника, уже то один, то другой бегут, прихрамывая, с арены...

Смит сражался вблизи меня, а с ним еще двое: Стеффэн и совсем молодой рыцарь, не знаю имени. Они больше охраняют меня, предводителя, от нацеленных предательских ударов, чем хватают добычу, — редкостное поведение для рыцаря на турнире или в сражении. Это значит, что святая цель — победить Зло — все-таки воодушевила.

В мою сторону неся, размахивая мечом, как сабелькой, рыцарь, закованный в железо так, что даже прорезь шлема для глаз выглядела прилипшим конским волосом.

— Сэр Ричард! — прогремел страшный голос. — Это я, Антан де Вилье!

— Исповедался? — осведомился я. — Получи!

Этого я сбил с коня, ни разу не скрестив с ним меча,

затем едва успевал принимать удары на щит, делать выпад, снова подставлять щит под удары, здесь нападают по трое-четверо на одного, и, если бы не помощь Зайчика, меня либо сшибли бы, либо стащили. Но он бил копытами, хватал мощной пастью и отшвыривал закованных в сталь рыцарей, словно тряпочных кукол, а если чувствовал мое желание продвинуться в глубь схватки, делал рывок и валил грудью таких несокрушимых с виду громадных коней в тяжелой броне и могучих рыцарей в седлах.

Сэра Смита и его помощника умело оттеснили, а на меня уже надвинулся огромный рыцарь. Пурпурный плащ взлетел за плечами, как крылья сказочного дракона, шлем надвинут на глаза, в прорези полыхает оранжевым, словно там бушует огонь. Герцог держится в седле, страшный и неподвижный, как одно целое с конем, на локте правой руки небольшой конический щит с изображением летящего дракона, латная рукавица сжимает поводья, а другая в грозной неподвижности на рукояти длинного меча.

— А, — сказал я громко, — сам герцог Валленштейн!.. Вы молились на ночь, Дезде... в смысле, исповедались, покайтесь?

Из-под опущенного шлема донеслось глухое:

— Это вам понадобится причастие...

Он двинул коня шагом, перевел на рысь, я тоже пустил Зайчика навстречу осторожным аллюром, наши мечи сверкнули одновременно, так же разом вздернулись щиты, принимая удары. Загремело железо, мы наносили резкие, но осторожные удары, сэра Смит снова появился вблизи и защищал мою спину, а потом и еще один из рыцарей, кажется, Стефэн, доспехи измяты, сражается с трудом, но не позволяет подойти ко мне сбоку и нанести удар.

Герцог резко взвинтил скорость ударов, я едва успевал подставлять щит, парировать мечом, потом сообразил, что все-таки успеваю, а в защите сил тратится

меньше, так что герцогу придется хуже. Он не ожидал, что я буду успевать за его темпом, в самом деле бешеным, а я не ожидал такого от вообще-то пожилого человека...

Удары пошли уже слабее, я услышал хриплое дыхание, сам перешел от обороны к нападению, нанес несколько сокрушающих ударов в щит, от которых у герцога должна занеметь рука по плечо или хотя бы по локоть, ударил в шлем, но герцог умело парировал, лезвие срубило шишак с плюмажем на шлеме.

— Теряете рога, — крикнул я, — старый пес!.. в смысле пес-рыцарь... Шас я вам устрою Ледовое побоище...

Он не отвечал, только парировал мечом, потом уже начал принимать удары на щит, а меч готовить к коварному удару. Я крикнул еще злее:

— А дураков, каких мало, оказывается-то много!

Открывшись, я выманивал на удар, герцог некоторое время сдерживался, подозревая обман, наконец ударил, я быстро вскинул щит, успел подставить его самым краешком, а сам взмахнул мечом, как косарь кошой, готовый герцога перерубить надвое в поясе.

Никогда не думал, что немолодой уже человек способен реагировать и двигаться быстрее молодого. Он понял, что щитом закрыться не успевает, как и парировать мечом, а лезвие моего меча прорубит его доспехи как раз в том месте, где заканчивается край стальной кирасы, а между нею и стальными латами на бедрах только узкая полоска кольчужной сетки...

Он попросту рухнул с коня, и мой меч просвистел над пустым седлом. Я сам едва не вылетел вслед за своим богатырским ударом в пустоту, герцог же поднырнул под конское брюхо и появился с другой стороны, свирепый, униженный, жаждущий мести.

Я замахнулся, однако на меня поперли сразу с десятков южан, со всех сторон сверкают мечи, донесся отчаянный крик сэра Смита. Герцога оттащили назад почти

силой, а я вертелся в седле, как уж на сковородке, рубился во все стороны, в ушах — постоянный звон, грохот, крики, ржание.

— Сэр Ричард!

Я оглянулся на отчаянный предупреждающий крик. На стороне южан только двое все еще держатся в седлах, в то время как из нашего отряда — я один, все остальные сражаются пешими. Огромный южанин в сверкающих голубых доспехах, настоящий южанин, а не просто принадлежащий к отряду южан, повернул коня и кинулся на меня со спины с поднятым мечом.

У меня похолодели внутренности: это тот самый Вальтер, вассал Грюнвальда, его еще называют неуязвимым. В это поверить нетрудно, глядя на доспехи, толстые, как наковальни, а сам Вальтер на полголовы выше меня, шире и намного массивнее. Он вскинул над головой меч, в полтора раз длиннее моего, что-то прокричал хрипло и неразборчиво.

— Хорошо, — ответил я бодро, ведь на меня смотрят, хотя холод пробрался во внутренности и превращает в глыбу льда кости, — не надо за тобой гоняться... Зайчик!

Зайчик все понял, едва я успел собраться, как он ринулся навстречу врагу словно пушечное ядро. Раздался лязг, грохот, меня тряхнуло так, будто налетели на стену. Издали донеслось «ах!» из тысячи глоток зрителей, а Зайчик остановился как вкопанный. Вальтер вместе с конем был отброшен чудовищным толчком и, дважды перекувыркнувшись, медленно поднялся на ноги.

Я поколебался, сейчас в пылу схватки вполне можно драться конному с пешим, но на меня устремлены взгляды сражающихся, что на это время прекратили схватку, и взгляды зрителей с обеих сторон поля.

— С нами Бог! — вскрикнул я погромче. — Так кто же против?

Зайчик посмотрел укоризненно, когда я спрыгнул, хлопнул по крупу, мол, уходи, и с оголенным мечом по-

вернулся к Вальтеру. Дрожь прошла по телу: без коня он еще выше, громаднее и массивнее. Я встал в позицию, лихорадочно соображая, где же у этого монстра слабые стороны, он же меня убьет с одного удара...

Вальтер вскинул щит, у меня от удара занемели пальцы на рукояти меча, хотя бил не в полную силу. Вальтер, надвигаясь, молча подставлял под мои удары щит, иногда небрежно парировал мечом, что не только длиннее, но и шире. С обоих склонов холмов неся неумолчный крик, кого-то подбадривали, там орут в полной уверенности, что мы сражаемся как львы, а на самом деле Вальтер остается непоколебим, как скала, а я чувствую себя щенком, нападающим на огромного медведя.

Если Вальтер и уступает мне в скорости, так должно быть по логике, ведь он вдвое массивнее, то я этого не заметил: двигается так же быстро, как я, если не быстрее, к тому же неспешно изучает мои обезьяньи прыжки, сам готовится к смертельному удару...

— Что, гигантопитек, — выкрикнул я, тяжело дыша, — страшно? Душа в пятки?

Он прорычал что-то, длинный меч взлетел над головой. Я с трудом уклонился, а второй удар рискнул принять на щит. Если бы не пустил по скользящей, щит разлетелся бы вдребезги, но и так рука онемела почти до плеча.

— Слабак, — сказал я обвиняюще, — ладно, шас я тебе покажу...

Я обрушил на него град ударов, он почти не защищался, мой меч беспомощно звенел о его доспехи, выкованные незнаемо кем, но я в отчаянии не увидел после своих сокрушительных ударов ни единой царапинки. В то же время сам я едва успевал уворачиваться от его длинного меча, широкое лезвие рассекает воздух совсем рядом с моим лицом.

И все же Вальтер наносил удары, как мне показалось, несколько раздраженно, а один раз остановился и

повел плечами, как будто пытался почесать лопатками спину. Мы оба взмокли, вспотели, я отчетливо видел, как сквозь щели доспехов Вальтера пробиваются струйки пара. Наконец он раздраженно поднял забрало, словно в жесте неимоверного презрения к противнику, так все и поняли. Только я увидел вблизи, что он хрипит, задыхается, глаза ввалились, челюсти сомкнуты так, словно он сдерживает сильнейшую боль. В момент передышки я торопливо заживил рану на левом плече, слабость качнула только на миг, в следующее мгновение я сделал шаг вперед и нанес осторожный удар.

Вальтер, к моему удивлению, закрылся щитом. Осмелев, я нанес два быстрых удара, не слишком сильных, только чтобы обозначить свою активность, щит держу наготове, и, едва Вальтер вскинул страшный меч, я торопливо закрылся, а в момент удара повернул щит под острым углом, чтобы удар соскользнул, да еще и отдернул.

К моему изумлению, Вальтер едва-едва не завалился вперед. Он выпрямился явно с трудом, дыхание вырывается шумное, с тяжелыми хрипами. Послышался стон, я решил, что почудилось, пока что я даже не поцарапал его ахилловы доспехи, с некоторой осторожностью шагнул вперед и, прикрываясь щитом, нанес один за другим три быстрых удара, а когда Вальтер лишь закрывался, с трудом двигая щитом, я осмелел и ударил со всей силой, какую удалось накопить в измученном теле.

Вальтер пытался закрыться щитом, но не успел поднять, то ли я двигаюсь ну просто молния, то ли он как замерзающая в Антарктиде старая черепаха с Галапагосских островов: лезвие мелькнуло над самым краем щита и с оглушающим звоном по косой линии врубилось в шлем.

Я сцепил зубы, пальцы занемели, вот-вот выроню меч, однако Вальтер содрогнулся, я с изумлением и ликованием увидел глубокую зарубку, из которой проступили первые капли крови, темные, густые, похожие на смолу.

— Сдавайся, — прохрипел я.

Вальтер тяжело шагнул в мою сторону. Из щелей в доспехах уже не струйки пара, а сухие фонтанчики дыма: сперва почти прозрачные, перегретый воздух, затем с синим оттенком, а сейчас уже черные, как грех быть демократом!

— У нас горят на работе, — сказал я хрипло, — а у вас когда бьют?

Он замахнулся, я легко уклонился от сверкающего лезвия, только его меч и блеснит, как блестел, в то время как доспехи потемнели, словно закопченные. Широкая пластина на груди даже как-то смялась, покорибилась. Я сделал обманное движение и ударил сверху в шлем, в последний миг успел увидеть, как на плече раздвинулись массивные пластины, и меч мой послушно врубился точно в крохотную, не шире волоса, щель.

Страшный рык вырвался из закрытого шлема. Вальтер остановился и отчаянно мотал головой, словно пес, что выбрался из реки и вытряхивает из ушей воду. Пластины на плече раздвинулись, обнажив глубокую рану. Обильно хлынула кровь. Что-то показалось мне странным, даже не то, что на плотном теле все-таки удалось оставить глубокую зарубку: любой сучковатый пень уже разлетелся бы на две половинки, а странно, что кровь кипит и пузырится, совершенно черная...

Да, я знаю, что настоящая кровь — темно-красная, почти черная, это в кино разливают сок клюквы, чтобы красивше, но сейчас из раны выползает просто кипящая смола, так не должно быть даже у этого монстра...

Он зарычал, остановился и начал срывать с себя доспехи. Стальные пальцы рвали металлические листы, словно гнилой холст. Я ахнул, увидев изъеденное страшными язвами тело, словно Вальтера заживо окунули в серную кислоту. Одежда на нем истлела, я остолбенел при виде лохмотьев металлической кольчуги, она все еще покрывала ключьями плечи, часть влипла в окровавленный бок...

Это кольчуга, понял я внезапно, сжигает его, словно

сильнейшим ядом. Слишком знакомая кольчуга, знакомая вязь, знакомый синеватый оттенок крупных колец...

Вальтер, не прекращая рев, исполненный жуткой муки, упал, грохнуло, лязгнуло, пара пластин отвалилась и покатилась по вытоптанной земле. Толстый панцирь изъеден до дыр жутким ядом, человеческая плоть шипит, как на раскаленной плите, дымится, обнажились толстые желтые кости.

Я опустил меч и тупо смотрел на дергающегося в муках гиганта. Не укради, сказала церковь. А ты, Вальтер, запятнал не только рыцарскую честь, но и бытовые человеческие законы. Понимаю, очень уж хотелось вбить меня в землю по уши. Или по ноздри. В последний день вдруг засомневался в своей несокрушимости: когда-то вереница побед может и оборваться! И вот украл... или принял украденную вещь, что почти одно и то же.

На поле вокруг нас такая же мертвая тишина, как и на трибунах. Я обвел взглядом оцепеневшие лица, сразу же началось шевеление. Первыми задвигались и заорали на трибунах, тут же опомнились на арене, засверкали мечи. В мою сторону начала пробиваться четверка южан, во главе — герцог Валленштейн.

Я бросил взгляд на турнирное поле, там еще с десятков сильно потрепанных южан, но наших почти вдвое больше. Сэр Смит ревет, как бешеный бык, его меч мелькает над головой, как легкая тросточка, справятся, я начал отступать, пока не уперся спиной в деревянную ограду.

Глаза герцога вспыхнули ликованием, но я покачал головой, оперся одной рукой и легко перепрыгнул на ту сторону. Он зарычал в бешенстве, оглянулся на своих.

— Убейте!

— Ага, — сказал я злорадно, — сперва догоните!..

Он крикнул обвиняюще:

— Ты не рыцарь!

— Верно, — согласился я. — Паладин — это круче.

Они все подступили к ограде, в руках блестят обнаженные мечи. Я отступил, один уперся обеими руками о

бревну и прыгнул на ту сторону. Мой меч сверкнул, звякнуло железо, я повернулся и бросился вверх по склону. За спиной послышался крик боли, проклятия. Вообще-то я мог бы нанести смертельный удар, эти гады заслужили, но лучше вот так, когда на их руках тяжело раненный, все-таки задержит, а потом кто-то да останется, когда все наконец-то ломанутся за мной.

Я услышал стук подошв раньше, чем ожидал. Оглянувшись на бегу, удивился, с какой скоростью догоняют эти закованные в железо фигуры.

— Ничего, — спросил я, — что турниры не ограничиваются рамками поля?

Вместо ответа герцог взглянул наверх. Торжествующая улыбка раздвинула тонкие бледные губы.

— Чего-то ждете, сэр? — спросил я ехидно.

Он ответил с победными нотками в голосе:

— Я чую десяток драконов в небе!

— Вот и хорошо, — ответил я. — Надеюсь, они разгонят эти мерзкие тучи.

Мы обменялись не больше чем десятком ударов, он медлил, только защищался, а я берег силы, каждый считает, что время работает на него. На землю внезапно упал солнечный луч, разом посветлело. Темная тень, накрывающая землю, прохудилась сразу в нескольких местах, истончилась, исчезла, солнечный свет залил землю.

На галереях ликующе закричали, но я успел заметить проскакивающие размытые тени, легкие, почти незаметные. Отпрыгнув от Валленштейна, быстро взглянул вверх.

В небе кружат драконы. Двое уже повернули в сторону юга и мощно работают крыльями, от остальных к земле тянутся стремительно расширяющиеся конусы чего-то желтого, словно измельченного песка. Этот порошок быстро рассеивался в воздухе, я прикинул, что на землю опустится не раньше чем минут через пять-десять, принял на щит удар меча Валленштейна, улыбка не покидает лицо южанина, я напряг плечи, чувствуя,

как регенерация освежает измученные мышцы рук, принял еще один удар, а затем резко ударил наискось.

Люди на скамьях затихали, переставали подпрыгивать, размахивать руками. Кто откидывался на спинку сиденья, кто оседал в кресло глубже и так засыпал, кто склонялся в сторону, опираясь на соседа, который тоже впадал в глубокий сон, но за считанные мгновения все трибуны затихли, как затихло и на всем необъятном поле, где возник временный городок для снабжения прибывших рыцарей и богатых гостей.

На помощь герцогу выбежали, покинув арену, пятеро рыцарей в сверкающих доспехах. Забрала опущены, щели для глаз закрыты прозрачной пластинкой. У всех в руках обнаженные мечи, в мою сторону бросились молча, без выкриков и оскорблений, очень уж по-деловому.

— Ага, шас, — сказал я.

Задержавшись всего на миг, я постучал ребром правой руки по бицепсу левой, энергично вздергивая кулак кверху, показал, что это я им всем вот прямо сейчас, повернулся и бросился в сторону самого каменистого холма. За спиной наконец-то раздался оскорбленный рев, брань, крики, угрозы. Я красиво перемахнул палисадник, а следом и частокол из бревен, мои доспехи это позволяют, пробежал сотню шагов, оглянулся.

Валленштейн как раз набежал на палисадник, тот разлетелся в щепки, а затем, я не поверил глазам, ударился с разгону о частокол, затрещало, в деревянной стене образовалась дыра. Следом за ним пробежал Клаузенц, а толстый Блэкгарт задел шатающиеся бревна, и весь частокол с этой стороны повалился, словно стена из соломы, на которую подул волк.

— Ого, — сказал я, — ну тогда... держитесь!

Я перевел дух и припустил дальше в сторону леса, там довольно внушительные развалины чего-то древнего, сейчас одни камни, так что в самый раз. Оглянувшись, успел увидеть, как альбигойцы, выхватив из-под ряс мечи, бросились на галерею для знатных. Многие

резали и рубили, начиная с самой первой скамьи, где расположились старшие слуги герцога, оруженосцы и псары, другие молча топтали падающих, обагренных кровью, перепрыгивали широкие скамьи, стремились на самый верх.

Я кивнул настигающему герцогу в их сторону.

— Что, вам такое по нраву?

Герцог ответил в бешенстве:

— Каждый делает свое дело!..

— А почему бы самому не зарезать герцога Ланкастерского и его семью? — выкрикнул я.

Он выругался и попытался достать меня по ногам, но я подпрыгнул, лезвие ударило о камень, полетели искры. Лицо герцога побагровело, в глазах стыд, голубая кровь и белая кость, и хотя все владетельные лорды прибегают к услугам палачей, но сами рук не пачкают, убийц не жалуют, а тут я поймал его в такой гнуснейшей компании...

Средний ряд уже вырезали начисто, а когда добрались до верхнего, там долго и сладострастно работали ножами, как мясники, разделявая туши герцога Ланкастерского и остальных приближенных к нему вельмож и его сторонников. Я выждал, когда со спины подобрался еще рыцарь, отскочил, ударом разрубил ему кисть, меч выпал, я тут же прыгнул на металлическую фигуру, свалил и, перепрыгнув, побежал дальше.

Глава 14

Альбигойцы, завывая как дикие звери, бросились с окровавленными ножами в руках по направлению к Храму Католаунской Девы. Правда, некоторые все-таки ножи спрятали, взамен в их руках появились кирки, молоты, металлические клинья. Отбиваясь и убегая, снова отбиваясь, я наконец увидел, как огромная толпа втягивается в узкий вход, словно колонна разъяренных муравьев.

Я карабкался по руинам выше, герцога с оставши-

мися рыцарями окружили, но поднимались медленно и осторожно. Настолько осторожно, что в конце концов поднимутся во всех сторон разом, тогда уже не помогут ни доспехи Арианта, ни его меч. Я внезапно соскочил, пролетев по воздуху метра полтора, лезвие с размаху опустилось на блестящий шлем.

Звякнуло, меч в руках дернулся, я торопливо сунул его в ножны и, быстро развернувшись, подпрыгнул, ухватился за край скалы и кое-как вполз на уступ. Внизу зазвучал крик ярости в несколько голосов. Я не оглядывался, на этот раз не старался только ранить, быстро переводил дыхание, плечи ноют, а руки трясутся так, что могу выронить меч.

По камням загремело железо. Герцог и двое из оставшихся рыцарей поднимаются с трех сторон. Герцог вскинул голову, шлем он сбросил, лицо мокрое от пота, седые волосы прилипли жидкими прядями.

— Ты не уйдешь, — прохрипел он. — Не уйдешь...

— Ты тоже, — крикнул я. — Сдавайся, дурак!

От великого изумления он даже замер на миг, глаза стали, как у речного окуня, круглые и непонимающие. Я помахал ему ручкой, он зарычал, решив, что издеваюсь.

Втроем прижали меня, я шатался, пот заливал глаза. Руки налились свинцовой тяжестью, организм не успевает регенерировать, а ликование на лицах всех троих южан становится все отчетливее.

Внезапно послышался треск, шум, звон металла, яростные крики. Герцог и Клаузенц отпрянули, торопливо огляделись, только Блэкгарт пытался перетечь не глядя, наткнувшись железной башкой на выступающие камни.

Я с высоты увидел, как из дубовой рощи быстро-быстро выскакивают, блестя металлическими спинами, оружие люди с мечами в руках, с топорами, булавами, палицами, дротиками. Их выплескивало, как будто под землей бурлит фонтан из человеческих тел. Они неслись металлической лавой, чем-то напоминая разъя-

ренных муравьев, таких же целеустремленных, нерассуждающих, одержимых одной только целью: наброситься и растерзать врага.

Герцог и оба рыцаря смотрели остолбенело, с оружием только простолюдины да монахи, впереди с обнаженным мечом в руке бежит рыцарь в дорогах доспехах. За ним девушка с огненно-красными волосами и с огромным черным Псом. Рыцарь первым ворвался в черный вход Храма, а за ним нескончаемым потоком вливались разъяренные монахи и простолюдины. Пес остановился, принялся и огромными скачками понесся в нашу сторону. За ним помчалась, как легконогая лань, рыжеволоска.

— Король во главе народа, — хрипло сообщил я. — Как знаково, да? Его Величество король Фридрих Барбаросса. Сейчас всех альбигойцев... как овец... Герцог Валленштейн и вы двое... я готов принять вашу сдачу в плен...

Все трое посмотрели на меня в ужасе, переглянулись.

Герцог крикнул:

— Это... Этого не может быть!

Я видел, что все трое сейчас набросятся, а меня собьет с ног даже муха, если налетит сослепу, я сказал хриплым голосом:

— Вы еще не поняли?

Герцог остановил жестом Блэкгарта и Клаузенца.

— А что надо было понять?

— Что все ваши планы, — ответил я как можно увереннее, — были раскрыты... одним из вас. Да-да, одним из вас троих! Я не стану указывать пальцем, вы можете догадаться сами.

Пес подбежал к подножию и сел, угрожающе скаля клыки. Его приглушенный рык способен был заморозить адское пламя, а кипящую лаву превратить в наледь.

Трое переглянулись, в глазах уже угрюмая подозрительность. Герцог спросил резко:

— О каких планах речь?

— О попытке вывезти статую Богородицы, — объяснил я. — Думаете, нам неизвестно, зачем кружили драконы? И какой порошок рассеивали? И почему вы, южане, воспользовались фильтрами в шлемах?... И даже почему убрали их через четверть часа?

Они смотрели, медленно бледнея на глазах. Я незаметно напряг и распустил мышцы, едва не заорал от боли, ресурсы исчерпались, надменно смотрел на Валленштейна, когда он сказал уже не так резко:

— Кто выдал?

Я усмехнулся.

— Я же сказал, один из вас. А вы, герцог, догадайтесь.

Он повернулся к оставшимся двоим, те тяжело дышали и смотрели на меня с ненавистью. Герцог вскрикнул:

— Сэр Клаузенц, неужели вы?

Рыцарь помотал головой.

— Мне это зачем?

Герцог перевел горящий взор на Блэкгарта.

— Вы?

— Я? — удивился рыцарь. — Как будто я что-то получил бы...

Герцог вдруг взревел:

— Ты получил! Откуда это золотое кольцо?

Его меч блеснул, лезвие вошло в бок рыцаря легко, попав в зазор между стальными пластинами. Блэкгарт охнул, выронил меч и обеими руками ухватился за рану. Я засмеялся, покачал головой.

— Не тот. Вот этот в рогатом шлеме и рассказал нам все. Сэр Клаузенц, расскажите одураченному простаку, как мы все это красиво разыграли... А теперь этому дураку конец...

— Нет! — взревел герцог.

Клаузенц не успел открыть рот, как герцог нанес сокрушающий удар. Клаузенц закрылся щитом, тот разлетелся вдреизг. Лезвие ударило по шлему, но не расколо,

однако Клаузенц повалился навзничь. Я дождался, когда герцог нанес смертельный удар, перевел дыхание.

— Я же сказал, что не вам, герцог, со мной тягаться. Эти двое были вам верны, аки псы гавкающие, но... что сделано, то сделано.

Он тяжело дышал, опираясь на меч и едва не падая. Хрипы становились все надсаднее, он наконец обеими руками схватил шлем, с усилием содрал с головы и отшвырнул в сторону. Лицо исхудало, в глазах я увидел выражение загнанного зверя.

— Фильтры... — простонал он запоздало. — Ты знаешь такое слово?

Я отмахнулся.

— Это неважно, что я знаю побольше вас, сэр, и всего вашего шобла. Важно то, что сейчас всех альбигойцев режут, как свиней. Храм окружен, ни один не ускользнет, а внутри бойня!.. Это наш план, а не ваш, чтобы не вылавливать всех альбигойцев по королевству, а собрать в одно место, где и вырезать на фиг. Вы с самого начала были пешками... в наших руках, ессно. Там у себя вы ходите королями, кажется такими мудрыми своим козам и коровам...

Герцог побледнел как смерть.

— Этого... не может быть!

— Потому что не может быть никогда, — закончил я. — Знаете, герцог, я не обещаю вам женевских конвенций, но и вешать не стану... вот так сразу. Сдавайтесь.

Из развалин в нашу сторону спешили двое рыцарей-южан. Завидев герцога, они ликующе заорали, заспешили к своему сюзерену. Герцог поспешно подхватил шлем и надел. Пес предостерегающе зарычал. Я крикнул подбежавшей Фриде, чтобы держала Пса. Все трое южан ринулись со всем пылом, но я уже успел хотя бы наполовину восстановить силы, а их слишком потрясло крушение всех планов: двумя ударами поверг одного, отразил яростный натиск второго и всадил в сочленение между кирасой и наплечной пластиной острие меча.

— Сдавайтесь, — повторил я торжествующе. — Сколько вас было, дюжина?..

— Иногда один стоит больше, — прорычал герцог.

Годы упражнений и годы сражений не дали действовать вслепую: он осыпал меня таким градом умелых ударов, что я долго искал щель для моего меча. Герцог дерется безупречно, великий мастер, если не величайший. Я уже задыхался от усилий сдерживать его натиск, как вдруг услышал слишком частое дыхание. Взмахи меча герцога как будто чуточку замедлились, я воспрянул и, несмотря на изнеможение, сам начал двигаться на пределе сил, осыпать встречными ударами.

Герцог перешел к обороне, я уже видел, что это не хитрость, в самом деле нет сил, но все равно осторожничал. И только когда уверился, что герцог едва держит меч, сильным ударом сшиб с него шлем. Герцог зашатался, опустился на колени. Я боковым ударом вышиб стальное лезвие из его руки. Меч зазвенел и упал рядом, я ногой отшвырнул в сторону.

Я услышал ликующий крик Фриды, громовой рык Пса. Герцог упал на бок, я пинком развернул его на спину, кончик острого меча коснулся обнаженной шеи.

— Вот и все, — прохрипел я. — Вы еще можете сохранить шкуру, герцог. Сдавайтесь!

Он лежал неподвижно, крупные капли пота катились по бледному изможденному лицу.

— А как же рыцарская честь? — прошептал он.

Я скривил губы.

— О какой чести говорит человек с Юга? Разве не экономика правит миром?.. А то и вовсе — фрейдизм и прочее нижепоясное? Сдавшись, вы получите шанс потом вернуться на свой сраный Юг живым и здоровым, а уцелевание разве не главное для южанина? Даже если здесь придется в дерьме ползать и дерьмо есть, но по возвращении разве не отмоетесь, не отожретесь?.. Еще и героем станете при вашем-то строе...

Он смотрел пристально, словно стараясь понять мои слова. Бледные губы шелохнулись.

— Что вы можете знать о нашем строе...

— Примитивные формации, — отрезал я, — изучены еще в младших классах... при монастырях, ессно. Ваша — примитивнейшая из примитивных, ибо нижепоясная. Хотя, признаю, очень живучая и цепкая, пронырливая и не стесняющаяся в средствах. А за нефть так вообще... Потому просто не сомневаюсь, что сейчас сдадитесь, примете сумму выкупа, которую изволю измыслить, ибо жизнь дороже любых богатств...

В его глазах что-то изменилось, после паузы проронил:

— У меня дома жена, две дочери. Я не могу лишиться их средств к существованию.

— Думаю, сторгуемся, — ответил я холодно. — Я тоже понимаю кое-что в экономике. Даже в политической, хоть ее преподают в старших классах. Итак, сдайтесь?

Он прошептал:

— Да... Но будь я проклят, если когда-нибудь мог предположить, что доживу до такого позора!

— Мордой к земле, — скомандовал я. — Руки за спину!

Достаточно умело, словно всю жизнь вязал пленных, я сорвал с него перевязь и жестко стянул руки за спиной. Он с трудом повернулся, сел, на лице — искреннее изумление.

— Разве мало моего слова чести?

— Вы из другой формации, — напомнил я, — поклоняетесь Желтому Дьяволу. Вам насрать на слово, если не заверено юристами в двух экземплярах. И если не подтверждены санкции в случае нарушения. Я же сказал, в экономике разбираюсь!

На его лице проступило негодование, патетическое изумление, но вместе с тем я заметил нечто вроде уважения, словно я чаянно или нечаянно попал в самую

точку: что стоит нарушить слово, данное противнику-дикарю? Все равно если бы наши заокеанские герои таким же образом ускользнули из вьетнамского или иракского плена! Дома еще и медаль бы дали за «военную хитрость».

— Покажите руку! — потребовал я.

Он повернулся спиной, на пальцах связанных рук блеснули кольца и перстни. Я ухватил одной рукой за кисть, другой с силой стащил массивный перстень с фамильным гербом раньше, чем герцог опомнился.

— Это грабеж, — вскипел он. — Вы не рыцарь, а разбойник!

— Не вам говорить о рыцарской чести, — напомнил я. — Мне кое-что рассказали о вас... Не только о женщинах, которых вы бесчестили. Так что не надо.

Он стиснул челюсти, в глазах гнев и в то же время мучительный вопрос: раз уж собрался грабить, почему не отобрал остальные кольца?

Храм окружала ликующая толпа. По призыву настоятеля монастыря люди опустили на колени и начали молиться, чтобы Господь был милосерден и принял для суда этих проклятых еретиков. После молитвы в нашу сторону направилась группа всадников. Во главе едет король без шлема, к нему подбежал один из монахов и протянул золотую корону. Мне показалось, что лицо короля горит как солнце, а вокруг головы полыхают протуберанцы.

Он на ходу выровнял сильными пальцами вмятину от удара, который раскроил герцогу Ланкастерскому череп, надел на голову. У храма ликующе закричали.

Я перестал гладить Пса, встал. Король остановил коня, взгляд его скользнул по раздуряившейся Фриде, остановился на связанном пленнике.

— А, герцог Валленштейн... Вот уж не думал, что падете до такого... Не отпирайтесь, мне все известно.

Герцог хмуро промолчал. Король обратил пылающий взор в мою сторону.

— Сэр Ричард... мы многим обязаны вашему участию. И тому, что все вернулось на круги своя. Злодеи повержены, невинность восстановлена, ангелы да возрадуется на небесах. Пока мне не начали подсказывать, как поступить с вами, я... помня, что вы пока что без титула, жалую вас виконтом.

Герцог Валленштейн пренебрежительно фыркнул. Король пристально смотрел в мое лицо.

— Что скажете, сэр Ричард? Даже губы не дрогнули от обиды. Почему?

— А что стряслось? — поинтересовался я.

Он пояснил тише:

— Любой негодовал бы, что жалую не графом, а то и герцогом, — всего лишь виконтом.

— Я не любой, — ответил я многозначительно.

Он кивнул, взгляд стал очень серьезным.

— Чувствую. И то, что титул виконта для вас ничего не значит. Но не хочу, чтобы вы думали обо мне плохо.

Я широко ухмыльнулся.

— Не надо объяснять, Ваше Величество. Дураку ясно, что дали так мало... из симпатии. Вы ведь не последний дурак, Ваше Величество, в вашем королевстве есть и подурнее. Более того, их много. Начнут завидовать, что из простого рыцаря скакнул так высоко. Начнутся козни... А вам меня так жалко, так жалко! Вы ж такой добрый, вон чуть слезу чугунную не выронили.

Он смотрел внимательно, в глазах росло удивление. Глубоко вздохнул.

— Что за человек, все разгадываешь!.. Даже неинтересно. Ты прав, хоть я все еще не верю в твою искренность. Ничего, что на «ты»? Да знаю, что против, ну тогда я по праву убежденного седины. Пусть лучше спрашивают, почему дал всего лишь виконта, и ругают за скупость, чем скажут, что из грязи да в князи... со свиным рылом. Пожи-

ви чуть, пусть привыкнут, что виконт, а через пару лет, клянусь, дам графа. Вместе с графством!

От турнирного поля ковылял, хромая и опираясь на меч, сэр Смит. Его жутко раскачивало, словно идет по палубе кораблика в открытом море, доспехи выглядят так, словно по ним с неделю лупили кувалдами крепкие молотобойцы. Кровь стекает по левой щеке, громадный кровоподтек под правым глазом, а разбитые губы безобразно распухли. Фрида с трудом удержала Пса, что готовился дружески прыгнуть рыцарю на грудь.

— Сэр Ричард... — прохрипел он. — Сэр Ричард... Мы... победили!

— Поздравляю! — сказал я с чувством.

Он пошатнулся, его подхватили с двух сторон.

— Сэр Ричард, — сказал он виновато, — судьи признали победителем турнира... меня.

— Поздравляю, — повторил я. — Теперь у вас Золотой Шлем?

— Сегодня вручат... но, сэр Ричард...

Он запнулся, я подошел, обнял, но лечить не стал, хоть и христианин, но не настолько, чтобы падать без чувств, передав здоровье другому.

— Значит, — подытожил я, — у вас есть пропуск на Юг. Это хорошо. Возможно, еще увидимся.

Он опешил, глаза стали круглыми, как у птицы.

— Но... а как же вы...

— У меня есть тоже, — ответил я скромно. — Уже есть.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ I

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	27
Глава 4	35
Глава 5	47
Глава 6	56
Глава 7	67
Глава 8	75
Глава 9	85
Глава 10	89
Глава 11	97
Глава 12	107
Глава 13	114
Глава 14	125
Глава 15	155
Глава 16	166
Глава 17	174
Глава 18	182
Глава 19	189
Глава 20	197
Глава 21	213
Глава 22	222

ЧАСТЬ II

Глава 1	231
Глава 2	242
Глава 3	253

Глава 4	265
Глава 5	273
Глава 6	281
Глава 7	287
Глава 8	297
Глава 9	304
Глава 10	310
Глава 11	320
Глава 12	328
Глава 13	336

ЧАСТЬ III

Глава 1	346
Глава 2	356
Глава 3	364
Глава 4	373
Глава 5	384
Глава 6	390
Глава 7	403
Глава 8	412
Глава 9	420
Глава 10	428
Глава 11	438
Глава 12	445
Глава 13	457
Глава 14	467

Литературно-художественное издание

Орловский Гай Юлий
РИЧАРД ДЛИННЫЕ РУКИ — ВИКОНТ

Ответственный редактор *Д. Малкин*
Редактор *Е. Тагирова*
Художественный редактор *А. Стариков*
Технический редактор *О. Куликова*
Компьютерная верстка *Т. Жарикова*
Корректор *Н. Митрофанова*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18, корп. 5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.**

Оптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
ООО «ТД «Эксмо», 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д.1. Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16,
многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (095) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (095) 745-89-15, 780-58-34.
www.eksmo-kanc.ru e-mail: kanc@eksmo-sale.ru

**Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо» в Москве
в сети магазинов «Новый книжный»:**
Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12
(м. «Сухаревская», ТЦ «Садовая галерея»). Тел. 937-85-81.
Москва, ул. Ярцевская, 25 (м. «Молодежная», ТЦ «Трамплин»). Тел. 710-72-32.
Москва, ул. Декабристов, 12 (м. «Отрадное», ТЦ «Золотой Вавилон»). Тел. 745-85-94.
Москва, ул. Профсоюзная, 61 (м. «Калужская», ТЦ «Калужский»). Тел. 727-43-16.
Информация о других магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Книжный супермаркет» на Загородном, д. 35. Тел. (812) 312-67-34
и «Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо»:
В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. отдела реализации (812) 265-44-80/81/82/83.
В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.
В Казани: ООО «Н КП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (8432) 70-40-45/46.
В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9.
Тел. (044) 531-42-54, факс 419-97-49; e-mail: sale@eksmo.com.ua

Подписано в печать 25.03.2005.
Формат 84x108¹/32. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Бумага тип. Усл. печ. л. 25,2. Уч.-изд. л. 20,9.
Тираж 35 000 экз. Заказ № 599.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов в ОАО «Тульская типография».
300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.

СТРАНА ИГР

160
СТРАНИЦ
2 РАЗА
В МЕСЯЦ

**Вы первыми узнаете,
во что все будут
играть завтра**

В МИРЕ ЕЖЕДНЕВНО ВЫХОДЯТ ДЕСЯТКИ ИГР
НА САМЫХ РАЗНООБРАЗНЫХ ПЛАТФОРМАХ:
PC, PLAYSTATION 2, XBOX, GAME CUBE, GBA.

МЫ ПОМОЖЕМ ВАМ РАЗОБРАТЬСЯ

В ЭТОМ КРУГОВОРОТЕ

И СДЕЛАТЬ ПРАВИЛЬНЫЙ ВЫБОР

ISBN 5-699-10881-5

9 785699 108817 >

Фич@рдэ

Длинные Руки —
виконт

